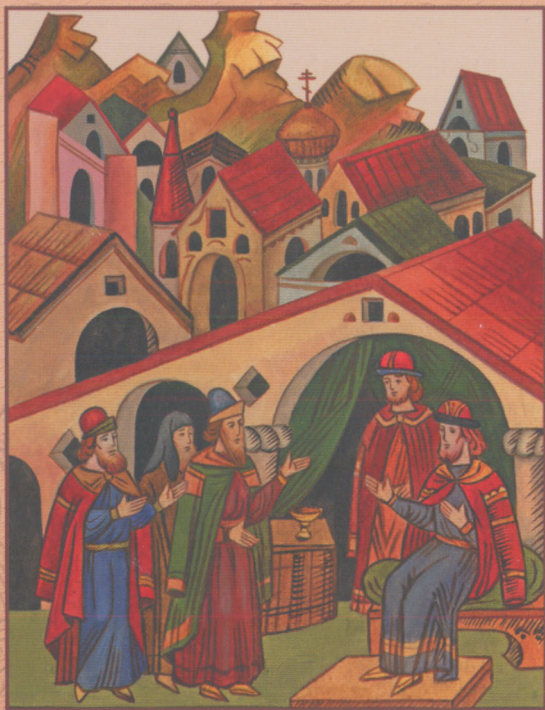

А. РЕЧКАЛОВ

КТО ТЫ РУСЬ

ПЕРВЫЕ ВРЕМЕНА И
ПЕРВЫХ КНЯЗЕЙ
ВСПОМИНАЯ

ЄВРОПА В ІХ-ХІ СТ.

Масштаб 1 : 25 000 000

Княжий знак Святослава Ігоревича

Скандинавські країни – батьківщина норманів

Кордони

Походи норманів у ІХ-ХІ ст.

Кордони

Выражаю свою искреннюю благодарность компании «Астелит» (оператору мобильной связи life:) за финансовую поддержку, благодаря которой эта книга увидела свет. Замечательно, что компания, в которой я работаю, поддерживает своих сотрудников не только в профессиональных, но и в творческих начинаниях.

Также благодарю ЗАО «Институт передовых технологий» (г. Киев) за любезно предоставленную лицензию на использование размещенных в книге карт.

Р46 Речкалов А. П.

Кто ты, Русь: первые времена и первых князей вспоминая... —
К.: Книга, 2007. — 304 с.
ISBN 978-966-8314-31-5

Древняя Русь, Украина, Россия... Тесное переплетение этих понятий в сознании многих поколений наших соотечественников по сей день создает благоприятную почву для существования идеологического мифа о единой стране и едином народе, якобы вышедшем из недр средневековой Киевской державы. Излагая в общедоступной, доброжелательной манере обширные исторические сведения, автор возвращает читателей к таким простым и, казалось бы, очевидным истинам как происхождение и местонахождение Руси, язык и этнический состав ее населения и правящей династии; на примере судеб короля Руси Даниила Галицкого и великого Владимиро-Суздальского князя Александра Невского предлагает совместно поразмышлять о причинах и истоках различных исторических путей украинского и русского народов.

Книга адресована всем, кто неравнодушен к историческому прошлому Украины.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателям	4
Раздел I. « Откуда есть пошла Руская Земля»	7
Введение	8
Сколько на Руси было языков?	13
«Чьи вы, хлопцы, будете?»	32
«Эти веселые, стройные, отважные господа с Севера»	61
Так что же такое «Русь»?	89
Подведем некоторые итоги	109
Раздел II. Данило Галицкий и Александр Невский.	
Два пути, две судьбы	111
Необходимые пояснения	112
Король Руси Данило Галицкий	120
Князь Александр Невский	205
Послесловие	286
Библиография	298

К ЧИТАТЕЛЯМ

Для автора этой книги, не являющегося ни профессиональным историком, ни публицистом, решение о ее написании было достаточно неожиданным. Как человек, получивший гуманитарное образование, а вместе с ним и определенные исторические знания, я всегда имел интерес к прошлому нашего Отечества, но это увлечение никогда не переросло в желание высказаться публично.

Исповедовавшийся советской исторической наукой тезис о едином происхождении трех братских народов — белорусского, русского и украинского — из единой колыбели Киевской Руси в прежние времена не вызывал у меня недоверия. Для человека, родившегося и выросшего в России, а большую часть взрослой жизни прожившего в Украине, это утверждение представлялось единственно правильным в силу заложенной в него бесконфликтности. Картину несколько портил присвоенный русскому народу титул "старшего брата", но особых спекуляций властей или публицистики вокруг этой идеи не было, а "старшинство" русских при желании можно было истолковать как синоним их большей численности.

С распадом Союза теория "единой колыбели" рухнула. В новых исторических реалиях казавшаяся аксиомой идея единого происхождения и единой истории не могла более скрывать свою слабую сторону — отсутствие достаточных доказательств и была отброшена как российской, так и украинской стороной. Сложившиеся между Украиной и Россией после обретения ими независимости очень не простые отношения со всей очевидностью показали, что разделом территории и населения дело не ограничится — мы стали делить историю.

Дело это оказалось очень увлекательным, в него с азартом включились как политики и публицисты, так и историки обеих сторон. Нет нужды говорить, что в этой полемике аргументы зачастую подменяются оскорблениями, а объективные данные — эмоциями. Для меня, и полагаю для очень многих украинцев и россиян, с равным уважением относящихся к той и другой стране и народам, эта крикливая перебранка не доставляет ни удовольствия, ни повода для серьезных размышлений. Очевидно, что дискуссия эта надолго — мировая история знает немало гораздо менее значимых событий и личностей, из-за принадлежности которых к прошлому того или иного народа столетиями спорят различные страны. Остается

только надеяться, что со временем накал страстей спадет и спор переместится с газетных полос и телевизионных экранов в спокойное научное русло.

А пока за эмоциями и звонкими фразами многочисленных публикаций многое оставалось неясным. Прежние знания не помогали, новые предлагали слишком противоречивые и категоричные выводы. Становилось все более очевидным, что для восстановления скольконбудь целостного понимания отечественной истории необходим самостоятельный поиск информации и её осмысление. Одновременно крепло понимание, что нельзя двигаться дальше в размышлениях о судьбах наших народов, не ответив для себя на два вопроса: были ли когда-либо предки белорусов, русских и украинцев единым народом? Когда и почему исторические пути наших народов впервые разошлись?

Для получения ответов на эти вопросы информацию пришлось искать у самых разных авторов, от классиков русской истории до современных украинских и российских авторов. В ходе поисков пришлось заново задуматься над тем, что означает понятие "Русь" и его отношением к предкам нынешних русских и украинцев, выяснить на каком языке говорили средневековые киевляне, обратиться к жизни и деятельности великих государственных деятелей Руси XIII века короля Даниила Галицкого и великого князя Владимиро-Суздальского Александра Невского. Результатами этих поисков и размышлений мне и захотелось с вами поделиться.

Автор не претендует на какие-либо сенсации или открытия — это дело профессиональных историков. Все изложенные здесь факты опубликованы в общедоступных (я специально обращаю на это внимание) изданиях, и трудность состояла только в том, чтобы собрать их вместе и расположить в последовательности, которая и позволила придти к более или менее убедительным выводам.

В соответствии с обозначенными выше проблемами книга разделена на два раздела. Чтобы не быть постоянно связанным какой-то одной темой, для своего повествования я избрал форму очерков и старался не злоупотреблять давно известными истинами.

И еще одно. В ходе работы я невольно обратил внимание на один аспект упомянутой выше полемики между украинскими и российскими историками — ведется она по правилам диалога глухого со слепым. Российские авторы, имеющие подавляющее превосходство в финансовых и технических возможностях, ведут массированное наступление на украинском рынке с помощью русскоязычных средств

массовой информации, печатных и интернет изданий. Частенько они не утруждаются новыми доказательствами и действуют в рамках исторической традиции, заложенной еще Н.М. Карамзиным. В то же время, в редких, издающихся малыми тиражами работах украинские авторы пытаются полемизировать со своими российскими оппонентами, зачастую приводя интересные, не публиковавшиеся ранее сведения и документы. Естественно, что в своей стране они пишут на украинском языке, что дает россиянам, никогда не отличавшимся любовью к "братским" языкам, возможность попросту игнорировать их доводы. Никакой полемики на самом деле нет, каждая сторона говорит о своем.

Интересы профессионалов в этой ненормальной ситуации меня волнуют меньше всего — при желании они всегда найдут способ понять друг друга. Меня тревожит то обстоятельство, что для читателей, искренне желающих разобраться в сложнейших вопросах нашего исторического прошлого, но не владеющих, к сожалению, украинским языком, возникает серьезная проблема с доступом к информации, появление которой в российских изданиях невозможно или маловероятно. Так, полную биографию короля Руси Данилы Галицкого без труда можно найти на украинском языке, но вряд ли стоит ожидать ее появления у российских авторов — слишком уж очевидна связь проводившейся Данилой политики с историческим наследием украинского народа.

В своей работе я попытался хотя бы частично восполнить недостаток такой информации для читателей, которые по той или иной причине не могут получить ее из оригинальных работ на украинском языке. В коротких очерках невозможно передать всю глубинную аргументацию и изложить все доводы уважаемых авторов, да я и не ставил перед собой такой цели. Для меня было важно, чтобы люди, которые искренне верят в будущее независимой Украины, могли опереться в своей вере на факты, подтверждающие, что наш выбор не был случайным. Я буду рад, если хоть в малой мере облегчил кому-то доступ к таким знаниям.

А. Речкалов

I

"Откуда есть пошла Русская Земля"

ВВЕДЕНИЕ

Такова уж видимо наша судьба, что всякий раз, когда возникает необходимость рассмотреть какую-либо проблему, имеющую исторические корни, всегда приходится обращаться к самому началу, к вынесенной в заголовок этого раздела великой фразе. Казалось бы, исчерпывающий ответ на вопрос: "Откуда есть пошла Русская Земля?" дал сам его автор — Нестор Летописец еще в начале XII столетия, но с тех пор бесчисленное количество исследователей пытается отвечать на него вновь и вновь. Причины столь долгого обсуждения истоков происхождения Руси и ее народа лежат не только в сложности проблемы и ограниченности сведений, но и в политическом и идеологическом влиянии со стороны государства, не раз вмешивавшегося в, казалось бы, чисто научную дискуссию.

С образованием независимых государств — Беларуси, России и Украины — вопрос о происхождении Руси и формировании на вошедших в ее состав территориях средневекового государства вышел из абстрактной научной сферы и приобрел конкретное практическое значение: к какому времени отнести, с какого момента исчислять возникновение государственности у народов этих стран? Высомерно-насмешливая позиция многих российских политиков, уверяющих себя и своих "незалежных" соседей, что украинцы никогда не имели собственного государства, может удовлетворить разве что ее авторов. Если мы все родом из Руси, которую повсеместно, но без всяких к тому оснований, называют Киевской Русью, то уже как минимум наши народы имели совместный исторический опыт построения государства более тысячи лет назад. Полное отрицание опыта государственного строительства у украинского народа означает отрицание его права на историческое наследие средневековой Руси, на территории которой этот самый народ проживал и проживает. Казалось бы, сама абсурдность такой постановки проблемы должна была бы остановить самых агрессивных российских авторов, но, к сожалению, этого не происходит. Все чаще можно столкнуться с утверждениями, аналогичными заявлению автора книги "Рюриковичи. История династии" Е.В. Пчелова. Характеризуя символическое значение родовой эмблемы Рюриковичей — тризуба, он делает многозначительную оговорку: "Теперь он является гербом независимой Украины, которая претендует на древнерусское историческое наследие".

Как видите, речь здесь идет уже обо всем историческом насле-

дии Руси, право на обладание которым украинцам предлагается еще доказать. И это только одна из самых мягких формулировок, которые позволяют себе российские авторы. Вести с ними полемику в предлагаемой ими плоскости излишне, но обращает внимание скрытый подтекст подобных утверждений. Суть этого подтекста состоит в том, что Русь — это только и исключительно русский народ, украинцы к Руси отношения не имеют. Так мы сталкиваемся с очень серьезной и совсем не надуманной проблемой: были ли когда-либо предки белорусов, русских и украинцев единым народом? В ответе на этот вопрос лежит ключ для определения наследника или наследников культурно-исторического достояния средневековой Руси.

Проблема эта далеко не новая. На вопрос об этническом составе Руси — была ли это единая древнерусская народность или отдельные этносы предков белорусов, русских и украинцев — историки пытаются ответить давно. Российские историки Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский освещали историю Руси как первый период существования Российского государства, при этом праукраинцы и прабелорусы изображались не как отдельные этносы, а как ветви единого русского народа. Не трудно догадаться, какая из этих ветвей была главной, трансформировавшись со временем в понятие "старший брат". В отличие от указанных авторов, М. Погодин заявлял, что в Киеве к XIII ст. жили русские, которые после татарского нашествия эмигрировали на Верхнюю Волгу, а на их место из Галиции и Волыни пришли неизвестно как там появившиеся украинцы.

Иной подход к решению проблемы этнического состава Руси заложил М. Грушевский. Он отстаивал идею, что Киевское государство, его законодательство и культура были созданы "украинско-русской" народностью, а Владимиро-Суздальское княжество и Московское царство не были ни наследниками, ни преемниками Киевского государства и созданы на своем собственном корне усилиями "великорусской" народности.

Официальная советская историческая наука до середины 30-х годов прошлого столетия рассматривала этнические процессы в Руси с позиций, близких к концепции М. Грушевского. Однако в послевоенный период утвердилась и надолго заблокировала научную разработку проблемы этнического состава Руси теория единой древнерусской народности. Она была одобрена партийным руководством, так как, по мнению последнего, содействовала укреплению внутреннего

единства СССР. Так появилась пресловутая идея "колыбели трех народов". И хотя она вызывала серьезные критические замечания, теория единой народности была безоговорочно признана исторической наукой и добросовестно обрабатывалась вплоть до распада Союза.

Основные ее положения сводились к тому, что в Киевском государстве сформировался единый литературный язык как язык государственного управления, законодательства, литературы и культуры; укоренились единые традиции, обычаи, юридические нормы; консолидировался слой высшей знати Руси, во главе с династией Рюриковичей и эта знать не разделяла себя этнически, появилось единое этническое сознание — летописцы говорят о Руси как о совокупности всех земель-княжеств, все восточнославянское население органически приняло этноним "русский", "русич".

Однако, если судить по публикациям последних лет, теория единой древнерусской народности отброшена большинством как российских, так и украинских авторов. Отброшена она, разумеется, из различных соображений. Российские историки и публицисты во многом вернулись на позиции М. Погодина, отрицая причастность украинского народа к историческому наследию Руси. Украинские авторы сосредоточились на разработке идей, близких к теории М. Грушевского. Таким образом, по сути, обе стороны согласились с тем, что население средневековой Руси не было единым в этническом плане.

И тут все основные постулаты отечественной истории, внесенные в наши головы вместе с теорией единой древнерусской народности, из очевидных и, казалось бы исчерпывающих ответов, прекратились в вопросы: как называло себя население, жившее на территории Руси, на каком языке оно говорило, считало ли само себя единым народом и т.д.? Попробуем рассмотреть эти вопросы в надежде, что их разрешение приблизит нас к пониманию проблемы, насколько близки были между собою предки современных русских и украинцев? Мы полагаем, что этот вопрос в равной степени должен быть исследован и в отношении белорусского народа. Однако каких-либо публикаций на эту тему белорусских авторов обнаружить не удалось, поэтому далее мы будем говорить только об истории украинского и русского народов.

В ходе исследования нам придется отказаться от некоторых устоявшихся терминов и понятий, как не имеющих исторического

обоснования. Необходимость возвращения к прежним названиям обусловлена тем, что как писал И. Лисяк-Рудницкий: "Взгляды и интерпретации, которые традиционно защищает российская наука, стали общераспространенными, и им доверяют, не проверяя их источников. Концепции, которые отходят от ортодоксии, не рассматривают с точки зрения их научной обоснованности, а автоматически исключают из рассмотрения, как тенденциозные и "националистические". Опубликованы эти слова в первые годы независимости Украины и хотелось бы надеяться, что прошедшие за истекшие годы изменения в общественном сознании украинцев избавят нас от обвинений в тенденциозности, а тем более национализме.

Начать пересмотр таких общераспространенных понятий нужно с одного из основополагающих терминов — Киевская Русь. Очевидно, есть необходимость напомнить, что термин этот искусственный. Объясняя его происхождение в работе "Химера "Киевской Руси" А.Толочко писал: "И в обыденном сознании, и в исторической литературе термин "Киевская Русь" настолько прочно укоренен, что его искусственность и анахроничность практически не осознаются. Между тем государство под названием "Киевская Русь" (и даже "Древняя Русь") не существовало никогда! Наши далекие предки были бы несказанно удивлены, услышав такое наименование страны, в которой волей случая им довелось жить, поскольку называли ее "Русской землей", "Русью", а себя, ее население, собирательным "русь" или каждый отдельно — "русином". "Киевская Русь" — термин происхождения книжного и ученого и ведет свое начало не из источников, а со страниц исторических трудов первой половины XIX века".

Но, несмотря на всю искусственность своего происхождения, этот термин широко применяется как в научной, так и в художественной литературе обеих стран, что вызывает негодование у некоторых украинских авторов. Казалось бы, прилагательное "Киевская" усиливает их позиции при защите интересов украинского народа, но это только на первый взгляд. Суть проблемы здесь скрыта гораздо глубже. Раскрывая ее содержание, Е. Наконечный отмечает: "Лицемерным является аргумент, что, дескать, термины Киевская Русь и Московская Русь стали с течением времени терминами научными. Эти антиисторические термины антинаучны по своей сути. Образованные в XIX ст. царскими идеологами для су-

губо политических нужд, они служили и служат не исторической науке, а целям захватнической империалистической политики. Наши летописцы, как и тогдашние иностранные авторы, никогда к названию Русь не прибавляли прилагательного Киевская или прилагательного Ростово-Суздальская и т. д. Русь была лишь одна единая и неделимая, и все хорошо знали, что под этим термином нужно понимать".

В дальнейшем мы детально остановимся на содержании понятия "Русь" и увидим, что оно понимается далеко не единообразно. А пока условимся, что в своем повествовании мы, из уважения к предкам, будем придерживаться названия, которым пользовались жители Древнерусского государства — Русь. Разумеется, это не будет распространяться на цитаты из трудов тех авторов, которые, следуя старой традиции, считают необходимым использовать название Киевская Русь.

Другой, не менее важный, вопрос о контексте, в котором используются в данной книге слова "древнерусская", "древнерусский" и т.д. Обе составляющие данного слова — "древне" и "русская", как и весь этот термин полностью, звучат крайне некорректно по отношению к средневековой Руси. Не была Киевская держава ни древней по общеисторическим меркам, ни русской в современном понимании этого слова. Однако, русскоязычной литературой сделано все возможное для того, чтобы накрепко привязать к названию "Русь" гораздо более поздний этноним "русские". Несостоятельность такого подхода, а также использования таких терминов, как "русичи" и "русы" по отношению к населению Руси, мы обсудим позднее. Пока же обратим внимание читателей, что благодаря многовековым усилиям российских историков, в русском языке не сохранилось название, которое позволяло бы само по себе, "на слух" определять, что речь идет не о русских современной России, а о жителях Киевского государства.

Такого недоразумения не возникает у украинского читателя, так как украинский язык сохранил изначальную форму прилагательного — "руський", корень которого — "русь" — сразу свидетельствует, что в предложениях, где оно используется, речь идет о средневековом периоде, а не о современности. В тоже время, гражданин нынешней России, даже если он является русским по национальности, именуется в украинском языке "росіянин". Поэтому, когда украинец читает, например, "руський воїн", он понимает, что речь идет

о воине княжеских дружин Руси, а никак не о военнoслужашем царской или современной России.

Но эта книга написана на русском языке, не имеющем в привычном для читателей обиходе этнонима, который мог бы четко обозначать историческую эпоху, о которой идет речь. В связи с этим, говоря о средневековой Руси, мы будем использовать принятый в литературе термин "древнерусский", хорошо при этом понимая всю его условность. К примеру, древнерусский язык, как мы увидим дальше, был далеко не русским, а первых древнерусских князей никак нельзя назвать не то что россиянами, но и славянами.

Обсудив вопросы общего характера, перейдем непосредственно к рассмотрению интересующих нас проблем. И начнем мы с языка средневековой Руси — как известно, "В начале было Слово...".

СКОЛЬКО НА РУСИ БЫЛО ЯЗЫКОВ?

Как мы помним, одним из аргументов теории существования на Руси единой народности являлось то, что в Киевском государстве сформировался единый литературный язык как язык государственного управления, законотворчества, литературы и культуры. Сам этот факт не вызывает сомнения, литературный язык действительно был один, и появление этого языка связано с именами славянских просветителей Кирилла и Мефодия. Но стоит только неподготовленному человеку обратиться к этой теме, как он обнаруживает, что с именами просветителей славян связано две азбуки — глаголица и кириллица, встречается и название "гражданка". Кроме того, к языку древнерусских книг и летописей применяется два названия — старославянский и церковнославянский. При таком многообразии терминов становится непонятно, о каком собственно языке и о каком алфавите идет речь, когда говорят о едином литературном языке "государственного управления, законотворчества, литературы и культуры" средневековой Руси?

Для ответов на эти вопросы необходимо вспомнить, что именно и когда создавали Кирилл и Мефодий, почему они стали просветителями всех славян, а не только одной Руси. Но прежде зададимся простыми вопросами: что, у славян до Кирилла и Мефодия не было письменности и не было своей азбуки? Неужели в конце первого тысячелетия от рождения Христова наши предки были так темны

и невежественны? Может быть, они не только не имели азбуки, но вообще не понимали к тому времени друг друга, и потребовалось введение специального письменного языка, чтобы это понимание восстановить?

Разумеется, славянские племена нельзя было отнести к столь варварским народам, и трудностей со взаимопониманием они не испытывали. К середине IX века, когда на исторической сцене появляются два великих просветителя, разговорный язык различных славянских племен имел некоторые отличия, но они не были еще настолько явными, как сегодня. Языки, на которых говорили славяне в те времена, различались пока только как диалекты, то есть территориальные разновидности одного и того же языка. Известно, что даже в 1018 г. во время битвы на Буге между дружинами князя Ярослава Мудрого и войсками польского князя Болеслава Храброго, русины и поляки, обмениваясь оскорблениями, хорошо понимали друг друга. Причина такого взаимопонимания проста: столь мало в то время языки, на которых говорили враждовавшие стороны, отличались друг от друга.

Более сложной является проблема наличия у славян оригинального письменного языка. Судя по публикациям, существование у наших далеких предков своей письменности во многом установлено по косвенным сведениям, содержащимся в иностранных или более поздних славянских источниках. О документах, составленных на славянском языке, упоминают в частности некоторые западноевропейские и арабские средневековые авторы, а также свидетельствуют договоры с Византией восточных и южных славян. Проблеме существования оригинальной славянской письменности был посвящен ряд работ современных российских и болгарских ученых. Авторы этих исследований, не сумев из-за ограниченности сохранившихся сведений установить, когда и как возникло славянское письмо, сколько имело букв и т.д., тем не менее, полагают, что само существование славянской письменности не подлежит сомнению. Предполагается, что, появившись еще в первой половине I тысячелетия н.э., это письмо сохранялось у наших предков даже после создания Кириллом упорядоченной славянской азбуки.

Но, если письменность была, то, следовательно, была и своя азбука. Зачем же потребовались новые? Все дело было в христианстве, а точнее в его священных книгах, переводов которых на славянский

язык не существовало. Тут самое время сделать первое отступление и обратиться к жизни и деятельности Кирилла и Мефодия.

* * *

В 862 г. правитель Великой Моравии (славянского государства, располагавшегося в восточной части нынешней Чехии и на западе Словакии) князь Ростислав и его племянники, удельные князья Святополк и Коцела, обратились к византийскому императору Михаилу III с просьбой прислать епископа и учителей, которые смогли бы растолковать славянским подданным князей христианское вероучение на родном для них языке. По поручению императора для просвещения славян была организована миссия, во главе которой были поставлены два брата — Константин и Мефодий. На Руси, точнее, будущей Руси, так как государства с таким названием еще не существовало, в тот год, согласно "Повести временных лет", были призваны варяги-русь.

Греки по происхождению, Константин и Мефодий были уроженцами города Фессалоники, известного среди славян под названием Солунь (отсюда "солунские братья") и свободно владели тем славянским диалектом, на котором говорили проживавшие в городе выходцы из славянских земель. Есть также сведения, что еще до того, как возглавить миссию в Моравию, в 860 г. Константин останавливался в Херсонесе — греческой колонии в Крыму. Описывая посещение Константином Крыма, российские авторы обязательно сообщают, что там он не только говорил со славянским населением, но и познакомился с какими-то книгами, написанными "русскими" буквами, и быстро научился их читать.

О некорректности использования прилагательных "русский" или "русские" к событиям, людям или языку IX столетия мы поговорим позднее, сейчас же заметим, что ни "русских" букв, ни книг, написанных этими буквами, ни даже самого слова "русь" у проживавших в то время в Крыму славян еще не могло быть. Племя варягов, принесшее с собой на славянские земли это слово, появилось в районе Ладоги только через два года после поездки Константина в Крым. Поэтому, если он и имел там возможность ознакомиться с какими-то книгами славян, то, видимо, написаны они были тем самым оригинальным славянским языком и славянскими буквами, о которых мы упоминали. Сам же тот факт, что Константин читал эти книги и говорил с представителями славянского населения, дает

основание полагать, что он владел несколькими диалектами славянского языка.

По распоряжению императора Михаила, перед поездкой в Моравию, Константин начал работу над переводом на славянский язык текстов Священного Писания. В 863 г. он составил славянскую азбуку и с помощью брата Мефодия и учеников Горазда, Климента, Саввы, Наума и Ангелария стал переводить на славянский язык священные книги.

В том же 863 г. братья Константин и Мефодий отправились в Моравию, где продолжили деятельность по переводу книг Священного Писания и проповедовали христианство. По сведениям разных источников, уже в 867 г. работа по переводу таких книг как Евангелие-Апракос, Апостол, Псалтырь была завершена. Судя по стремительности, с которой была создана азбука и переведены многие книги, работу над созданием литературного языка славян Константин начал еще задолго до приезда в Моравию. Очевидно, графика и правописание славянского языка фактически были созданы где-то в начале 60-х годов IX столетия.

Вскоре на пути проповедования Священного Писания на славянском языке появилось неожиданное препятствие. Находившиеся в то время в Моравии немецкие епископы обвинили братьев в ереси. Основой для выдвижения таких обвинений явилось распространившееся с VII века убеждение, что проповедование христианства возможно только на трех "священных" языках — древнееврейском, греческом и латинском. Константину и Мефодию оставалась только надежда найти разрешение создавшихся трудностей в Константинополе или Риме. Выехав из Моравии, братья добрались до Рима.

Но при чем здесь Рим, спросит современный читатель, привыкший отождествлять Константинополь с православием и патриархом, а Рим — с католицизмом и Папой. Дело не только и не столько в том, что согласно 3-му правилу состоявшегося в 381 г. II Вселенского Собора Константинопольский епископ (патриарх) имел "преимущество чести после Римского епископа", то есть был вторым после Папы, а в том, что епископы, обвинявшие солунских братьев в ереси, "административно" подчинялись Риму, а не Константинополю. Таким образом, последнее слово в споре с представителями Римской патриархии оставалось за ее главой — папой Адрианом II.

Усилиями, предпринятыми Константином и Мефодием в Риме, разрешение на продолжение миссии братьев было получено. Папа Адриан разрешил вести богослужение на славянском языке, оговорив, правда при этом, "чтобы на литургии сначала читали апостол и Евангелие по-римски (то есть по-латыни — *А.Р.*), а потом по-славянски". Папа также одобрил перевод книг Священного Писания, освятил принесенные братьями книги, и разрешил славянам совершить службы в ряде римских церквей. Самих братьев Папа повелел рукоположить в епископский сан. **С этого момента, то есть с 868 г., язык, созданный усилиями солунских братьев и их учеников, можно считать официальным литературным языком славянских народов.** Этот язык и принято называть старославянским. Как видим, рождение языка богослужения русской православной церкви было связано с решением Папы Римского и, отдавая заслуженную дань уважения великим просветителям славян, не стоит замалчивать роль престола святого Петра в решении этой проблемы.

Находясь в Риме, Константин заболел, принял схиму с именем Кирилл и через 50 дней после пострижения в монахи 14 февраля 869 г. скончался.

В конце того же года папа Адриан II возвел Мефодия в звание архиепископа Моравии и Паннонии и позволил ему покинуть Рим. В послании, переданном через Мефодия славянским князьям, Папа, подтвердив свою позицию в отношении использования в богослужении славянского языка, писал также о том, что если кто-то осмелится "хулить книги вашего языка, тот пусть будет отлучен и представлен на суд церкви и до тех пор не получит прощения, пока не исправится".

Эту же позицию разделял и преемник Адриана II на престоле святого Петра папа Иоан VIII, который в 880 г. писал уже упоминаемому Моравскому князю Святополку, что "учение Мефодия соответствует доктрине отцов Вселенских Соборов".

Сам Мефодий последние годы жизни провел в столице Моравии — Велиграде. С помощью трех учеников он перевел на славянский язык Ветхий Завет (кроме Маккавейских книг), Номоканон (Правила святых отцов) и святоотеческие книги (Патерик). Написал Мефодий и жизнеописание своего брата, известное как Житие Константина Философа. Восемнадцать лет, прошедших с момента перевода в 867 г. на славянский язык первых священных книг, оказались достаточным сроком, чтобы созданный братьями язык

сохранился, несмотря на гонения, которые вскоре обрушились на Мефодия и его учеников. Период поддержки со стороны Рима сменился ожесточенным преследованием, которое было связано с именем нового Папы — Стефана V.

В 884 г. по инициативе князя Святополка и немецких епископов на Мефодия вновь были возведены обвинения в ереси, а в следующем году на основании этих обвинений папа Стефан V запретил богослужение на славянском языке. В том же 885 г., 6 апреля Мефодий скончался и был похоронен в "соборной церкви" (как написано в Житии Мефодия), место которой не установлено до сих пор. Перед смертью он назначил своим преемником Горазда — своего ученика, уроженца Моравии.

Сразу после смерти Мефодия епископ Вихинг организовал гонение на его учеников. Наум, Климент, Савва и Ангеларий были арестованы, а после освобождения выехали в Болгарию, приняв крещение в 883 г. Часть последователей Кирилла и Мефодия были проданы в рабство, до 200 учеников изгнаны из Моравии и бежали в Сербию, Хорватию и ту же Болгарию. Там они продолжали работу над усовершенствованием литературного славянского языка. О судьбе Горазда после 885 г. ничего не известно, возглавили же работу по созданию книг на славянском языке Климент и Наум.

Общими усилиями солунских братьев и их учеников была создана первая редакция Библии на старославянском языке, которую так и принято называть — Кирилло-Мефодиевской. Вторая редакция Библейских книг, также на старославянском языке, появилась в Болгарии в эпоху царя Симеона (ум. 927 г.). Из Болгарии священные книги, уже переведенные на старославянский язык, попадали на Русь и распространялись там еще до официального принятия христианства Киевским князем Владимиром Святым. Так, вместе со священными книгами на Русь пришел и старославянский письменный язык.

Противники ушедших из жизни солунских братьев не успокаивались еще долго. Вселенский Собор 925 г. объявил деятельность Мефодия еретической, а после разделения в 1054 г. православной и католической церквей на две самостоятельные церкви, Рим окончательно запретил использование в богослужении славянских языков. Традиция славяноязычного богослужения на канонической территории Рима сохранилась только в чешском Сазавском монастыре.

В жизни и деятельности солунских братьев до настоящего времени сохраняется много загадок. Читатели, желающие ознакомиться со всеми тайнами миссии Константина и Мефодия, могут обратиться к книге большого мастера находить такие тайны — российского автора А.А.Бушкова "Россия, которой не было: загадки, версии, гипотезы". Мы же остановимся только на том, какую же собственно азбуку создал Константин?

Известно, что до наших дней дошли две древнеславянских азбуки. Одна из них получила условное название "кириллицы" от имени Кирилл, принятого Константином при его пострижении в монахи, другая — "глаголицы" от старославянского "глагол", что означает "слово". Согласно единодушному свидетельству всех летописных и документальных источников, Константин разработал только одну славянскую азбуку, но какую именно?

Казалось бы, никакой загадки здесь не должно было быть — достаточно посмотреть письменные источники той поры. Но сделать это невозможно, так как все переводы, сделанные Константином, Мефодием и их ближайшими учениками (то есть первая редакция Библейских книг на старославянском языке) утрачены, сохранились только в небольшом количестве более поздние рукописи, относящиеся уже к X веку. К периоду деятельности солунских братьев также относятся сравнительно недавно обнаруженные надписи на развалинах церкви упоминавшегося царя Симеона в Преславе (Болгария). Однако указанные надписи выполнены не одной, а обеими древнеславянскими азбуками и могут свидетельствовать только о том, что к моменту их нанесения обе азбуки уже существовали. Так до настоящего времени и остается неясным, автором какой из двух древнеславянских азбук является Константин, и какой азбукой писали свои переводы священных книг солунские братья и их ученики.

Сравнительный анализ двух азбук показывает, что по своему алфавитно-буквенному составу кириллица и глаголица почти совпадали. Кириллица, по дошедшим до нас рукописям XI века, имела 43 буквы, а глаголица — 40 букв. Из 40-а глаголических букв 39 служили для передачи почти тех же звуков, что и буквы кириллицы. Однако, кириллица и глаголица сильно отличались по форме их букв. В кириллице форма букв была геометрически простой и четкой. Из 43-х ее букв 24 заимствованы из византийского устава, а остальные 19 построены в большей или меньшей мере самостоятельно, но с соблюдением единого стиля кириллической азбуки.

Глаголические буквы графически значительно оригинальнее кириллических и гораздо меньше походят на греческие. Форма букв глаголицы сложна и замысловата, со множеством завитков, петель и т.п. Вообще с этой азбукой связано множество легенд и теорий. У юго-западных славян существовала легенда о создании глаголического славянского алфавита в V столетии христианским проповедником Иеронимом (ум. в 420 г.) В XVIII веке чешскими учеными Лингардтом и Антоном выдвинута гипотеза, согласно которой время создания глаголицы относилось как раз к V-VI столетиям. Эти ученые считали, что основой глаголицы было греческое письмо, а в IX веке именно глаголица была графически переработана Константином-Кириллом по образцу греческого устава.

О происхождении и роли глаголицы имеется еще одна гипотеза, выдвинутая в середине XIX века еще одним чешским ученым И. Добровским и развитая затем И.И. Срезневским, А.И. Соболевским и Е.Ф. Карским. В соответствии с этой гипотезой, глаголица развилась как своеобразная тайнопись в период преследования католическим духовенством книг, написанных кириллицей.

Есть и еще одно мнение: глаголица — это то самое славянское письмо, которое Константин узнал в крымском Херсонесе. Следовательно, по мнению авторов, придерживающихся данной точки зрения, он мог использовать оригинальное славянское письмо при создании собственной славянской азбуки.

Говоря о письменных памятниках, написанных глаголицей, следует указать относящиеся к X веку "Киевские глаголические листки". В XI столетии глаголицей были написаны Зографское, Ассеманиево и Мариинское Евангелия. Первая печатная славянская книга, вышедшая в 1483 г., отпечатана именно глаголическим шрифтом. Называлась она "Католический Миссал", была написана на церковно-славянском языке с большой примесью хорватского языка и предназначалась для южных славян католического вероисповедания. В 1491 г. в Венеции издали глаголический "Римский Бревиарий". Основное распространение глаголица получила в южнославянских землях, на Руси она использовалась как тайнопись, а в Югославии глаголическая тайнопись применялась вплоть до XX века. Однако, как мы все знаем, в основу современных славянских азбук легла все-таки более простая в написании кириллица.

Завершая краткий экскурс по жизни и деятельности солунских братьев, подчеркнем еще раз, что благодаря им возник старо-

славянский язык — не разговорный язык славян IX века, а язык, специально созданный для переводов христианской литературы и написания собственных религиозных произведений славянскими авторами. Из этого следует, что старославянский язык просто не мог совпадать с живым славянским языком того же времени, однако он был понятен говорящим на славянских языках. Какая именно для этого языка была создана Константином азбука — глаголица или кириллица, — и откуда появилась вторая азбука, остается тайной до настоящего времени.

* * *

Напомним, когда и где появился старославянский язык, выясним происхождение более известного церковнославянского языка. Оговоримся сразу, что в отличие от своего импортного "коллеги", церковнославянский язык произрос на нашей отечественной почве и имел множество неизвестных истории авторов.

Основой созданного Кириллом и Мефодием старославянского языка являлись диалекты южной группы славянских языков, к которой в настоящее время принадлежат болгарский, сербский и македонский языки. После своего появления старославянский язык не замкнулся в зоне распространения южнославянских диалектов, а быстро проник на территории, которые теперь занимают чешский, словацкий, польский языки, а к концу X века попал и на территорию, населенную предками нынешних белорусов, русских, украинцев. Тут он, попав в хорошие руки, быстро превратился в несколько иной язык с несколько иным названием — церковнославянский.

Непосредственные причины появления церковнославянского языка надо искать в живости славянской природы, а точнее, древнерусских летописцев. Им было мало созданного великими просветителями готового литературного письменного языка, который начал функционировать на территории Руси после ее крещения, — они начали его совершенствовать. Красочный пример аналогичного "усовершенствования" языка приводит академик А. Крымский. Характеризуя схожие процессы, происходившие в несколько более позднее время, он писал: "Литературным языком для южной Руси сделался чужой, церковнославянский... Живые южно-русские элементы могли врываться в письменный церковнославянский язык только против воли писаря-русина". В другом месте этой же рабо-

ты указывается, что тогдашние писари "нехотячи делали описки в духе своего живого языка" и что "написаниями такого типа киевский Изборник 1073 г. аж пестреет". С одной стороны вроде бы "нехотячи", а с другой "аж пестреет", но как бы там ни было, а в результате таких "недосмотров" летописцев в официальный язык рукописи "врывались" привычные для авторов элементы тогдашней устной речи.

Аналогичный процесс происходил в свое время и со старославянским языком. Искусственно созданный Кириллом и Мефодием письменный язык, под напором живого разговорного языка Руси, был вынужден принять в себя его некоторые черты. Возникшая в результате такого смешения разновидность старославянского языка и стала называться **церковнославянским** языком. Название же "старославянский" используется теперь только для языка IX века. Хронологическую границу между старославянским и церковнославянским языками провести почти невозможно, она колеблется в пределах XI-XII столетий. Во всяком случае, сделанный на Руси примерно в это время новый перевод некоторых Ветхозаветных книг, осуществлен был уже на церковнославянском языке. Так появилась третья, церковнославянская, редакция Библейских книг.

Церковнославянский язык существовал вплоть до XVII века в качестве основного письменного литературного языка. С течением времени черты кирилло-мефодиевской эпохи в нем все более исчезали и все выразительнее проступали черты местных диалектов, как это и описал академик А. Крымский. Другой академик, Г. Возняк, считает: "Черты украинского и московского языка отразились в письменных памятниках и то довольно слабо, ... со второй половины XI века..."

Таким образом, единым литературным языком для всей Руси был церковнославянский язык, допускавший в отдельных случаях использование специфических разговорных древнерусских форм. Этим языком написано большинство священных книг русского православия, древнерусские летописи, сочинения средневековых писателей и мыслителей Руси и т.д. Но, несмотря на столь широкое распространение, церковнославянский язык, так же как и его предшественник старославянский, оставался искусственным языком, мало связанным с разговорной речью жителей Руси, элементы которой появлялись в письменных текстах только в результате ошибок авторов.

Наличие этого-то языка и объявлялось, как мы помним, одним из главных доказательств существования "единой древнерусской народности". Однако, как справедливо указывает украинский автор Н. Яковенко, при этом смешивались вместе понятия "разговорный язык" и "язык письменности" в спекулятивное выражение "древнерусский язык". "Что касается письменного языка, — пишет этот автор, — он в самом деле был одинаково понятен всем книгоочам — от Киева до Новгорода и от Галича до Курска. Другое дело, что никто из них на нем не разговаривал, и он и не предназначался для бытового общения. Именно поэтому, как порождение общей духовно-церковной традиции, искусственный язык смог остаться средством культурного общения и намного позднее, когда от Киевской Руси не осталось ничего, кроме исторических воспоминаний".

Очевидно, что наличие единого письменного языка, к тому же в значительной степени отличающегося от разговорного, само по себе еще не может служить доказательством его определяющей роли в процессе этнической консолидации народов. Конечно, само наличие единого письменного языка могло оказывать определенное консолидирующее влияние, однако церковнославянским языком владел очень узкий круг образованных людей, и их консолидацию, даже если она действительно имела место, нельзя рассматривать в качестве доказательства консолидации всего населения.

Отметим, что аналогичная ситуация с языками существовала в средние века и в Западной Европе, где письменный латинский язык, отличавшийся, как и церковнославянский язык Руси от разговорной речи, так же был широко распространен. Однако факт наличия единого письменного латинского языка не используется европейцами в качестве доказательства "единой латинской народности".

Дальнейшее развитие церковнославянского языка связано с процессом распада Руси. В результате монгольского нашествия исторические пути древнерусских княжеств разошлись, а бывший прежде единым письменный язык Руси стал развиваться в различных направлениях. На территориях, вошедших в состав Московского государства, вбирая элементы московской разговорной речи, он все больше удалялся от древних, киевских форм и приобретал великорусские черты. На территориях, вошедших в состав Великого княжества Литовского и Польского королевства, церковнославянский язык, претерпев дальнейшие изменения и дав начало украинскому литературному языку, просуществовал до конца XVIII столетия.

По мнению Н. Яковенко, причины столь длительного использования искусственного церковнославянского языка в светской общественной жизни кроются в том, что, начиная с XIV—XV столетий именно он — под названием "русской мови" — воцарился в канцеляриях и публичном обороте Великого княжества Литовского. С конца XVI ст. на его основе начало формироваться течение так называемой "староукраинской" книжности с выразительными вкраплениями живой речи. Ухо современников хорошо ощущало эти новации — тогдашний староукраинский язык, в отличие от церковнославянского, называли "простым" языком. Н. Яковенко также подчеркивает, что хотя древнерусский книжный язык XI—XIII столетий по составу лексики существенно отличался от "простого языка" XVII—XVIII веков, но оба они "понимали" друг друга. В силу медлительности процессов изменения и формирования языков в настоящее время провести границу между церковнославянским и украинским литературным языком также сложно, как определить грань между старославянским и церковнославянским языками.

Длительное время, начиная с XVII столетия, когда появились первые украинские грамматики И. Ужевича (1601 г.) и М. Смотрицкого (1619 г.), эти языки существовали параллельно. После вхождения части украинских земель в состав Московского государства ситуация изменилась. В середине XVIII столетия под давлением петербургского Синода украинское течение в церковнославянском языке было унифицировано по великорусскому образцу, "дабы никакой розни и особого наречия не было". Так, просуществовав восемь столетий, прекратил свое существование письменный язык Руси-Украины.

И несколько слов о судьбе широко применяемой доньше "кириллицы". За свою многовековую историю эта азбука, испытав существенное упрощение, получила еще одно название — "гражданка". Произошло это в России во времена Петра I. "Гражданкой" называется облегченный вариант старой кириллицы, приспособленный для книгопечатания. Именно "гражданкой" (с незначительными изменениями) и пользуются по сию пору народы, проживающие на территории бывшей Российской империи. До настоящего времени системы письма, построенные на кириллической основе, применяются также в Болгарии, частично в Югославии и Монголии. Письмом, построенным на кириллической основе, пользуются сейчас народы, говорящие более чем на 60-ти языках. Но, по иро-

нии судьбы, как раз тот народ, для которого солунские братья создавали письменный славянский язык, плодами их труда и не воспользовался. В 907 г. после битвы при Пресбурге Великая Моравия пала. Среди ее бывших подданных быстро распространилась латынь и их потомки, проживающие в Чехии и Словакии, стали использовать в своей письменности латинский алфавит.

* * *

Полагая, что истории появления на Руси письменного языка и его дальнейшего существования уделено достаточное внимание, обратимся к не менее важной теме развития в Киевской державе разговорного языка. Помня о том, что кое-кто всерьез полагает, что украинцам надо доказывать свое право на историческое наследие княжеской Руси, зададим еще несколько простых вопросов: а на каком, собственно, языке разговаривало ее население? К какому из современных языков — украинскому или русскому — был ближе язык, звучавший на улицах средневекового Киева?

В начале этого очерка мы упомянули, что к IX веку разговорный язык различных славянских племен отличался только как диалекты — территориальные разновидности одного и того же языка. С течением времени языковые особенности отдельных территорий постоянно усиливались, и многие диалекты превратились в самостоятельные языки, имеющие общее славянское происхождение. К группе славянских языков относятся и украинский, и русский языки, но известно ли науке, когда и как они сформировались, чем обусловлены их различия?

В поисках ответов обратимся вновь к упоминавшемуся академику А. Крымскому. По его мнению, уже с XI столетия "...язык Приднепровья и Червоной Руси (Галиции) — это целиком рельефная, ... ярко индивидуальная, единица. И в нем весьма легко и выразительно можно узнать прямого предка современного украинского языка, так как он содержит в себе огромную часть сегодняшних украинских особенностей". Исследуя старинные киевские и галицкие рукописи, А. Крымский и его последователи открыли в них огромное количество украинизмов. Крымский писал: "Словарный материал Киевской летописи отличается поразительной близостью к современному малорусскому... Примеры у нас налицо: дьяк Иоанн, великокняжеский переписчик Изборников 1073-го и 1076-го года, принадлежал к киевской интеллигенции, вращался в великокняжеской сфере; однако

его невольные описки показывают нам, что говорил он не по-общерусски, а по-киевски". При этом под словом "общерусски" академиком понимался не какой-то иной, якобы существовавший на всей остальной территории Руси язык, отличающийся от "киевского", а современный Крымскому великорусский язык. Таким образом, уже в XI веке, то есть во времена правления Киевских князей Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха жители Приднепровья, то есть Киевщины, Черниговщины и Переяславщины, а также Галичины, говорили на языке, являвшемся прямым предком украинского языка.

Но может быть, на языке, близком к современному украинскому, говорило только население этих регионов Руси, а, к примеру, жители Вольны изъяснялись на ином языке? Ответ содержится в исследованиях русского академика А. Шахматова, подтвердивших единство языка, на котором говорило население центральных, северных и западных земель Руси: "Малорусы от берегов Припяти вплоть до Черного моря, от Днепра и до Карпат говорят такими говорами, которые ясно свидетельствуют об исконном племенном их единстве".

Итак, исходный, действовавший на обширной территории от Припяти до Черного моря, от Днепра и до Карпат язык Руси был один, и он обнаружил "поразительную близость" к современному украинскому языку. На этом-то языке и говорили жители древнего Киева, а также население всех территорий, на которые, как мы увидим дальше, распространялось название "Русь" в его этническом понимании. В процессе освоения славянами северо-восточных территорий этот разговорный язык, испытав языковое влияние финно-угорских и балтийских племен, сформировал ряд диалектов — псковско-полоцко-смоленский, новгородско-владими́ро-суздальский и т.п. Схожий процесс шел и в западном направлении. В частности, на будущей украинской территории различают две родственные между собой диалектные макрозоны — северную полесскую (на Северной Вольны, Киевщине и Чернигово-Северщине) и юго-западную, или галицко-вольнскую, которая охватывала современную Галичину и Южную Вольнь.

По мнению Н. Яковенко, "...хотя отличия между ними не создавали непреодолимого барьера для взаимопонимания, например, между киевлянином и псковичем, однако фонетическое и лексическое расхождения были достаточно выразительными. Это позволяет специалистам констатировать существование на территории Руси

нескольких надплеменных территориальных диалектов, существование которых выявлено благодаря тому, что те или иные региональные языковые отклонения в виде "описок" попадали в установленную орфографию книжного языка".

Однако, мы говорили, что диалекты — это всего-навсего территориальные разновидности одного и того же языка, и в данном случае речь идет уже не о славянском, а сформировавшемся на его основе прямом предшественнике украинского языка. Но где, как и когда возник в таком случае русский язык?

Исчерпывающую информацию по данной проблеме дал В.О. Ключевский в своем "Курсе русской истории", показав на обширном материале, что русский язык возник в результате колонизации славянскими переселенцами совершенно нового края — Залесья, ставшего впоследствии центром Московского государства. Поясняя, кто и как непосредственно влиял на изменения языка древней Руси и формирование на его основе русского языка, В.О. Ключевский пишет: "Образование говоров и наречий — это звуковая, вокальная летопись народных передвижений и местных группировок населения. Древняя фонетика Киевской Руси особенно заметно изменялась в северо-восточном направлении, т. е. в направлении русской колонизации, образовавшей великорусское племя слиянием русского населения с финским... Восточные инородцы, русая, вообще переиначивали усвояемый язык, портили его фонетику, переполняя ее твердыми гласными и неблагозвучными сочетаниями гласных с согласными... Чуждая примесь портила говор, внося в него чуждые звуки и звуковые сочетания. Древнерусский говор в наибольшей чистоте сохранился в наречии новгородском; в говоре владимирском мы видим первый момент порчи русского языка под финским влиянием, а говор московский представляет дальнейший момент этой порчи".

Подробно показывает В.О. Ключевский и отличие диалектов центральной части Руси от появившихся в процессе колонизации более поздних северных говоров: "В говоре древней Киевской Руси заметны три особенности: 1) она говорила на *о*, *окала*; 2) звуки *ц* и *ч* мешались, замещали друг друга; 3) в сочетании гласных и согласных соблюдалась известная фонетическая гармония... Киевская Русь ...говорила *Кыев*, а не *Киев*, как говорим мы вопреки правилам древней русской фонетики... Эта древняя фонетика сохранилась отчасти в наречии малороссов, которые говорят: на *полянци*,

козаче. Мы, великороссы, напротив, не сочетаем *ц* и шипящих *ж* и *ш* с мягкими гласными, говорим: *кольцо*, *шыре*, *жызьн* и не сумеем так тонко выговорить соединенных с этими согласными мягких гласных, как выговаривает малоросс: *отця*, *горобця*..."

Далее Ключевский рассказывает, как постепенно, поэтапно шло изменение языка Руси, принесенного в Залесье славянскими переселенцами: "Владимирский говор более удался от древнего, господствующий звук *о* произносит грубо-протяжно, утратил древнее сочетание гласных с согласными, ... московское наречие, усвоенное образованным русским обществом как образцовое, некоторыми чертами еще далее отступило от говора древней Киевской Руси: *гаварить по-московски* значит едва ли еще не более нарушать правила древнерусской фонетики, чем нарушает их владимирец или ярославец. Таким образом, говоры великорусского наречия сложились путем постепенной порчи первоначального русского говора".

Интересная у Василия Осиповича получается цепочка: русский язык путем порчи превратился в великорусский, который теперь называется русским. Логически это не связывается, но если "первоначальный русский говор" поменять на предка современного украинского языка, о котором говорил академик А. Крымский, тогда все становится на свои места. А московский говор может по-прежнему числить себя образцовым, но только не для языка средневековой Руси, а для появившегося в результате его "порчи" русского языка. От себя заметим, что появившийся в результате смешения древнерусского и финского языков русский язык впоследствии испытал не менее сильное воздействие со стороны еще одного неславянского языка — татарского. Это еще больше отдалило русский язык от языка исчезнувшей уже к тому времени Киевской державы.

Однако читатель, знакомый с текстами древнерусских летописей, вправе спросить: "Если в средневековом Киеве разговаривали на языке, близком к современному украинскому, то почему старинные рукописи приводятся не на украинском, а на русском языке?" Конечно же, летописи периода Киевского государства написаны не русским языком, который тогда еще не существовал, а церковнославянским, официальным литературным языком Руси, о чем мы уже писали. Позднее на основе церковного языка была создана русская письменность как таковая, отсюда и схожесть с нею древних рукописей.

При этом нужно иметь в виду, что с XVIII столетия и до наше-

го времени издавались и издаются книги, написанные старой кириллической графикой, но грамматикой почти не связанные с церковнославянским языком. Их язык — это стилизованный русский или украинский. Таким способом печатают богослужебные книги (часословы, требники, молитвенники), рассчитанные на неподготовленных читателей. Собственно церковнославянским языком в наше время выходят преимущественно только репринтные издания старинных книг.

Видимо, не зная о том, что русский язык появился по историческим меркам сравнительно недавно и, как выражался В.О. Ключевский, в результате "порчи" первоначального языка Руси, многие наши соотечественники искренне считают, что русский язык во всех случаях адекватно передает значение, заложенное в его слова во времена общеславянского языка, или еще более древних языков. Ошибочность такого подхода украинский автор А. Боргардт продемонстрировал на примере общераспространенных имен, которые, как считается, имеют славянское происхождение. Приведем из его книги "Аналитическая история Украины" только один пример: "Мы привыкли выводить смысл славянских имен, целиком пользуясь современным языком (а в качестве образца такового — русским), забывая о том, что это имена очень старые, и происхождение их могло быть совсем иным. Такой подход именуется, иногда пренебрежительно, "народной этимологией", однако, к сожалению, он кое-где проник и в науку. Скажем, имя "Владимир" разъясняется при таком подходе немало как "Владыка мира", забывая при этом, что русский язык, с помощью которого это делается, — является наиболее молодым из славянских... Так, славянские имена составлялись на самом деле не на русском языковом субстрате, а на очень старых: балтийском, готском и гунском. Киммерийцы, балты появились у нас где-то более, чем 4000 лет назад. Готы ... где-то 2800—2700 лет назад, а наиболее молодые (у нас!) гунны, — где-то 2 100 лет назад.

... "Слав" - это будет от готского "Leif" — жизнь. Готы, поднимая бокалы на застольях, провозглашали: "s'leif" — "пусть живет!" — отсюда идет более позднее "слава" и все, что с этим связано. Так же, mag, meg, mig — означает просто: больше. "Val" — это балтийское "ила", и имя Вальдемар, от которого и происходит, наиболее вероятно, наш Владимир, это имя-пожелание: "Больше силы!", а никакого отношения к владению миром, понятно — не имеет: это все глупые рассказы современности".

Наш разговор о языке средневековой Руси будет неполным, если не упомянуть об одной его особенности — двуязычии древнего Киева. Не следует забывать, что северо-славянский мир, по выражению А. Боргардта, был "неотъемлемой частью большого мира викингов", хотя они уже и не были в нем большинством. Коренное население Киевского государства, до начала колонизации земель финно-угорских племен, было славянским. Однако его правящая верхушка — князья династии Рюриковичей и их дружинники, происходили из Скандинавии и говорили на своем языке.

О том, что представлял собой язык завоевателей, который получил название "язык данов" можно узнать из книги "Викинги. Потомки Одина и Тора" Джонса Гвина: "Язык данов" имел мало общего с наречиями соседствовавших со скандинавами народов, будь то саамы, финны или славяне; и даже от германских языков их южных соседей отличался весьма сильно. Историческая закономерность или прихоть географии привели к тому, что на нем заговорили в Исландии, Гренландии и островах Атлантики. Он звучал в устах торговцев, воинов и правителей в землях восточной Прибалтики, на берегах русских рек, у Черного моря и в Константинополе".

Рассказывая о последнем полулегендарном герое-викинге Харальде Суровом, зяте Ярослава Мудрого, Джонс Гвин делает интересную оговорку, подчеркивающую степень развития "языка данов" на славянских землях. Проведя три года на службе у византийского императора, Харальд вернулся домой, "...сделав по пути остановки в Киеве, Новгороде и Алдейгьуборге, не потому, что стосковался по родной земле и языку", — а потому, что этого требовала внутривосточная обстановка в Скандинавии. Для нас здесь важно то, что Киев, Новгород и Альдейгьуборг-Ладога были для варягов по сравнению с Византией "родной землей", в этих городах звучал повсеместно их язык.

Конечно, из одной оговорки современного нам автора нельзя делать каких-либо серьезных выводов о степени распространенности языка завоевателей, и нами она приведена только в качестве красноречивого примера. Гораздо более серьезными аргументами при обсуждении вопроса о степени вовлеченности славянских земель в варяжский мир и о сфере применения "языка данов" является распространенность древнерусских сюжетов в скандинавских сагах, о чем будет рассказано несколько позже. Сейчас же только

отметим, что тема двуязычия Руси, в отличие от прошлых лет, начинает находить все большее освещение у современных отечественных авторов.

Так, сведения о том, как долго продолжалось использование "языка данов" в древнем Киеве, можно найти у той же Н. Яковенко: "Предполагается, что двуязычие — употребление поровну славянского и "варяжского" (т.е. скандинавского) языка — дольше всего задержалось в верхушке — на княжеском дворе и среди приближенных князя. В частности, как предполагают, двуязычие бытовало при дворе Ярослава Мудрого, чему дополнительно оказывало содействие то, что его женская половина — свита княжеской жены Ингигерды — была шведская. Вероятно, двуязычным был еще и в XII ст. двор Мстислава Владимировича (ум. 1132) — его крестное имя Федор, а второе имя Гаральд..."

Постепенно происходила ассимиляция скандинавского элемента в славянской массе, "...прежде всего, — продолжает Н. Яковенко, — благодаря переходу дружинников-варягов на местный язык, а несколько позднее — и благодаря христианизации". Но переход на славянскую речь автоматически еще не делал скандинавов славянами, и в самом Киеве они долго держались особняком от местного населения. Лишь при Владимире Великом, через сто с лишним лет после призвания варягов на Русь, в гриднице князя будут пировать "старцы градские", сотские и десятские — представители исконного городского самоуправления. Со временем, видимо уже после княжения Мстислава Владимировича, получившего прозвание Великий, двуязычие исчезло окончательно, но связи князей с их скандинавской прародиной сохранялись еще очень долго.

Завершая рассказ о языке средневековой Руси подчеркнем еще раз, что разговорным языком Киевской державы был предок современного украинского языка, при этом высшая знать и князья долгое время использовали также скандинавский язык. В качестве письменного языка на Руси использовался церковнославянский язык. Колонизация новых земель, особенно на северо-восток от Киева, обусловила появление в разговорном языке различных диалектов, а затем формирование и отделение самого молодого из славянских языков — русского языка. При всем желании процесс фактического разделения разговорных языков нельзя назвать консолидирующим явлением, хотя жители Киева и Владимира-на-Клязьме не утратили возможности понимать друг друга.

Рассмотрев, таким образом, вопрос о языке Руси, обратимся теперь к этническому составу ее населения, посмотрим, что за племена проживали на территориях, находившихся под властью Киевского государства, как происходил процесс их консолидации и как далеко зашел этот процесс до момента распада Древнерусской державы.

"ЧЬИ ВЫ, ХЛОПЦЫ, БУДЕТЕ?"

О Древнерусском государстве обычно говорят как о государстве восточных славян. Это не совсем верно. Если историю Руси как государственного образования начинать с призвания варягов, то уже в то время в районе Ладоги и нынешнего Новгорода Великого проживали угро-финские племена чудь, меря, весь. С началом колонизации Ростово-Суздальской земли, или как говорили ранее — Залесья, под контроль Киева попали племена мурома, мордва и т.п. Помимо славян и упомянутых угро-финских племен на территориях Руси проживали еще тюркские народы (торки, берендеи) и балтийские племена. Нельзя игнорировать и влияние скандинавов, давших Руси правящую династию и оказавших самое непосредственное влияние на формирование самого могущественного слоя населения — высшей знати и князей. Поэтому полагать, что история Руси — это история только славянских племен, так же неверно, как говорить, что история СССР — это история исключительно русского народа, или доказывать, что история современной Украины — это история одного украинского народа.

Эти три государства приведены нами совершенно не случайно. Принадлежат к различным историческим эпохам, они обнаруживают сходство в том, что их население состояло (а в современной Украине и состоит), из разнородных этнических формирований или, как говорит наука, являлось полиэтничным. В отличие от СССР или Украины полиэтничность населения средневековой Руси имела свою особенность — она была представлена не национальностями, которые возникли значительно позже, а разрозненными племенами славянского и неславянского происхождения. В середине IX века, когда началось формирование Древнерусского государства, племенам, проживавшим на его будущей территории, еще только предстояло пройти сложные и долгие пути консолидации, в резуль-

тате которых и появились три современных народа: белорусы, русские и украинцы. Однако, как мы увидим дальше, именно это обстоятельство — полиэтничность населения Руси — оказало самое непосредственное влияние на формирование русского, или, используя терминологию историков царской России, великорусского народа в качестве отдельной самостоятельной нации.

Начиная повествование об этнических процессах в средневековой Руси, полагаем нелишним оговориться, что, сознавая невероятную сложность проблем, которые представляют собой процессы формирования наций, мы не претендуем на исчерпывающее их изложение в рамках столь краткого очерка. В тоже время полагаем, что, опираясь на сведения о наиболее известных общественных явлениях, происходивших в ходе государственного строительства Руси, мы сможем получить достаточное представление о том, как далеко продвинулся процесс слияния проживавших на ее территориях племен и действительно ли он завершился созданием "единой древнерусской народности", как утверждали некогда советские историки.³

Как мы уже отметили, на землях, вошедших в последствии в состав средневекового государства Русь, проживало множество разнородных образований. Прежде всего, обратим внимание на славянские племена, которые составляли основную этническую часть населения этих земель и представляют для нас особый интерес. Не секрет, что среди народов мира славянские племена относятся к сравнительно молодым народам. Наши предки не строили вместе с египтянами пирамид, не завоевывали Индию в войсках Александра Македонского, не противостояли легионам Юлия Цезаря. Одни из наиболее ранних упоминаний о славянских племенах под названием "венеды" появляются в работах римских ученых Плиния Старшего, Тацита, Птолемея только в I—II веках от рождения Христа, когда цивилизации Древнего Египта и Древней Греции уже канули в Лету, а великий Рим клонился к упадку.

Само название "славяне" впервые приведено византийскими авторами Псевдо-Кесарием, Иоанном Эфесским и Менаандром, а наиболее полные описания раннеславянской истории изложены в работах византийских историков Иордана "Гетика" (551 г.) и Прокпия Кесарийского "Истории войн" (550—554 гг.). По сведениям упомянутого Иордана, относящимся к VI столетию, славяне в те времена делились на три ветви: венеды, анты и склавины.

Об этом периоде истории славянских племен украинский автор А. Палий пишет: "Византийские современники называли антов "сильнейшими из славян". Современные ученые считают, что антский союз племен стал этнической основой украинцев. Из антского союза племен выделились и мигрировали в свои страны современные балканские славяне, кроме словенцев (то есть сербы, хорваты, болгары, македонцы и т. д.), а также поляки. Преимущественно от склавин происходят словенцы, словаки, чехи и частично поляки. История попадания групп славян на территорию современной Беларуси (изначально заселенной балтами) и Центральной России (заселенной угро-финнами) относится к более позднему периоду".

Но наш уважаемый автор несколько поторопился, не могли украинцы произойти непосредственно от антов, были еще так называемые восточные славяне. Здесь мы снова встречаемся с одним из терминов, которые "стали общераспространенными, и им доверяют, не проверяя их источников". Со школьных времен известно, что славянские племена делились на южных, западных и восточных славян. В советские времена всякий раз, когда встречалось упоминание о том или ином славянском племени, нам старательно подсказывали, что это именно южные или, к примеру, западные славяне. Но разделение славян на три ветви придуманы были не самими славянскими племенами, и даже не летописцами (и те, и другие о такой классификации и не подозревали), а значительно позже учеными. Казалось бы, пусть этот научный термин, созданный под предлогом удобства классификации особенностей каждой из ветвей славянства, так и оставался бы в сфере науки, однако он широко использовался как в популярной литературе, так и в школьных программах. Судя по настойчивости, с которой упоминались названия южные, западные и восточные славяне применительно к периоду средневековья, когда наши предки еще только переходили от родового строя, создавали свои первые государства, и как мы видели, еще не имели существенных отличий даже в языке, эти постоянные подсказки преследовали иную, совсем не научную цель — еще в школе поделить славян в нашем сознании на своих и чужих. Таким способом создавалось устойчивое впечатление, что восточные славяне должны были жить только с восточными и что они изначально были обречены на создание единого государства (конечно же, России!) именно в таком племенном составе. В то же время подразумева-

лось, что южные или западные славяне — это уже несколько иные славяне или, может быть, даже совсем не славяне. Логическим завершением этого процесса стало то, что все чаще слово "славяне" в стране Советов ассоциировалось только с пресловутыми восточными славянами.

В этом очень легко убедиться на примере раздающихся довольно часто на просторах СНГ призывов о "восстановлении славянского единства". При этом всем, как призывающим, так и слушающим, понятно, что речь идет только о славянах бывшего СССР, то есть восточных славянах, а на поляков, например, этот призыв никак не распространяется. С ними восстанавливать единство, равно как с чехами, словаками и всеми остальными западными и южными славянами, никто не намеревается, они "не наши" славяне. Какое уж тут восстановление единства славян, если говорить об этом без лицемерия и фальши!

Как всякое обобщенное название, термин "восточные славяне" имеет существенный недостаток — не позволяет узнать, а какие собственно славянские племена скрываются под этой "вывеской" и сколько их было? Ответ на первую часть этого вопроса получить сравнительно легко: опираясь на летописные сведения, историки в настоящее время называют 14 больших племенных объединений, явившихся этнической основой славянского населения Руси, а именно: поляне, дулибы, бужане, вольняне, сиверцы, тиверцы, уличи, ильменские словены, кривичи, дреговичи, радимичи, вятичи, белые хорваты, древляне. К ним надо еще добавить лучан и червнян, при этом нельзя быть уверенным, что данный список является исчерпывающим. Поэтому на вторую часть нашего вопроса — сколько же было славянских племен — ответить совсем не просто. Слова летописи, сказанные в отношении уличей и тиверцев "было их без счета", в полной мере относятся и ко всем славянским племенам, которые вряд ли сами знали, сколько их всего и кто из них где обитает.

В литературе не трудно найти достаточно обширные описания жизненного уклада ранних славян, оставленных историками более цивилизованных в то время стран. Не будем их повторять, скажем только, что из этих описаний становится очевидным, что славяне мало чем отличались от других племен, живших еще родовым строем. Как мы уже знаем, у них был общий язык, позволявший славянам разных племен понимать друг друга. У каждого племени была

своя, пусть и нечетко очерченная территория, были выборные князья (вспомним хорошо известных князя полян Кия, князей Моравии Ростислава, Коцела и Святополка, князя древлян Мала, волынян Маджака). Центрами племенных союзов являлись города, такие как Киев, Новгород, Галич, Звенигород, Теревовля и др., многие из которых стали в дальнейшем столицами отдельных древнерусских княжеств.

"В большинстве княжеств-земель, и в городах, и в селах сохраняются похожие системы традиционного самоуправления, — пишет историк А.Г. Кузьмин. — Обычно удивляют и размеры этих земель-княжений: чем поддерживалось политическое и культурное единство? Явно не общими экономическими интересами (хотя какую-то роль и они играли). А культурные особенности часто нарочито подчеркивались ..." Уточним: подчеркивались не самими славянами, а исследователями позднейших эпох.

Из общего количества известных науке славянских племен истории наиболее часто пишут о полянах, проживавших в среднем течении Днепра. Некоторые авторы даже утверждают, что поляне были самыми "центральными" из всех проживавших поблизости племен. Однако, вряд ли под этим следует понимать, что поляне занимали какое особое, привилегированное положение, или как-то руководили остальными славянами. В подтверждение сошлемся на "Повесть временных лет", где поляне упомянуты среди других племен, плативших дань хазарам до появления варягов: "А хазары брали дань с полян и с северян, и с вятичей..." Известно, что уплата дани общему господину, как правило, уравнивает подданных между собой.

Очевидно, вся "центральность" полян сводилась к тому, что князь Олег сделал их город Киев столицей создаваемого нового государства и поляне, неожиданно для себя, стали столичными жителями. Сам Киев после покорения варягами иных славянских племен действительно оказался в центре государства Русь, но при провозглашении его "матерью городов русских" еще самой страны с таким названием не существовало. Князь Олег оценил иное, стратегически важное расположение города — Киев находится примерно посередине расстояния от истока до устья Днепра, что позволяло его повелителям контролировать проходивший по реке путь "из варяг в греки" на всем его протяжении.

Видимо помог "центральности" полян и Нестор Летописец, который, как истинный киевлянин, с нескрываемой симпатией

описал предков своих земляков. Автор этой книги в полной мере разделяет симпатии Нестора к киевлянам, но сильно сомневается в том, что древляне жили таким "звериным обычаем", как описал знаменитый летописец. А вот в чем Нестор, безусловно, прав, так это в том, что "...все эти племена имели свои обычаи, и законы своих отцов, и предания, и каждые — свой нрав". Ни о каком слиянии славянских племен и создании на их основе единой народности еще и речи не было, пока что каждому племени был дорог собственный "нрав". В таком состоянии и застал наших предков легендарный 862 год — год призвания варягов.

* * *

Итак, к IX веку в Восточной Европе складывается ряд крупных племенных образований славян, отличавшихся определенной внутренней устойчивостью и более или менее единообразной структурой управления. В политических отношениях между племенами также сохранялась определенная устойчивость. Всякие попытки установить господство над непосредственными соседями, а такие попытки, видимо, были, получали надлежащий отпор не только от племени, подвергнувшегося нападению, но и от его союзников. Нужна была сила, способная переступить через племенные обычаи и отношения, изменить привычное распределение сил в регионе.

Рано или поздно такая сила нашлась бы непосредственно в славянском мире, но история рассудила по-своему: вмешались чужаки. Причем вмешались не только в судьбу наших предков, но и многих иных народов Европы, придав общеконтинентальным процессам образования государств и народностей невиданный прежде импульс ускорения. На Руси эти чужаки получили название варяги, в Европе — викинги. Ускоряя исторические процессы на континенте, эти отважные господа, разумеется, заботились не о прогрессе человечества — это был, так сказать, побочный продукт их деятельности. Неведомых ранее пришельцев занимали гораздо более простые и конкретные вещи. Сэр Уинстон Черчилль писал: "Яростная буря разразилась в 835 г., и мощные флоты, состоящие иногда из трехсот или четырехсот судов, устремились по рекам Англии, Франции и России. Такого масштабного разбоя еще не было". Этот мощный, мутный поток, движимый жаждой наживы, и вынес на берега Ладоги будущих повелителей Руси.

Два столетия спустя их верноподданный летописец, излагая об-

стоятельства, при которых в славянских землях появились новые хозяева, сумел придать им сугубо мирный и цивилизованный характер: "В год 6367 (859). Варяги из-за моря взимали дань с чудь, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали дань с полян, и с северян, и с вятичей по белке от дыма.

В год 6370 (862). Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные урмане и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, лишь порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами".

Заметим, что летописец, указывая славянские племена словен и кривичей наравне с угро-финскими племенами чудь и весь, никаких сведений об их консолидации или простом взаимодействии с иными славянскими племенами, например, получении согласия на приглашение иноземцев, не приводит — все по-прежнему живут по своим обычаям. Вот из такого разрозненного разноплеменного материала варяги и начали сколачивать население будущего государства. При благоприятном развитии событий этот процесс должен был завершиться появлением единой народности, но получилось ли это у варягов на самом деле?

Прежде чем ответить на этот вопрос, обратим внимание читателей на одно обстоятельство, компенсировав одновременно потери нынешних киевлян, причиненные сомнениями в "центральности" их предков. Совершенно понятно, что одним из основных мотивов непризнания российской исторической наукой так называемой "норманнской теории", согласно которой государство с названием Русь создали норманны-варяги, является ущемленное чувство национальной гордости, продиктованное ученым политиками. С момента появления этой теории кто только ее не опровергал, а она по-прежнему существует, разделяя историков на "норманнистов" и "антинорманнистов". Вслед за россиянами украинские ученые тоже считают необходимым опровергнуть или поддержать данную теорию, нимало, видимо, не задумываясь, что слова: "Земля наша велика и обильна, лишь порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами", — к предкам украинцев отношения не имеют. Поляне,

древляне, вольняне, бужане, тиверцы, дулебы, уличи, северяне — словом, все племена, которые слились позднее в украинский народ, ни с какой просьбой к варягам не обращались. Пращуров украинцев на отсутствие порядка не жаловались, сами достойно вели свои дела и заморских "менеджеров" не вызывали. Да, в дальнейшем они тоже оказались под властью незваных пришельцев, но подданными варягов эти племена стали в результате завоевания, разделив при этом участь чуть ли не половины Европы. Поэтому пора бы нам уже более спокойно относиться к этому эпизоду и оставить его для дальнейших разбирательств тем российским ученым, для которых он составляет проблему национального престижа. Для нашего же повествования варяжское пришествие важно тем, что последовавшее за ним завоевание норманнами славянских племен позволяет проследить, как долго еще сохранялись племенные различия среди коренного населения Восточной Европы.

Западные источники четко датируют начало походов викингов 835 годом. "Повесть временных лет", говоря о призвании варягов, указывает 862 год. Но никакого противоречия между этими двумя датами нет. Там же в "Повести..." указано, что в 859 г. "варяги из-за моря взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей". Очевидно, эти варяги и были из числа тех первых волн завоевателей, которые начали грабить территорию Европы и будущей Руси, начиная с 835 г. Собственно, тот же Черчилль прямо об этом пишет: "В течение тридцати лет южная Англия подвергалась постоянным нападениям. Не одну осаду выдержал Париж. Оборонялся Константинополь. Были захвачены портовые города Ирландии. Викинги под командой Олафа основали Дублин. Во многих случаях они оседали на завоеванной территории. Шведы проникли вглубь России, управляя расположенными на реках городами и собирая дань с купцов".

Простим великому политику и прекрасному писателю то, что территорию нынешней Украины, подвергшейся разбойному нападению вслед за Новгородской землей, он относит к России. Его книга "Рождение Британии", откуда взяты приведенные цитаты, была написана в те времена, когда весь мир заменял несуразное название СССР на более привычное — Россия. Одновременно отметим, что тридцатилетний период после начала великого ограбления, о котором говорит Черчилль, завершился как раз в середине 60-х годов IX века, когда древнерусские летописи наконец-то заметили варягов.

Знаменательна в приведенном отрывке из работы Черчилля и фраза о том, что викинги оседали на завоеванных землях. Это и есть то самое "призвание варягов", о котором так трогательно поведал нам Нестор Летописец. Надо отдать должное отваге этих "поселенцев" — вряд ли они знали, сколько славянских племен им придется завоевать, с какими трудностями и лишениями при этом столкнуться. Но все окупалось сторицей при достижении цели, а цель у норманнов была крайне заманчивой — кратчайший путь для набегов на богатую Византию. С завоеванием Приднепровья и проживавших там славянских племен, о чем мы расскажем дальше, этот знаменитый путь, получивший название "из варяг в греки", полностью перешел под контроль норманнов. Начинаясь в крупном торговом центре Скандинавии Бирке на озере Меларен, он шел через Балтийское море, проникал двумя рукавами через Неву или Западную Двину вглубь континента, волоками переходил на Днепр, оттуда в Черное море и заканчивался в византийской столице Константинополе. Хозяин этого пути имел немалый постоянный доход, как от проезжающих купцов, так и от разбойных набегов на Византию.

Однако основной доход варягам давала работоторговля. У себя на севере, в Скандинавии, весь свой жизненный уклад они строили на возможности использовать рабский труд. Вместе с тем, гигантское количество рабов требовали и южные страны. "Испания и далекие мусульманские страны были ненасытны: им требовались мужчины, девочки для работы и развлечений, евнухи. В 850-х гг. шведы проложили новые пути на восток — по Волге и Днепру", — пишет упоминавшийся нами Джонс Гвин. Таким образом, древний Славутич, после появления на его берегах скандинавов, стал одним из основных путей, по которому рабов везли как на север, так и на юг. Самих же рабов брали здесь, на месте и чужакам было все едино: полянин ты, древлянин или кривич, главное — ты славянин, значит, должен быть рабом или платить дань. Сообщает Джонс Гвин и о масштабах торговли викингов славянскими рабами: "В основном рабов поставляли война, пиратство и торговля. Их привозили во множестве с Британских островов: это были пленники, захваченные во время набегов, жители завоеванных областей или специально купленный "товар". То же происходило и в других землях, куда добирались викинги, однако основным объектом "охоты" стали славянские племена, жившие по берегам Балтийского моря. Само латинское название славян *Sclavus* стали

смешивать со средневековым латинским *slavus* — раб". Так что знаменитое выражение князя Святослава о том, что из Руси ему в Переяславец на Дунае везут "меха и воск, мёд и рабов", — никакая не ошибка и не случайность. Именно так и относились первые князья династии Рюриковичей к завоеванным славянам, наполняя ими рынки работорговли по всей Европе.

"Работорговля была для викингов одной из важнейших статей дохода", — продолжает Джонс Гвин. По сведениям этого автора в самой Скандинавии, "...согласно "Законам Фростатинга" наличие трех рабов считалось нормой для хозяйства, имеющего двенадцать голов скота и двух лошадей; в богатой усадьбе рабов могло быть и более тридцати". Так что рабы были нужны не только для торговли, но и для поддержания хозяйства в семьях викингов, пока главы семейств занимались благородным делом разбоя.

По мере того, как норманны осваивались на завоеванных территориях и все больше чувствовали себя господами, способ приобретения живого товара становился более цивилизованным: славяне платили варягам дань рабами. Отечественные историки обходят это обстоятельство молчанием, но византийский император Константин Багрянородный, оставивший подробное описание жизни варягов во времена князя Игоря, прямо указывает на этот вид дани. Он пишет, что зимой варяги объезжают завоеванные славянские племена и собирают с них дань. Некоторые племена платят монетой, другие — мехами и иными товарами, и все — рабами. Поэтому не вызывают удивления дальнейшие строчки императора Константина о том, что отправлявшимся торговать в Византию варягам при преодолении днепровских порогов приходилось десять километров переводить пешком рабов вниз по течению. То, что варяжская Русь торговала рабами, подтверждают и статьи седьмая и восьмая договора, заключенного князем Олегом с Византией в 911 г.

Известно, что лучшей формой защиты награбленного всегда была государственная машина, и варяги начинают создавать ее, уничтожая одновременно остатки родового строя покоренных славянских и угро-финских племен. Создавали ее они не только на Руси, а в большинстве покоренных ими стран, так как имели в деле государственного строительства более ощутимые достижения, чем другие европейские народы. "Превосходство скандинавов обуславливалось и развитостью их государств, —

пишет Джонс Гвин. — В Шотландии, Ирландии, Уэльсе (а тем более на Руси) процесс объединения еще только начался, франкская империя развалилась в 840 г. Шотландия представляла собой пеструю и беспорядочную смесь рас и народов... В Ирландии, правда, имелся верховный король в Таре, которому местные властители ... приносили клятву верности, но это было скорее кажущееся, нежели реальное единство. ... В Уэльсе ситуация была не лучше, а в Англии — еще хуже". Интересно было бы узнать, почему общественность перечисленных европейских стран, в отличие от отечественной, никогда не выражала обеспокоенности по поводу большей "продвинутой" викингов в вопросах создания государства? А у отечественной общественности, в свою очередь, поинтересоваться: почему ускорение, которое норманны волей или неволей придали формированию национальных государств у многих народов Европы, должно однозначно оцениваться как унижение чести и достоинства этих народов, как утверждала российская историческая наука не одно столетие?

* * *

Согласно летописным данным, после призвания варягов Рюрик правил на севере в Новгороде, а Аскольд и Дир, спустившись вниз по Днепру с частью дружины, захватили Киев — столицу полян. Но это была скорее разведка, а настоящее наступление на славян, начиная с 882 г., развернул князь Олег. Конечно, у него не было замыслов создать чисто норманнское государство, предварительно изгнав или истребив местное население. Так же, как и другие викинги в Италии, Франции или Англии, он лишь искал себе "налогоплательщиков". Идя путем Аскольда и Диры вниз по Днепру, князь не делал каких-либо исключений и взял для начала Смоленск — столицу кривичей, а затем Любеч. В дружине Олега помимо профессионального ядра — варягов, — были все проживавшие в районе Новгорода и подвластные варягам славянские и угро-финские племена: чудь, словене, меря, весь и кривичи. Так с помощью одних славян Олег начал завоевание других славянских племен. Достигнув Киева, он убил своих соплеменников Аскольда и Диру, но эти внутриваряжские разборки к славянам отношения не имели — норманны решали, кому быть конунгом на всей захваченной ими территории. К 883 г. район Ильменского озера, откуда начинался славянский

отрезок пути "из варяг в греки" и среднее Приднепровье, где этот путь продолжался, были объединены под властью одного варяжского князя.

Основа была создана, но для полноценного государства этого было еще явно недостаточно. Никакое сильное государство немислимо без многочисленного населения и обширной территории. Пока же, вытянутая вдоль пути в желанную Византию тонкой нитью территория была слишком уязвима, а количество подвластного варягам населения сравнительно невелико. Да и об увеличении доходов за счет продажи новых партий рабов нельзя было забывать. Решение всех этих проблем не представляло загадки — продолжить завоевание соседних с полянами племен, что Олег и сделал. В 883 г. он покорил древлян, в 884 г. — северян, в 885 г. — радимичей. Кстати, покорив северян, князь Олег освободил их от уплаты дани хазарам, но сам с хазарами никогда не воевал. Поэтому в знаменитом двустишии Пушкина: "Как ныне сбирается вещий Олег отмстить неразумным хозарам", — было бы правильнее заменить слово "хозарам" на слово "славянам", так как именно их села и нивы варяжский князь не раз обрекал "мечу и пожарам".

С дальними племенами уличей и тиверцев князь Олег не воевал, но, видимо, умел с ними поладить, так как те же тиверцы участвовали в его походах. Идя на Константинополь в 907 г., Олег возглавлял уже не только собственную варяжскую дружину; с ним были, как пишет летопись, "и древляни, и радимичи, и полянины, и сиверцы, и вятичи, и хорваты, и тиверцы". Как видим, участвующие в походе Олега славяне были представлены племенными отрядами, а не территориальными формированиями, являющимися отличительной чертой централизованного государства. О степени уважения варягов к новым "боевым товарищам" и о "честном дележе" с ними добычи красноречиво свидетельствует тот факт, что как пишет С.М. Соловьев, после заключения мира с греками Олег велел шить для руси паруса из шелка, а для славян — из полотна. "Поднявшийся ветер порвал полотняные паруса, тогда славяне сказали: примемся за свои холстинные паруса, не дано славянам парусов полотняных".

Историк ничуть не ошибся, отделив русь от славян. О том, кто и что должно пониматься под таинственным во всех отношениях словом "Русь", мы расскажем в одном из следующих очерков, а пока поясним, что в данном случае под этим словом подразумевались земляки и сподвижники князя Олега — варяги.

Сохранялась племенная раздробленность местных племен и при следующем Киевском князе — Игоре. В 944 г., во время второго похода Игора на Константинополь, то есть через тридцать с лишним лет после аналогичного похода князя Олега, летопись по-прежнему фиксирует те же племенные отряды: "Игорь же собрал воинов многих: варягов, русь и полян, и словен, и кривичей, и тиверцев, и нанял печенегов, и заложников у них взял, и пошел на греков в ладьях и на конях, стремясь отмстить за себя". Завоевателям пока явно не до внутреннего переустройства, создавать надплеменные военные формирования некогда — под боком лежала богатейшая Византия и для отъема ее сокровищ временно годились прежние племенные отряды. Понятным становится и то, каким образом они добивались от покоренных славянских племен столь ревностного рдения об интересах своих поработителей. Слова летописи "и заложников у них взял", очевидно, не относятся к имевшим финансовые стимулы нанятым печенегам и доходчиво объясняют нам, почему славяне соглашались умирать под знаменами варягов в далекой Византии без всяких парусов из шелка.

В этой книге мы не будем описывать перипетии походов, совершенных киевскими князьями против Византии — их красочное описание есть в любой книге по истории Руси, а мы условились не повторять широко известные сведения. Тем же, кто любит прославлять эти победы "русского" оружия, предлагаем поразмышлять над тем, из-за чего, собственно, совершались походы на Константинополь? Может быть, Византия угрожала территориальной целостности Древнерусского государства, пыталась свергнуть власть варягов в Киеве или посягала на какие-либо столь же серьезные интересы Руси? Нет, историки о подобных злодейских замыслах византийских императоров ничего не сообщают.

Причины походов варягов на Константинополь просты и очевидны — это все то же "благородное дело разбоя", которым в это время занимались их собратья по всей Европе. В этих "коммерческих" предприятиях нашим славянским предкам предоставлялось только право умирать во имя славы и наживы варяжских князей. При этом отважных викингов совершенно не беспокоили такие мелочи, как согласие славян на участие в очередном губительном походе (вспомним заложников) или справедливое вознаграждение оставшихся в живых славянских воинов (вспомним холстинные паруса).

Традицию прославлять походы Олега и Игоря заложили еще историки и писатели царской России. Причины этого славословия "слуг царевых" понятны и объяснимы — киевские князья были единственными, кто если не завоевал, то хотя бы прикоснулся (приблизит!) к воротам Константинополя, владеть которым вождели все российские цари, включая Екатерину Великую и Николая II. Объявив Московское государство третьим Римом, его повелители обрели себя на длившуюся несколько столетий погоню за овладение Константинополем — какой же Рим без Царьграда! Но для нас, живущих в другой стране и совсем в иное время, не является ли навязанное славянам право умирать во имя интересов варягов слишком высокой ценой за то, чтобы бездумно прославлять тех, кто обрекал наших пращуров на безвестную гибель в чужом краю?

* * *

Возвращаясь к теме консолидации населения Древнерусского государства, обратим внимание читателей, что помимо неистребимой жажды наживы у варягов была и другая, более серьезная причина, не позволявшая им проводить внутренние преобразования в более быстром темпе. К чести наших предков следует отметить, что порабощение славян не было для свирепых скандинавов простым и безопасным делом. Начавшись с овладения Смоленском князем Олегом в 883 г., завоевание славянских земель затянулось почти на сто лет, и далеко не все племена быстро подчинились власти норманнов. Долго оказывали сопротивление уже, казалось бы, завоеванные князем Олегом древляне, закрывая тем самым путь киевским князьям на запад. Борьба князя Игоря с уличами кончилась тем, что они покинули места своего проживания на Среднем Приднепровье и переселились в нижнее междуречье Днестра и Южного Буга, куда еще не дотягивалась власть киевского князя. А чего стоит знаменитый эпизод убийства теми же древлянами князя Игоря в 945 году!

Но, несмотря на оказываемое славянами сопротивление, процесс обращения их в подданных Киевского государства и разрушения племенных отношений неуклонно развивался. Тот же эпизод убийства Игоря наглядно показывает, что даже такой исключительный случай, как гибель князя, был использован киевской верхушкой в качестве предлога для ликвидации противостоящих ей племенных структур власти. Украинский историк Н. Яковенко особо подчеркивает,

что со стороны княгини Ольги это была не только месть, но и способ дальнейшей "силовой интеграции" древлян: "...Ольга хитростью сожгла столицу древлян Искорость, а также приказала убить племенного князя Мала и старшину, т.е. уничтожила структуры племенной организации".

Продолжил политику "силовой интеграции" славянских племен сын Игоря и Ольги князь Святослав. В 964 г. он двинулся в земли вятичей, которые жили в междуречье Оки и Волги. Этот глухой край отделяли от завоеванных ранее варягами земель дремучие, труднопроходимые леса, и поход против вятичей стал первым из многочисленных подвигов Святослава. Он же окончательно покорил древлян, и, открыв тем самым варягам возможность продвижения на запад, по предположению ученых, занял Вольнь и Надбужье.

После внезапной гибели Святослава между его сыновьями началась война — это была первая на Руси междоусобная схватка между потомками Рюрика. Власть варягов резко ослабла, чем немедленно воспользовались находившиеся под их властью племена. Пока наследники отважного Святослава убивали друг друга, из-под власти Киева освободились вятичи, белые хорваты, а также покоренные ранее литовские племена — ятвяги. Видимо удалось ослабить хватку норманнов и радимичам. Победивший в междоусобице Владимир Великий вынужден был снова собирать отпавшие племена под "свою руку". В 981 г. он занял червенские города, в 981—982 гг. совершил поход на вятичей, в 983 г. — на ятвягов, в 984 г. — на радимичей. В 983 году князем Владимиром были включены в состав Киевского государства и проживавшие по обе стороны Карпат белые хорваты. В результате походов князя Владимира власть над непокорными славянами была восстановлена, а государство Русь приобрело более-менее четкую территориальную конфигурацию. В рамках границ единого государства создались и условия для консолидации населения Киевской державы.

Князь Владимир вошел в отечественную историю с двумя прозваниями — Святой и Великий. Произошло это не случайно, поскольку заслуги его перед Русью состоят не только в принятии христианства, но и в переустройстве системы управления страной. Именно этот князь, предполагаемая мать которого вошла в историю с именем, свидетельствующим о ее племенной принадлежности, — древлянка Малуша, — нанес племенному устройству славян сокрушительный удар.

Восстановив единство Руси, князь Владимир, по приблизительной хронологии "Повести временных лет", в 988 г. заменил в главных городах страны племенных князей собственными сыновьями и объявил их своими наместниками. На первый взгляд, речь шла только о мерах, которые литературный классик назвал бы "ну как не порадеть родному человечку". Однако такой простой и, казалось бы, естественный ход князя Владимира имел далеко идущие политические последствия. Известно, что свято место пусто не бывает — в каждом племени были собственные повелители, которые вряд ли выражали радость по поводу отстранения их от власти. Но, на сей раз, местные правители не смогли противиться воле окрепшего Киевского князя и были вынуждены уступить. В результате прежние племенные династии начали быстро исчезать, а племенные союзы окончательно подчинились власти Киева.

Естественно, отпрысков даже самого плодovitого князя не могло хватить на то, чтобы полностью заменить племенные структуры. Их не хватало даже на то, чтобы держать под контролем наиболее важные центры страны, которая неожиданно для всех оказалась одной из самых крупных в Европе. Согласно расчетам польского историка Генриха Ловмянского, население Руси в X веке, то есть примерно во времена правления Владимира Великого, составляло порядка 4,5 миллиона человек, тогда как в немецких землях проживало приблизительно 3,5 миллиона, а в Польше — около 1 млн. 225-ти тысяч человек. В этот же период летописи упоминают более двадцати названий городов на Руси. Все это требовалось держать под контролем Киева, а потому наряду с наместниками вскоре появился институт тысяцких, возглавлявших гарнизоны центральной власти на местах. Так на Руси утверждалось надплеменное государство, построенное по принципу территориального подчинения. Прежние племенные отношения безвозвратно уходили в прошлое.

* * *

Заложенные Владимиром Великим основы построения централизованного государства продолжали укрепляться при его сыне Ярославе Мудром. Одновременно шли процессы консолидации населения — племенные особенности исчезали не только в сфере управления страной. Летописи уже более не делят людей на полян, древлян, северян, а именуют их киевлянами, черниговцами, галичанами и т. д.

Однако, как мы отмечали, процесс завоевания варягами славян растянулся более чем на сто лет, а для того, чтобы переплавить оказавшиеся "под рукой" Киева разнородные этнические образования в единую общность и создать прочное централизованное государство, необходимы были время и мощные средства влияния со стороны центральной власти. Эти-то обстоятельства, а точнее их отсутствие, и встали на пути нового государства. Огромная подвластная территория и неразвитость коммуникаций (наши дороги!), несмотря на принимаемые князьями меры, ослабляли влияние центра на окраины. В этой связи достаточно вспомнить хорошо известный пример, что только в середине XII века, то есть во времена Юрия Долгорукого и Андрея Боголюбского, когда центробежные явления уже набирали силу, начинает понемногу прокладываться прямоезжая дорога из Киева на отдаленный суздальский север. Эпизод из детских сказок, когда дружина князя Владимира смеется над Ильей Муромцем, утверждающим, что он приехал в Киев из Мурома прямоезжей дорогой, имеет вполне реальное основание — напрямую из Залесья (не случайно же оно так называлось) в столицу мог проехать разве что былинный богатырь.

Сейчас нам известно, что для существования единого Древнерусского государства история отвела крайне непродолжительное время. После смерти Ярослава Мудрого власть киевских князей стала слабеть — начинался период удельной раздробленности. Появились отдельные князья в Черниговской, Смоленской, Волынской, Галицкой, Полоцкой и иных землях. При этом, как писал Н.И. Костомаров, "...не было ни правил для размещения князей, ни порядка их преемственности, ни даже прав каждого лица из княжеского рода на княжение где бы то ни было, а потому, естественно, должен был возникнуть ряд недоразумений, которые приводили неизбежно к междоусобиям". Недоразумения возникали все чаще, междоусобные войны среди состоявших в близком родстве князей стали обычным явлением, а Русь превращалась в конгломерат враждующих между собой княжеств.

Последняя попытка сохранения централизованного государства была предпринята внуком Ярослава Мудрого Владимиром Мономахом, который ценой невероятных усилий сумел собрать под своей властью три четверти прежней территории Руси. Но именно Владимир Мономах инициировал проведение в 1097 г. съезда князей в Любече, который фактически подтвердил распад единого госу-

дарства. Безусловно, и Мономах, и иные, участвовавшие в съезде князья, руководствовались совсем другими, и скажем более, благими намерениями. Во избежание дальнейших междоусобных войн, им нужно было установить между собой хоть какой-то порядок преемственности власти и договориться о совместных действиях против активизировавшихся половцев. Но сам тот факт, что не нашлось одной могучей силы, которая положила бы конец междоусобицам и просто обязала всех Рюриковичей участвовать в отражении внешних нападений, говорил о слабости центральной власти, если вообще Киевских князей еще можно было считать таковой. Красноречивым обстоятельством было и то, что в съезде участвовали только потомки Ярослава Мудрого, а полоцкие князья, наиболее удалившиеся от влияния Киева, на него, видимо, даже не приглашались. Начиная с 988 г., когда племенные структуры были заменены князем Владимиром Великим на общегосударственные, до съезда в Любече прошло чуть более ста лет, а созданное этим великим преобразователем Руси единое государство уже начало распадаться.

Любечский съезд, равно как и другие съезды князей, центробежные тенденции не остановил, и в середине XII века Древнерусская держава фактически разделилась на 15 независимых княжеств. Некогда могучий Киев потерял свое значение, а вместо него сформировались новые центры влияния, такие как Галич, Полоцк, Новгород Великий, Смоленск, Владимир-на-Клязьме и др. Явления, разрушавшие Киевское государство, все более усиливались, и в следующем веке количество удельных княжеств увеличилось уже до пятидесяти. Точку в существовании единого средневекового государства Русь поставило последовавшее в первой половине XIII столетия монгольское нашествие.

Естественно, что распад Киевской державы не мог не сказаться на интенсивности и направленности внутригосударственных этнических процессов. Остановить полностью консолидацию прежних племен было уже невозможно — минувшие 100—150 лет сосуществования в централизованном государстве не прошли для его жителей бесследно. Но не подлежит сомнению и то, что центробежные силы, ослаблявшие, а затем полностью разрушившие единую страну, встали на пути формирования единой народности столь быстро исчезнувшего государства. По мере ослабления влияния центра на этнические отношения на первый план в них все больше выходили особенности отдельных регионов.

Из предыдущего очерка мы знаем, что население Руси говорило на едином языке, близком к современному украинскому языку, и в подтверждение этого обстоятельства ссылались на академика А.А. Шахматова. Этот же ученый дает ответ и на вопрос о том, чем завершился процесс слияния для многих из известных нам славянских племен. Приведем его высказывание более полно: "Мы не имеем основания предполагать, чтобы современные малорусы пришли в Приднепровье лишь в историческое время. Летописец называет на этой территории не одно, а несколько южнорусских племен: полян, древлян, вольнян, бужан, тиверцев, дулебов, хорватов, уличей. Но так как ...современные малорусы от берегов Припяти вплоть до Черного моря, от Днепра и до Карпат говорят такими говорами, которые ясно свидетельствуют об исконно племенном их единстве, то мы должны признать единоплеменность тех южных племен, о которых повествует летописец". Итак, по мнению академика, перечисленные им славянские племена никуда не исчезли, а, оставаясь на своей родной земле, стали основой для формирования украинского народа.

Собранные после А.А. Шахматова поколениями археологов, антропологов и этнологов сведения подтверждают его вывод о том, что славянские племена, которые заселяли территорию современной Украины (вольняне, древляне, поляне, белые хорваты, уличи, тиверцы, северяне), стали предками украинского народа. В частности, уже упоминавшаяся нами, Н. Яковенко пишет: "Параллельно с языковыми формировались этнические очертания будущего украинского народа, чей ареал проживания совпадал с древними восточнославянскими территориями между Припятью, Днестром, степью и Карпатами, т.е. охватывал современные Приднепровье, Волинь, Полесье, Галичину и Прикарпатье. Постоянство заселения этих регионов местными племенами, обеспечивая наследственность поколений, вызвало появление постоянных признаков не только в языке, а и в бытовой культуре — жилье, одежде, пище, обычаях и обрядах".

Точно так же, по мнению ученых, теряли свои племенные обычаи, или, как писал Нестор Летописец, "свой нрав", и занимавшие территорию современной Беларуси дреговичи, кривичи, радимичи — они стали предками белорусского народа. Ильменские словены образовали отдельный псково-новгородский этнос, который в XV—XVI столетиях был частично уничтожен, а частично насильно ассимилирован Московским государством.

Однако читатели, безусловно, заметили, что ученые говорят пока только о предках украинцев и белорусов, а когда и где появились пращуры самого многочисленного из славянских народов бывшего СССР — русского народа? Для ответа на этот вопрос нам необходимо вспомнить еще об одном явлении, которое с X века существовало наравне с процессом разрушения племенных отношений на Руси, — колонизации славянами новых земель.

* * *

В XIX веке проблемой происхождения русского народа занимался профессор Петербургского университета К. Кавелин — и вот к каким интересным выводам он пришел: "Раскроем первую нашу летопись, которая написана во всяком случае не позднее XI века. Составитель ее знает малороссию и перечисляет разные части этой ветви русского племени; называет северо-западные ветви того же племени: кривичей (белорусов) и славян, упоминает еще радимичей и вятичей, которые происходят от ляхов; но, на удивление, великорусов он совсем не знает. Восточнее от западных русских племен, где теперь живут великорусы, живут, по летописи, финские племена, частично существующие и сейчас, частично уже исчезнувшие. Где же были тогда великорусы? О них в перечне племен, которые живут в современной России, не упоминается ни словом... С другой стороны, мы знаем, колонизация финского востока началась с XII века. Таким образом, мы имеем все основания допускать, что великорусы сложились в отдельную ветвь не раньше XI века".

Итак, профессор Кавелин назвал нам место и время — финский восток XI—XII века. Судя по указанной профессором датировке, активная колонизация северных земель шла во времена княжения Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Самым непосредственным образом связана она и с князем Юрием Долгоруким, традиционно считающимся не только основателем Москвы, но и многих иных северо-восточных городов.

Наиболее полное описание данного периода древнерусской истории оставил В. О. Ключевский. Из его трудов становится ясным, где именно находился "финский восток", упомянутый К. Кавелиным: "...струя колонизации из Приднепровья направлялась в противоположный угол Русской земли, на северо-восток, за реку Угру, в междуречье Оки и верхней Волги. Это движение слабо отмечено современными наблюдателями: оно шло тихо и постепенно

в низших классах общества, потому и не скоро было замечено людьми, стоявшими на общественной вершине... До половины XII в. не заметно прямого сообщения Киевской Руси с отдаленным Ростовско-Суздальским краем. Заселение этой северо-восточной окраины Руси славянами началось задолго до XII в., и русская колонизация его первоначально шла преимущественно с северо-запада, из Новгородской земли, к которой принадлежал этот край при первых русских князьях".

Изданная в советские времена историческая энциклопедия относила начало колонизации Залесья к концу X века. Некоторые ученые определяют его более осторожно — ориентировочно X век, так как по сведениям О.Б. Ткаченко на территории междуречья Волги и Оки, то есть на бывших землях финского племени меря, неизвестно ни одного славянского памятника старше X столетия. Однако противоречия между выводами К. Кавелина и мнениями современных авторов, видимо, нет, так как по определению В. О. Ключевского колонизация сначала шла "тихо и постепенно", а затем этот процесс активизировался.

Новый край получил название Залесье, поскольку был отделен от Руси дремучими лесами вятичей. О немалых трудностях колонизации этого необжитого и обширного края мы рассказывать не будем, ограничимся только одной фразой В.О. Ключевского: "...На севере поселенец посреди лесов и болот с трудом отыскивал сухое место, на котором можно было бы с некоторой безопасностью и удобством поставить ногу, выстроить избу".

Высказывает Ключевский и предположение о тех местах Руси, откуда приходили славянские колонисты: "Далее встречаем признак, прямо указывающий на то, откуда шло население, наполнявшее эти новые суздальские города и великие села. Надобно вслушаться в названия новых Суздальских городов: Переяславль, Звенигород, Стародуб, Вышгород, Галич — все это южнорусские названия, которые мелькают чуть ли не на каждой странице старой киевской летописи в рассказе о событиях в южной Руси; одних Звенигородов было несколько в земле Киевской и Галицкой. Имена киевских речек Лыбеди и Почайны встречаются в Рязани, во Владимире на Клязьме, в Нижнем Новгороде... Это перенесение южнорусской географической номенклатуры на отдаленный суздальский север было делом переселенцев, приходивших сюда с киевского юга. Известен обычай всех колонистов уносить с собою на

новые места имена покидаемых жилищ: по городам Соединенных Штатов Америки можно репетировать географию доброй доли Старого Света".

Мнение Ключевского о том, откуда в далекое Залесье пришли колонисты, нам кажется достаточно убедительным. Если это предположение верно и названия городов в Ростово-Суздальском крае свидетельствуют о родных местах переселенцев, то надо признать, что славянские колонисты были "делегированы" всеми землями коренной Руси. Следовательно, оставшиеся в родных местах вольняне, древляне, поляне, белые хорваты, уличи, тиверцы, северяне стали этнической основой украинского народа, а их братья, отважившиеся на освоение далеких земель в Залесье, стали одной из этнических составляющих будущего русского народа.

Любопытно также, что процесс переселения славянских колонистов становится активным и заметным во времена Ярослава Мудрого, то есть сразу же после того, как его отец Владимир Великий покончил с племенными отношениями и стал насаждать государственный порядок. Не являлись ли эти переселенцы теми славянами, которые были не согласны с новыми порядками и искали от них спасения на новых землях, куда власть киевского князя еще не доставала? Не этот ли дух неприятия государственных порядков вел затем их предков все дальше и дальше вплоть до Тихого океана и Аляски, пока не столкнулся с другим государством, наступавшим ему навстречу, и отступить стало некуда? Тема представляется крайне интересной, но ответа мы не найдем, поскольку идеи колонизации северо-восточных земель, высказанные Кавелиным и Ключевским, исторической наукой разрабатываются очень слабо.

Возвращаясь к вопросу о причинах появления в северо-восточном крае географических названий из центральных, южных и западных земель Руси, нельзя исключить и несколько иное объяснение этому обстоятельству. В отличие от переселенцев в Северную Америку, которые сами присваивали названия, на Руси названия городам давали князья, а они могли руководствоваться не только ностальгическим переживанием по родным местам. Например, Андрей Боголюбский, отстраивая милый его сердцу Владимир-на-Клязьме, дал множество наименований, повторяющих киевские названия, но делал он это совсем не из любви к Киеву, а из желания противопоставить свой город столице государства. В истории с названиями в северо-восточных краях несомненным является только то, что человек,

который давал эти названия, будь это князь или простой переселенец, по крайней мере, знал географические названия, существовавшие в землях коренной Руси.

В приведенном высказывании К. Кавелина содержится также предположение, что русский народ возник в результате колонизации славянским населением Руси северо-восточных земель и слияния славян с местными племенами. В 1963 г. советская историческая энциклопедия со всей обстоятельностью подтвердила его предположение: "Колонизация этого края, которая началась в конце X ст., привела к обрусению мери и формированию здесь со временем великорусской народности". Надо ли напоминать, что в те времена подобные утверждения в столь серьезном издании могли появиться только после тщательного их согласования с самыми авторитетными научными деятелями и руководством страны. Таким образом, можно уверенно утверждать, что приток колонистов из славянских земель Руси на ее северо-восточную окраину привел к смешению славян с финскими племенами и возникновению в Залесье русского этноса. Как шел процесс смешивания двух этносов — славянского и финского, тот же В.О. Ключевский замечательно проиллюстрировал на примере возникновения различий между отдельными говорами русского языка, что мы достаточно подробно рассмотрели в предыдущем очерке.

* * *

Каково было реальное количество славянских переселенцев в залесские земли судить трудно, хотя бы уже потому, что "колонизация шла тихо и постепенно". По мнению Ключевского, славянские элементы преобладали и потому поглотили финские. Вот как он говорит о результатах взаимодействия руси и чуди: "Но так как этот процесс окончился поглощением одного из встретившихся племен другим, именно поглощением чуди русью, то для нас важна лишь одна сторона этого взаимодействия, т. е. влияние финнов на пришлую русь. В этом влиянии этнографический узел вопроса о происхождении великорусского племени, образовавшегося из смеси элементов славянского и финского с преобладанием первого. Это влияние проникало в русскую среду двумя путями: 1) пришедшая русь, селясь среди туземной чуди, неизбежно должна была путем общения, соседства кое-что заимствовать из ее быта; 2) чудь, постепенно русея, всю свою массу, со всеми своими антропологическими

и этнографическими особенностями, со своим обличьем, языком, обычаями и верованиями входила в состав русской народности. Тем и другим путем в русскую среду проникло немало физических и нравственных особенностей, унаследованных от растворившихся в ней финнов".

Возникший в результате смешения славян и финнов антропологический тип вобрал в себя черты того и другого этноса. "Надобно допустить некоторое участие финского племени в образовании антропологического типа великоросса, — продолжает Ключевский. — Наша великорусская физиономия не совсем точно воспроизводит общеславянские черты. Другие славяне, признавая в ней эти черты, однако замечают и некоторую стороннюю примесь: именно скулистость великоросса, преобладание смуглого цвета лица и волос и особенно типический великорусский нос, покоящийся на широком основании, с большой вероятностью ставят на счет финского влияния".

Не знаю, многие ли читатели, имеющие русские корни, узнали себя в портрете, который нарисовал Василий Осипович, особенно удивляет смуглый цвет лица и волос. К сожалению, нам не удалось найти иного заслуживающего внимания описания антропологии русского народа. Но представляется, что в обыденном общественном сознании гораздо более распространено мнение о русских, как о людях, имеющих светлую кожу, русые, то есть достаточно светлые волосы и светлые, чаще серо-голубые глаза. Такой образ имеет настолько широкое хождение, что на всех изображениях идиллических фигур из далекого прошлого России (например, русского пастушка), мы видим голубоглазых блондинов. Насколько отличительные черты таких героев соответствует характерным признакам финского народа, любой читатель может легко установить сам, вспомнив типичную внешность современных финнов. Если обыденное мнение о типичных чертах русского человека право, тогда вызывает сомнение вывод Ключевского о том, что имело место "поглощение чуди русью", скорее, имел место обратный процесс.

В качестве одного из показателей, позволяющих косвенным образом судить о величине потока переселения, принято использовать географические названия колонизированных земель. Связано это с тем, что этнос, преобладающий на конкретной территории, как правило, заменяет непонятные ему названия другого народа на наименования на своем языке. Если посмотреть на историю географических

названий в центральном регионе России с этой точки зрения, то мы увидим, что даже спустя столетия после прихода на эти земли славян, перечисленные Ключевским названия Переяславль, Звенигород, Стародуб, Вышгород, Галич, Звенигород, Лыбедь, Почайна и некоторые иные, оставались редкими островками среди моря наименований, имеющих финское происхождение.

Не смог полностью изменить эту ситуацию даже XX век с его приверженностью к "советизации" названий и массовым переименованиям. Достаточно взглянуть на карту современной России, чтобы убедиться, насколько ее территория по-прежнему насыщена неславянскими названиями рек, озер и населенных пунктов. Современными русскими людьми они уже воспринимаются как абсолютно естественные и единственно возможные, при этом мало кто задумывается, что объяснить значение большинства окружающих его названий с помощью одного только русского языка невозможно. По подсчетам В.И. Лыткина, опубликованным в 1972 г., "...почти половина географических названий, которые встречаются в северной половине Европейской части СССР, по своему происхождению финно-угорские. А таких топонимов тысячи. Все они входят в словарный фонд русского литературного языка: Вологда, Рязань, Онега, Кама, Холмогоры, Вычегда, Вятка и т.д.". Добавим к этому, что финскими по происхождению являются также названия: Москва, Суздаль (Суждаль), Рязань (Ерзя), Кострома, Пенза, Тамбов, Пермь и тьма иных названий.

Таким образом, если судить по совокупности географических названий, финские этнические элементы явно преобладали над славянскими в момент их встречи, и обыденное представление о типичной внешности русских людей, как о блондинах с голубыми глазами, представляется более правильным, чем мнение российского историка. Исследования более поздних авторов подтверждают справедливость данного общественного мнения. В статье "Этногенез восточных славян по данным антропологии" Т.И. Алексеева писала: "Дело Волго-Окского бассейна решается сравнительно просто. Славянский элемент в пору средневековья в физических чертах населения очень небольшой. В современную эпоху соотношение финно-угорского и славянского населения изменяется в пользу славянского". Пора средневековья, о которой упоминает Алексеева, это и есть период колонизации славянами Залесья и появления русского этноса, в котором славянский элемент был, как мы видим, "очень небольшим".

Сейчас земли Волго-Окского бассейна, или бывшее Залесье, составляют центральную часть России и воспринимаются русским населением как его исконные земли, или, по выражению современного российского автора А. Миллера, "беспроблемной национальной территорией". В такой уверенности русских людей, несмотря на множество окружающих их финских названий, нет ничего странного. Во-первых, это действительно исконные земли русского народа, поскольку как этнос он появился именно здесь; а то обстоятельство, что до появления славянских переселенцев здесь жили финские племена, ничего в настоящее время уже не меняет. Во-вторых, другие территории России были колонизированы значительно позже, уже непосредственно русским народом как таковым, и историческая память о том, что некогда там жили иные народы, еще сохраняется, не позволяя считать эти земли полностью этнически "беспроблемными". Хорошо проиллюстрировал это обстоятельство тот же А. Миллер на следующем примере: "Например, сегодня спроси человека на улице: Ставрополь — это что такое? Это извечная русская земля. Когда Ставропольская губерния была выделена из состава Кавказского наместничества? Да совсем недавно: в середине XIX века. Многие территории, которые сегодня осмысляются как извечно русские, это территории, которые еще при Российской империи подверглись этнической чистке, откуда выгнали местное мусульманское население, сначала заселили казаками, потом туда еще приехали какие-то крестьяне". Однако срок с момента колонизации Ставрополя по историческим меркам прошел слишком незначительный и, как показывают трагические события последних лет, Кавказский регион в отличие от Залесья, действительно, еще и до настоящего времени нельзя отнести к "беспроблемной национальной территории" русского народа.

* * *

Сделав столь обширное отступление по проблемам этногенеза и характерных черт русского народа, вернемся снова к вопросу о его единстве с украинским народом. Очевидно, что, как и в случае с финнами, любой читатель легко может установить, что внешность украинца никак не соответствует обыденному представлению о типичном русском человеке. Голубоглазый блондин-пастушок никак не хочет походить на кареглазого, темноволосого и смуглого казака из Запорожской Сечи. И объясняется это тем обстоятельством, что

украинцы принадлежат к иному антропологическому типу, нежели русские.

Антропологический тип украинцев был подробно исследован и описан еще в начале XX столетия антропологом, этнографом и археологом, преподавателем Петербургского университета Ф.К. Вовком. Обобщив большое количество фактических данных, Вовк утверждал, что украинский народ представляет собой отдельную антропологическую и этнографическую целостность, а не является "южной Россией".

Описывая антропологические признаки украинцев, Вовк отмечал, что украинцы — это достаточно "...однообразное племя, темноволосое, темноглазое, выше среднего или высокого роста, ... сравнительно высокоголовое, узколицее, с ровным и довольно узким носом, со сравнительно короткими верхними и длинными нижними конечностями. Совокупность этих признаков мы считаем возможным признать украинским антропологическим типом".

Вовк четко устанавливает принадлежность украинцев к конкретной расе: "Сравнивая антропологические особенности украинцев с такими же особенностями иных славянских народов, мы видим, что украинцы, бесспорно, наибольшую родственность обнаруживают с южными и западными (за исключением поляков) славянами, ... их следует причислять к так называемой *адриатической*, или *динарской*, расе, которую мы предпочитали бы назвать славянской".

Переводя, как он сам пишет, "предположение А.А. Шахматова с лингвистического языка на антропологический", Вовк также приходит к выводу о том, что восточная часть славянской расы, "смешиваясь с племенами, возможно еще неолитическими, которые раньше занимали указанные территории, и ассимилируя эти племена, разделилась на три группы. Каждая из этих групп в дальнейшем подвергалась разным этническим влияниям, которые в северной и средней группе сказались, прежде всего, в смешанном цвете волос и особенно глаз, далее в снижении роста ... Что касается южной группы, которая потом стала украинской, то, подвергнувшись в свою очередь влияниям иранским и, возможно, отчасти и тюркским, но оставшись сравнительно чистой, она сохранила в себе больше славянских черт, чем северные, родственные с ней группы". Результатом описанных Вовком процессов стало то, что нынешние русские и белорусы, как известно, при-

надлежат к вислянскому антропологическому типу, существенно отличающемуся от динарского антропологического типа, к которому принадлежат украинцы.

Исследования Вовка тем более ценны, что проведены они во времена, когда украинское и русское население компактно проживало на своих территориях, мало смешивалось друг с другом. После двух мировых войн, пережитых нашими народами в XX столетии и, особенно, "великих строек социализма", для обеспечения которой рабочей силой гигантские массы населения добровольно или под конвоем перемещались из одних регионов СССР в другие, порой трудно заметить характерные особенности во внешности населения той или иной территории. Вообще, понятие "коренное население", подразумевающее постоянное проживание нескольких поколений на одной и той же компактной территории, во времена всеобщей глобализации все реже можно применять без каких-либо оговорок, все меньше можно наблюдать отличия не только в языке, но и в бытовой культуре — жилье, одежде, пище, обычаях и обрядах и т.д. у различных групп населения, этнически принадлежащих к разным народам.

Та же украинская хата "под аккуратной стрехою, кокетливо выглядывающая из-за деревьев и кустов", которую Вовк считал одним из главнейших и наиболее выразительных этнографических признаков украинского народа, более таким признаком уже, видимо, не является. Отличия между домостроениями в Украине и России, особенно старыми, еще сохраняются, и может быть, могут быть определены при специальном исследовании. Однако, они уже не будут столь разительными, как в начале XX столетия, когда их описывал Вовк: "Оставаясь верными своему общему типу, характерные украинские хаты тянутся широкой полосой через всю среднюю и южную Украину, от подножия Карпат восточнее до Орловской, восточных частей Курской и Воронежской губерний, где неожиданно, без малейшего перехода, сталкиваются с темными великорусскими домами, с двухскатными крышами и без малейшего следа садков или вообще какой-либо растительности, которая окружала бы дом". Садочки теперь и в Сибири давно не редкость, а однотипность домов легко зафиксировать от Тихого океана до Закарпатья.

К счастью, всех этих советских особенностей не было во времена, когда Вовк проводил изучение этнографических особенностей

украинцев. Поэтому сегодня мы имеем недвусмысленные выводы его исследования, не искаженные интенсивными перемещениями народов, а именно: "Украинский народ на всей территории, которую он населяет, отличается целым рядом общих для него, во всем его составе, этнографических особенностей, которые не оставляют сомнения в том, что он представляет собой одну этнографическую целостность, полностью выразительно выделенную из иных славянских народов... В деталях своего этнографического быта украинский народ обнаруживает ближайшее сходство со своими западными соседями — южными славянами: болгарами и сербами, а также и с румынами, которые относительно этнографии остались полностью славянским народом". В тоже время близость этнографических особенностей белорусов и великороссов к украинским особенностям Вовк отметил только применительно к их древнейшим формам.

Наиболее полный обобщающий вывод об отличиях украинцев и русских сформулировал известный российский филолог XIX—XX столетия академик Федор Корш, который в 1904—1905 гг. возглавлял Комиссию Петербургской Академии наук для составления Записки "Об отмене стеснений печатного малорусского слова". Вот что он писал: "Отличия украинцев от других славянских народов настолько очевидны, что о них не следует и говорить. Что же к их отличию от "государственной народности", то они оказываются:

в языке, который относится к великорусскому приблизительно так же, как кашубский к польскому, или словенский к сербо-хорватскому, и распадается на наречия и говоры, независимо от разветвления великорусского языка;

— физическом складе, достаточно типичным для того, чтобы можно было отличить украинца от великоруса с первого взгляда;

— особенностями духовными: своеобразным юмором, впечатлительностью, живым воображением, преобладанием образов над теорией;

— бытовыми чертами, настолько разными и прочными, что они сохраняются и там, где украинцы живут среди великорусского населения.

Все эти признаки нельзя не признать важными, так как сложиться они могли только за много столетий отдельной от великорусов жизни, и поэтому выдержат, конечно, еще много столетий, изменяясь только в чем-то под влиянием общечеловеческой культуры".

Со своей стороны, завершая разговор об этническом составе Руси и о происхождении трех народностей, подчеркнем еще раз, что на основе славянских племенных союзов (полян, древлян, северян, тиверцев и др.), сформировалась украинская народность. Славянские переселенцы в северо-восточные земли, интегрировавшись с угро-финскими племенами (чудь, весь, мордва и др.), стали основой русской народности. Западная группа славянских племен, славянизовавшая земли балтов, образовала балто-славянские племена, ставшие пращурами белорусов. В связи с тем, что в этих процессах наравне со славянами участвовали иные этнические элементы (тюркский, финский, балтийский и др.), возникшие народности относятся к разным антропологическим типам: русские и белорусы принадлежат к вислянскому, а украинцы — к динарскому антропологическим типам, существенно отличающимся друг от друга. Суммированные Ф. Коршем особенности трех народов создают веские основания для утверждения Л. Зализняка о том, что в отличие от украинцев, которые являются прямыми потомками населения древнего Киева, Галича, Чернигова, русская и белорусская этническая специфика является прямым продуктом их саморазвития в своеобразных исторических и естественных условиях собственных этнических территорий. Россия и Белоруссия наследники древнего Киева в той же мере, в какой Франция — потомок древнего Рима, Соединенные Штаты — преемник Лондона, а Мексика и Аргентина — наследники испанского средневекового Мадрида.

Выяснив этнический состав Древнерусского государства и установив на каком языке его население говорило и писало, обратимся в следующем очерке к тем легендарным личностям, которые создали и управляли Киевской державой — первым князьям династии Рюриковичей.

"ЭТИ ВЕСЕЛЫЕ, СТРОЙНЫЕ, ОТВАЖНЫЕ ГОСПОДА С СЕВЕРА"

Использованная в качестве заголовка для этого очерка строчка из шотландской хроники, столь возвышенно охарактеризовавшая кошмар средневековой Европы — викингов, ведет наше повествование к следующей теме — теме власти на Руси. Власть вообще, или более узкое понятие — государственная власть со всеми аспектами воз-

никновения и реализации властных полномочий, является проблемой, требующей отдельного обширного исследования. Но главная цель этой книги — понимание причин различных исторических путей Украины и России, к счастью, не требует такого всеобъемлющего подхода и позволяет сосредоточиться на значительно более узких вопросах — кем были эти "веселые господа", обладавшие высшей государственной властью на Руси? Были ли они на самом деле такими "русскими", как без тени смущения пишут российские авторы в соответствии с традицией, заложенной еще Н.М. Карамзиным, или они принадлежали совсем к иной культуре?

Собственно, кем были первые государственные деятели создаваемого Киевского государства хорошо известно — варягами. Достаточно хорошо известны как первые представители правящей династии Руси — Рюрик, Олег, Игорь, Ольга, Святослав, — так и последующие ее поколения, вплоть до последнего князя. Но со школьной скамьи все мы хорошо помним, что эта кажущаяся ясность на самом деле является только миражом, завесой, скрывающей массу загадок, гипотез и ожесточенных научных споров, длящихся уже не первое столетие.

Истекший XX век не стал исключением — исполнив роль "острого оружия в классовой борьбе", отечественная история не решила ни одной, сколько-нибудь значимой, проблемы, оставленной ей историками царской России. Поэтому наша история, как и раньше, начинается с парадокса — есть династия, известны ее представители, а откуда они пришли на Русь — неизвестно, или считается таковым. Даже из нарицательного подтекста, появившегося с течением времени у слова "варяги" понятно, что династия Рюриковичей пришла к нам из другой страны, но однозначно назвать эту страну ученые не могут до сих пор.

Разделившись еще во времена Г.З. Байера и М.В. Ломоносова на два лагеря, историки тысячи раз разложили на составляющие части слово "варяги", проследили его происхождение в различных языках, установили сколько раз, и в каких именно странах употреблялось слово "Русь", пересчитали всех Рюриков и Рёриков, живших в IX столетии, а к истине так и не приблизились. Историки-норманнисты полагают, что варяги были скандинавами и склонны отождествлять Рюрика с предводителем викингов Рёриком. Их оппоненты то соотносят варягов с племенем варинов с южного берега Балтийского моря, ассимилированного в се-

редине IX века славянами, то считают Рюрика выходцем из племени ободритов, то вспоминают предание онемеченного населения Мекленбурга, имеющего балто-славянское происхождение о призвании трех братьев-славян на Русь и т.д. От одного только перечисления различных теорий происхождения Рюрика и его "руси", выдвинутых за два с половиной столетия норманистами и анти-норманистами, можно навсегда потерять всякий интерес к отечественной истории.

Объясняя, чем вызвана ожесточенность столь длительной и бесплодной полемики, автор книги "Рюриковичи. История династии" Е.В. Пчелов пишет: "Вероятно, всё дело заключалось в понимании патриотизма. Эта идея стала доминирующей при решении вопроса о происхождении Руси в советское время, не обходится без неё и сейчас. Почему-то считали, а многие считают и ныне, что иностранное влияние в начале русской истории, присутствие иноземцев на Руси и неславянское происхождение правящей династии ущемляют чувство национального достоинства русских, показывают их неспособность к самостоятельной самоорганизации. Такое понимание патриотизма выглядит весьма странным. Ведь Древняя Русь не была какой-то жесткой, "закрытой" системой, в которую не должны были проникать никакие заграничные веяния... Русь находилась на пересечении разных путей, этнических и культурных влияний, и стыдиться этого по меньшей мере нелепо. Англичане, например, гордятся тем, что в их истории оставили след и римляне, и норманны, но для нас это почему-то унижительно".

Итак, все дело в "национальной гордости великороссов". Но давайте спросим себя — в чем собственно состоит сама проблема? А в том, что в IX веке представители какого-то народа захватили наших славянских предков и стали ими править. Но так ли уж важно, для нас, жителей XXI столетия, с какого именно берега Балтийского моря — северного или южного, пришли захватчики? А если варягами были балтийские славяне, то это не так обижает наши чувства (свой же брат — славянин!), и это уже вообще не захватчики? И уже не важно, что нашим предкам (имеются в виду те из читателей, кто числит себя потомками славян) пришлось содержать варягов и умирать в их грабительских набегах на Византию и другие соседние народы? Достоинство меньше страдает, если князь Олег, огнем и мечом покорявший славян, сам вдруг оказался бы славянином?

Известно, что гордость и достоинство, как и любые другие чувства, относятся к сфере иррационального. Поэтому не будем пытаться проанализировать доводы обеих сторон жаркого научного спора, равно как не станем пересказывать содержание их теорий. Остановимся на том, что представляется бесспорным — завоеватели пришли с берегов Балтики, то есть из Европы. Приходили они неоднократно и в достаточно больших количествах еще и во времена Ярослава Мудрого, то есть почти через 200 лет после призвания Рюрика, отмечается участие многочисленных варяжских дружин во внутренних делах Руси. Известно, что варяги-дружинники зачастую оседали на славянских землях, но кто-то возвращался к себе на родину, и у всех там, безусловно, оставались родственники. Совершенно очевидно, что следы пришедших на Русь варягов надо искать в истории и литературе европейских стран.

Собственно, сама-то Европа никогда не сомневалась, что варяги Руси — это скандинавские викинги. Различается даже три основных направления экспансии викингов, и в них Русь фигурирует самым непосредственным образом: одно направление на юг и юго-запад — Британские острова, франкские королевства, Средиземноморье; другое направление на восток: Прибалтика, Русь, Византия; и третье направление на запад: Исландия, Гренландия, Америка. О скандинавском влиянии мы неоднократно уже упоминали при рассмотрении темы народонаселения и языка Древнерусского государства. Рассмотреть "варяжский след" в европейской культуре не составляет особого труда, благо, что в последние годы появились публикации, которые позволяют заглянуть в историю соседних стран не только в изложении наших отечественных авторов. Давайте этим и займемся, может быть, взгляд со стороны Европы поможет прояснить ситуацию.

Одновременно уделим внимание некоторым фактам в биографиях древнерусских князей, позволяющим как-то понять их культурную принадлежность. Применительно к более поздним временам можно было бы говорить об их национальной принадлежности, но в IX—X веках наций в строгом понимании этого термина еще не существовало. Поэтому, в отличие от российских авторов, которые безапелляционно называют население Руси IX столетия русскими, ничуть не смущаясь при этом тем обстоятельством, что сама русская народность появилась позже как минимум на пару столетий, мы будем использовать более широкое понятие культурной принадлежности.

Для начала обратимся вновь к упоминавшейся уже книге У.С. Черчилля "Рождение Британии". Объясняя причины, побудившие викингов вывести в море свои дракары, он пишет: "В VIII в. завоевательная энергия с неистовой силой проявила себя в Скандинавии. Из Норвегии, Швеции и Дании стали совершать набеги отряды грозных воинов, которые, вдобавок к их прочим боевым качествам, оказались и дерзкими морскими разбойниками. Причинами этой этнической активности были резкий рост населения, жажда приключений и осложнения династических споров. При этом данов, или древних скандинавов, не гнали на запад новые орды из азиатских степей. Они пришли в движение сами по себе. Отвага их была изумительна. Один поток разбойников и мародеров направился из Швеции на юг и не только достиг Константинополя, но и оставил на обратном пути семена, которые через несколько столетий взошли на русской почве".

Даже не обладающему обширными познаниями в географии читателю ясно, что прямая линия на юг, соединяющая Швецию и Константинополь, проходила как раз через земли наших славянских предков, где и проросли, по выражению сэра Уинстона, норманнские "семена". Черчилль приводит и интересные подробности о некоторых склонностях "отважных господ с Севера": "... точно известно, что во многих местах, где эти разбойничьи отряды все же иногда оседали, они быстро привыкали к роскоши. Даны начинали принимать ванны и носить шелковые одежды. На кораблях хранились палатки и кровати для использования на берегу. Их вожди на всех землях, куда они проникали, имели по несколько жен, а на востоке с легкостью восприняли гаремную систему. У одного вождя насчитывалось не менее восьмисот наложниц, но, возможно, эта дошедшая до нас легенда навеяна Библией. Когда в 936 г. ирландцы отбили у них Лимерик, то были поражены красотой женщин, захваченных ранее разбойниками, и огромной массой шелков и вышивок, украшавших их". Эти подробности позволят нам в дальнейшем провести определенные параллели между викингами и Рюриковичами, а пока обратимся непосредственно к "варяжскому следу" в европейской истории.

Традиционно рассказ о той или иной династии начинается с ее основателя. Но мы отступим от этого правила и начнем не с Рюрика, а с князя Олега. Делается это не потому, что европейская исто-

рия не сохранила о Рюрике никаких сведений, а по причине прямо противоположного свойства — у народов разных европейских стран существует несколько различных легенд о герое с таким именем. Поэтому целесообразно будет рассказать об этом славном варяге в конце повествования, чтобы его тень не мешала нам присмотреться к его последователям и понять их принадлежность к тому или иному народу Европы.

Читателям известно, что следующим после Рюрика правителем еще только нарождавшейся Руси был князь Олег. О нем мы хорошо знаем, если не из учебников истории, то из пушкинской "Песни о вещем Олеге". Помнится щит Олега на вратах Царьграда и особенно памятна история гибели князя от укуса змеи, прятавшейся в черепе его любимого коня. Вот именно эта-то трагическая история о смерти Олега, взятая Александром Сергеевичем из "Повести временных лет" имеет почти полную аналогию в скандинавской саге, получившей название "Орвар-Одд сага". Это история норвежского конунга Одда Стрелы, древнейшая запись которой относится, вероятно, к XIII веку. Сам Одд упоминается также и в "Саге о Хервёре", и в исландских родовых сагах "Сага об Эгиле" и "Сага о Гисли".

Как сообщает Е.В. Пчелов согласно "Орвар-Одд саге", в молодости Одду было предсказано прорицательницей, что он совершит множество подвигов в дальних краях, но умрёт на родине от любимого коня. Для викинга лучшим концом жизни была гибель в бою, поэтому Одд, обидевшись на колдунью, ударил ее. На следующий день Одд вместе со своим другом Асмундом убили коня Одда Факси, сложили над трупом курган из камней и отправились странствовать. Одд побывал в Финляндии, потом в районе Северной Двины и, вероятно, Беломорья, был в Шотландии, Ирландии, Греции, Аквитании, на Сицилии, состоял на службе у короля Геррауда в городе Кэнугарде — так норманны называли Киев. Король Геррауд оставил Одда жить при своём дворе, поскольку в Кэнугарде было хорошо известно, что Одд — великий воин. Состарившись, Одд отправился на родину и посетил места своего детства. Он рассказал своим спутникам о предсказании колдуньи, которое, как он полагал, теперь уже не исполнится. Наткнувшись на какой-то холмик и пошевелив в земле копьем, Одд нашел конский череп. Это был череп Факси, из которого выползла змея и ужалила Одда в ногу. Через некоторое время Одд умер и был похоронен в родных местах.

Количество деталей, аналогичных тем, что известны из "Повести временных лет" в саге столь велико, что это не может быть простым совпадением. Легенда, родившись в Скандинавии или Руси, явно была перенесена в другую страну людьми одной и той же культуры. Выступает ли в обоих вариантах легенды одно и то же лицо, определить, скорее всего, невозможно, но интересна география путешествий Олда — он не только посещает, но и долгое время служит в Киеве. Кстати, где похоронен Киевский князь, именуемый древнерусскими летописями Олегом, а на самом деле носивший скандинавское имя Хельги, тоже неизвестно. Источники называют несколько разных мест его захоронения. К примеру, Новгородская первая летопись указывает на Ладогу, где до сих пор существует могила князя, и одновременно говорит, что Олег был похоронен "за морем".

К этому надо добавить, что о происхождении Олега красноречиво говорит его окружение, известное из договоров с Византией, заключенных после легендарных походов князя на Царьград. Имена первых отечественных дипломатов, участвовавших в переговорах и подготовке текста договора, имеют исключительно скандинавское происхождение: Инегельд, Карлы, Фарлаф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руальд, Карн, Фрелав, Руар, Актеву, Труан, Лидул, Фост и Стемид. Иначе и быть не могло, ведь с момента их "призвания" прошло всего полсотни лет. В аналогичном договоре князя Игоря с Византией 944 г. упомянуто около пятидесяти скандинавских имен и только два-три имени, которые могут быть отнесены к славянским.

Скандинавские имена у древнерусских князей встречаются вплоть до Мстислава Великого — сына Владимира Мономаха, носившего имя Гаральд. Это не мешало летописцам Руси старательно именовать этого князя, как и всех его предшественников, на славянский манер. Кстати, одну из дочерей Мстислава Великого, княжившего в Киеве спустя 260 лет после появления Рюрика, звали Ингеборг, она была замужем за датским королем Кнудом Лавардом, другую звали Мильфрид, и она была женой норвежского короля Сигурда Крестоносца. Как видим, традиция давать детям скандинавские имена и родиться с северными династиями сохранялась у Рюриковичей и более четверти тысячелетия спустя после прихода их на Русь.

Однако варяги правили не только в Киеве, история сохранила имена повелителей и других древнерусских городов, также имевших

скандинавское происхождение — Рогволод в Полоцке, Туры — в Турове. Существует и скандинавская этимологии имен убитых князем Олегом киевских правителей Аскольда и Дира, соответственно Hoskuldr и Dyr.

Помимо норманнских имен князей хорошо известны и скандинавские названия многих городов Руси. Ко времени появления варягов большинство славянских городов уже существовали и имели свои названия, что не помешало завоевателям именовать их по-своему. Киев, как указано выше, норманны называли Кэнугард (Корабельный город), Новгород — Хольмгард (Город на острове), Ладогу — Альдейгьюборг, Суздаль — Сурдалар, Муром — Морамар и т.д. Всю же Русь — Гарды или Гардар. Слово "гард" в переводе означает укрепленное поселение. Позднее в книжной литературе стало употребляться несколько иное название Руси — Гардарики "королевство (укрепленных) городов". Упомянувшийся нами Джонс Гвин сообщает также, что Русь, помимо Гардарики, именовалась в скандинавских источниках "Большой Швецией". Это соответствовало европейской традиции, в соответствии с которой для обозначения колонизированных земель использовалось слово "megale" — мега, что на русский язык переводится как "большая" или "великая". Так появились термины "Великая Британия", "Великая Греция", "Великая Польша", "Великая Армения", под которыми никогда не понимались коренные земли соответствующих стран. Интересно, что сама "Большая Швеция" или, как нам более привычно ее называть Русь, после колонизации земель в Залесье, в свою очередь, обзаведется "Великой Русью".

* * *

Совершив экскурс по сохранившимся в истории именам варягов и норманнской географии Руси, обратимся снова к эпизодам из жизни киевских повелителей. В знаменитом эпизоде "Повести временных лет" о мести княгини Ольги древлянам за убийство ее мужа — князя Игоря — также прослеживаются скандинавские параллели. Кстати, эта княжеская чета имела норманнские имена — Игорь был Ингваром (Ingvar), а имя Ольга — это искаженная форма скандинавского женского имени Хельга (Helge). Кем была мать князя Игоря — женщиной, пришедшей вместе с варягами-русью, или местной славянкой, — осталось тайной. Неясно и происхождение княгини Ольги. Существует несколько различных легенд о ее проис-

хождении, но все они возникли в гораздо более поздние времена и не могут рассматриваться в качестве надежных источников. Известно только, что родилась она во Пскове, но была ли она славянкой или варяжкой неизвестно. Одно несомненно — при столь плотном норманнском окружении, известном из упоминавшегося договора Игоря с Византией, князь и княгиня не могли не быть частью их сообщества. В противном случае их окружение быстро бы нашло им замену.

Возвращаясь к мести Ольги древлянам, отметим, что она была продумана с изощренной жестокостью и состояла, говоря театральным языком, из двух актов и четырех сцен. Сначала княгиня предлагает послам, чтобы их принесли к дворцу в лодке. Озадаченные такой невиданной ранее почестью древляне соглашаются, и их закапывают в этой лодке живьем. Затем Ольга приказывает истопить баньку, приглашает помыться явившихся сватать ее "лучших мужей, что держали Древлянскую землю", и, подперев снаружи двери, сжигает их заживо. Завершили первый акт мести поминки на месте гибели Игоря, во время которых упившихся древлян, общим количеством около пяти тысяч человек, перебили дружинники Ольги.

Второй акт мести состоялся через год. Кара настигла столицу древлян Искоростень. По свидетельству летописца, разбив войско древлян под стенами города, но, не сумев взять его в ходе осады, продолжавшейся целое лето, Ольга сожгла Искоростень с помощью птиц.

Из описанных четырех массовых убийств, весьма экзотических по своему исполнению, три имеют скандинавские аналоги. На первую параллель обратила внимание украинский автор Н. Яковенко: "В легенде о мести княгини Ольги древлянам тоже проступает скандинавский подтекст: когда древляне, убив Игоря, пришли сватать Ольгу за своего князя, она предложила послам, что бы их принесли к замку в "лодке" (т.е. в скандинавском гробу). Славяне же этого не поняли, и их вместе с лодкой бросили в яму и засыпали землей, с чего и начинался акт мести".

Развивая эту тему, Е. В. Пчелов находит скандинавские аналоги в сожжении Ольгой посланных древлянами сватов и уничтожении их столицы: "...можно привести рассказ о шведской королеве Сигрид Гордой, которая сожгла двух своих женихов во время пира в доме. Кстати, одним из них был некий конунг Виссавальд (Всеволод) из Руси. Сигрид жила в конце X века,

и, может быть, мотив об Ольге отразился и в рассказе о Сигриде? ... Сожжение Искоростеня с помощью птиц легендарно. На самом деле практически такое неосуществимо, ведь птицы с горячей паклей не летят обратно в свои гнезда. Однако обычай поджигать птицам хвосты вообще очень древний — он имел культовое значение. Его применение в качестве военной хитрости (реально невозможной) отмечено в легендах многих северных народов, в том числе в Англии, в Скандинавских странах". Остаются еще зарезанные дружинниками Ольги упившиеся древляне, но в данном случае и без помощи специалистов известно, что обычай убивать захмелевшего на пиру противника является настолько распространенным, что ему легко можно найти исторические аналоги не только у скандинавов, но и у любого другого народа, имевшего доступ к алкоголю.

В данном очерке мы будем часто ссылаться на скандинавские саги. Но насколько можно доверять им в качестве источников достоверных исторических сведений? Не являются ли они разновидностью того, что у нас называется сказками? Чтобы развеять сомнения, предоставим слово профессионалу. В книге "Аналитическая история Украины" профессор А. Боргардт пишет, что великая северная цивилизация викингов имела свою развитую литературу. Большой прозаический раздел этой литературы составляли "саги" — рассказы о героях, которыми на протяжении столетий "забавлялись, развлекались и просвещались люди севера". Сюжеты саг зачастую вымышлены неизвестными авторами, но временами рассказывают об участии своих героев в реальных событиях. "Географический размах действий в этих сагах необычайно широк, охватывает весь регион, где вращались их герои, — от Северной Америки на западе — до Уральского хребта на востоке, — пишет далее А. Боргардт. — Стиль этих саг коренным образом отличается от римской классики, временами переполненной сугубо литературными украшениями. Он — деловой и сухой, временами протокольный... Возможно, именно эта сухая протокольность и побуждала ученых XVIII—XIX ст. рассматривать скандинавские саги как источник исторических материалов, нередко с помощью приведенных в них дат и данных, — корректировать историю".

Получив такую справку, отнесемся, вслед за учеными, к сагам со всем почтением. Кстати все сведения о легендарных викингах и

их связях с Русью, содержащиеся в данном очерке, взяты исследователями именно из саг.

* * *

Наследником Игоря и Ольги был воспетый за свое мужество и благородство князь Святослав. В связи с его славянским именем Святослава принято считать чуть ли не первым "русским" князем. Но давайте присмотримся повнимательней, кто скрывался под тенью славянского имени, не появятся ли там знакомые черты воинственного норманна?

Святослав прославился как отважный и доблестный витязь. Почти всю свою жизнь он провёл в войнах, соблюдая при этом определенный кодекс воинской чести. Известно, что после заключения мирного договора с византийским императором Цимисхием князь Святослав с дружиной поплыли по Дунаю в Чёрное море, затем вошли в Днепр и двинулись на север. Все это говорит о них как о людях "столь же ловких с рулем или веслом, как и с мечом" — сочетание столь обычное для викингов. Кстати, описывая личную встречу Святослава и Цимисхия, византийский историк Лев Диакон, говоря о внешности князя, отмечает его своеобразную стрижку: "Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны её свисал клочок волос — признак знатности рода". Этот признак знатности, называемый оселедцем, украинские казаки и их потомки сохраняют до наших дней.

Отношение Святослава к своим подданным хорошо известно из знаменитой и уже упоминавшейся нами фразы: "Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии — серебро и кони, из Руси же — меха и воск, мёд и рабы". Возмущенные низведением наших предков до положения рабов, мы как-то не обращаем внимания на весь перечень земных богатств, необходимых Святославу для жизни в любимом городе. Золото, серебро, вина, плоды, паволоки — все это вряд ли было необходимо князю для походов, в которых, как известно, он спал на земле, подложив под голову седло. Следовательно, в мирной жизни суровый воин совсем не чурался привычек к роскоши и комфорту, обеспеченному славянскими рабами. Как тут не вспомнить слова Черчилля о привычках викингов к роскоши. Для полного портрета типичного "господина с Севера" не хватает только множества жен и неистребимой жажды наживы.

Жены в баснословно огромном количестве появятся чуть позже — у сына Святослава Владимира, а богатая добыча не была ненавистна и самому благородному витязю. Тот же Лев Диакон, именуя Святослава Сфендославом, донёс до нас его подлинные слова: "Сфендослав очень гордился своими победами над мисянами; он уже прочно овладел их страной и весь проникся варварской наглостью и спесью. Ромейским послам Сфендослав ответил надменно и дерзко: "Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и уходят в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мира". Какое великолепное сочетание жажды большой наживы и европейского гонора по отношению к могущественной, но азиатской империи. Представитель какого другого народа Европы того времени, кроме норманнов, мог еще себе позволить столь дерзкое и одновременно пренебрежительное обращение к могущественному византийскому императору? Просто фирменный знак истового викинга!

* * *

После Святослава процент буйной скандинавской крови, не дававшей киевским князьям подолгу засиживаться дома, неумолимо понижался с каждым последующим поколением. Не видно более ни длительных рейдов по соседним странам, ни блестящих побед над достойными противниками. Отвага Рюриковичей все чаще находит выход в истреблении своих ближайших родственников.

Недобрую традицию междоусобных конфликтов заложили сыновья князя Святослава. В 977 г. между Святославичами началась война. Старший брат Ярополк двинулся в поход на Древлянское княжество, где правил его средний брат Олег. При штурме города Овруча войсками Ярополка Олег погиб. Младший сын Святослава, Владимир, вошедший в историю Руси как Владимир Великий или Святой, княжил в то время в Новгороде. Узнав о случившемся и опасаясь участи Олега, Владимир бежал к родственникам в Скандинавию. Такой маршрут князя сам по себе уже является своеобразным норманнским следом, к кому же бежать в случае опасности как не к родственникам, которым можно доверять?

Именно с князя Владимира, носившего скандинавское имя Вальдамар, начинается "славная" традиция древнерусских князей скры-

ваться за морем. Последний из известных нам аналогичных случаев произойдет через двести с лишним лет. В 1281 г. сын Александра Невского Дмитрий, спасаясь от своего брата Андрея и приведенных им татарских войск, бежал, по традиции, в Новгород, а оттуда — в Швецию. А. Боргардт по этому поводу отмечает: "Скандинавия становится постоянным заплечьем, безопасным тылом для русских князей. Из летописи вырисовывается четкая и постоянно действующая схема: как что-то нехорошо в Киеве, князь обращается к Новгороду, за дружиной или подкреплением... Если не выходит в Новгороде, что же, — князь отправляется дальше, "за море" т.е. — в Скандинавию".

Заметим, что большинство авторов, пишущих на норманнскую тему, предпочитают использовать обобщенные названия Скандинавия и скандинавы, а не норвежцы, шведы, датчане. Делается это не случайно. В Скандинавии того времени процесс формирования государств и наций еще не был завершен. Сами жители Скандинавского полуострова делились, впрочем, довольно условно, на "данов" и норвежцев, отдельные источники упоминают иногда и шведов. "Отношения между данами и норвежцами были запутанными и противоречивыми, — пишет Черчилль. — Иногда они вместе участвовали в набегах, но это не мешало им время от времени сходить друг против друга в отчаянных битвах. Однако в саксонской Англии как тех, так и других одинаково воспринимали как безжалостный бич Божий".

Европейские средневековые хроники иногда различали "данов" и норвежцев, но чаще всего именовали своих мучителей обобщенными названиями норманны или викинги. Для них было очевидной истиной, что приплывавшие откуда-то "оттуда" скандинавы, имели куда больше общих черт, нежели отличий. Джонс Гвин справедливо отмечает, что погибавшим под топорами норманнов европейцам было не важно, "...с какого конкретно острова или мыса, из какого фьорда или с какого склона явились на юг эти чудовища. "Боже, избави нас от неистовства норманнов!" Эту литанию не требовалось записывать на пергаменте; там, куда викинги приходили хоть раз, она навеки была запечатлена на скрижалях людских сердец".

Очевидно, плохо различали скандинавов и в средневековой Руси. Средневековый немецкий хронист Титмар Мерзебургский писал о норманнах, живших в Киеве в 1018 г., что среди них большинство составляли даны, тогда как на самом деле они были шведами по

происхождению. Если прибавить к неразберихе названий, сообщаемых источниками, многовековой спор между "норманистами" и их противниками, который никак не способствует установлению места происхождения правящей династии Руси, то становится очевидным, что наиболее корректными являются такие обобщенные названия, как скандинавы и норманны. Вот и князь Владимир отправился, по сообщению источников, в Скандинавию, за неимением у их авторов более точного названия конечной цели князя.

Через три года, в 980 г., Владимир вернулся на Русь с большой варяжской дружиной и двинулся на юг, к Киеву. Тем самым Владимир заложил еще одну традицию древнерусских князей — получать помощь "за морем". Удивительного здесь ничего нет: являясь силой и опорой князя в завоеванной стране, используемая не только для походов и битв, но и для сбора дани, дружина не могла формироваться на первых порах из местного населения. К тому же, Русь уже была поделена между представителями "первой волны" завоевателей и для того, чтобы произвести передел славянских земель, требовались не менее профессиональные и умелые бойцы, способные на равных сражаться с закаленными ветеранами. Эти новые варяги и будут ударной силой Владимира Великого и Ярослава Мудрого в их борьбе за власть с собственными братьями. Любопытно было бы узнать, с кем провел указанные три года будущий святитель Руси, где нашел он тех молодцов, которые решились выступить против своих земляков? Впрочем, схватки между различными шайками разбойников за награбленное добро или за контроль над территорией — дело для истории обычное, и желающие в них поучаствовать всегда находились.

Интересно также отметить, что, по мнению автора из Скандинавии А. Стендер-Петерсена, процитированного Джонсом Гвином, именно скандинавы "второго призыва", приведенные князем Владимиром и завоевавшие для него Русь, получили название варягов или "верингов". Связано это было с тем, что норманны первой волны к тому времени уже в значительной мере славянизировались, и потребовалось новое имя, которое позволяло бы отличать от них "свежих" скандинавов князя Владимира. Если вспомнить, что слово "варяг" (или "vaeringi"), происходит, вероятно, от древнескандинавского "vaгар" (обет, клятва, обещание) и обозначает людей, давших клятву, союзников, то предположение А. Стендер-Петерсена выглядит вполне убедительным.

По пути к Киеву Владимир решил захватить большой и богатый город Полоцк, где княжил Рогволод, также имевший варяжское происхождение. Данный эпизод, излагаемый обычно в качестве иллюстрации неумных сексуальных желаний молодого князя Владимира, имел значительно более серьезный подтекст — начался передел власти и земель между норманнами. Формальный повод для нападения нашелся быстро: у Рогволода было два сына и красавица дочь, которую звали Рогнедой. Владимир посватался к Рогнеде, но получил отказ. Причина отказа для гордой варяжской княжны была уважительная. "Не хочу розути робичича", — сказала она, так как, по обычаю, жена разувала своего мужа после свадьбы, а Владимир, по некоторым данным, был рожден от рабыни — древлянки Малуши. К тому же на Рогнеде собирался жениться соперник Владимира в борьбе за власть — его брат Ярополк, что также стимулировало будущего святителя Руси к активным действиям. Ответ гордячки ничуть не смутил Владимира — внезапно напав на Полоцк, князь захватил город и сжёг его. Рогволод и его сыновья погибли при обороне, а Рогнеде поневоле пришлось стать женой победителя.

Ворота Киева были открыты перед Владимиром горожанами, и он сел на княжеском столе своего отца. Ярополк, укрывавшийся в небольшом городке Родень, при приближении войск Владимира отправился к брату с повинной. Когда он вошёл в сени дома, где находился Владимир, два охранявших двери варяга пронзили Ярополка мечами.

От оказавших ему столь щекотливую услугу варягов Владимир избавился быстро. Не уплатив за службу, он посадил всю дружину в лодки и оправил вниз по Днепру — в Византию. Хорошо зная повадки своих бывших дружинников, Владимир одновременно послал в Константинополь предупреждение, что этих разбойников следует рассредоточить по отдельным местам, иначе они наделают бед. Такие решительные действия помогли ему привлечь на свою сторону киевлян. Они окончательно признали Владимира князем и оказали помощь в повторном покорении славянских племен, вышедших из-под власти Киева во время междоусобного конфликта. Так началось княжение Владимира Святого.

Мы не будем пересказывать хорошо известный жизненный путь великого князя. Как истинный представитель норманнского племени, он в равной степени был способен на великие свершения и од-

новременно, как показало убийства брата Ярополка, на чудовищные преступления. Его склонность к распутству во времена, предшествовавшие крещению Руси, стала легендарной и позволила летописцу сравнить князя с библейским царём Соломоном, отличавшимся, помимо мудрости, неистощимым любвеобилием. Являясь многоженцем и имея от разных жен установленных историей официальных 12 сыновей, Владимир одновременно содержал множество наложниц. По сведениям "Повести временных лет", "...наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растляя девиц". Упомянувшийся уже немецкий хронист Титмар Мерзебургский также называет князя "великим и жестоким распутником". Характеристика, судя по всему, справедливая, но мы-то знаем, что князь Владимир не был исключением — неудержимым распутством грешили многие представители норманнского племени.

Несмотря на вероломный поступок по отношению к помогавшей ему варяжской дружине, князь Владимир продолжал поддерживать тесные контакты со Скандинавией. Он принимал самое непосредственное участие в судьбе одного из самых впечатляющих персонажей эпохи викингов — правнука Харальда Прекрасноволосого конунга Олава сына Трюгви. Как сообщает Джонс Гвин со ссылкой на "Обзор саг о норвежских конунгах", Олаву исполнилось три года, когда был убит его отец. Родственник Олава "...был видным человеком при дворе Вальдамара, короля Хольмгарда, то есть князя Владимира, с 972 г. правившего в Новгороде, а в 980 г. ставшего великим князем Киевским, властителем Руси". Семья Олава решила отправиться к этому родственнику, но по пути подверглась нападению, и Олав попал в Хольмгард-Новгород только спустя шесть лет. Вскоре Олав предстал перед королем, и тот хорошо его принял. Олав не только провел свое детство при дворе короля Вальдамара, но и с ранней юности отличаясь всеми мужскими достоинствами, славно послужил ему в битвах. В восемнадцать лет Олаф отправился в свой первый викингский поход на Балтику, в 990-х гг. участвовал в военных походах на Британские острова, в военных кампаниях 994 г. совершал набеги в Нортумбрию, Шотландию, Ирландию, Уэльс, Камберленд, на Гебриды, остров Мэн и во Францию. Уже к двадцати годам Олав был прославленным предводителем викингов, но все свои таланты военно-

начальника он смог проявить благодаря истинно норманнскому воспитанию, полученному при дворе Киевского князя Владимира.

Присутствие многочисленного скандинавского элемента не могло не оставить яркого следа в культуре самой Руси, особенно в ее дружинном пласте. Обратим внимание только на один аспект норманнского влияния — на вооружение княжеских дружин. Пришельцы-норманны стояли в ряду лучших воинов средневековья и принесли с собой не только новые приемы и тактику боя, но и современное вооружение. Привычное изображение былинных древнерусских богатырей, с их островерхими шлемами, прямыми длинными мечами, каплевидными щитами и кольчугами, практически полностью копирует типичную боевую экипировку норманнов. В IX веке этот тип вооружений являлся самым передовым, в этом легко убедиться, открыв любую энциклопедию по оружию средневековья. После угасания у древнерусских князей "варяжского духа" и разрыва отношений со Скандинавией этот тип вооружений надолго законсервируется в северо-восточных княжествах Руси, тогда как Европа пойдет по пути дальнейшего его совершенствования, завершившегося созданием рыцарских доспехов. Но сам тип применявшегося древнерусскими воинами вооружения долгие столетия будет напоминать о тех, кто принес его на Русь.

* * *

Князь Владимир был, очевидно, скандинавом только наполювину, но его четверо детей, рожденных плененной Рогнедой, были уже почти "чистыми" норманнами. Речь здесь идет, безусловно, не о "чистоте норманнской крови", а о той языковой среде и культуре, в которой вырастали дети крестителя Руси. Не случайно один из сыновей Рогнеды и Владимира — Ярослав, получивший в отечественной истории прозвание Мудрый, широко известен в скандинавских источниках под именем Ярислейф или Юрислейф. Родственные и политические связи отца и матери с их прародиной, княжение самого Ярослава в Новгороде, являвшемся основной "опорной базой" варягов на севере Руси, обусловили тесные контакты этого князя со Скандинавией. Соответственно и сведений о Ярислейфе в северных источниках сохранилось немало.

Прежде чем продолжить повествование, обратим внимание читателей на то, что князь Ярослав, к имени которого мы привычно добавляем Мудрый, при жизни этого прозвища не имел. Как и про-

звания большинства древнерусских князей, прозвище князя Ярослава было придумано и появилось гораздо позже, в период Московского государства. За истекшие столетия эти прозвища настолько "слились" со своими персонажами (хотя далеко не всегда отражают их сущность), что в сознании потомков давно составляют с ними единое целое. Называя князей Руси, мы будем следовать этой традиции.

Как достойный сын своего отца Ярослав неоднократно приво-дил норманнские дружины на Русь. Парадокс состоит в том, что первый раз Ярослав отправился за помощью в Швецию из-за ссо-ры с отцом — князем Владимиром, который собственно и заложил эту традицию. Княживший в Новгороде Ярослав отказался вып-лачивать князю Киевскому дань в полном размере. Возмущенный Владимир пригрозил сыну войной. Не надеясь на новгородцев в случае столкновения с Киевом, Ярослав поехал за море, привел от-туда варяжскую дружину и стал размещать ее по дворам горожан. Действуя в привычной для себя манере, отважные викинги попро-бовали бесчинствовать, но не испытывавшие перед ними особой робости новгородцы воспротивились. В возникшей драке несколь-ко варягов было убито. Пытаясь откупиться, горожане послали Ярославу дары, но "чистый" норманн не мог простить убийство сво-их соплеменников, совершенное, к тому же, славянскими поддан-ными. Мстя за убитых дружинников, князь приказал казнить при-сланных новгородцами послов. В ответ город восстал. Примирили Ярослава и Новгород весь о смерти князя Владимира и совмест-ный поход на Киев.

Последовавшую в 1015 г. смерть князя Владимира его много-численные сыновья ознаменовали схваткой за власть, в которой Ярослав широко использовал силы столь своевременно прибывших викингов. Проиграв в 1018 г. своему брату Святополку и его тестю — польскому князю Болеславу Храброму битву на реке Буг (ту са-мую, в которой русины и поляки, оскорбляя друг друга, обнаружи-ли полное взаимопонимание), Ярослав бежал в Новгород и наме-ревался вновь отправиться в Скандинавию. Из текста летописи неясно, хотел ли Ярослав пересидеть там опасное время или соби-рался набрать новую дружину. Помешали ему в этом намерении новгородцы, которые не только изрубили приготовленные для бег-ства князя лодки, но и предложили ему свою поддержку. С помо-щью собранной Новгородом многочисленной рати и нанятой на

деньги горожан новой варяжской дружины, Ярослав в 1019 г. занял Киевский стол.

Подробности этой, казалось бы, сугубо внутренней войны Руси можно узнать из так называемой исландской королевской саги "Прядь об Эймунде Хрингссоне" или по иному "Сага об Эймунде", написанной в конце XIII века. Приведем пересказ саги, опубликованный Е.В. Пчеловым: "Конунг Гардарики Вальдимар перед смертью наделил своих троих сыновей землями, причём старшему досталась большая часть владений отца: Бурицлав княжил в Кэнугарде, Ярицлейв — в Хольмгарде и Вартилав — в Палтескья. Узнав о смерти Вальдимара, в Гардарики отправились потомки норвежского короля Харальда Прекрасноволосого Эймунд Хрингссон и Рагнар Агнарссон. Они приехали к Ярицлейву и его жене Ингигерд. Заключив договор о службе у князя на год, викинги поступили в дружину Ярицлейва, и вскоре началась война, спровоцированная Бурицлавом. В битве у какой-то реки Бурицлав был разбит и бежал в Бьярмаланд, а Ярицлейв занял его владения. Потом летом и зимой было мирно, а договор с Эймундом кончился. Тогда Ярицлейв и Эймунд продлили договор ещё на год, поскольку Эймунд узнал, что Бурицлав не погиб (как полагали), а жив и идёт снова войной на Ярицлейва. Бурицлав осадил город, где находился Ярицлейв, во время осады Ярицлейв был ранен в ногу, но Бурицлав вторично был разбит и бежал. Снова думали, что он погиб. Следующие лето и зима прошли в мире, и вновь закончился срок договора, а Бурицлав опять пошёл войной на Ярицлейва, на этот раз из Тюркланда. Тогда Эймунд еще раз продлил договор, но теперь варяги тайно убили Бурицлава и принесли его отрубленную голову Ярицлейву. Войско, лишённое предводителя, быстро распалось. После очередных мирных лета и зимы Эймунд с варягами ушли служить конунгу Вартилаву в Палтескья".

Приносим читателям извинения за столь длинную цитату, но она содержит множество интереснейших подробностей. Прежде всего, как и в легенде о смерти князя Олега, события, изложенные в исландской саге и древнерусской летописи, совпадают вплоть до мелких деталей, что не удивительно, учитывая ту роль, которую, согласно саге, сыграли в этой войне норманны. Как стервятник, почувший пададь, дружина Эймунда и Рагнара, узнав о смерти князя Владимира, стремительно выезжает на Русь, отлично понимая, что там появилась потребность в профессиональных бойцах. Совершенно не случайно при этом викинги предлагают свои услуги

наиболее тесно сотрудничающему с ними наследнику киевского стола — Ярославу. Святополк опирался на силы поляков во главе с Болеславом Храбрым, и великий норманнский мир, оказывая помощь Ярославу, заботился тем самым о защите своих интересов на Руси. Мимоходом сага сообщает поразительные сведения об "организации производства" у викингов: оказывается, средневековые неотесанные вояки были не только профессионалами в деле убийства себе подобных, но и знатоками юриспруденции, аккуратно и своевременно перезаключаящими договоры на оказание своих услуг. Отметим также, что викинги очень часто выполняли для сотрудничающих с ними князей роль своеобразного "спецназа", проводящего, по современным понятиям, террористические операции по устранению враждебно настроенных родственников.

Некоторых пояснений в приведенном пересказе саги требуют названия и имена, которые нам ранее не встречались: конунг Палтескья Вартилав — это Брючислав, князь Полоцка; Ингигерд — жена Ярослава, имя которой названо в саге абсолютно точно; Тюркланд — земля печенегов, союзников Святополка в войне с Ярославом; Бьярмаланд — район Беломорья. Так незаметно мы расширяем "скандинавскую" географию Руси. Рассказ саги о первом столкновении Ярицлейва и Бурицлава соответствует Любечской битве, происшедшей у Днепра. Рассказ о нападении Бурицлава на город соответствует осаде Киева печенегами. О достоверности излагаемых в саге событий красноречиво свидетельствует сообщение о ранении Ярослава, имевшее место примерно в 1017 г. и подтвержденное антропологическим исследованием скелета князя, проведенным в конце 1930-х годов группой ученых во главе с М.М. Герасимовым.

Загадку, как справедливо отмечает Е. В. Пчелов, составляет только личность Бурицлава. В древнерусских летописях человек с таким именем не отмечен, хотя он не мог не существовать, так как согласно саге был одним из основных действующих лиц междоусобной войны. Высказываются предположения, что под именем Бурицлав мог скрываться польский князь Болеслав Храбрый, тесть князя Святополка. В пользу этой версии говорит то, что он был одним из активных участников событий и имел имя, созвучное имени Бурицлав. Однако тут же возникают и серьезные возражения: если Бурицлав — это князь Болеслав, то исландская сага приписывает ему действия, совершаемые согласно древнерусской летописи его зятем Святополком. Путаница столь различных имен вряд ли

возможна и, по мнению ученых, была бы слишком уж странной. Сам Болеслав, действительно принимавший участие в битве на Буге и во взятии польскими войсками Киева, в иных описанных сагой событиях участвовать не мог. Во всяком случае, он никак не мог быть убит в 1019 г. на Руси, так как благополучно правил в Польше до 1025 г. и в том же году принял королевский венец.

Не мог быть убит под видом Бурицлава и князь Святополк, так как согласно древнерусской летописи после полного разгрома в 1019 г. он бежал и умер в неизвестном месте. Вряд ли летопись стала бы подменять вымышленным бегством реальную казнь такого отрицательного персонажа. В саге же речь идет об убийстве активного участника событий, имевшего столь отличающееся от Святополка имя. Если учесть тот "тест на правдивость", который сага прошла, сообщив о ранении Ярослава, то изложенные в ней сведения нельзя просто объявить ложными. В такой ситуации для выяснения личности убитого, по законам криминалистики, следовало расширить круг поиска предполагаемой жертвы среди лиц, которые так или иначе были причастны к событиям. Например, им мог быть полоцкий князь Брячислав, чье славянское имя близко к Бурицлаву. Однако на роль жертвы он тоже не подходил, так как именно к нему после завершения междоусобицы ушла служить варяжская дружина.

Толкование изложенных в саге событий приобрели совершенно неожиданный поворот, когда внимание ученых привлекла личность одного из сыновей князя Владимира - Бориса. По традиционной версии, князь Борис, как и его брат Глеб, ставшие первыми святыми русской православной церкви, были убиты в самом начале усобицы, и их смерть приписывается князю Святополку, получившему из-за двойного братоубийства прозвание "Окаянный".

В пользу предположения о том, что Бурицлав — это князь Борис, говорит как его имя, происходящее, скорее всего, от славянского имени Борислав, так и совпадение сцены убийства Бурицлава в саге с описанием гибели Бориса в "Повести временных лет". Существует еще ряд других деталей, подтверждающих вероятность такой версии, о которых можно прочесть у Е.В. Пчелова. Однако, если такое предположение является истинным, то роль князя Бориса в междоусобном конфликте не была столь пассивной и жертвенной, как это принято считать по официальной версии, и он, актив-

но участвуя в войне с братьями, погиб от рук варягов Ярослава. Святополк же к смерти Бориса отношения не имел и, следовательно, не был уж настолько "окаянным".

Не рассказала ли старая исландская сага об истинных участниках и событиях уби́ды на Руси? Страсть переписывания отечественной истории хорошо известна, а наши летописцы не раз замечались в этом грехе. Версия о том, что заказчиком убийства князя Бориса был не Святополк, а Ярослав, не представляется такой уж невероятной, если вспомнить, как хладнокровно он расправился с Судиславом — последним из оставшихся в живых братьев. Тихо сидевший во Пскове князь Судислав в 1036 г. был оклеветан и очутился по приказу Ярослава в темнице, откуда вышел уже после смерти Киевского князя.

Дружины норманнов активно использовались Ярославом и в последующих войнах. В 1024 г. скандинавская дружина Ярослава была разбита в битве с войсками еще одного его брата — Мстислава, который также использовал наемников, но уже южных — хазар и касогов. Летопись сохранила реальное имя руководителя участвовавших в той войне норманнских воинов — Якун. Участвовали скандинавы и в походе князя Ярослава на Польшу в 1031 г., и в битве под Киевом в 1036 г., в которой князь Ярослав во главе объединенных сил варяжской и новгородской дружин при поддержке киевлян разбил половцев.

Как видим, дружины норманнов неизменно оказывали поддержку ориентированным на сотрудничество со Скандинавией киевским князьям и роль этих профессиональных воинских формирований в укреплении власти Владимира Великого и его сына Ярослава Мудрого трудно переоценить.

* * *

Видимо, как никто другой из древнерусских князей Ярослав Мудрый ощущал свою связь с севером. Он неоднократно бывал в Швеции и в 1019 г. женился вторым браком на упоминавшейся уже нами Ингигерд, дочери шведского короля Олава Шётконунга (Грудного конунга). Об этом браке сохранилась запись в "Исландских анналах". Существует версия, что потомок Рюрика Ярослав и Ингигерд, возможно, доводились друг другу дальними родственниками. Династии Рюриковичей, норвежских, шведских и датских повелителей переплетались самым причудливым образом. Особен-

но это заметно в отношениях семьи Ярослава с семьей норвежского героя Олава Святого.

Сестра Ингигерд — Астрид — в том же 1019 г. вышла замуж за норвежского конунга Олава, который начал христианизацию Норвегии. Впоследствии Олав получил прозвание Святого и доныне почитается в качестве христианского патрона Скандинавских стран. В хронике событий, развернувшихся начиная с 1028 г., отмечено, что когда конунг Олав был низложен, то он вместе с теми немногими приближенными, кто сохраняли ему верность, отправился к своему родичу Ярицлейву. Ярослав принял попавшего в беду свояка и поддержал его.

После изменения обстановки в Норвегии, Олав, отправляясь в свой последний поход, оставил при дворе Ярослава своего малолетнего сына Магнуса. После гибели Олава в 1030 г. именно Магнус стал надеждой норвежцев на обретение независимости от Дании. В 1035 г. норвежские посланники прибыли к князю Ярославу, забрали Магнуса и, доставив его в Норвегию, провозгласили двенадцатилетнего мальчика конунгом. Считается, что с этого момента Норвегия вышла из под датского влияния и стала самостоятельным государством. Через несколько лет Магнус, получивший прозвище Добрый, займет на короткое время и датский трон. Так киевский княжеский двор оказался причастным к обретению Норвегией своей независимости и правящей династии.

Между тем в самой Норвегии возник и стал стремительно развиваться культ отца конунга Магнуса — Олава. Христианская церковь объявила Олава святым, и его почитание стремительно распространилось по всему огромному в то время скандинавскому миру. В Новгороде среди живших там скандинавов культ святого Олава также был распространен, почитание этого скандинавского святого среди новгородцев просуществовало очень долго, а в городе даже была возведена церковь Святого Олава.

Связи Ярослава Мудрого с семьей Олава Святого на этом не исчерпывались. Киевский князь также предоставил убежище и сводному брату Олава — Харальду, последнему из блестящей плеяды легендарных героев-викингов, будущему конунгу Харальду Суровому. Раненый во время сражения, в котором погиб Олав, Харальд сумел добраться до Руси. Он поступил на службу к Ярославу и в 1031 г. участвовал в походе Киевского князя на Польшу. Харальд был женат на дочери Ярослава — Елизавете, что не поме-

шало ему уйти со своей дружиной на службу в Византию. Через пятнадцать лет, овеянный громкой славой, полученной на службе у византийского императора, Харальд вернулся в Норвегию и разделил страну со своим племянником Магнусом.

При таком обилии легендарных норманнов совсем не удивительным являлось отмечавшееся уже нами скандинаво-славянское двуязычие двора Ярослава Мудрого. Прибавьте к героям-викингам еще их окружение, княжескую дружину, шведскую свиту жены князя Ингигерды, оставшихся неизвестными ее бедных родственников и просто искателей приключений, несомненно, появлявшихся в Киеве в поисках удачи, — и вам будет ясно, какой из двух языков преобладал при дворе Ярослава.

Скандинавская жена князя Ингигерд приняла в крещении имя Ирина. От неё у Ярослава было шесть сыновей и четыре дочери. Благодаря такому количеству детей и удачной "брачной дипломатии" Ярослав стал родственником чуть ли не всех дворов Европы. Его сын Изяслав был женат на Гертруде, дочери польского короля Мешко II; другой сын, Святослав, вторым браком был женат на немецкой графине Оде, внучатой племяннице папы Римского Льва IX и императора Священной Римской империи Генриха III; еще один сын Ярослава, Всеволод, женился на Марии, дочери византийского императора Константина IX Мономаха. Не менее удачными были и браки дочерей Ярослава и Ингигерд: Анна вышла замуж за короля Франции Генриха I; Анастасия — за венгерского короля Эндре I; Елизавета, как уже указывалось, — за норвежского конунга Харальда Сурового. К слову, доблестному викингу не сразу удалось добиться руки киевской княжны, пришлось совершить немало подвигов и написать в честь своей возлюбленной песню "Висы радости", то есть вести себя в духе средневековых рыцарских традиций.

* * *

В 1043 году князь Ярослав, вспомнив о скандинавском происхождении и славных походах предков, решил продемонстрировать свою силу Константинополю. К берегам Византии был направлен флот под командованием старшего сына князя — Владимира. Однако за две с лишним сотни лет смешанные браки и смена религии привели, как сказал бы Л.Н. Гумилев, к необратимому снижению "пассионарности" у потомков непобедимых ранее викингов. Война была проиграна, флот потерян, и Русь утратила всякие иллюзии

относительно своих возможностей испытывать терпение и могущество Византийской империи. Более древнерусские князья с Константинополем не враждовали, а отечественный флот за ненадобностью исчез с исторического горизонта на много столетий. Эпоха отважных набегов на богатого южного соседа, начатая ещё походами IX века, закончилась.

Но закончилась эта великая и кровавая эпоха не только на Руси. В Скандинавии шли сложные внутренние процессы, ремесло викинга становилось все более невыгодным. В Европе свободных земель больше не было, новые походы оборачивались схватками со своими же соплеменниками, уже установившими господство над англосаксами, ирландцами, славянами и франками. Вдобавок, как отмечает Джонс Гвин, не было больше викингов, вместо них появились даны, шведы, норвежцы. В 1030—1070 гг. границы норманнского мира неуклонно сужались, его могущество таяло — грозная эпоха викингов уходила в историю.

Для Руси завершение эпохи норманнских завоеваний связано с именем князя Ярослава, для всей Европы в целом ее конец ассоциируется с именем его зятя — Харальда Сурового. В 1066 г. Харальд во главе своего войска вторгся на территорию Британии. 25 сентября того же года в битве под Стэнфордбриджем войска норвежцев были разгромлены английским королем Гарольдом II, также имевшим скандинавское происхождение. Сам Харальд Суровый в битве погиб, сраженный стрелой в горло. Английский король взял под защиту сына своего поверженного врага и вместе с уцелевшими в битве норвежцами отпустил его домой. Однако сам победитель праздновал недолго — 14 октября того же 1066 г. в битве при Гастингсе войско короля Гарольда было разгромлено еще одним потомком викингов — нормандским герцогом Вильгельмом. Гарольд также погиб, а Вильгельм, получивший прозвание Завоеватель, основал в Англии новую Нормандскую династию. Эти два сражения, в которых норманны истребляли друг друга, в историографии и считаются концом эпохи викингов в Европе.

Ярослав не дождался гибели Харальда Сурового. Киевский князь скончался в 1054 г.; с его смертью Русь утратила прежние обширные связи со Скандинавией. Память о родине предков среди потомков Рюрика жила еще долго, в этой связи можно вспомнить хотя бы упоминавшиеся уже побеги князей "за море". Но, в целом, "варяжский след" в европейской и отечественной истории

после Ярослава Мудрого заканчивается. Нам остается только напомнить о том, что в Скандинавии живет память не только о перечисленных нами представителях первой династии Руси, но и непосредственно о родоначальнике киевских князей — варяге Рюрике.

По дошедшим до нашего времени сведениям из норманнских источников будущего конунга Рюрика соотечественники называли Рёриком Ютландским. Он владел местечком Дорестад в датской области Фрисландия и не чуждался ремесла викинга. В 843—847 гг. Рёрик вместе с братом Харальдом возглавили поход в Западную Европу и Средиземноморье. Дружины братьев захватили и разграбили богатый французский город Нант, взяли штурмом Ла-Корунью и Лиссабон, сожгли крепость Танжер, расположенную на африканском берегу Гибралтарского пролива, овладели считавшейся неприступной Севильей. Поход принес братьям громкую славу среди норманнов, Рёрик стал считаться среди них умелым и удачливым предводителем.

Однако после возвращения домой Рёрик попал в полосу неудач. Более сильный отряд норманнов отнял Дорестад и несколько лет Рёрик вел жизнь обыкновенного викинга, предлагая свой меч тем, кто способен заплатить. Однажды Рёрик во главе небольшого отряда приплыл в Финский залив. По Неве, Ладожскому озеру и Волхову он проник вглубь территории и захватил крохотный городок, располагавшийся в районе нынешней Старой Ладоги. Этот район викинги знали давно, они пришли сюда задолго до середины IX века и, как мы помним, называли его Альдейгьюборгом. За контроль над ним между различными группировками норманнов шла постоянная борьба, и Рёрик был всего лишь очередным, но далеко не первым "хозяином". Отряд Рёрика заставил платить дань местные финно-угорские и славянские племена. Дальнейшие события мы знаем из "Повести временных лет", по описанию которой окрестные племена якобы позвали Рёрика княжить. Присоединив к своим владениям дополнительные обширные районы и утвердив там свою власть, Рёрик основал новое государство, получившее название Русь.

* * *

Прочитав этот очерк, кто-нибудь из читателей может решить, что его автору хотелось внести свой вклад в пресловутый спор "нор-

маннистов" и их оппонентов. Уверяем вас, что это не так. Если бы перед нами стояла такая задача, то мы пригласили бы Вас, уважаемый читатель поразмышлять на тему, которая почему-то не привлекает внимания увлеченных жарким спором ученых.

Это тема о том, могли ли вообще наши предки избежать "пришествия" норманнов? А не в смешном ли положении мы оказываемся, если в очередной раз заявим, что мы шли каким-то отдельным от Европы путем? Хорошо известно, что вся Европа подвергалась опустошительным набегам викингов, предвосхитивших по своей безжалостности монгольских завоевателей. Могли ли наши предки, находясь к Скандинавии гораздо ближе, чем Сицилия, каким-то немыслимым образом избежать участи остальной Европы, но при этом покориться какому-то неизвестному князю неизвестного племени? Неужели славянские земли были столь скудны и непривлекательны, что даже такие ненасытные грабители как викинги на них не позарились? А как же тогда быть со словами летописи, что земли наши "велики и обильны"? Неужели нахождение Руси в одном ряду с созданными викингами государствами, такими как королевство Сицилия, герцогство Нормандия, представляется более оскорбительным, чем завоевание неизвестным князьком и признание крайней бедности наших предков?

Размышления над этими вопросами могли бы стать предметом отдельного исследования, но оно не вписывается в рамки нашего повествования. Выявление "варяжского следа" не было самоцелью этого очерка, и уж тем более в нем не определялся победитель в вечном споре отечественных историков о происхождении варягов. Рассказывая о связях Руси со Скандинавией, отслеживая черты грозных викингов в том или ином потомке Рюрика, мы преследовали совершенно иную цель: показать, насколько первые древнерусские князья были европейцами, людьми европейской культуры того времени. Династия Рюриковичей, особенно в период существования Киевской державы, не была изгоем среди других династий Европы. Это был один из многих европейских дворов, там жили и поступали так, как это было принято в Европе.

Привыкнув за годы изоляции от цивилизованного мира к тому, что блестящие короли и могущественные императоры — это где-то там, на Западе, а московские великие князья и цари как-то сами по себе, отечественные историки с неизменной гордостью и восхищением повторяют, что Ярослав Мудрый был "тестем всей Европы".

Безусловно, это было показателем могущества Руси и влиятельности ее князя в Европе. Но думается, что столь широкое представительство среди родни Ярослава королей, конунгов и императоров для самого Киевского князя и его окружения не было чем-то особо выдающимся. Европеец, как и все Рюриковичи до него, родственники или соотечественники которого находились чуть ли не в каждом европейском дворе, Ярослав вел обычную дипломатическую работу — укреплял свои позиции с помощью брачных союзов. Русь, в отличие от Московского государства, не была оторвана от Европы и не противопоставляла себя остальному континенту. Поэтому очередная свадьба древнерусской принцессы или принца с отпрысками европейских дворов только подтверждала принадлежность Рюриковичей к семье правящих династий Европы. Не менее, но и не более.

Широкая вовлеченность в европейские дела, тесные родственные связи с другими европейскими дворами будут сохраняться и дальше, особенно среди старшей ветви династии Рюриковичей, занимавшей Киевский стол и владевшей западными землями Руси. Мы уже упоминали о двуязычии и скандинавских именах в семье Мстислава Великого, увидим обширные связи с правителями соседних европейских стран двора короля Руси Даниила Галицкого и т.д. Восторг по поводу "брачной дипломатии" Ярослава Мудрого можно испытывать только в сравнении с периодом великих князей Московского государства. Тот же Е.В. Пчелов, рассказывая, что дочери Ивана Калиты вышли замуж: Мария — за Константина Васильевича князя Ростовского, Феодосия — за Фёдора Романовича князя Белозерского, а Евдокия — за Василия Давыдовича князя Ярославского, — называет удачной династическую политику этого московского повелителя. Однако породнился-то он не с великими королями, а с мелкими удельными князьями — и такой разительный контраст в выборе, а точнее, в возможности выбора родни Иваном Калитой в сравнении с Ярославом Мудрым только подчеркивает, насколько ослаблены были связи Московского государства с Европой.

Но во времена Ярослава Мудрого, двор которого относился к самым влиятельным дворам Европы, до этого было еще очень далеко. Стремительно увеличивающееся количество Рюриковичей и слабые внутригосударственные связи вскоре разделят оставленную Ярославом единую державу на множество княжеств, и каждое из

них пойдет своей дорогой. Во многом направление этих дорог будет определяться территориальным расположением княжеств, возможностями брачной и обычной дипломатии, личными наклонностями их правителей. Кто-то будет по-прежнему относить себя к общеевропейской семье народов, сознавать себя европейцами и жить в рамках европейской культуры, а кто-то будет искать иные пути. Но все эти княжества, по устоявшейся традиции, мы продолжаем называть общим названием Русь, хотя какие-то земли, из числа тех, что некогда находились под властью Киева, никогда в этническом отношении Русью не были. Об этом мы поговорим в следующем очерке.

ТАК ЧТО ЖЕ ТАКОЕ "РУСЬ"?

Стоит начать размышлять о древней Руси, как память тут же начинает услужливо подсказывать запавшую в память с раннего детства строчку: "Там русский дух... там Русью пахнет!". Выйти из-под обаяния строчек гениального поэта очень непросто, а между тем автор ненавязчиво, но прочно связывает в нашем сознании воедино понятия "русский" и "Русь". Но так ли уж прав Александр Сергеевич, не ошибся ли он еще раз, как в случае с мезью "неразумным хозарам" со стороны князя Олега?

Язык Руси, народ Руси, власть Руси — все эти понятия при ближайшем рассмотрении оказались далеко не однозначными. Древнерусский язык, или "руська мова" если быть точными, был далеко не таким уже русским, а среди славянских племен, ставших этнической основой населения Руси, русских племен не оказалось. Первые князья правившей в Киеве династии могут именоваться русскими тоже только в результате незнания, или умышленно пренебрежительного отношения к терминологии, ставшего, к сожалению, традиционным со времен классиков российской исторической науки. Ведь не секрет, что название "Россия" было введено Петром I, неудовлетворенным историческим названием своего государства — Московия, а Екатерина II завершила его дело, повелев своим подданным впредь именоваться не москвитями, а русскими. Но если подданные Московского государства не были русскими, то тем более не могли так называться подданные княжеской Руси. Совершенно очевидно, что употреб-

ление названий "русские", "русский" по отношению к населению Руси IX—XII веков, так же как и подмена названия "Русь" наименованием "Россия", является некорректным. Как назывались жители Руси, что должно пониматься под словом Русь и где, наконец, Русь располагалась — обо всем этом, уважаемый читатель, нам пора поразмышлять.

Вернемся к истокам: выясним, как называли Русь сами ее жители. Первое, отмеченное отечественными письменными источниками наименование будущего государства наших предков — Руска Земля. Под годом 6360 (852 г. в христианском летоисчислении) в "Повести временных лет" читаем: "В лета 6360, индикта 15, наченшь Михаилу царствовати, нача сия прозывати Руска Земля". Михаил — это император Византии, начавший царствовать в год, когда летопись впервые зафиксировала наименование "Руска Земля". Но первая редакция летописи была написана спустя более двух с половиной столетий после воцарения Михаила, и в названии своего труда Нестор использовал уже несколько иное наименование Древнерусского государства: "Се повесть временных лет, откуда есть пошла Руская Земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Руская Земля стала есть". Такого же названия — "Руская Земля" будем придерживаться в дальнейшем и мы.

Заметим, что словосочетание "Руская Земля", безусловно, очень близко к современному "русская земля", но призываем читателей не торопиться ставить между ними знак равенства. Как в случае со словами "индеец" и "индеец", где одна буква различия означает названия двух совершенно разных народов, так и несущественные, казалось бы, отличия в приведенных словосочетаниях могут означать два совершенно разных понятия.

Именно такой подменой — одних близких по звучанию слов на другие — русские историки сформировали и за истекшие столетия прочно внедрили в сознание российского народа постулат тождества между Россией и так называемой Киевской Русью. Слово "Россия" однозначно и совершенно справедливо ассоциируется у проживающих в этой стране народов со словом "русский". Российские историки, начиная с Н.М. Карамзина, писавшего "Историю Государства Российского" в XVIII столетии, без каких-либо оговорок употребляют по отношению к Руси слово "Россия", появившееся в XVII столетии. Жителей же этого средневекового государства постоянно и безоговорочно именуют "русскими", хотя и этот

термин появился значительно позднее. Так, путем простой подмены слов, создано устойчивое и искреннее общественное мнение, что Русь — это Россия, что русские — это жители данных двух государств, а украинцы и белорусы, как не упоминающиеся в литературе о Руси, появились значительно позднее и неизвестно откуда. Украинцы и белорусы действительно не упоминаются в летописях, но нет там и прилагательного "русские" через два "с", которое использовалось бы в качестве названия титульного народа Руси. И дело здесь не только и не столько в том, как писать название этого народа во множественном числе — через две или через одну букву "с", а в том, что это был совсем иной народ, отличающийся от современных русских, как мы уже знаем, не только в языковом, но и в этнографическом и антропологическом отношениях. Но обо всем по порядку.

Приведенное летописью словосочетание "Руская Земля" это, так сказать, официальное, торжественное название Киевской державы, обычно же и чаще встречается название Русь. Что, собственно, означает это слово — неизвестно, это одна из тех загадок, которую историки не разгадали и, видимо, не разгадают никогда. К единому мнению о том, откуда происходит слово "Русь", ученые тоже не пришли. Эта ситуация становится понятней, если вспомнить, что в летописи "русь" появляется одновременно со словом "варяги". Напомним: "И сказали себе: "Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву". И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные урмане и англы, а еще иные готландцы, — вот так и эти. Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь: "Земля наша велика и обильна, лишь порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами". И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь..."

Казалось бы, из знаменитой записи "Повести временных лет" под 862 годом следует, что русь — это имя варяжского рода, которое согласилось идти "княжить и владеть" призвавшими их славянскими и угро-финскими племенами. Но поскольку, как мы знаем из предыдущего очерка, ученый мир не может договориться по вопросу о том, откуда же пришли варяги, то и "русь" постигла та же участь — место ее происхождения так и не найдено. Не следует, однако, думать, что слово "русь" человеческой цивилизации неизвестно и появилось ниоткуда. Наоборот, по подсчетам, приведен-

ным А.Г. Кузьминым, "название "Русь" в Европе встречается более чем в десятке областей. В одной Прибалтике оно встречается в нескольких местах по южному и восточному побережью и на островах. В течение тысячелетия существовала "Руссия" на Дунае (на территории нынешних Австрии, Венгрии и Югославии). Две "Руси" вплоть до 1920 года сохранялись в Тюрингии на землях лужицких сербов". Понятно, что при таком изобилии информации определить, откуда же пришла "наша русь" — задача для историков просто непосильная.

В предыдущем очерке мы писали о значительном варяжском наследии в культуре Скандинавии, и было бы странным, если бы эта культура не имела собственного мнения о происхождении и толковании слова "русь". Все тот же Джонс Гвин пишет, что большинство скандинавских ученых сходятся в том, что слово *gus* происходит от финского прозвания шведов *guotsi*, которое, в свою очередь, родственно древнескандинавскому понятию "гребля", "плавание с помощью гребли", "путь по воде". Предполагается также, что, помимо названия "*guotsi*", от древнескандинавского понятия "люди с водного (гребного) пути" произошло наименование земель, где они жили — Рослаген, являющихся прибрежными областями шведского Уплёнда. По мнению этого же автора "...финны называли всех шведов именем того народа и края, которые они лучше всего знали, и они принесли это имя в соседние северные и восточные области, а затем и в южные — на берега Ладожского озера, заселенные еще до прихода русов выходцами из финских земель. Оттуда название распространилось по всей Руси (в том числе и среди славян), так что достигло даже Византии. Оно использовалось только по отношению к шведам, поселившимся на Руси, и никогда - по отношению к их "шведским" соплеменникам. Со временем им стали называть не только скандинавов, но и их подданных - славян".

Заметим, что Джонс Гвин неслучайно делает ударение на том, что этого мнения придерживается "большинство скандинавских ученых", отделяя их тем самым от ученых других стран, особенно российских. Более того, автор тут же делает оговорку, что "предлагаемая версия отнюдь не единственная и далеко не бесспорна". Очевидно, делает он это потому, что хорошо осведомлен о тех страстях, которые кипят в научном мире вокруг происхождения слов "варяги" и "русь". Последуем и мы его примеру и, не ввязыв-

ваясь в спор специалистов, обратимся к тому, что представляется бесспорным — слово "русь" появилось на славянских землях вместе с варягами. До их появления это слово ни разу не употреблялось в летописи, и ни одно из известных летописцу славянских племен так не называлось. Но именно "русь", после появления варягов, становится социальной верхушкой Киевского государства, о чем свидетельствуют современники событий — арабские географы IX века. Об этом же писал в X столетии современник Игоря и Ольги византийский император Константин Багрянородный, четко отделяя при этом русов от славян: "Когда наступает ноябрь месяц, князья их тотчас выходят со всеми Русами из Киева и отправляются в полюдье, т.е. в круговой объезд, и именно в славянские земли Древян, Дреговичей, Северян и остальных славян, платящих дань Русам".

Русы, а именно такое название приводят авторы переводов средневековых иностранных источников, отмечены неоднократно по всей Европе, в Византии и даже в Африке еще во времена, предшествующие появлению варягов-руси в славянских землях. Судя по дошедшим до нас сведениям, русы занимались двумя самыми доходными делами: войной и торговлей. Описания их отлично спланированных, безжалостных нападений на города, расположенные порой в тысячах километров друг от друга, содержат немало деталей, хорошо известных из описаний набегов викингов. Есть в источниках и некоторая информация о тех странах, откуда приходили эти воины и торговцы. Например, некоторые арабские источники упоминают, что русы пришли "с холодного, мрачного севера, совершив трехмесячное путешествие из темной страны, где не бывает солнца, омываемой северным океаном".

Бертинские анналы, написанные Пруденцием — придворным капелланом императора франков Людовика Благочестивого — указывают более точно страну, откуда пришли ко двору императора некие "русy". Известно, что 18 мая 839 года в город Ингельгеймна-Рейне ко двору императора Людовика прибыло посольство от византийского императора Феофила, в составе которого находились и послы хакана русов. По описанию, оставленному Пруденцием, люди, прибывшие вместе с послами императора Феофила, "...утверждали, что они, то есть народ их, именуется Рус; чей король, называемый хаканус, направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы... Тщательно расследовав (цели) их прибытия, им-

ператор выяснил, что они из народа свеонов и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет".

Может показаться, что автор Бертинских анналов вносит определенную ясность в вопрос о том, откуда в средние века приходили какие-то "русы", поскольку свеоны — это одно из известных названий шведов. Но спешить с выводами не следует, так как вам тут же приведут множество цитат, в которых другие авторы указывают иные места происхождения русов. Более подробно об этом можно прочитать в книге Е.В. Пчелова "Рюриковичи. История династии", откуда и взята приведенная цитата из Бертинских анналов. Единого мнения по этому вопросу, как уже отмечалось, нет, к тому же деяния неведомых русов, до их появления на славянских землях, представляют, на наш взгляд, чисто академический интерес. Сосредоточимся на более близкой и волнующей наших современников теме: что понималось и понимается под термином "Русь" в нашей истории, ибо, как писал И.П. Крестьякович, "не так важно происхождение названия, как то, что оно означает".

* * *

Обратимся вновь к "Повести временных лет". Ее автор Нестор Летописец не только зафиксировал приход варягов-руси, но отметил и факт распространения термина "Русь" на коренное население: "...полянины, еже ныне зовомая Русь". О постепенном распространении этого названия на представителей славянского населения свидетельствуют и международные договоры, подписанные в то время киевскими князьями.

Описывая содержание договоров между Русью и Византией, Н. Яковенко отмечает, что если в соглашении Олега с греками (911 г.) от народа "русского" выступают лишь лица со скандинавскими именами (Карлы, Ингельд, Фарлаф, Руальд и т.п.), то в аналогичном договоре Игоря (944 г.) среди послов, которые заверили его клятвой, впервые рядом со скандинавами упоминаются люди со славянскими, балтийскими и финскими именами. Характерно, что политоним "русь" распространяется и на них: в соглашении они названы "от народа русского послы и купцы". Этот пример, по мнению указанного автора, подтверждает, что под эгидой Киевского князя начали мало-помалу устанавливаться надэтнические черты жителей Руси.

Итак, название племени "русь" стало постепенно распространяться на все население Киевской державы, а созданное пришельцами государство обретает название "Русская Земля". Образован этот термин по тем же правилам, что и названия "Угорская земля", "Греческая земля" и др., в которых наименование главенствующего племени давало державе ту часть названия, которая отличала его от иных государств. Слово "земля" выступала в этих названиях в значении государство, так как термин "державка" на Руси в те времена не употребляли, оно пришло позже вместе с церковными книгами из Болгарии. Таким образом, слово "Русь" означало и название государства, и общее название населявших его племен. Между собой во внутрисостоятельных отношениях представители этих племен, как мы знаем, еще долго делились на полян, древлян, кривичей и т.д., а в отношениях с другими державами они выступали под общим названием русь. В современной понимании это обобщенное название заменяло институт гражданства. Как представители десятков национальностей, населяющих в настоящее время Украину, за ее пределами идентифицируют себя гражданами Украины, так жители средневековой Руси идентифицировали себя за ее пределами русью.

Однако указанными двумя понятиями применение термина "Русь" не исчерпывается. В литературе чаще всего используется другая пара его значений, называемых обычно значениями в широком и узком понимании этого слова. При широком значении терминов "Русь" или "Русская Земля" под ними понимаются само древнерусское государство как таковое, все земли, входившие в состав Киевской державы. Такое понимание слова Русь обычно применяется, когда речь идет о внешних отношениях Киевского государства с другими державами. В качестве наглядного примера такого широкого толкования может служить использование в современных международных отношениях названия "Россия", под которым понимаются как центральные области страны, сибирские и дальневосточные регионы, так и Калининградская область, хотя она отделена от основной территории государства и не относится к его исконным землям.

Узкое же понимание терминов "Русь" или "Русская Земля" носит этнический характер и применяется только к Киевщине, Черниговщине, Переяславщине, а применительно к более поздним периодам отечественной истории также к Галичине и Волини. На

какие-либо другие территории Киевского государства этническое значение этих терминов никогда не распространялось. Связано это с тем, что территория Древнерусского государства складывалась постепенно, а ее ядро составляли земли, прилегающие к Киеву. Эти территории и воспринимались как коренные земли Киевского государства. На них название Русь распространилось с самого начала, тогда как земли, присоединявшиеся позже, под это понятие уже не попадали. Видимо, император Византии Константин Багрянородный, говоря о "Внутренней Руси", имел в виду именно эти исконные земли созданного варягами государства.

Таким образом, в узком значении слова "Русь", земли северо-восточных княжеств никогда не понимались как часть Руси. В этом значении Суздаль и Великий Новгород летописью не только не назывались Русью, но чаще всего, как и все иные северные земли, противопоставлялись Руси. В тоже время, всякий раз, когда иные земли, помимо Киевщины, Черниговщины и Переяславщины, включались в понятие "Русская Земля", то это слово толковалось в общеполитическом значении — как Киевское государство в целом.

Такое разделение значений чаще всего наблюдается в государствах, которые, кроме своей коренной в этническом отношении территории, владеют этнически чужой землей. Так и на Руси — земли, расположенные на северо-восток от Киева, до их колонизации выходцами из славянских земель, были заселены угро-финскими племенами и воспринимались славянами как этнически чужие земли. В летописи за 1159 г. "русские князья" понимаются как южные князья. Против них выступают "сила ростовская" и "помочь муромская". Киевское войско постоянно называется летописцем "русским" войском. "Повесть временных лет" отмечает, что во Владимир-на-Клязьме приходили купцы "из Царьгорода, и от иных стран, из Руской Земли и аче Латинин".

Летописи содержат множество примеров, из которых ясно, что и жители северо-восточных княжеств тоже не воспринимали себя частью Руси. Если из Ростова или Суздаля кто-то отправлялся в Киев, Чернигов или Переяслав, то говорили: "едет в Русь". Ни разу поездкой в "Русь" не названо путешествие в какое-то иное место. Москва, в понимании летописца в начале XIII века, — тоже не Русь. Так, например, под 1213 г. летописец об одном князе рассказывает: "Он же идет из Москвы в Русь". Как отмечает А. Г. Кузьмин, все "летописцы XII ст., включая новгородских, под

"русью" имели в виду именно Поднепровье". Приведем несколько примеров из летописей.

Юрий Долгорукий выступил с войском из Ростово-Суздальской земли "в Русь", то есть на Киев. Изяслав Мстиславич, вынужденный оставить Киев, ушел с "Русской земли" на Волынь, а затем снова вернулся в "Рускую землю". Передавая в 1148 г. сыну Юрия Долгорукого Ростиславу город Божский, Изяслав Мстиславич ставит ему следующее условие: "А ты постережи земле Руской оттоле". Изгнанный за несоблюдение этого уговора Ростислав идет в Суздаль и говорит отцу: "Слышаль есмь, оже хочеть тебе вся Руская земля". Юрий Долгорукий в обиде за себя и своего сына воскликнул: "Тако ли мне чести нету в Руской земли, и моимъ детьмъ?"

Святослав Всеволодович, после похода на город Дмитров, "возвратися опять в Русь". Ростовцы, суздальцы, переяславцы и "вся дружина, от мала до велика съехавшися до Володимера" после убийства Андрея Боголюбского, зарезанного собственными слугами в 1174 г., говорили: "...князь наш убиен, а детей у него нету, сынок его в Новгороде, а братья в Руси..."

Новгородцы также понимали под "Русью" Киев и Киевскую землю. В летописной статье под 1135 г. говорится: "...иде в Русь архиепископ Нифонт". В 1142 г. новгородское посольство было задержано "в Руси" (в Киеве) до тех пор, пока оно не дало согласия на вокняжение в Новгороде князя Святослава. Изгнанный из Новгорода, князь Святослав "идушу в Русь к брату". Князь Мстислав Удалой на вече поклонился Великому Новгороду и сказал: "Есть у меня дела на Руси; а вы вольны в князьях", - после чего уехал с дружиной в Галичину.

Всеволод Большое Гнездо направил в 1195 г. великому Киевскому князю Рюрику следующее послание: "Вы есте нарекли мя во своемъ племени во Володимере старейшаго, а ныне седел еси в Киеве, а мне еси части не учиниль в Руской земле". Посланный в 1223 г. на помощь южным князьям в битве на Калке против монголов, Василий Константинович не успел с ростовским полком "к ним в Русь". Подобное цитирование летописей можно продолжить и далее, но вряд ли в этом есть необходимость.

Четко отделяли северные земли от Руси классики отечественной истории. В книге "Чтения и рассказы по истории России", описывая события 1157 г., С.М. Соловьев пишет: "Юрий Ростовский

выступил в поход на Русь... ", уточняя при этом, что "...Русью собственно называли один Киев с округом". В "Истории России с древнейших времен" Соловьев тоже отождествляет Русь только с "Киевской областью" и характеризует ее как "Русь в самом тесном смысле".

В.О. Ключевский в своем "Курсе русской истории" называет Ростово-Суздальскую землю краем, "который лежал вне старой коренной Руси и в XII в. был более инородческим, чем русским краем". Н.И. Костомаров, характеризуя период удельной раздробленности Руси, пишет: "В земле Русской, или Киевской, выделилось княжение переяславское".

Приведенные свидетельства достаточно убедительно показывают, что "Русь" в узком значении слова, или если хотите, Русь изначальная, — это земли между Десной на севере, Сеймом и Сулой на востоке, Росью и Тясменем на юге, Горынью на западе. Другими словами, это те самые земли, где когда-то жили поляне, северяне и древяне, составившие основу и центральную часть Киевской державы, лежащие в границах современных Киевской, Житомирской, Черниговской и Черкасской областей Украины. Поэтому ответ на вопрос летописи: "Откуда есть пошла Руская Земля?", — в буквальном его понимании представляется достаточно простым: "Руская Земля" пошла с территорий, подпадавших под термин "Русь" в этническом его толковании. Характерно, что именно в этом регионе сохранилось больше всего гидронимов и топонимов, связанных с названием "Русь" — Рось, Россава, Роставица, Ростовец и др.

С XIII века Русью стала называться уже вся территория нынешней Украины и отчасти Беларуси. Показательно, что именно западные земли Руси дольше всего сохраняли после распада Киевского государства в своих названиях сам термин "Русь". Хорошо известны такие названия как Белая Русь, объединявшая территории Полоцкого и Турово-Пинского княжеств, Черная Русь — территория в Польше XIV—XVIII столетий с городами Гродно, Бобруйском, Речицей, Несвижем, Слуцком, Слонимом и др., входящая в нынешнюю Беларусь.

Червоной Русью называлась Галичина. Правитель Галицко-Волынского княжества Данило Романович носил официальный титул короля Руси, этот же титул был и у его внука Юрия I. С 1355 г., то есть через шесть лет после распада Галицко-Волынской державы и

вхождения Вольны в состав Великого княжества Литовского, Литовский князь Ольгерд стал применять в своем титуле выражение "вся Русь". Западная часть Галичины вместе с городом Львовом, после вхождения княжества в состав Польского королевства, официально стала именоваться с первой трети XV в. Руским воеводством или Русью. После Кревской унии 1385 г., закрепившей вхождение западных княжеств бывшей Руси в состав Польши, ее король стал называться королем "польским, великим князем литовским, руским".

На севере и востоке распавшегося Киевского государства в названиях образовавшихся княжеств этот термин отражения не имел. Не было его и в титулах князей Владимирских, Тверских, Рязанских, Муромских и т.д. Только в 1493 г., то есть через два с половиной столетия после разгрома древнерусских княжеств монголами, в титуле Великого Московского князя появилось дополнение "вся Русь". Однако отражало оно не столько связь с Киевским государством, сколько территориальные претензии к Великому княжеству Литовскому, владевшему в то время большей частью земель, входивших некогда в состав Руси.

В книжной же традиции, остававшейся благодаря посредничеству и стараниям православной церкви единой на всей территории бывшей Руси, каждое княжество помнило о своей причастности к "Руской Земле". Н. Яковенко пишет, что каждое из них, как свидетельствуют произведения местных летописцев, называло себя Русью, безразлично — писались ли эти произведения в Полоцке, Смоленске, Витебске, или в Москве и Суздале, или в Чернигове, Киеве, Галиче. Указанным летописцам, бывшим, как правило, православными монахами, сохранять память о единой Руси (в широком понимании этого слова) существенно облегчало то обстоятельство, что названия обеих древнерусских православных митрополий — Киевской и Галицкой, сохраняли слово Русь: "вся Русь", "малой Русь".

До нашего времени на всех землях бывшего Киевского государства корень "русь" сохранился только в официальном названии Беларуси, объединившей, как это не парадоксально, территории тех древнерусских княжеств, которые раньше остальных вышли из состава Руси и первыми связали свою судьбу с соседними государствами.

Ну, а что же произошло с самим древним названием нашего

Отечества — "Русская Земля"? Понятно, что после распада Киевской державы и, особенно, после монгольского нашествия этот термин уже не мог использоваться в широком его значении, так как исчезло само государство, которое он обозначал. Но и в узком, этническом значении название "Русская Земля" не надолго пережило Киевское государство. Одним из последствий монгольского нашествия для Киевщины, Переяславщины и Черниговщины стало их "обезкняжение" — исчезновение древнерусских княжеских династий. Этими коренными землями Руси правили непосредственно монгольские чиновники и уже к концу XIII столетия термин "Русская Земля" навсегда исчез из летописей, а вместо него появились названия "Киевская земля" и "Северская земля". Через некоторое время в Киеве князья появились вновь, но степень влияния монголов на исконные земли Руси была так велика, что на часть этих территорий распространилось название "Татарская земля". Известно, что в середине XV столетия Киев стоял как раз на границе с "Татарской землей". Под давлением экспансии Великого княжества Литовского эта граница постепенно смещалась на юг, но это уже совсем другая история, выходящая за рамки нашего повествования.

* * *

Помимо столь различных значений слова "Русь" не менее запутанной является проблема этнического имени титульного народа Руси. Как мы выяснили, во множественном числе термин "русь" первоначально означал также и обобщенное название населявших Древнерусское государство людей. Но как назывался в те времена отдельный индивидуум? Все, без исключения, российские авторы, будь это историки царского и советского времени, или современные нам авторы, однозначно именуют население Киевской державы русскими. Однако обычай именовать себя и свой народ именем прилагательным, а не именем существительным, появился в российском государстве только во времена Екатерины II. До "матушки Екатерины" великорусский народ имел название, которым он называл себя сам, и было это название именем существительным: "московит". Хорошо известно, что именно Екатерина II первой остро выступила против официального употребления этого этнонима, поскольку "...имя Московия, Москов, Москаль, Москвич совсем недавно от сущного незнания или же от соседней зависти приня-

то". Интересно, какой еще народ подозревался в том, что принял свое имя от "соседней зависти"? И уж совсем загадкой является то, почему великий народ воспринял и принял название, означавшее его принадлежность не самому себе, а кому-то другому?

О всей странности этой особенности названия русского народа исследователи писали не раз. "Я обращаю внимание на тот факт, — пишет философ, лингвист и историк В. Кожин, — что русские, кажется, один из немногих народов в мире, самоназвание которого является прилагательным, а не существительным. Кстати, в самом русском языке представители других народов (кроме русского) названы именем существительным: англичанин, грузин, туркмен, чуваш". Заметим, что В. Кожин, говоря о русских как об одном "из немногих народов в мире", которые именуют себя именем прилагательным, выразился достаточно деликатно. А.А. Бушков и А.М. Буровский в книге "Россия, которой не было — 2" цитируют Г. Померанца, который при оценке этой "национальной особенности" был гораздо более категоричен: "В самом этнониме "русские" слышится плененность, принадлежность, а не самостоятельное бытие. Китаец, турок, немец, жид — все они обозначены именем существительным, все суть сами по себе. Только русский — имя прилагательное. Были попытки ввести другие имена: русичи, россы, но они не привились. Народ сознавал себя русским (барским, царским, казенным, русским). Русские не владеют Россией; они принадлежат Руси".

Ничего смешного, равно как оскорбительного или порочащего, в существовавшем ранее имени "московит" не было и нет. Судя по разным источникам, это название не было устоявшимся, можно встретить также "москаль", "московитянин", но в любом случае эти названия были именами существительными и употреблялись как в повседневной жизни, так и в официальных документах. В связи с этим не совсем понятным является откровенно неприязненное отношение современного российского общественного мнения как к данным этнонимам, так и к названиям Московия, Московщина, Московития. В книгах российских авторов эти названия встречаются крайне редко, а ведь по определению дореволюционной энциклопедии: "Московия, Московития — название, принятое во всей Западной Европе для русского государства, преимущественно времен князей и царей Московских до конца XVIII столетия". Все эти названия имеют давние исторические корни и отказ от их исполь-

зования равнозначен отказу от целого пласта российской истории. Возможно, истоки такого отношения кроются в негативных ассоциациях, которые возникают у россиян в связи с употреблением этих терминов. Упомянувшийся уже российский автор А. Миллер отмечает: "...очень интересно, что образ Московского княжества никогда не рассматривался как нечто такое, к чему надо стремиться в плане консолидации. Скорее это был негативный образ: нас враги хотят расчленить и снова запихнуть в эти границы. Да, Москва — колыбель, но мы никогда не согласимся на то, что Московское княжество и есть наша территория, пусть даже в самом широком своем варианте". Невольно возникает вопрос: что же это за колыбель, если она создает "негативный образ"?

Добавим к этому, что традиция, заложенная Екатериной II, с царствования которой слово "русский" стало широко внедряться в общественный обиход, была продолжена в советские времена. Постоянно звучавшие названия "советский народ", "советские люди" все чаще укорачивались до термина "советские", также являвшимся не именем существительным, а именем прилагательным. В перспективе все народы бывшего СССР могли потерять свои собственные имена и получить взамен их название, означавшее их принадлежность Советам. Видимо, хозяева страны Советов ставили свои народы ничуть не выше немки-царицы. История избавила нас от необходимости доведения этого эксперимента до его логического завершения, оставив русский народ единственным обладателем столь странно образованного названия.

Но если русские, по словам Г. Померанца, не владели Русью, то как же тогда называли себя жители Киевского государства, полагавшие себя его хозяевами? Несколько названий, из числа тех, что постоянно используются в литературе для обозначения жителей Руси, уже приведены в цитате данного автора: "русичи" и "россы". Добавим к ним уже упомянутых нами "руссов" из переводов иностранных источников. Однако все эти названия, равно как и встречающиеся иногда различные их варианты, плоды творчества разных авторов, но не самого народа Руси. Так, широко используемый последнее время в художественной литературе термин "русич" встречается лишь в "Слове о полку Игореве". "Слово", как известно, является не документом той эпохи, а литературным произведением, допускающим определенные поэтические вольности. В официальных же документах, если не принимать во внимание поэтические и публицистические

опусы, написанные в гораздо более поздние времена, термин "русич" в качестве этнонима практически никогда не употреблялся. В совокупности с некоторыми другими признаками, это обстоятельство дает основания некоторым исследователям рассматривать "Слово о полку Игореве" не в качестве оригинального произведения XII века, а как гораздо более позднюю литературную стилизацию. В пользу того, что слово "русич" действительно не использовалось в живом языке, а было изобретено неизвестным автором, говорит и то обстоятельство, что данный термин не имеет женского рода. Согласитесь, трудно себе представить, чтобы как минимум половина населения страны (женщины) никак не называла себя, не определяла бы свою этническую принадлежность.

Полностью искусственными и надуманными являются термины "русы" и его искаженные формы "руссы", "россы", "росы". На Руси в княжескую эпоху и позднее таких названий не употребляли. "Иногда в литературе встречаем термин "руссы", выдуманный ученой историографией и в источниках неизвестный", — отмечает А. В. Назаренко.

В чем же дело, — в праве спросить читатель, — нельзя ли просто посмотреть в тексты летописей и узнать это таинственное имя? Собственно говоря, никакой тайны в слове "русин", которым в средневековой Руси обозначалась этническая принадлежность ее населения, нет. В этой книге мы уже неоднократно использовали данный этноним. Но узнать его из подавляющего большинства доступных широкой публике "подлинных" текстов летописей невозможно, так как они таковыми не являются. Несмотря на всю витиеватость выражений, которые должны убедить читателя, что перед ним фотографически подлинный текст летописи, легко убедиться в обратном — достаточно найти слово "Русь". По правилам церковнославянского языка, на котором, как мы помним, написаны все древнерусские летописи, это слово пишется "Роусь", и если вы видите современное написание этого термина — перед вами перевод с церковнославянского языка. Все эти переводы имеют одну, но очень интересную особенность, отмеченную академиком Я.Д. Исаевичем: "Переводя на русский язык старокиевские летописи, имеющийся в оригинальном тексте этноним "русин" переводился как "русский". Так что часто встречающиеся "подлинные" тексты древнерусских летописей и все многочисленные цитаты из них ничего иного, кроме названия "русский", нам не дадут.

Известно, что впервые этноним "роусинъ", если его писать в соответствии с правилами церковнославянского языка, или "русин" в современном написании, встречается в летописях при изложении упоминавшихся уже международных договоров Руси с Византией 911—945 гг. Например, статья четвертая договора 912 г. по Ипатьевскому летописному списку гласит: "Аще кто оубиеть кртыя на русинь", "или христианин русина". Договор 945 г. гласил: "Аще ли ключитея оукрасти русину вот грек что, или гречину вот русина". Статья тринадцатая договора 945 г. по Ипатьевскому летописному списку: "И еще оубыеть крестьянин русина или русин крестыяна", или, уже по Лаврентьевскому летописному списку: "Аще оударить мечом или копьем или кацем любо оружием русин гречина или гръчинь русина". Всего в международном договоре Олега с греками 911 г. термин "русин" упомянут семь раз, в международном договоре Игоря 944 г. — шесть раз. Легко заметить, что термин "русин" выступает при этом не в качестве обозначения какой-то части населения или отдельного племени Руси, а как обобщенное название всех жителей, всех подданных Киевского государства, и является обобщенным их названием.

Украинским автором Е. Наконечным написана прекрасная, глубоко аргументированная работа о происхождении термина "русин", о его повсеместном применении как летописцами, так и простыми жителями Руси, начиная от княжеских времен и вплоть до вхождения различных частей Украины в состав Российской империи. Всех читателей, владеющих украинским языком и желающих детально ознакомиться с историей возникновения и многочисленными летописными примерами использования этого этнонима в IX—XIX веках, а так же со значениями терминов Украина, Россия, Малороссия, Великороссия и множества иных понятий, связанных с отечественной историей, адресуем к книге этого автора "Украденное имя: почему русины стали украинцами". Здесь же отметим только самые общие сведения, имеющие непосредственное отношение к теме нашего повествования.

Как отмечает Е. Наконечный, все исследователи сходятся в том, что в эпоху Киевского государства этноним "русин" означал южанина из полян. Образовался термин "роусинъ" в полном соответствии с правилами славянского словообразования: роус + инъ. В начале множественным числом к слову "русин" было "Русь". "Сборное имя народа, — пишет М. Максимович, — Русь, как Чудь, Сербь,

а единичное — Русин, как Чудин, Болгарин, Сербин, или Сербиянин". Аналогично образованы и названия литвин, мордвин и т.д. Со временем от единственного числа "русин" образовывается, по правилам, действующим и в современном украинском языке, множественное число "русины". Так образовывается множественное число в словах: син-сини, він-вони, пан-пани и т.п.

В дальнейшем название "русины" с Киевщины перешло на население близлежащих земель, тех, на кого распространилось этническое понятие "Русь". На население Залесья этот термин некогда не распространялся, что особо подчеркивает В. Балушок: "...внутри же Руси "русь-русины" является этнонимом лишь жителей Киевской земли". К этому выводу присоединяется и Ю. Кньш: "Является безоговорочным фактом, что Суздаль и Новгород выразительно отмежевались от названия "Русь" в XII—XIII столетиях и позднее, а также является безоговорочным фактом, что россияне некогда не присваивали себе этноним "русин", который существовал непрерывно на украинских территориях с IX по XX столетие".

Видимо поэтому термин "русин", как абсолютно чуждый русской общественной мысли, крайне редко можно встретить в произведениях классиков российской истории. Но тайны из него царские ученые не делали. Те же Н.М. Карамзин и С.М. Соловьев, сохраняя научную объективность, в пересказе указанных договоров Руси с Византией используют слово "русин". Однако в подавляющем большинстве российские историки при изложении исторических событий в текстах, написанных от своего имени, используют слово "русский". Удивительного здесь ничего нет, поскольку за редким исключением, представленным работами М. Грушевского, все мэтры отечественной истории писали исключительно историю России. Огорчаться из-за этого или обвинять классиков в каком-то заговоре не стоит — их труды от этого не изменятся. Просто при чтении их работ необходимо помнить, что историки писали свои книги в период существования Российской империи, когда большая часть современной Украины носила официальное название Россия. Никто не мог тогда предполагать, что в XX столетии Российская империя дважды переживет распад и на ее бывшей территории возродятся несколько независимых государств, каждое из которых вполне обоснованно будет претендовать на собственную историю и собственное название. Не следует также забывать и то, что все уважаемые классики состояли на цар-

кой службе и писали свои труды во времена официально действующей цензуры.

Характеризовать объективность советской исторической науки нет необходимости, скажем только, что слово "русин" было просто изгнано из исторической терминологии. Как издавались в Советском Союзе исторические тексты, поведал тот же Я.Д. Исаевич: "...в наиболее распространенном переводе "Повести временных лет" слова "положить ряд межю Русью ѿ Грекы" (т.е. между Русью и Грецией) переведено "установит договор между греками и русскими". Дальше в тексте слово "русин" также последовательно переводится как "русский". Такой перевод стал считаться обязательным; следили за этим очень сурово. Однажды, когда рецензенты и редакция научного сборника, изданного под эгидой АН СССР, недосмотрела, что автор одной из статей употребил слово "русин" относительно населения Киевской Руси, то перед выпуском в свет во все экземпляры была вложенная карточка — "Еггата: "Напечатано "русины". Должно быть "русские".

И не имело для советских правителей и писавших под их диктовку историков ни малейшего значения, что многомиллионное население Киевщины, Черниговщины, Полтавщины и других земель Руси, входивших в состав Российской империи, называло себя русинами вплоть до XVII века, а жители Галичины и Буковины пользовались этим этнонимом вплоть до Первой мировой войны.

Табу на слово "русины" сохраняется и в произведениях большинства современных российских авторов. Во всю ширь страниц их произведений, посвященных средневековому Киеву, гуляют русские, или "руссы" заодно с "русичами". Та же ситуация сохраняется и при изображении Волыни периода вхождения ее в состав Великого княжества Литовского или Галичины при вхождении в состав Польского королевства. Впрочем, от людей, пренебрежительно относящихся к собственному имени их прямых предков, которое те носили во времена Великого княжества Московского, вряд ли стоит ожидать уважительного отношения к имени народа, имеющего к ним весьма отдаленное отношение. Удивительно и печально другое — "руссы" и "русичи" столь же свободно чувствуют себя и на страницах произведений нынешних украинских авторов, которые, казалось бы, должны с большим уважением относиться к древнему имени своего народа.

Начиная с эпохи Руси этноним "русин" употребляли как сами

жители нынешней Украины, так и сопредельные народы. Как пишет Е. Наконечный, под именем русины жителей Киевского государства соседние страны знали уже с XI века, а перевод названия "русин" в форме Rutheni появился в латиноязычных источниках Европы уже во второй половине того же столетия. Из латыни слово Ruthenia перешло как определение русинов к немцам, французам, англичанам — Ruthenen, Ruthenes, Ruthenians. Выражение Ruthenus является латинской формой греческого Routhenos, что также передает слово "русин".

Первые польские летописцы — Аноним Галл, а за ним Кадлубек — называют страну восточнее от границ Польши — Ruthenorum regnum (королевство русинов). Епископ краковский Матвей в 1150 г. писал Бернарду Клерво: "Gens ruthena multitudine innumerabili cea sideribus adequata" (племя русинов своим многочисленным количеством адекватно звездам). Французский офицер Пьер Шевалье в XVII столетии отмечал: "В Греции и в Анатолии православные правят свои богослужения старогреческим языком, однако москвиты и русины правят их своим языком".

Как и в случае с использованием термина Русь, цитат из различных авторов, различных эпох и различных стран подтверждающих, что именно под именем "русины" знали в Европе предков нынешних украинцев, можно привести бесчисленное количество.

Ограничимся только приведенным Е. Наконечным высказыванием французского политика К. де Лямара, который, характеризуя положение предков нынешних украинцев, писал в 1869 г.: "В Европе существует народ, забытый историками, — народ русинов: 12 1/2 млн — под русским царем и 2 1/2 млн — под Австро-Венгерской монархией. Народ этот такой же многочисленный, как народ Испании, втрое больше чехов и равный по количеству всем подданным короны святого Стефана. Этот народ существует, имеет свою историю, отличную от истории Польши и еще больше отличную от истории Московщины. Он имеет свои традиции, свой язык, отдельный от московского и польского, имеет выразительную индивидуальность, за которую борется. История не должна забывать, что до Петра I тот народ, который мы называем рутенами, назывался русским, или русинами, и его земля называлась Русью и Рутенией, а тот народ, который мы ныне зовем русским, назывался москвинами, а их земля — Московией. В конце прошлого столетия все во Франции и в Европе хорошо умели отличать Русь от Московии".

По сведениям, опубликованным М. Гладышевским, этноним "русин" был известен не только в Европе, но и за океаном. Его привезли туда переселенцы из земель, вошедших в настоящее время в состав независимой Украины. Под таким именем их знали в Канаде и США. Изменение названия произошло лишь в 1919 г., когда термин "украинец" стал объединять поселенцев, "осознающих свое национальное происхождение". Замена этнонима "русин" на "украинец" на территориях нынешней Украины произошла во времена, далеко выходящие за рамки нашего повествования, поэтому мы не будем освещать этот процесс, а все заинтересовавшиеся этой темой могут получить исчерпывающую информацию в упомянутой книге Е. Наконечного.

Видимо для читателя не составляет секрета, что этноним "русин" в качестве наименования отдельной народности существует и донныне. Речь идет о карпатских русинах, историческая территория расселения которых, имеющая название Карпатская Русь, занимающая площадь 18 тыс. кв. км, размещается на пограничных землях Украины, Польши, Словакии и Румынии. Три четверти населения, относящего себя к этническим русинам, проживает в настоящее время в Закарпатской области Украины. Российскими публицистами и политиками неоднократно озвучивались заявления, свидетельствующие о попытках привязать эту народность к современной России и русскому народу. Однако попытки эти являются, мягко говоря, некорректными. Из истории известно, что в первой половине I тысячелетия территории Закарпатья и современной Галичины были населены славянским племенем белых хорватов. По мнению украинских историков в 983 г. белые хорваты обеих сторон Карпат были включены князем Владимиром Великим в состав Киевского государства. Пробыв в составе Руси несколько десятилетий, земли белых хорватов и их население отошли в первой половине XI века к Венгрии. В XI—XII столетиях белых хорватов, исповедовавших православие и продолжавших помнить о своем славянском происхождении, стали называть русинами, так же как и жителей коренной Руси. Под этим наименованием их потомки живут и поныне, имеют свой собственный устный и письменный язык, свою диаспору во многих странах мира.

Для объективности отметим, что авторы издаваемых в настоящее время изданий на русинском языке уверены, что ни одна из составных частей этого народа никогда не входила в состав Киевс-

кого государства. Как бы там ни было, но карпатские русины, очевидно, единственные из всех потомков славянских племен, которые не только сохранили до нашего времени само название "русин", но после XII века никогда и не меняли его.

ПОДВЕДЕМ НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

Если Вы помните, уважаемый читатель, начиная этот раздел, мы задавались вопросами: были ли предки украинцев и русских единой народностью, когда и где начали появляться те отличия, которые затем стали характерными особенностями этих двух народов. Рассмотрев процессы образования средневекового государства Русь, его коренных и колонизированных территорий, этнического состава, названия и языка его населения, полагаем, что мы вправе сделать определенные выводы.

В середине IX столетия агрессивное и предприимчивое племя варягов-руси завоевало славянские племена, проживавшие по течению Днепра. Быстро консолидировав их вокруг Киева, варяги резко активизировали вялотекущий процесс образования государства, получившего название от родового имени захватчиков — Русь. Первоначальные, исконные земли новой державы лежали в пределах Киевщины, Переяславщины и Черниговщины. Распространившийся на коренное население этих земель этноним "русь" со временем трансформировался в соответствии с правилами славянского словообразования в термин "русин", который и стал этническим названием жителей исконной Руси. Правители же государства — Киевские князья и их окружение, в качестве своей основной политической и военной силы длительное время использовали дружины профессиональных скандинавских воинов — викингов. Сами князья носили скандинавские имена, общались на языке "данов" и имели очень тесные родственные, дружеские, экономические и политические связи со Скандинавией. На первом этапе Киевские князья использовали созданное ими государство в качестве орудия для нападений на богатую Византию, а своих подданных — в качестве живого товара для европейских, азиатских и африканских рынков рабов. Через некоторое время славянам начинают также доверять честь умереть за интересы князей-варягов в их грабительских набегах на соседние страны.

После завершения в Европе эпохи викингов и угасания связей со Скандинавией, среди представителей правящей династии Рюриковичей обостряется борьба за власть, возникают междоусобные войны. Часть знати, вместе с выходцами из славянских земель, начинает осваивать новые территории на северо-востоке от Киева, получившие название Залесье. Северные земли не входили в этническую территорию Руси и их население, состоявшее из славянских переселенцев и угро-финских племен, к русинам себя не относило. Постепенно северные колонии в языковом, этническом и культурном отношении все больше отдалялись от коренной Руси, а жесточайший разгром Киева в 1169 г. Владимиро-Суздальским князем Андреем Боголюбским означал и фактическое отделение северных княжеств от метрополии. Сформировавшаяся в Залесье новая народность, ставшая этнической основой русского народа, далее была намерена идти своим путем.

Какое-то время Русь, уже фактически распавшаяся на ряд отдельных государств, еще сохраняла внешнюю видимость прежнего единства. Требовалась сила, которая развеяла бы этот мираж, разрушила бы эту историческую инерцию. В XIII столетии такая сила нашлась, и вновь, как и в IX веке, она пришла со стороны, но на сей раз не из Европы, а из Азии. Монгольские завоеватели в гораздо более короткие сроки, чем когда-то варяги, уничтожили прежние порядки и на обломках Руси создали новое государство. Как прежние повелители "Русской Земли" ответили на этот вызов судьбы, какие исторические пути они выбрали для себя и своих подданных, почему у некоторых княжеств Руси эти пути оказались различными — об этом речь в следующем разделе нашей книги.

II

Данило Галицкий и
Александр Невский.
Два пути, две судьбы

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

В 1991 году Украина и Россия, входившие ранее в единое государственное и культурное пространство, избрали отдельные исторические пути. На протяжении истории сосуществования двух наших народов произошло это не в первый раз. Всякий, кто всерьез задумается над тем, почему на излете XX столетия народы, называвшиеся братьями и жившие в одной стране, вновь превратились в соседей, вынужден будет обратиться к прежним эпохам в поисках того перекрестка, от которого впервые разошлись пути предков украинцев и русских. Мысленно пройдя в этих поисках несколько веков, он неизбежно остановится перед фигурами двух великих политиков и полководцев средневековой Руси — короля Руси Даниила Галицкого и великого князя Владимиро-Суздальского Александра Невского. Именно эти два незаурядных правителя "Русской Земли" стоят у истоков выбора, который впервые предопределил различное будущее двух народов. Дилемма между союзом с католическими странами и взаимодействием с Золотой Ордой, которую пришлось разрешать Даниле и Александру, в конечном итоге оказалась выбором различных путей развития для двух разных частей Руси в последующих столетиях. Отныне этот выбор означал: быть вместе с Европой или за пределами европейской цивилизации.

Перед таким выбором ни Русь, ни ее повелители ранее никогда не стояли. Пришедшие из Европы и состоявшие в родстве со многими ее королевскими дворами, варяги были и считали себя европейцами. Их потомки, правившие в центральных, южных и западных землях Руси, продолжали родниться со скандинавской, литовской, польской, венгерской знатью, имели обширные связи с остальной Европой. Заключаемые ими союзы со степными народами носили, как правило, кратковременный характер; степень влияния кочевников на жизненный уклад и культуру славянского населения Руси был не выше воздействия иных соседних народов. Активные торговые отношения с Европой имели северные торговые республики — Псковская и Новгородская. Вне всякого сомнения, перечисленные древнерусские княжества и земли не отделяли себя в культурном отношении от своих западных соседей, составляя неотъемлемую часть общеевропейской семьи народов.

В то же время северо-восточные княжества Руси все больше род-

нились с местными финно-угорскими племенами и кочевниками. У славянских переселенцев, осваивавших новые земли в Залесье, менялся, говоря современным языком, менталитет. На протяжении XII века северо-восточные земли, заявившие о своей самостоятельности погромом Киева в 1169 г., в политическом отношении все более отдалялись от приднепровских и прикарпатских княжеств Руси, отдалялись от Европы. Одновременно усиливалась разница в языковом и культурном отношениях, возникавшая еще в период существования единого Киевского государства. В отсутствие у смешанного населения Залесья прежних славянских общественных отношений и традиций в северо-восточных княжествах стал формироваться новый тип правителей, склонных к авторитарным методам управления.

В 1237–1238 гг. Владимиро-Суздальская земля подверглась монгольскому нашествию. В 1240–1241 гг. та же беда постигла Киевское и Галицко-Волынское княжества. Новые исторические реалии, огнем и мечом навязанные Руси монгольскими завоевателями, поставили правителей древнерусских княжеств перед выбором: куда идти, с кем и на каких принципах строить дальнейшие отношения? Известно, что Данило Галицкий выбрал Запад, Александр Невский — Восток. Галицко-Волынское и Владимиро-Суздальское княжества, ставшие символами различных исторических путей древнерусских княжеств, окончательно разошлись в политическом отношении. В дальнейшем принципы государственного строительства, внутренней и внешней политики в юго-западных и северо-восточных землях Руси были различными.

Как и почему два современника, два князя "Руской Земли" приняли столь разные решения, мы попробуем понять в ходе дальнейшего исследования. Однако "для того, чтобы понять, надо знать", поэтому два последующих очерка мы посвятим жизнеописаниям короля Руси Даниила Галицкого и великого князя Владимиро-Суздальского Александра Невского.

* * *

Как и в первом разделе книги, давайте вновь определимся с терминами. Для начала обратим внимание на название столицы Волынского княжества, нынешний город Владимир-Волынский или, в украинском написании, Володимир-Волинський. Как и многие другие, ставшие давно привычными, это название является порожд-

дением гораздо более поздних эпох. Первый город, носивший имя святителя Руси Владимира Великого, расположен был на Волыни и назывался Володимир. Он-то и был столицей Волынского княжества. Позднее, в подражание этому названию, так же как и названиям других городов центральных и западных земель Руси, на северо-востоке появился город с несколько иным названием: Володимир-на-Клязьме, располагающийся в нынешней центральной России. После распада Руси и вхождения Волыни в состав Великого княжества Литовского первый город с названием Володимир из российской истории надолго исчезает. Восточный же город Володимир с течением времени потерял часть своего имени "на-Клязьме", и превратился во Владимир. После вхождения Волыни в XIX веке в состав Российской империи город, изначально называвшийся Володимиром превратился во Владимир-Волынский. С точки зрения исторической справедливости в пределах одного российского государства это может быть, было неверно, но понятно. К сожалению, и после обретения Украиной независимости, когда древний город уже нельзя больше спутать с другим одноименным городом, это недоразумение не ликвидировано, и приставка "Волынский" продолжает сохраняться.

В период жизни Даниила Галицкого и Александра Невского оба города уже существовали и сыграли в судьбах наших героев немалую роль. Волей-неволей, но и тот, и другой город будут часто упоминаться в нашем повествовании, и их необходимо различать. Поэтому определимся, что названия данных городов будут употребляться нами в их первоначальном виде, то есть славный город на Волыни будет именоваться без нелепой более поздней приставки, а российский Владимир будет иметь не совсем привычное длинное название.

Часто будет упоминаться и название Галич, поэтому нелишне определиться и с правильным написанием производных от него названий. Прежде всего, необходимо пояснить, что под Галичем в литературе в равной степени понимается как Галицкая земля, а позднее Галицкое княжество в целом, так и их столица — один из известнейших и древнейших городов Руси. Галицкая земля сложилась позднее других древнерусских земель, в том числе и расположенного по соседству Волынского княжества, и создавалась на основе двух более древних земель — Перемышльской и Терембовльской. Принадлежала Галицкая земля той части династии Рю-

риковичей, которая шла от старшего сына Ярослава Мудрого и Ингигерд — Владимира. Впервые Галич упоминается в летописи в 1140 г. Город все историки именуют одинаково — Галич, а вот наименование земли или княжества в различных источниках пишется по-разному.

Наиболее точное древнее написание — Галич, Галичина, Галицкая земля, Галицкое княжество, князь и король Галицкий. При этом читатели несомненно заметили, что в полном соответствии с правилами языка Руси, отмеченными В.О. Ключевским, происходит замена буквы "ч" на букву "ц". Такие названия Галича сохранил украинский язык и украинская история. В иностранных источниках, особенно касающихся событий Первой мировой войны, часто употребляется название Галиция — приспособленное для латинского произношения название Галичина. Из латиноязычных источников название Галиция перекочевало в российские, которые предпочитают использовать его вместо исторического древнерусского названия. Мы же в своем повествовании будем следовать исторической и современной украинской традиции.

Полагаем, что необходимо определиться также и с написанием имени самого знаменитого из галицких князей. Как правило, для русскоязычных читателей является непривычной украинская транскрипция имени короля Руси — Данило Галицкий. Однако известно, что язык средневековой Руси был непосредственным предком украинского языка, а потому использование правил украинского правописания при воспроизведении имени Галицкого государя нам представляется наиболее обоснованным. При этом в цитатах классиков российской истории будет использоваться употребляемое ими имя Даниил.

И еще одно. После прочтения первого раздела этой книги читателям, надеемся, не составит труда отличить, что в очерке о короле Даниле понятие "Русь" будет употребляться нами в узком, то есть этническом понимании, как Русь исконная, Русь изначальная. В очерке же о князе Александре слово "Русь" будет означать только название государства, в состав которого входили земли Залесья, Новгород и Пскова до распада Киевской державы.

* * *

Прежде чем перейти к основному повествованию, полагаем, будет нелишним отметить, что король Данило и князь Александр

являлись не только современниками, но и имели очень тесные родственные связи. Чтобы понять степень их родства, необходимо проследить общую родословную наших героев, и начинать тут надо, конечно же, от Рюрика, так как этот легендарный варяг был прямым предком и Данилы, и Александра.

Как известно, первые представители киевской династии не имели много официальных наследников. У Рюрика был один сын — Игорь, тот тоже имел одного сына — Святослава, который в свою очередь имел трех наследников, но в результате братоубийственной, в прямом смысле этого слова, войны остался только один — Владимир Великий. После Владимира число Рюриковичей начинает стремительно увеличиваться, так как у него было двенадцать известных истории сыновей. Общими предками Данилы и Александра являлись сын Владимира Великого — Ярослав Мудрый и сын Ярослава — князь Всеволод. Одним из сыновей Всеволода был Владимир Мономах, в свою очередь имевший восемь сыновей. Из них нас интересует старший сын Мономаха — Мстислав Великий и предпоследний сын — Юрий Долгорукий, поскольку именно они являлись основателями двух ветвей Мономашичей, непосредственно ведущих к Даниле и Александру.

Мстислав Великий был родоначальником ветви старших Мономашичей. Опуская многочисленных родственников, укажем только прямую линию, идущую к интересующему нас князю: Мстислав Великий — Изяслав Мстиславич — Мстислав Изяславич — Роман Мстиславич — Данило Романович Галицкий.

Родоначальником младшей ветви Мономашичей был Юрий Долгорукий. От него прямая линия, ведущая к князю Александру, выглядит следующим образом: Всеволод Большое Гнездо — Ярослав Всеволодович — Александр Ярославович Невский.

Таким образом, наши герои оба были потомками не только первых Рюриковичей, но и Ярослава Мудрого и Владимира Мономаха. Но предки князя Данилы, относившиеся к старшим Мономашичам, обладали преимущественным правом на Киевский стол и правили в землях исконной Руси. Родоначальнику же младшей ветви Мономашичей, Юрию Долгорукому, из-за отсутствия в Руси свободных княжеских столов пришлось осваивать новые земли в далеком от столицы Залесье, а за Киевский стол вести длительную борьбу с тем же Изяславом Мстиславичем.

Если же говорить не о знатности и старшинстве в роду, а о

личностных качествах и реальном влиянии на жизнь Руси более близких предков наших героев, то тут приоритет, безусловно, будет на стороне князя Александра — оба его деда были князьями могучими и знаменитыми. Дед Александра по отцу, князь Суздальский Всеволод Большое Гнездо, был настолько силен, что с "его руки" сидели князья Киевские, а сам он, как говорится в знаменитом "Слове о полку Игореве", мог выставить войско численностью 50 тысяч воинов, и веслами ладей своих "раскропяти" (вычерпать) Волгу.

Особой характеристики заслуживает князь Мстислав Удалой (годы жизни 1170—1228), который не только являлся дедом Александра Невского по матери, но оказал и самое непосредственное влияние на жизнь Даниила Галицкого. Происходил князь Мстислав, как и король Данило, из рода старших Мономашичей. Как его прадед Мстислав Великий и отец Мстислав Храбрый (какие красноречивые имена!), Мстислав Удалой был славным полководцем. Он всю жизнь воевал, понимая свои многочисленные княжения как служение людям, защиту их от врагов. Мстислав был удельным князем Трипольским, Торческим и Торопецким, дважды призывался Новгородским вече, с 1219 по 1227 г. княжил в Галиче (девять лет — очень долгий срок, для этого бурлящего интригами и войнами княжества!), затем вновь в Торческе. Скончался Мстислав Удалой по дороге из своего удельного города Торческ в Киев в возрасте 58 лет.

В начале своей деятельности Мстислав принял участие в последнем походе на половцев отца Даниила — князя Романа, и сопричастность к славе победителя помогла ему занять княжеский стол в Новгороде. Он одним из первых среди древнерусских князей ходил в Чудскую землю воевать с крестоносцами и был у истоков кратковременного союза с эстами 1216—1218 годов против Ливонского ордена. Мстислав Удалой защищал вольности Новгородской республики от поползновений со стороны других князей и, в частности, своего зятя, отца Александра Невского, князя Ярослава, конфликт с которым завершился братоубийственной битвой на реке Липице в 1216 г. Воевал князь Мстислав и на Калке. Обо всем этом, а так же об участии Мстислава Удалого в судьбе Даниила Галицкого мы расскажем дальше, здесь же отметим, что этот князь был чем-то вроде связующего звена между семьями наших героев. Дело в том, что Данило Галицкий и отец Александра Нев-

ского князь Ярослав являлись свояками, то есть были женаты на дочерях Мстислава Удалого. Так как этот славный князь для Данилы был тестем, а для Александра — дедом, то как муж родной тетки Александра Данило Галицкий имел полное право именоваться дядей неевского героя.

Но этим родственные отношения между Галицко-Волынским и Владимиро-Суздальским повелителями не исчерпывались, были и другие, не менее близкие, семейные связи. Хорошо известно, что родной брат Александра — князь Андрей — был женат на своей двоюродной сестре — дочери Данилы Галицкого. Кроме того, родной брат Данилы — князь Василько — первым браком был женат на дочери князя Владимиро-Суздальского Юрия — родного дяди Александра Невского по отцовской линии. Столь тесные связи, безусловно, подразумевают, как минимум, непосредственное знакомство Данилы и Александра, к примеру, на свадьбе князя Андрея и дочери Данилы. Однако внятных сведений об их личных взаимоотношениях источники не содержат, что может быть объяснено и удаленностью их княжеств друг от друга и совершенно различными политическими интересами наших героев.

Переходя к характеристикам ближайших родственников короля Данилы Галицкого, повторим, что его дед по отцу князь Мстислав Изяславич принадлежал к ветви Рюриковичей, которая издревле занимала Киевский стол. Их наследственным уделом являлась Волынская земля, которая была поделена Мстиславом Изяславичем и его братом на две части. В последствии князь Мстислав разделил свою часть волынских владений между четырьмя сыновьями. Так образовалось Владимирское княжество (не путать с Владимиро-Суздальским княжеством в Залесье), в котором отец Данилы, князь Роман, правил значительную часть своей жизни. Не обладая могуществом своих предков, Мстислав Изяславич сменил несколько уделов. Занимал он и Киевский стол, но потерял его после того, как в 1169 г. город был взят штурмом и разорён войсками Владимиро-Суздальского князя Андрея Боголюбского. Женат был князь Мстислав на Агнессе, дочери польского князя Болеслава III Кривоустого, следовательно, его внук, король Данило Галицкий, являлся одновременно правнуком польского повелителя. Семейные связи с другими европейскими династиями были обычными для старшей ветви Мономаши-

чей, что объяснялось как близостью их наследственных владений к западным границам Руси, так и тем, что ее представители имели наибольшие права на великое княжение в Киеве, а потому рассматривались европейской дипломатией как наиболее предпочтительные кандидаты для заключения междинастических браков. Дед князя Данилы по матери истории неизвестен; о причинах такой ситуации мы расскажем несколько позже.

Сами наши герои принадлежали к разным поколениям. С учетом разницы в возрасте в двадцать лет король Данило вполне мог быть не дядей, а отцом князя Александра. Не случайно степень влияния Данилы на политическую жизнь Руси домонгольского периода Н.М. Карамзин сравнивает с влиятельностью отца Александра — князя Ярослава. Но из-за преждевременной смерти князя Ярослава, и еще более ранней смерти князя Александра Невского время активной деятельности Галицко-Волынского государя фактически совпало с периодом княжения и отца, и сына. Отчасти по этой причине, а также потому, что и Данило, и Александр в своей политике продолжали дела, начатые их отцами, о жизни и деяниях князя Романа и князя Ярослава мы расскажем в соответствующих очерках, посвященных их сыновьям.

Принадлежность к разным, конкурирующим между собой, ветвям потомства Мономаха должна была не столько сближать, сколько разъединять наших героев, но они не только не враждовали между собой, но, как уже отмечалось, вряд ли были даже лично знакомы. Тем не менее, в их биографиях очень много чисто внешних совпадений. Оба они были сыновьями великих князей. Оба сначала боролись за право княжить, а затем определенную часть жизни правили в городах с названием Володимир, только город Данилы располагался на Волыни, а город Александра — на реке Клязьме в Залесье. Оба обладали правом повелевать всей "Руской Землей", только один получил это право в виде ярлыка татарского хана, а другой — в виде титула и королевской короны от Папы Римского. Оба были два раза женаты и имели сыновей и дочерей. Оба имели братьев, княживших одновременно с ними и т.д. Были и более серьезные совпадения в жизни и деятельности этих великих личностей, о которых мы будем говорить дальше.

Но в большей мере нас будут интересовать не внешние совпадения, а различия во взглядах и принципах, которыми руководствовались Данило и Александр в жизни и политике, поскольку именно

эти расхождения в мировоззрении наших героев и предопределили различные результаты их выбора между Западом и Востоком.

Завершив, таким образом, все необходимые пояснения, перейдем к рассказу о жизни Даниила Галицкого, оговорившись при этом, что такое предпочтение королю Руси отдано не потому, что он является одним из основоположников украинской государственности, а по той простой причине, что он родился намного раньше великого князя Владимиро-Суздальского Александра Невского.

КОРОЛЬ РУСИ ДАНИЛО ГАЛИЦКИЙ

Отец будущего короля Руси Даниила Галицкого князь Волынский и Галицкий Роман Мстиславич родился приблизительно в 1150 г. Из современников Романа мало кто мог сравниться с ним в благородстве происхождения — он был принцем крови сразу двух правящих династий Европы: Рюриковичей и польских Пястов, давших своим народам первых королей. По сообщению польского хрониста епископа краковского Винцентия Кадлубека, в раннем возрасте Роман часто бывал во владениях своих польских родственников и с детских лет постиг европейские нравы и обычаи поведения. Бывал юный князь и в немецких землях. Эти обстоятельства, наряду с высоким общественным положением, к которому Роман привык с рождения, многое определили в его судьбе и характере — князь был по-европейски энергичен, храбр, жесток, вероломен и весьма предприимчив.

По достижении Романом в 1168 г. совершеннолетия великий князь Киевский Мстислав направил сына править в Великий Новгород. Еще со времен Святослава киевские князья традиционно сажали на Новгородский стол своих старших сыновей и наследников. Через год юный Роман одержал победу над суздальцами и их союзниками, пытавшимися навязать Новгороду своего князя. Однако победа не помогла ему надолго закрепиться в этом северном городе. В том же 1169 г. Владимиро-Суздальский князь Андрей Боголюбский отбил Киев у князя Мстислава и подверг столицу Руси невиданному ранее жесточайшему погрому. Потеря отцом Киевского стола и последовавшая вскоре смерть князя Мстислава не могли не сказаться на судьбе сына. В 1170 г. новгородцы "показали путь" Роману, и он вернулся к себе на Волынь, чтобы удержать

хоть что-нибудь из отцовского наследства. При разделе между сыновьями князя Мстислава принадлежавшей ему части Вольинского княжества Роману достался город Владимир, где он и княжил на протяжении последующих 17 лет.

Все эти годы Роман был мелким удельным князем, даже немышлявшим вступать в борьбу со своим могучим соседом — Галицким князем Ярославом Остомыслом. О степени влиятельности князя Романа в тот период можно судить хотя бы по тому, что летописи уделяют ему внимания меньше, как туровским, путивльским, дорогобужским и иным, далеко не самым могущественным, древнерусским князьям. Но годы вынужденного забвения деятельным внуком Великого Киевского князя не были потрачены впустую. Владимир был перестроен и обнесен 8-метровым земляным валом, в городе возведено несколько каменных храмов. Создал Роман и боеспособное войско, без которого были бы невозможны все его дальнейшие свершения. Основу этого войска составляла прекрасно обученная и хорошо вооруженная конная дружина. Только такая дружина могла обеспечить князю его будущие громкие победы над половцами, которые, как правило, превосходили в сражениях войска русинов своей численностью. Очевидно, Роман создавал и вооружал свою дружину по образцу западноевропейских рыцарей, заменив, в частности, кольчуги, которые не могли противостоять стрелам половцев, на панцири. Вооружение такого рыцаря-дружинника состояло из меча, копья, секиры или булавы.

В эти же годы Роману удалось ограничить власть владимирских бояр, а по сообщению польского историка Яна Длугоша, и власть владимирского епископа. Все это позволило князю Роману создать из своего небольшого княжества своеобразный опорный пункт, обеспечивавший в дальнейшем его самого и его сыновей постоянной поддержкой.

Сразу после смерти князя Ярослава Остомысла в 1187 г. Роман начал борьбу за Галицкий стол, чем быстро привлек к себе внимание летописцев. Первая попытка утвердиться в Галиче закончилась для князя Романа неудачей и, казалось бы, вновь вернула его в круг второстепенных древнерусских правителей. Но Владимирский князь духом не пал и исподволь накапливал силы для решающей борьбы. Понимая, что невозможно овладеть Галичиной, не считаясь с Киевским и другими сильными южными князьями, Роман обеспечил нейтралитет со стороны Киевского князя Рюрика —

женился на его дочери Предславе. Но одного только союза с Рюриком князю Роману было мало, и он добился от тестя выделения части в "Руской Земле" (как мы помним, так называли тогда Киевщину, Черниговщину и Переяславщину), являвшейся коллективной собственностью потомков Ярослава Мудрого. Владеть, пусть незначительным, уделом в "Руской Земле" считалось большой честью и привилегией наиболее видных князей Руси. Под давлением Романа Рюрик в 1195 г. предоставил ему города Торческ, Триполье, Корсунь, Богуслав и Канев, чем вызвал упрек со стороны князя Всеволода Большое Гнездо в том, что передает части в "Руской Земле" младшим князьям, а его обделил. Не желая ссориться со Всеволодом, Рюрик решил забрать предоставленные Роману города и передать их Суздальскому князю. Оправдываясь перед зятем, Рюрик заявил: "А нам без Всеволода нельзя быть", так как Суздальский повелитель считался на старейшим князем на Руси. Взамен Роман получил другую волость в "Руской Земле" — Полонное с округой на Киевщине. Однако удовлетворить амбициозного сорокапятилетнего Романа таким обменом не удалось — он начал войну против тестя, не забывая при этом о главной своей цели — Галиче.

Как мы увидим из дальнейшего повествования, земли Галичины и Волыни были притягательны не только для князя Романа и его сына короля Даниила. В первой половине XIII века целый сонм князей, королей, бояр из разных стран будет ожесточенно бороться за обладание этим краем. Такая же картина наблюдалась как в предыдущие, так и в последующие столетия. Что же было такого привлекательного в этих землях, из-за чего иные князья при первой же возможности оставляли гораздо более спокойные столы в Новгородской и Суздальской земле и устремлялись на завоевание карпатского края?

В XII—XIII столетиях Галицкое и Волынское княжества занимали обширные пространства к востоку от Карпатских гор, которые именовались в те времена Угорскими (венгерскими) горами. Такое географическое положение и близость к Западной Европе определили особенности исторического развития этих земель. Князья, правившие здесь, оказывали влияние не только на дела Руси, но и на жизнь соседних европейских государств. От действий местных князей зависело, пройдет ли враг с запада в центральные земли Руси и на Киев, или будет остановлен еще в Карпатах. В свою очередь, имея тесные связи с соседними европейскими королевства-

ми, князя Галича и Вольни при необходимости могли опереться на их поддержку в борьбе с другими древнерусскими княжествами.

Но не только военными преимуществами обладали правители этого края — в своих политических интересах они могли использовать и экономические рычаги. Находившиеся под властью галицких и вольнских князей земли славились мягким, ровным климатом, плодородными почвами и природным изобилием, обеспечивая сытую и благополучную жизнь их владельцам. Значительного развития в крае достигли ремесла и добыча природных ископаемых. Проходившие по территории Галицкой и Вольнской земель торговые пути связывали Русь с Византией, странами Центральной и Западной Европы. Из этих мест в Киев и другие города Руси поступали многие товары, в том числе и добываемая в Карпатах соль. Все это приносило обладателям края немалые доходы и усиливало их влияние среди древнерусских и иноземных повелителей.

По сведениям Н.И. Костомарова, Галицкая земля была долго избавлена от внутренних княжеских междоусобиц и, благодаря счастливым условиям своей природы, находилась, сравнительно с другими древнерусскими землями, в цветущем состоянии. Здесь раньше, чем в других древнерусских землях, возникло боярское землевладение. Естественно, что сильное, экономически независимое боярство стремилось влиять и на государственную жизнь. Князь в Галиче, в соответствии со старыми славянскими традициями, были избираемы и зависели от веча. Само же вече находилось в руках бояр, которые успели до того возвыситься над остальной массой народа, что полностью управляли делами княжества. Впрочем, как сообщает тот же Костомаров, есть сведения о том, что "...люди незнатного происхождения попадали в бояре, из чего надобно полагать, что галицкая аристократия основывалась не столько на знатности родов, сколько на удаче и богатстве".

Многие историки называют галицкое боярство наиболее реакционной силой того времени, но фактически бояре представляли древнюю традицию Руси — старинную славянскую племенную самостоятельность. Рюриковичи, в том числе князь Роман, а в дальнейшем и его сын Данило, стремившиеся лишить бояр последних остатков прежних вольностей, были для них узурпаторами законных старинных прав. Поэтому галицкое боярство находилось в постоянной и жесткой оппозиции по отношению ко княжеской власти. Этим и объясняется одна из особенностей истории Галицкой земли —

непримиримая борьба князей с боярами. Порой этот конфликт приобретал характер открытых вооруженных столкновений, продолжавшихся многие десятилетия и унесших, видимо, больше человеческих жизней, чем внешние войны. К участию в этих конфликтах обе стороны часто привлекали соседние государства, которые в свою очередь нередко предпочитали взять власть в Галиче и Владимире себе, не считаясь с интересами призвавших их союзников.

Возвращаясь к судьбе князя Романа, отметим, что он, безусловно, не был бы одним из самых замечательных государственных и военных деятелей Руси той эпохи, если бы боролся только за обладание Галицким столом. Получив удел в "Руской Земле", князь с честью выполнил прилагавшиеся к этому уделу тяжелые и опасные обязанности — хранить и защищать Русь от набегов половцев. Борясь с половецкой ордой, князь Роман сумел одновременно упрочить свои связи с Византией, оказав империи немалые услуги. Современник событий, византийский историк Никита Хониат, подробно рассказывает о первой из военных операций Владимирского князя против кочевников.

В 1197 или 1198 г. (более точной даты Хониат не дает) половцы ворвались в Византию, опустошили земли, которые прилегали к Константинополю, и, наверное, подступили бы к самому городу, но Роман внезапно напал на их кочевья. Пройдя по тылам половцев и нанеся им сокрушительное поражение, князь вынудил подступивших к Константинополю кочевников вернуться в степь и спас тем самым столицу Византийской империи. Есть основания предполагать, что князь Роман, оценив выгодное положение полученного незадолго перед тем удела в "Руской Земле", нанес свой удар по половцам именно оттуда. В связи с победами над половцами Ипатьевская летопись отмечала, что Роман "...устремлялся на поганных как лев, сердит был, как рысь, губил их, как крокодил, проходил через их землю, как орёл, и был храбр, как тур".

Не мог не отметить князя Романа и автор "Слова о полку Игореве". Поэт Н. Заболоцкий, переложив "Слово" на современный язык, блестяще передал созданный его автором образ могучего государя-рыцаря:

Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.

Активно вмешивался князь Роман в дела европейских соседей. Когда в Польше после смерти его дяди князя Казимира Справедливого вспыхнула война, он оказал вооруженную поддержку своим двоюродным братьям Лешку и Конраду, известным в польской историографии как Лешек Белый и Конрад Мазовецкий. По выражению российского автора Е.В. Пчелова, князь Роман, "...то участвовал в усобицах своих польских родственников, то, захватив Галич, бежал из него от венгров, то ссорился со своим братом Всеволодом из-за Волыни, то воевал с соседями Руси — литовцами, ятвягами и половцами или с русскими князьями Ольговичами, со своим тестем Рюриком". Этому неукротимого воителя хватало на несколько войн одновременно. Заметим, что в борьбе с галицкими боярами, князь Роман, не чуждый правилам рыцарского поведения, не останавливался перед такими жестокостями, что древнерусский летописец предпочел не упоминать эти факты, и сведения о них сохранились только в польских источниках. Сам князь по этому поводу говорил: "Не передавивши пчел, мёду не есть". В конце концов он сумел на время усмирить и подчинить себе строптивое галицкое боярство.

В 1199 г. после двенадцатилетней борьбы князю Роману удалось объединить под своей властью Галичину и Волынь — в Европе появилось новое мощное государство, которое по своим размерам не уступало Священной Римской империи. На Руси князя Романа именовали "царём" и "самодержцем всея Руси". На этот неформальный титул Роман имел все права, так как в 1202 г. овладел Киевом, собрав тем самым воедино земли, на которые распространялось в то время само название Русь. Войну с бывшим тестем князем Рюриком Роман завершил своеобразно — принудил его принять постриг и уйти в монастырь. Однако стол Киевский князь Роман сам не стал занимать — как и Всеволод Большое Гнездо, он предпочитал княжить на своей земле, а в Киеве держать подконтрольных себе князей. О степени влияния Галицко-Волынского князя на Киев и столичные дела красноречиво говорит то обстоятельство, что на Киевский стол он посадил Ростислава — сына постриженно-го в монахи Рюрика, однако бывший тесть не посмел выйти из монастыря до самой смерти Романа.

В ходе войны с венграми за Галич, когда город неоднократно переходил из рук в руки, князь Роман подружился с венгерским королевичем Андреем (у некоторых украинских авторов Андрош

или Эндрэ); они назвались братьями и постановили между собою истинно рыцарский уговор: если кто из них умрет прежде, то другой будет заботиться о его семье. Эта дружба поможет вдове и детям Романа в годы тяжелых испытаний.

Высоко ценили доблесть карпатского князя его враги. Свидетельства тому можно найти в польских источниках: Великопольской хронике конца XIII — начала XIV века, хронике Я. Длугоша, относящейся к XV столетию, сочинении М. Бельского XVI века. Как пишет тот же Пчелов: "Широко известен был галицкий и волынский князь и на международной арене. Он наводил ужас на окрестные народы, побеждал половцев и Литву, причём половцы пугали им своих детей, а литовцы, принуждённые заниматься земледелием, говаривали: "Роман, Роман, худым живёшь, Литвою орёшь (то есть пашешь)". Воистину земля трепетала от тяжкой поступи этого государя.

Активность князя Романа в международных отношениях проявлялась не только в военной, но и в дипломатической сфере. Его послов встречали в Византии и в Европе, в монастырь Святого Петра в Эрфурте поступали пожертвования князя, а при дворе самого Романа нашел приют изгнанный крестоносцами из Константинополя византийский император Алексей III Ангел.

В 1202 г. Роман, уже могущественный Галицко-Волынский князь, повторил поход на половцев. Летописи сообщают, что половецкая орда неожиданно ворвалась на Русь и, набрав богатую добычу и большой полон, возвращалась в степь. Князь Роман догнал кочевников за рекой Росью, отбил плененных и награбленное, а потом пошел в Половецкую землю и, разогнав орду, уничтожил множество врагов.

Через два года князь осуществил третью большую и успешную кампанию против половцев. В отечественную историю князь Роман вошел с громкой славой победителя половецких ханов, которого древнерусские писатели считали возможным сравнивать лишь с его предком — Владимиром Мономахом.

Неукротимый нрав князя Романа проявился и в его семейных отношениях. Как уже указывалось, первый раз князь Роман женился на Предславе — дочери Киевского князя Рюрика, но затем из-за войны с тестем в 1197 г. прогнал её. Из детей князя Романа от первого брака известно только о дочери — Феофании. В 1203 г., когда Роман принудил своего бывшего тестя Рюрика уйти в мона-

стырь, Предславе пришлось принять иночество вместе с отцом и другими членами своей семьи.

Повторно князь Роман женился в 1199—1200 гг., когда ему было уже около пятидесяти лет. От этого брака в 1201 г. родился сын Данило, а в 1203 г. его младший брат Василько. О происхождении их матери — второй жены князя Романа — среди историков до сих пор нет единого мнения. Ее считали то дочерью византийского императора Исаака II Ангела, то знатной византийкой Марией Каматерос, то дочерью, а возможно и сестрой, волынского боярина Мирослава, неоднократно спасавшего вместе с ней ее сыновей. Летописи ни разу прямо не упомянули имя этой незаурядной женщины, которая не только сумела сберечь и вырастить своих детей, скитаясь по чужим странам и дворам, но и правила княжеством, пока они были малы. Летописец называет ее "княгиня Романова" или просто "Романова", а имя, под которым она известна историкам, — Анна — установлено косвенным путем.

В 1204 г. папа Римский Иннокентий III предложил Роману королевскую корону. К этому времени правители соседних европейских государств уже давно обрели королевские венцы: Венгрия стала королевством в 977 г., а Польша — в 1025 г. У Иннокентия III, предложившего королевскую корону Галицко-Волынскому князю, был свой расчет — в то время в Западной Европе шла война между партиями гибеллинов и гвельфов. Гибеллинов возглавлял Гогенштауфен Филипп Швабский, опиравшийся на Восточную и Южную Германию. Его противник Оттон IV, племянник английского короля Ричарда Львиное Сердце, возглавлял партию гвельфов и был популярен на нижнем Рейне и в Вестфалии. Его-то и поддерживал папа Иннокентий III. Силы были равны, война шла напряженно и поддержка "царя Руси" была бы кстати для любой из сторон. Пытаясь склонить князя Романа к союзу, папское посольство обещало корону, покровительство и "защиту меча апостола Петра". Но князь отказался от предложения Папы, заявив: "Я имею собственный меч и привык добывать все, что имею, собственной кровью, так же, как родители и деды наши расширили и умножили землю Рускую". Причины его отказа лежали не в религиозной, а в политической сфере: Роман предпочитал договориться с противоположной партией — гибеллинами, а верность заключенным союзам была отличительной чертой не только самого князя, но и его потомков.

Оборвалась жизнь великого Романа трагически и внезапно. 19 июня 1205 г., во время похода на поляков, князь погиб в бою у городка Завихоста. Причины этого похода, так же как и повод для охлаждения отношений между Романом и его родственниками и прежними союзниками польскими князьями Лешком и Конрадом, неясны. Французский хронист XIII века писал: "Король Руси, по имени Роман, выйдя за пределы своих границ и желая пройти через Польшу в Саксонию, по воле Божьей убит двумя братьями, князьями польскими Лешком и Конрадом, на реке Висле". Своей победой, избавившей Польшу от "великого страха", Лешек и Конрад посвятили алтарь в Краковском соборе.

Для Руси преждевременная гибель князя Романа обернулась распадом основанного им государства, 40-летней войной за Галицкую и Волынскую земли и длительными периодами иностранной оккупации края. Его малолетним сыновьям Даниле и Васильку после смерти отца останется только его громкая слава и память о былом могуществе их семьи. Однако оба брата оказались достойными сыновьями великого Романа и сумели не только восстановить созданное отцом княжество, но и оставить яркий след в истории Руси. Отметим также, что отличительной особенностью созданного князем Романом Галицко-Волынского государства и основанной им династии королей Руси окажется то, что их исторические судьбы будут неразрывно связаны между собой и отдельно существовать они не смогут. Но обо всем по порядку.

* * *

После внезапной гибели Романа у него не осталось взрослых наследников, и галичане, похоронив своего князя, принесли присягу его трехлетнему сыну Даниле. Предполагалось, что из-за малолетства нового князя править должна была его мать — княгиня Анна. С этого момента можно формально говорить о начале правления нашего героя. Оно было удивительно длинным для той эпохи и составило с перерывами ровно шестьдесят лет, но только считанные годы из этих десятилетий были относительно спокойными как для самого Данилы, так и для населения Волыни и Галичины.

Так уж повелось в истории человечества, что малолетний правитель на троне всегда рассматривался в качестве повода отнять этот трон. Судьба Данилы Галицкого не стала исключением из этого правила. Первая война за обладание столом Галицким началась не-

замедлительно после провозглашения Данилы князем, и начал эту войну бывший князь Киевский Рюрик. Узнав, что Романа уже нет на свете, Рюрик снял с себя монашеское одеяние, собрал киевскую дружину, нанял половцев и двинулся на Галич. Княгиня Анна обратилась за защитой к другу покойного мужа — венгерскому королю Андрею II, который только что вступил на престол. Андрей не забыл своего обещания, данного князю Роману. В "Истории Государства Российского" Н.М. Карамзин пишет: "Вдовствующая княгиня виделась с Андреем в Санок; напомнила ему дружбу Романову, представила Даниила, говорила с чувствительностию матери и сделала в нем, по-видимому, столь глубокое впечатление, что он искренно дал слово быть ее сыну вторым нежным отцом. Действия соответствовали обещаниям. Сильная дружина венгерская окружила дворец княжеский, заняла крепости; повелевая именем малолетнего Даниила, грозила казнию внутренним изменникам и распорядила защиту от неприятелей внешних, так что Рюрик, вступив с Ольговичами в Галицкую землю, встретил войско благоустроенное, сражался без успеха, не мог взять ни одного укрепленного места и возвратился с великим стыдом". С этого нападения незадачливого Рюрика и началась долгая война за овладение наследством князя Романа.

Думаем, что у читателей, не знакомых с бурной историей Галицко-Волынского княжества, уже наступила определенная путаница от непрерывной смены событий, калейдоскопа имен и дат. Далее этот калейдоскоп завращается еще быстрее. Чтобы не потерять нить, связывающую все детали в единую картину, необходимо помнить, что величайшая активность участников событий была обусловлена одной целью — обладать этим благодатным краем. Несмотря на интернациональный состав сражавшихся сторон, отличавшихся также и в религиозном плане, это не были межнациональные или межконфессиональные войны — это была борьба за власть, за обладание Галицким столом. Из всех правителей, принимавших в ней участие, правом "отчича", то есть наследственными правами на Галицко-Волынские земли, обладали только князь Данило как старший сын Романа и его младший брат Василько. Но княжеское право наследования в данном случае переплеталось и конфликтовало со старинными славянскими правами городского вече, имевшего в Галиче реальную и грозную силу в лице бояр.

И оставалось еще одно великое право — "право меча", право

войны. Этим правом пользовались в истории Галицко-Волынской земли и сопредельных стран очень многие. Самым грозным, самым могучим участником длительной борьбы за Галич после гибели князя Романа был, безусловно, король Венгрии Андрей II. Постоянно вмешивался в дела Волыни и Галича польский князь Лешко, становившийся то другом, то противником братьев Романовичей. И очень часто пользовались правом сильного многочисленными древнерусскими князья, подключавшие к противоборству то половцев, то литовцев. Однако самостоятельно овладеть ситуацией на долгое время не могла ни одна из сторон, отсюда бесчисленные краткосрочные союзы, которые то возникали, то рассыпались; бывшие друзья, а то и родственники, зачастую обнажали оружие друг против друга. Через это чрезвычайно запутанное сплетение интриг, убийств, поражений и побед Даниле предстояло пройти, и мы постараемся выделять для читателей этапы неимоверно трудного пути будущего короля Руси и определять цели, которых он достигал на каждом этапе. Вернемся к нашему повествованию.

В следующем 1206 г. семье князя Романа стала грозить новая беда. Образовался союз черниговских и смоленских князей, к которому присоединился Рюрик с сыновьями и племянниками. Союзники привлекли и поляков, с которыми у галичан еще не был заключен мир после гибели Романа. Заволновался и Галич — в городе было много желающих выдать врагам Анну вместе с детьми. Вдова вновь обратилась к Андрею II, но пока из Венгрии пришла помощь, стало очевидно, что оставаться на месте опасно. Анна с сыновьями бежали во Владимир — наследственный удел князя Романа.

Занявшие Галич северские князья Игоревичи, потребовали от владимирцев выдачи беглецов. Узнав об этом, княгиня с детьми в конце 1206 г. покинули Волынь. Лишившись последнего пристанища на родной земле, Анна приняла, казалось бы, необдуманное и крайне опасное решение: отдалась под покровительство краковского князя Лешка Белого, одного из виновников гибели Романа. Но, решаясь на этот отчаянный поступок, княгиня, очевидно, учитывала то обстоятельство, что Данило и Василько, как и их отец, были членами польской правящей династии, и в силу малолетнего возраста могли рассчитывать на защиту своих родственников. Ипатьевская летопись сообщает, что бегство Романовичей произошло тайно, ночью, и, хотя современные историки не слишком верят это-

му, опасность, нависшую над Анной и её сыновьями, нельзя преуменьшить. Так начинались многолетние скитания семьи Романовичей по дворам чужеземных государей.

Расчет беглецов оказался верным: Лешко не стал переносить вражду, разделившую когда-то его с князем Романом, на вдову и детей своего великого противника. Приняв их с рыцарским великодушием, краковский князь оставил Анну с Васильком у себя, а Данилу в сопровождении польского боярина направил к Андрею Венгерскому со словами: "Я не помянул злобы Романа, а ты был его друг; ты клялся защищать их; они теперь в изгнании: пойдём, вернем их достояние". Поделив наследников князя Романа между собой, король Андрей и князь Лешко стали, таким образом, их опекунами и в этом качестве могли официально защищать интересы Романовичей.

Многие авторы, не отрицая постоянную и действенную помощь семье Романа со стороны Венгерского короля Андрея и польского князя Лешка, указывают на то, что их действия не были уж столь бескорыстны. По нашему мнению, о бескорыстии в политике вообще всерьез говорить не следует. Но не надо забывать, что в то бурное и не слишком обремененное моралью время двое беззащитных детей и их мать могли просто бесследно исчезнуть, как по пути к своим будущим опекунам, так и непосредственно при их дворах. Однако этого не произошло, беглецам были предоставлены кров и защита. Нельзя также не признать, что учитывая, прежде всего, свои политические интересы, Андрей Венгерский и князь Лешко в период до 1214 г. занимались и делами Романовичей, поддерживали их права на галицко-волынские земли. В то же время Андрей и Лешко, еще в 1206 г. договорились между собой о разделе сфер влияния в Галицко-Волинском княжестве, и Андрей начал контролировать Галич, а Лешко — Волинь. Уже 24 января 1206 г. Андрей II титулует себя королем Галичины и Володимирии ("*rex Galiciae Lodomegiae*"). По некоторым сведениям, делал он это не без согласия княгини Анны и галицких бояр, которые перед лицом враждебного союза древнерусских князей предпочли иметь сильного иноземного покровителя.

Внимательные читатели видимо обратили внимание на несоответствие русского перевода титула короля Андрея и его латинского написания. Такое же несоответствие имеет место и в титуле правнуков короля Данилы, точнее одного — Андрея. Известно, что Лев

и Андрей как соправители Галичины и Волыни титуловались, соответственно, "dux Galiciae" — "князь Галичины" и "dux Ladimirae", что переводится как "князь Володимирий". На лицо явное несоответствие: "князь Ладимирий", если титул Андрея буквально воспроизвести на русском языке, почему-то, переводится как "князь Володимирий", без какого-либо объяснения. Дело в том, что центр Волынского княжества носил древнее название "Лодомер", и, по установившейся традиции, это название выводится от Володимира, то есть от имени крестителя Руси. Однако упоминавшийся нами А. Боргардт высказал предположение, что, возможно, мы здесь сталкиваемся с именем, которое не имело ничего общего с официальным толкованием, а с чем-то вообще новым. Венгерские слова lady ("ладь" — мягкий) или глагол ladyit (ладьит — мягчить, смягчать), которые могут быть общими с соответствующими гуннскими, а также украинскими словами — лад, ладить, — наводят на определенную мысль. Возможно, когда-то могло существовать старое имя, не тождественное Вальдемару (Володимиру), а Ладмир, Лодомер, — "больше ладу" (или — мягкости), от которого уже и произошли сохраненные венграми названия: Лодомер, Лодомерия.

Кстати, указанный древний титул Андрея II, короля Галичины и Володимирии ("rex Galiciae Lodomeriaque"), переживет века, и еще в XVIII столетии так будет величаться австрийский император, считавший себя наследником венгерских королей.

* * *

Продолжим рассказ о наших героях. Очевидно, на первых порах венгерское правительство не хотело непосредственно вмешиваться в борьбу за Галичину. В своей книге "Данило Галицкий. Биографический очерк" Н. Котляр вслед за М. Грушевским сообщает: "Высказывалась также мысль, что венгерское правительство позвало в Галич из Переяславля-Залесского Ярослава Всеволодовича по просьбе княгини Анны... Приход Ярослава мог бы, наверное, защитить Галич и княжество от хищных бояр и их марионеток — черниговских Игоревичей. Ярослав без сожаления оставляет невзрачный стол Переяславля и быстро идет на юг. Однако, дорогой он узнает, что есть более сильные по сравнению с ним конкуренты на галицкое княжение — Игоревичи, и поворачивает домой". Интересный мог произойти поворот истории, если бы отец Александра Невского, князь Ярослав, занял Галицкий стол и вступил тем

самым в противоречие с интересами Романовичей. Пути наших героев — Данилы и Александра — могли бы пересечься тогда самым непредсказуемым образом. Но вот высказанное Н. Котляром предположение о том, что князь Ярослав смог бы защитить Галич, представляется маловероятным, так как этому славному князю было тогда всего 15 лет. Безусловно, за Ярославом стоял его отец — Владимир-Суздальский князь Всеволод Большое Гнездо, для которого овладение Галичем было делом очень заманчивым, но из-за большого расстояния и чрезвычайно трудного сообщения между Галичиной и Залесьем реально вмешиваться в бурно развивающиеся события он бы не смог. Как бы там ни было, но расчеты, связанные с владимиристо-суздальскими князьями, оказались нереализованными.

Другой опекун братьев, князь Лешко, действовал более прямолинейно и, не отказывая в помощи семье Романа, открыто демонстрировал, что о своих интересах он тоже не забыл. Выгнав из Владимира Святослава Игоревича, захватившего город после бегства княгини, Лешко отдал княжение не детям, а родному племяннику Романа — князю Александру из волынского города Белз, так как сам Лешко был женат на его дочери. В результате такой "помощи" Романовичи оказались в положении изгоев, и на протяжении нескольких лет княгиня Анна с Васильком оставались при дворе Лешка в Кракове, а разлученный с ними Данило — при дворе короля Андрея в Венгрии. Ни отечественные, ни иностранные источники не сохранили подробностей их жизни на чужбине, но, очевидно, эти годы нельзя назвать самыми счастливыми в жизни княгини и ее детей. С другой стороны опекуны обеспечивали Романовичам физическую безопасность и пристойное существование, а их вынужденное затворничество фактически способствовало тому, что оба брата — Данило и Василько — выросли при европейских дворах. Как и в случае с их отцом, это на всю жизнь научило их европейским нормам поведения и правилам жизни.

Через три года, в 1209 г., князь Лешко отпустил шестилетнего Василька вместе с Анной в Берестье (нынешний Брест), жители которого выпросили его себе князем. Как пишет Костомаров, берестяне "...были довольны и говорили, что "они как будто видят у себя великого Романа". Под давлением Лешка утвердившийся во Владимире князь Александр уступил Анне и Васильку, очевидно в обмен на Берестье, Белз, однако через несколько лет вновь забрал его.

В Галиче с приходом Игоревичей мир не наступил, начались раздоры между ними, а затем и ожесточенные столкновения с боярами. В Галицкой земле, как писал летописец, начались "беззакония и заговоры". В 1210 г. король Андрей направил в Галич войска, Игоревичи были свергнуты, но сумели собрать силы и снова заняли город. На непокорных бояр обрушились репрессии, и по призыву последних в события вновь вмешался венгерский король — самый мощный и авторитетный правитель этой части Европы того периода. Вместе с посланными Андреем войсками в Галичину вернулся и десятилетний Данило, которого бояре согласились принять князем. Первым сдался Перемышль, затем венгерское войско осадило Звенигород, под стенами которого и произошло решающее сражение. На стороне венгров билась дружина, присланная матерью Данилы княгиней Анной, а также полки из Владимира, Луцка, Доробужа и войска князя Лешка. Решающей победы не смогла одержать ни одна из сторон, однако Игоревичи предпочли бежать и вскоре Данилу во второй раз посадили на отеческий стол в Галиче.

Согласие галицких бояр принять Данилу строилось на расчете, что малолетний князь не может устоять против них, и бояре намеревались править от его имени. Однако в реализации этого плана возникло существенное препятствие: в Галич вместе со своими волынскими придворными прибыла мать Данилы — княгиня Анна. Летопись отмечает, что после пятилетней разлуки сын не узнал свою мать. Но семья наконец-то была в сборе, и рядом с десятилетним князем появился преданный и опытный взрослый человек — его мать.

Это никак не устраивало бояр, и через несколько месяцев после приезда княгини, в конце 1211 г., они сумели выпроводить ее; Анне с Васильком пришлось вернуться в Белз. Вновь княгине Анне пришлось обращаться за помощью к Венгерскому королю, который поспешил со своим войском и зимой 1212—1213 гг. ввел мать Данилы в Галич. Боярина Володислава, главного виновника изгнания княгини, король Андрей увез с собою в Венгрию в оковах. Но как только венгры ушли, бояре составили новый заговор против Данилы и призвали на княжение Пересопницкого князя Мстислава. Княгиня Анна отправила Василька в Белз, а сама вместе с Данилой выехала за помощью в Венгрию. По ее просьбе король Андрей очередной раз выступил в поход, но на сей раз оказать помощь своему подопечному не смог, поскольку в самой Венгрии произошло возмущение, стоившее жизни королеве.

Очевидно, в это же время правивший во Владимире князь Александр, не без согласия своего польского зятя Лешка, отнял у Анны и Василька Белз, а взамен дал сначала самую маленькую Каменецкую волость, а потом вместо нее — маленькие городки Тихомль и Перемиль. В этих-то городках Данило с Васильком и княгиней Анной оказались после всех бурных событий и провели там несколько последующих лет. Это были самые минимальные владения Романовичей за годы их скитаний; казалось бы, для братьев все было потеряно навсегда. Но именно в этих крошечных городках взрослеющие сыновья князя Романа вынашивали свои великие замыслы, отсюда они начали свой путь по возвращению отцовского наследства.

В Галиче тем временем продолжалась активная борьба за обладание краем. Казалось, что уже никто не сможет долго усидеть в этом беспокойном городе. Ни князь Мстислав Пересопницкий, ни вернувшийся из Венгрии и провозглашенный князем боярин Володислав удержать власть не смогли. Князь Лешко, приняв сторону Данилы, согнал с княжения боярина Володислава, чем вызвал гневную реакцию короля Андрея, считавшего себя хозяином Галича. Отношения между венграми и поляками обострились настолько, что король Андрей выступил походом на Польшу.

По мнению М. Грушевского, упомянутый беспрецедентный случай занятия княжеского стола боярином Володиславом обусловил изменения в политике короля Андрея и князя Лешко в отношении Галицко-Волынского княжества и наследников Романа. Убедившись окончательно, что Романовичи и их окружение не могут удержать свою землю, венгерский и польский правители отказались от роли опекунов. После похода венгров на Польшу Андрей и Лешко встретились на съезде в Спиши в 1214 г. и уже открыто разделили между собой бывшее Галицко-Волынское княжество. При этом они согласились на бракосочетание трехлетней дочери Лешка Саломеи с пятилетним сыном Андрея Коломаном, который с титулом короля должен был получить Галич, а Лешку должно было достаться северное Побужье — часть Волынской земли с городом Перемышлем.

Так состоялся первый раздел Галицко-Волынского княжества между иностранными державами, но на Руси это событие никого не взволновало. Никто не ударил в набат, не собрал съезд князей, не призвал к походу для освобождения "Русской Земли". Совер-

шенно очевидно, что процессы распада Руси как единого государства к тому моменту зашли уже так далеко, что судьба Галича и Вольни никого из Рюриковичей (кроме семьи Романа) более не интересовала. Об отсутствии какого единства среди древнерусских княжеств сожалеют тогда летописцы и историки в своих повествованиях о монгольском нашествии, произошедшем более четверти века спустя после раздела Галицко-Вольнского княжества.²

Надо отдать должное бывшим опекунам Данилы и Василька: разделив княжество Романа, они не забыли об удовлетворении его детей. Город Владимир был отнят князем Лешком у Александра Белзского и отдан в том же 1214 г. Даниле, которого хотели иметь князем владимирские бояре. Таким образом, в руках Романовичей оказались города Владимир, Каменец, Тихомль и Перемиль, а власть Данилы, которому было уже 14 лет, распространилась над значительной частью Вольнской земли.

В эти же годы Андрей Венгерский, понимая, что титул короля Галичины и Володимирии присвоен им незаконно, решил получить его для своего малолетнего сына Коломана общепринятым в европейских странах путем — из рук Папы Римского. Летом 1215 г. король Андрей обратился с письмом к папе Иннокентию III, в котором сообщил о событиях в Галицко-Вольнском княжестве и о своих планах провозгласить своего сына королем Галичины. Обращаясь к Папе с просьбой прислать корону, Венгерский король обещал в качестве ответной услуги церковную унию Галичины с Ватиканом. В Воскресенском списке "Повести временных лет" об этом написано так: "Король венгерский посадил сына своего в Галиче и попы изгнал из церкви, а свои попы приведет латинские на службу". Переписка с папским престолом заняла некоторое время, и коронация Коломана состоялась зимой 1215—1216 гг. Галич обрел своего первого короля, пока еще иностранного.

Однако его правление надолго не затянулось. Король Галичины фактически был исполнителем политики своего отца, Венгерского короля. Реально же в Галиче от имени несовершеннолетнего Коломана правили венгерский воевода Бенедикт и глава провенгерской партии боярин Судислав. Такое положение не могло удовлетворить все стороны конфликта, и вскоре в ситуацию вновь вмешались поляки. По их инициативе в галицкой истории появляется славный витязь средневековой Руси Мстислав Удалой, правивший до этого в Новгороде Великом.

Непосредственное приглашение в Галич поступило Мстиславу от князя Лешка, союз которого с королем Андреем оказался недолговечным. Достигнутые два года назад в Спиши договоренности первыми нарушили венгры. Неудовлетворенный малой помощью со стороны поляков, король Андрей отнял в 1216 г. у своих союзников Перемышль. Князь Лешко, не имея возможности открыто выступить против венгров, провел хитроумную дипломатическую комбинацию: ввел в игру новую фигуру, тонко при этом почувствовав натуру Мстислава Удалого. Предоставим слово Костомарову: "...у Мстислава было слишком много охоты к трудам и подвигам, притом не по душе ему было и то, что в Новгороде не исчезла партия, расположенная к Суздальской земле. Явилось ко Мстиславу посольство из Польши, куда уже проникла его слава. Краковский князь Лешко приглашал его отнять Галич у венгров, которые, пользуясь смутами на Галицкой земле, посадили там своего королевича.

Мстислав на вече поклонился Великому Новгороду и сказал: "Есть у меня дела на Руси; а вы вольны в князьях". Затем он уехал в Галич с дружиною".

Возвращаясь к вопросу о том, какие земли Киевского государства подпадали под понятие Русь, обращаем внимание читателей, что согласно летописи, передавшей слова князя Мстислава, в самом начале XIII столетия Галич уже входил в это понятие, тогда как Новгород Русью не считался. Любопытно также, что несмотря на все сложности, связанные с его овладением, Галицкий стол являлся настолько привлекательным, что князь Мстислав оставил далеко не самый захудалый стол Новгородский и отправился в путь.

* * *

Овладение Галичем оказалось делом непростым — предпринятое Мстиславом Удалым наступление захлебнулось. Однако князь Мстислав, душа которого жаждала подвигов, без дела не остался. По призыву горожан он вернулся в Новгород Великий и одержал победу в битве на Липице над владими́ро-суздальскими князьями, в том числе и отцом Александра Невского — князем Ярославом. О причинах этого братоубийственного конфликта и о том, как князю Мстиславу удалось отстоять вольности новгородские, мы подробно расскажем в очерке о жизни Александра Невского, а сейчас продолжим повествование о борьбе за Галич. Вернувшись с севера

на Русь, Мстислав собрал новую рать и пригласив на подмогу половцев, выступил на запад. В ожесточенном сражении под Галичем Мстислав разбил венгерские войска, и город был освобожден. Оставшиеся в живых воины венгерского гарнизона были перебиты горожанами, но галицких бояр князь Мстислав не только пощадил, но и привлек на свою сторону. Это обеспечило ему на некоторое время необходимую поддержку в княжестве. Итак, венгры в 1219 г. были изгнаны, а Мстислав Удалой сел в Галиче — князь династии Рюриковичей вновь овладел одним из самых престижных столов Руси.

Несмотря на неблагоприятное для венгров развитие событий, король Андрей не мог вмешаться в события: с 1217 по середину 1219 гг. вместе с основными своими боевыми силами он находился в крестовом походе в Палестине. Для Западной и Центральной Европы это было время шестого крестового похода, начавшегося в 1215 г. и длившегося около тридцати лет. Венгерский король, оставив Европу в качестве вождя крестового похода, в Святой земле не сумел добиться повиновения от собственной армии. После трехмесячного пребывания в Палестине он забыл клятвы, которые принес в качестве крестоносца и думал только о возвращении; патриарх старался удержать его под знаменами священной войны, но так как венгерский монарх был глух ко всем просьбам, то прелат осыпал его угрозами церковного наказания. Чтобы не казаться изменником делу крестоносцев, Андрей оставил им половину частицы мощей, приобретенной им во время посещения Святой земли. Если верить летописи, то по возвращении короля в Венгрию привезенной им части этой святыни было достаточно, чтобы прекратить смуты в государстве и обеспечить процветание, мир и правосудие. Большинство же венгерских историков, наоборот, говорят, что эта бесславная экспедиция навлекла на короля Андрея презрение народа и только усилила беспорядки в королевстве. Для нашего же повествования крестовая эпопея короля Андрея интересна только тем, что она отвлекла силы венгров от событий в Галиче, и там смог утвердиться князь Мстислав Удалой.

Между тем, Данило, по-прежнему княживший во Владимире, достиг восемнадцатилетнего возраста и стал не только взрослым человеком, но и самостоятельно правящим князем. Действия, совершаемые в прежние годы от его имени, определялись матерью юного князя или его окружением, но отныне все решения в

своей жизни и политике Данило будет принимать сам. Словно давая сыну возможность сразу принять на свои плечи всю ответственность за собственную судьбу, его мать княгиня Анна в 1219 г. ушла в монастырь. Причины ее пострига неясны, некоторые историки вспоминают в этой связи о том, что князь Данило стал совершеннолетним. При этом как-то забывается, что его брату князю Васильку было еще только пятнадцать лет. Впрочем, в то время взрослые рано, да и княгиня Анна, несмотря на уход в монастырь, видимо, продолжала активно участвовать в жизни сыновей и в политических событиях. Во всяком случае, среди лиц, подавших через тридцать с лишним лет совет Даниле принять королевский венец, указана и мать князя.

О внешнем облике Данилы в те годы, впрочем, как и последующие, к сожалению известно мало. Упомянувшийся нами Н. Котляр, собрав разрозненные данные из различных источников, дает примерный портрет князя, указывая, что он "...был среднего роста, широкий в плечах, коренастый и сильный мужчина. Словно простой ратник, он бился в пешем строю с врагами, провёл чуть ли не половину жизни в изнурительных многодневных походах, получал многочисленные раны, оставившие отметины на теле, ходил с рогастиной на медведя и кабана. Его отличали сильный характер и мужественная натура".

Как показали дальнейшие события, став взрослым, сын великого Романа более не был расположен оставаться князем без княжества; первой целью Данилы стало собирание под своей рукой Вольнских земель. После прихода в Галич князя Мстислава Данило не стал портить с ним отношения, а благоразумно женился на его дочери Анне, надеясь обрести в тесте хорошего союзника. Этот расчёт оправдался только частично. Мстислав Удалой в начале совсем не интересовался вольнскими проблемами своего зятя, и помощи ему не оказывал. На жалобы Данилы о том, что князь Лешко захватил часть Вольнской земли, Мстислав, всегда верный данному слову, отвечал: "Лешко мой друг, я не могу подняться на него; ищи себе иных друзей!"

Вместе с тем Мстислав и не остановил Данилу, а необходимые для активных действий друзья у юного князя были. В 1219 г. литовцы прислали "до великой княгини Романовой и Даниле, и Васильку" мирные предложения, предусматривающие совместные действия против Польши. Имея в союзниках Литву, Данило стал

действовать и вскоре отнял у польского князя Берестье, Угровеск, Верешин, Стольпе, Комов и всю так называемую тогда "Украину", т. е. часть Вольни, прилегающую к Польше по левой стороне Буга. Рассерженный такими действиями своего родственника и бывшего подопечного, князь Лешко решил во чтобы то не стало вернуть утраченные города. Для этого польский князь возобновил союз с венграми, отказавшись от своих претензий на часть Галичины в пользу собственного зятя Коломана — сына короля Андрея.

Началась война, в которую невольно втянулся и Мстислав Уда-лой, поскольку князь Лешко подозревал его в том, что он поощряет своего зятя. Война велась неудачно для Данилы и Мстислава, были потеряны Перемышль и Гродек. Данила со своею дружиною был осажден в Галиче и храбро отбивался. Во время осады Александр Белзкий, приходившийся двоюродным братом Даниле "отошел" от него и примкнул к польско-венгерскому союзу. Видя безнадежность положения Галича, Мстислав приказал Даниле оставить город. По словам Костомарова: "Данило геройски пробивался сквозь неприятельскую силу с боярином Глебом Зеремеевичем и другими и с большим трудом, терпя при этом голод, соединился с Мстиславом. Похвалив зятя за мужество, Мстислав сказал ему: "Иди, князь, теперь в свой Владимир, а я пойду к половцам, будем мстить за свое посрамление". Посрамление действительно было немалым — из-за войны, затеянной зятем помимо его воли, князь Мстислав потерял Галицкий стол.

Чуть было не потерял свои владения и сам Данило. По совету тестя он ушел на Вольнь, однако венгерские войска, последовав за ним, попробовали отнять и эти земли. Сковав силы союзника венгров, польского князя Лешка, нападениями собственных союзников литовцев, Данило сумел продержаться до прихода войск Мстислава Удалого. Зимой 1220—1221 гг. князь Мстислав с полками из "Руской Земли" и половецкой ордой атаковал Галич и, разгромив венгров в решающей битве под стенами города, к весне окончательно выбил их из княжества. Попавшего в плен короля Коломана вместе с юной супругой отвезли в принадлежавший князю Мстиславу небольшой городок Торческ на юге Киевской земли. Король Венгрии, угрожая новой войной, потребовал было возвращения сына и пленных, но Мстислав Удалой хладнокровно ответил, что "...победа зависит от неба; что он ждет короля, надеясь с божьей помощью смирить гордость его". Силы венгров были истощены в крес-

товом походе, и от военной экспедиции им пришлось отказаться. Галичина вновь перешла под контроль князя Мстислава.

Больше всего от этой войны выиграл тот, кто ее замыслил и начал — князь Данило. Приобретенные города остались за ним, следовательно, цель, которую молодой князь ставил, развязывая войну — расширить находившиеся под его властью Волынские земли, — была достигнута. Таким образом, двадцатилетний Данило вышел за пределы территорий, переданных когда-то ему опекунами, и впервые всерьез заявил о своих претензиях на все Волынское княжество. С Лешком Данило помирился, так что еще одним результатом победы стало приобретение нового союзника, который оставался верен данному обещанию об оказании помощи Волынскому князю вплоть до своей гибели в 1227 г.

Мир с князем Лешком в свою очередь дал Даниле возможность обратиться против Александра Белзского, который отступил от него во время обороны Галича. За вероломство князя по тогдашним понятиям должна была отвечать его земля. Данило и Василько напали на Белз ночью и произвели там страшное опустошение. В памяти жителей города эта ночь надолго осталась под именем "злой". Затем, по просьбе князя Мстислава, Данило оставил Александра и его удел в покое. В регионе установился хрупкий мир, однако мало кто сомневался, что он продлится недолго. Возвращение князя Мстислава на Галицкий стол было временным компромиссом, и все основные участники конфликта, понимая это, накапливали силы для его возобновления. Передышка продолжалась три года, но это совсем не означало, что князь Данило провел их в пирах и праздности. На этот "мирный" период пришелся 1223 год, год трагедии на Калке. В это же время началась вражда между князем Данилой и его тестем.

По сведениям М. Грушевского в 1223 г. король Андрей от лица своего сына Коломана отрекся от любых претензий на Галичину. Видимо, немалую роль в этом решении короля сыграло то обстоятельство, что вскоре после победы князь Мстислав начал сближение с этим могущественным монархом. В 1221 г. между ними был заключен договор, по которому дочь Мстислава Удалого обручилась с младшим сыном короля принцем Андреем. После смерти князя Мстислава, в качестве приданого его дочери к венгерскому принцу должна была отойти Галицкая земля. Во исполнение достигнутых договоренностей вскоре состоялся и брак Марии Мстис-

лавны с принцем Андреем. Таким образом, венгры достигли своей цели мирным путем; а то, что правителем Галича должен был стать не принц Коломан, а принц Андрей — не имело значения. Для князя же Мстислава союз с королем Андреем давал возможность удерживать в повиновении своих бояр, среди которых были сильны провенгерские настроения.

Но этот брак ни как не мог устроить князя Данилу, шансы которого вернуть отцовский стол становились призрачными. В результате сближения князя Мстислава с венграми и происков униженного Александра Белзкого отношения между Данилой и его тестем после выигранной совместными усилиями войны стали быстро ухудшаться.

* * *

Начавшееся охлаждение отношений между Мстиславом Удалым и князем Данилой не помешало им вместе сражаться в трагической битве на Калке 31 мая 1223 г., в которой помимо вольнских и галицких войск приняли участие киевские, черниговские, смоленские и северские дружины. Ни великий князь Владимиро-Суздальский Юрий, ни княживший в Новгороде его брат — князь Ярослав, — участия в походе против монголов, предпринятом южными и западными князьями не приняли — это была явно не их война. Правда, Юрий послал на помощь ростовские и суздальские дружины численностью около 800 человек, но, дойдя до Чернигова, дружины узнали о разгроме на Калке и повернули обратно. Князь Ярослав, связанный борьбой с крестоносцами, совершил в этом же году поход с новгородскими полками против обосновавшихся в Ревеле датских рыцарей, однако взять город не смог. Сыну князя Ярослава — будущему великому князю Александру Невскому — в год битвы на Калке было около трех лет.

Известно, что у княжеств Руси в 1223 г. не было повода для выступления против монголов, воевавших с половцами. Однако, когда монголы прислали посольство с мирными предложениями, справедливо указывая, что не ищут войны с Русью, собравшиеся на совет князья отклонили предложенный мир и решили выступить на стороне половцев. После этого монгольские послы были убиты. Поступок необъяснимый и нелогичный в своей бессмысленной жестокости, так как на Руси еще не было в то время той великой ненависти к монголам, которая возникнет спустя пятнадцать

лет во время их нашествия. Заметим, что и при монгольском нашествии на северо-восточные земли Руси в 1237–1238 гг. в летописях также неоднократно отмечается, что направленные кочевниками послы были убиты, после чего города брались захватчиками штурмом, а жители нещадно истреблялись. Гибель послов во время нашествия отчасти еще можно объяснить ожесточением воюющих сторон, особенно после того, как многие города Руси были взяты и уничтожены монголами. Однако для битвы на Калке, где противники встретились впервые, такое объяснение неприменимо. Русины и монголы в 1223 г. еще настолько не считали друг друга врагами, что Мстислав Удалой захватив до битвы в плен раненого монгольского воина Гемябека, просто не знал, что с ним делать и отдал его половцам. А для половцев, испытавших на себе и своих кочевьях жестокость неведомого ранее противника, монголы уже являлись заклятыми врагами, и раненый был предан мучительной казни.

Сама битва 1223 г. описана неоднократно: объединенное войско Руси и половцев численностью около 80-ти тысяч ратников преследовало отступавших монголов до реки Калки и вынудило их принять сражение. В решающий момент князья не смогли действовать согласованно и Мстислав Удалой, не желая ни с кем делиться славой, вступил в бой самостоятельно. Под его натиском монголы начали отступать, но не выдержавшая напряженного боя половецкая орда побежала. Вступавшие поочередно в сражение войска древнерусских княжеств были наголову разбиты монголами. По некоторым подсчетам русины потеряли до 90 процентов бойцов, в сражении погибли шесть князей и "богатырь Александр Попович с семьюдесятью братьями".

Двадцатидвухлетний Данило "мужествовал с татарами крепко", вместе с Олегом Курским и своей дружиною теснил врага, но, столкнувшись с превосходящими силами монголов, принял решение отступить. В бою он получил тяжелую рану в грудь, но в пылу битвы не ощутил ее. След от татарской сабли остался у него потом на всю жизнь. После разгрома Мстислав Удалой и Данило бежали до Днепра и, сев в ладью, князь Мстислав велел рубить другие лодки, проявив тем самым и предусмотрительность в отношении возможной погони, и безжалостность в отношении соратников, также нуждавшихся в переправе. После битвы монголы пошли на восток, но при переправе через Волгу потерпели поражение от болгар. Не-

многие из них смогли вырваться из окружения и вернуться в родные степи.

Князь Данило, вернувшись после сражения на Калке домой и оправившись от ран, вновь принялся расширять свои владения. На сей раз на его пути встал уже сам Мстислав Удалой. Глухая вражда, проявившаяся еще до Калки, вышла наружу. В скором времени по возвращении Галицкий князь собрал дружину и пошел воевать... волость Данилы. Исследователи убеждены в том, что антиволинская политика Мстислава Удалого проявилась четко уже в 1224 г., а на следующий год он открыто выступил против зятя в союзе с Александром Белзким. Помогали князю Мстиславу его тесть, половецкий хан Котян и войска Владимира Рюриковича Киевского. Даниле удалось противопоставить этой коалиции союз с польским князем Лешком, и Мстислав со своими союзниками был вынужден отступить. Данило с боем вошел в Галицкую землю, а также нанес урон княжеству Александра Белзкого. На этом боевые действия прекратились.

Примирившись с зятем вскоре после неудачного похода, Мстислав Удалой реабилитировался как полководец, проведя несколько успешных сражений с венграми. Однако под напором бояр, заявивших: "Не можешь держать Галич, а бояре не хотят тебя" — князь Мстислав в 1227 г. покинул Галич, передав его своему венгерскому зятю Андрею. Стареющий Мстислав Удалой отправился в свой удельный Торческ, оставив за собой из прежних своих владений только Понизье. Так Галич вновь перешел в подчинение Венгрии и в течение трех последующих лет здесь правил принц Андрей.

Тем временем князь Данило продолжал набирать силы. В 1227 г. он получил от своих родственников — двоюродного дяди Мстислава Немого и его сына Ивана — Луцк. В это же время Данило добыл Дорогобуж, унаследовал Белз, а у пинских князей отнял Чарторыйск. Таким образом, через двенадцать лет непрерывных сражений, тридцатилетний князь Данило овладел всей Волинской землей, распавшейся на мелкие княжества еще во времена его деда. Впереди была битва за Галич.

* * *

После смерти в 1228 г. его тестя Мстислава Удалого князь Данило овладел обширными землями Понизья (части нынешней исторической области Украины Подолья). Такое резкое увеличение

подконтрольных Вольинскому князю территорий возбудило против него целый союз древнерусских князей. К Ростиславу Пинскому, не простившему Даниле то, что тот отнял у него Чарторыйск и Киевскому князю Владимиру Рюриковичу, который помнил насильственное пострижение в монахи своего отца князем Романом, присоединились черниговские и северские князья. В противовес этому союзу князь Данило вновь пригласил поляков. Князья Ростислав и Владимир осадили Каменец, однако взять его не смогли и были вынуждены отступить. При посредничестве киевских и черниговских бояр был заключен мир, который возвысил Данилу среди древнерусских князей, а Владимир Рюрикович с этих пор стал его другом и постоянным союзником.

По некоторым сведениям, в это же время Данило начал приобретать союзников с помощью "брачной дипломатии". В 1228 г. он выдал свою сестру замуж за польского князя Святополка Поморского. После гибели верного союзника князя Лешка Белого именно Святополк будет помогать Даниле в разрешении конфликтов с иными польскими князьями.

Самое время нам вспомнить и о самом главном и самом надежном союзнике Данилы — его брате Василько. Став взрослым, князь Василько, подобно отцу и старшему брату, сочетал в себе мужество и силу простого ратника с мудростью прирожденного политика. Соединившись после вынужденной разлуки в раннем возрасте, Данило и Василько были вместе всю жизнь, проявляя подлинно братскую любовь, преданность и заботу друг о друге — пример очень редкий среди древнерусских князей. Для буйных потомков Рюрика благополучие и даже сама жизнь их не в меру расплодившихся родственников никогда не были преградой для овладения богатствами и властью. Самые знаменитые представители этой династии, такие как Владимир Святой и Ярослав Мудрый, не останавливались перед насильственным устранением своих братьев. Как мы увидим дальше, очень "свое-образной" была любовь между Александром Невским и его братьями. В бесконечной череде убийств, предательств и несчастий, которые обрушивали друг на друга члены правящей династии Руси, отношения князя Данилы и его брата Василька являлись, как отмечает многими исследователями, редчайшим исключением.

В конце 1220-х годов мощь и авторитет князя Данилы настолько возросли, что он, подобно отцу, начал вмешиваться в дела соседних стран. Когда в 1227 г. в Польше был убит князь Лешко, Данило

отправился помогать родному брату своего погибшего союзника Конраду Мазовецкому, с которым еще ранее установил добрые отношения. Галицко-Волынская летопись в рассказе о событиях того года отметила: "После смерти брата своего Конрад принял Данила и Василька в большую любовь и просил их, чтобы шли ему на помощь; и пошли они ему на помощь на Владислава на старого". В Польше тогда началась настоящая гражданская война за власть, и князь Конрад I Мазовецкий справедливо считал свои права на малопольский престол выше прав соперников. Князь Данило поддержал его претензии на Краков и около 1229 г. ходил вместе с ним в поход. Вместе со сторонниками Конрада войска Данилы осадили Калиш, почти без боя принудили город сдаться, и не вина волынского правителя, что Конрада опередил Познаньский князь Владислав Тонконогий, который в этом же году овладел Краковом.

Дальнейшие действия Конрада по отношению к Даниле не отличались благодарностью и постоянством. Среди них были и переход на сторону противников Волынского князя, и возвращение в стан его союзников. Но, как говорится, в политике нет вечных друзей, а есть вечные интересы. Действия Конрада диктовались его желанием овладеть главным в Польше Краковским столом и цель, как всегда, оправдывала средства. Однако начавшаяся после гибели Лешка борьба между польскими князьями была на руку Даниле, так как не только позволила Волынскому князю вмешиваться во внутренние дела Польши, но и отвлекла поляков от участия в делах Руси. Таким образом, внутренняя ситуация в Польше складывалась вполне благоприятно для реализации намерений братьев Романовичей вернуть себе Галичину.

Однако Галич по-прежнему принадлежал самому могущественному противнику князя Данилы — Венгерскому королю Андрею. Силы венгерского королевства и волынского княжества были явно не равны, но в конце двадцатых годов князь Данило все-таки решается на открытую борьбу со своим бывшим опекуном. В начале ситуация развивалась благоприятно для Данилы; в 1230 г. князю удалось изгнать венгров и занять столицу княжества Галич. Формально это было уже третье овладение Данилой Галицким столом. Но в предыдущих двух случаях он был просто игрушкой в чужих руках, символом стоящих за ним реальных политических сил. На сей раз Данило овладел Галичем полностью самостоятельно, опираясь на собственные силы и в своих собственных интересах.

Описывая осаду Галича, С.М. Соловьев отмечает: "Осажденные не могли держаться долее и сдали город, причем королевич достался в плен Даниилу; но тот вспомнил прежнюю любовь к себе отца его Андрея и отпустил его, к последнему; из бояр галицких с королевичем пошел только один Судислав, в которого народ бросал камнями, крича: "Вон из города, мятежник земский!" Но Судислав спешил отомстить народу новым мятежом: приехавши в Венгрию, он не переставал твердить королю и королевичу: "Ступайте на Галич, возьмите землю Русскую; если же не пойдете, то они укрепятся на вас". Андрей послушался, собрал большое войско и объявил поход. "Не останется в Галиче камень на камне, — говорил он, — никто уже теперь не избавит его от моей руки".

Война с Венгрией возобновилась, и теперь в ней против Даниила выступали еще и галицкие бояре. В результате похода короля Андрея II, в ходе которого венгры осадили Владимир, в 1232 г. был заключен мир, по условиям которого в Галиче стал вновь править венгерский принц Андрей. Очередная попытка Романовичей вернуть себе отцовское наследство закончилась неудачей.

* * *

Итак, Данило вновь потерял Галич, повторяя тем самым путь своего отца. Но, как и великий Роман, князь не утратил присутствия духа — его энергия обратилась на дела "Русской Земли". В последующие годы он постоянно оказывает помощь Киевскому князю Владимиру в борьбе с Черниговским князем Михаилом (тем самым, что будет убит в Орде в 1246 г.). В благодарность Владимир уступил Даниле Торческ, бывший удел Мстислава Удалого. Волынский князь не стал удерживать удел за собой и передал Торческ детям своего покойного тестя, сказав им: "За добро отца вашего возьмите и держите этот город".

О возобновлении войны с Венгрией князь Данило, не имея достаточных сил, видимо, не помышлял. Неожиданно ситуация резко изменилась, не оставив князю выбора: венгры сами нарушили мир. Во время очередной отлучки Даниила в Киев весной 1233 г. венгерский принц Андрей двинулся на Волынь и с помощью бояр овладел Ярославом. Ободренные первым успехом, венгры осадили пограничную крепость Белобережье и столицу княжества Владимир. Боярин Мирослав, защищавший Владимир в отсутствие князя, подписал с венграми мирный договор, отказавшись при этом от

имени Данилы от Галича. Узнав о случившемся, князь Данило форсированным маршем поспешил на Вольнь с одной лишь конницей, и, оставив далеко позади пехоту и обоз, догнал захватчиков близ города Шумска. По описанию Н. Котляра буквально на глазах у ошеломленного его неожиданным появлением врага Данило выстроил свои силы в боевой порядок. Как и предвидел галицко-вольнский князь, "...венгры, увидев его, не захотели с ним биться и повернули против Демьяна и других полков", так как они уже не раз испытывали на себе неотразимый удар тяжеловооруженной рыцарской конницы Данилы. Воспользовавшись этим, князь Данило с дружиной зашел венграм в тыл и нанес им сокрушительное поражение. Преследуя отступающего противника, князь освободил полностью Вольнь и с ходу овладел Галичем. Принц Андрей со своим гарнизоном укрылся в городской цитадели, где умер от голода после двухмесячной осады. Абсолютно проигранная, казалось бы, война решительными действиями Данилы и его ратников была обращена в полную победу. Венгры были изгнаны, а князь вновь сел в Галиче.

Однако и это, четвертое по счету, правление Данилы в беспокойном Галицком княжестве оказалось недолгим. Вопреки ожиданиям, опасность на сей раз пришла не со стороны Венгрии, где к тому времени короля Андрея II сменил его сын Бела IV. Новый венгерский король, кстати, выросший вместе с князем Данилой при дворе Андрея II, в начале своего правления мало интересовался делами Руси и о реванше не помышлял. Но оставалось еще галицкое боярство, недовольное неожиданным возвращением князя Данилы. Зная, что, выступив на стороне Киевского князя Владимира, Данило обрел себе врагов в лице черниговских князей, бояре сумели договориться с этими князьями, пообещав им Галицкий стол. Так в борьбу за Галич включились Черниговский князь Михаил, который был женат на сводной сестре Данилы — Феофании (рожденной от первого брака князя Романа), и его старший сын Ростислав. Таким образом, князю Даниле противостояли шурин и племянник — война шла внутри семьи. В 1235 г. под Торческом войска черниговских князей в союзе с половецкой ордой одолели полки Данилы и Владимира Рюриковича, после чего нашему герою пришлось спешно отступить с остатками дружины в Галицкую землю. Но беда, как известно, не ходит одна — бояре открыто восстали и посадили на Галицкий стол князя Ростислава. Даниле пришлось в очередной раз возвращаться в верный ему Владимир.

Дорого обошлось поражение и союзнику Данилы князю Владимиру Рюриковичу — он потерял Киевский стол. Через некоторое время в Киеве появился княживший ранее в Новгороде Великом князь Ярослав. На оставленном им Новгородском столе князя Ярослава сменил его сын — юный князь Александр, которому вскоре предстояла обессмертившая его имя схватка со шведами на реке Неве. Таким образом, пока князь Данило собирался с силами после нанесенного ему поражения, князь Александр занял первый в своей жизни княжеский стол, и далее мы уже можем соотносить между собой события, которые происходили с нашими героями.

После одержанной победы Михаил Черниговский хотел развить успех походом на Волынь. Помимо половцев он рассчитывал на помощь союзника Данилы Конрада Мазовецкого, который, по словам В. Пашуто, "...воспользовавшись неудачей волынского князя в Галиции, попробовал в эти годы изменить внешнеполитическую ориентацию". Совместная военная экспедиция Михаила Черниговского и Конрада Мазовецкого была направлена против старинной части Волынского княжества — Червенской земли. Однако князь Данило не был настолько слаб, как это представлялось новоявленным союзникам, и на своей земле нанес им серьезное поражение. Галицкий летописец подробно рассказал о ходе войны. Силы нападающих оказались разьединенными: Конрад вошел в Холмскую землю и напал на город Червен, Михаил же ждал Конрада в предгорьях Карпат, куда должен был подойти его вассал князь Изяслав Новгород-Северский с половецкой ордой. Но помешали дипломатические способности Данилы — он сумел поладить с половцами, и ханы "невосхотеша" идти на Волынского князя. Это и решило исход войны в пользу Данилы. Отряд не дождавшегося помощи Конрада был разбит князем Васильком, сам князь Мазовецкий бежал в Польшу. Лишившись последнего союзника, Михаил возвратился в Галич.

Очевидно, в этой войне у Данилы был и еще один союзник — в начале прошлого столетия М. Грушевский высказал догадку, что спешное отступление Конрада было вызвано также и тем, что Данило подбил Литовского князя Миндовга напасть на Мазовию. Миндовг в эти годы вел ожесточенную борьбу за установление единоличной власти над Литвой и нуждался в союзнике в войне с другими литовскими князьями. Данило в свою очередь нуждался в союзнике, который сдерживал бы действия Польши. Взаимные

интересы и обусловили этот союз двух великих государей, продолживший отношения, заложенные еще договором 1219 г. (кстати, Миндовг был одним из литовских князей, подписавших данный договор).

Защитив родную землю и получив, таким образом, необходимую передышку, Волинский князь выехал в Венгрию. Понимая, что помощи одной только Литвы явно недостаточно, Данило, очевидно, имел определенные надежды на союз с королем Белой. И хотя сразу получить поддержку от Венгерского короля не удалось, тем не менее, в результате сложной дипломатической интриги Даниле, в конце концов, удалось склонить "друга детства" на свою сторону.

Сумел Данило расположить на свою сторону и галицкое мещанство, которому опротивели боярские смуты и бесконечная смена властей. Как и во всем европейском средневековье, естественным союзником центральной власти выступали города, для которых князь являлся защитником от боярского произвола. Таким образом, благодаря сочетанию достаточно скромных военных сил и незаурядных дипломатических способностей князь Данило не только нейтрализовал хищных соседей, но и обратил их в своих союзников, а также получил мощную поддержку со стороны горожан. К концу 30-х годов Данило обладал, наконец, всеми необходимыми условиями для прочного завоевания Галича.

И долгожданный момент наступил — в 1238 г. Данило получил известие, что князь Ростислав отправился из Галича в поход на Литву и жители готовы впустить его в город. Очень живописно пересказывает возвращение Данилы Костомаров: "Данило смело подъехал к Галичу. Жители стояли толпою на стене. Данило обратился к ним: "О мужи галицкие, долго ли еще будете терпеть державу иноплеменных князей?" Все они в один голос закричали: "Вот он, наш держатель, Богом данный!" — "И все, — говорит летописец, — пустились к нему, как пчелы к матке". Епископ Артемий и дворский Григорий сначала удерживали народ, но видя, что ничего не сделают, со слезами на глазах и, по выражению того же летописца, "осклабяясь и облизывая губы", вышли к князю Данилу, поклонились и сказали: "Приди, князь Данило, прими город!" Данило вошел в город и воткнул знамя свое на Немецких воротах в знак победы. С торжеством вступил он в церковь Богородицы и принял стол отца своего. Бояре кланялись ему в ноги и просили прощения:

"Согрешили, — говорили они, — чужого князя держали". Данило отвечал: "Вы получите милость, только вперед так не делайте, чтобы вам не было хуже".

Итак, с пятой попытки вожденная цель многолетних усилий Данилы была достигнута — Галич был взят. На этот раз взят прочно, взят окончательно, а его единство с Волынью восстановлено. Война за Галицкое княжество будет продолжаться еще семь лет, но никогда более никто из ближних или дальних соседей не поднимет свой флаг над его столицей. Восстановленным Галицко-Волынским княжеством отныне будут править только потомки великого князя Романа. На преодоление пути от крошечных городков Тихомль и Перемиль до восстановления могучего Галицко-Волынского княжества князю Даниле понадобилось более двадцати лет жизни, наполненных великими трудами и битвами.

И, возвращаясь ненадолго к вопросу о "единой древнерусской народности", подчеркнем то обстоятельство, что, обращаясь к жителям Галича, Данило именует черниговских князей иноплеменными князьями. Зададим себе вопрос: если сравнительно недалеко расположенное Черниговское княжество представлялось галичанам и волынянам иноплеменным, то какими же далекими были для них Владимиро-Суздальское княжество или Новгород со Псковом? О степени близости различных земель Руси красноречиво говорит и тот факт, что даже в 1237—1238 гг., на которые пришелся разгром ханом Батыем Владимиро-Суздальского и Рязанского княжеств, князья Чернигова и Волыни продолжали междоусобную борьбу за Галич.

Впрочем, в данном случае все могло объясняться территориальной удаленностью галицко-волыньских земель от Залесья и Рязани, а не отсутствием у западных и центральных князей Руси патриотизма или их нежеланием оказать помощь попавшим в беду северным княжествам. Во всяком случае, источники ничего не сообщают о том, что князь Данило получал призывы о помощи из Владимира или Рязани, но ответил на них отказом. Все дело могло быть в том, что сообщения о монгольском нашествии достигли Галичины и Волыни слишком поздно. В пользу такого предположения свидетельствует тот факт, что даже находившийся в Киеве (то есть значительно ближе к Владимиро-Суздальским землям) князь Ярослав не смог оказать помощи родному брату — великому князю Владимиро-Суздальскому Юрию. Известно, что Ярослав, получив

известия о нападении монголов, прибыл во Владимир-на-Клязьме только в мае 1238 г., когда великий князь Юрий уже был давно убит, его княжество разгромлено, а кочевники покинули Русь.

* * *

С утверждением в Галиче в полной мере раскрываются не только полководческий талант князя Даниила, но и его способности государственного деятеля. Летописцы всегда отмечали его смелость и решительность в руководстве дружинами, а Галицкая летопись дает уникальные примеры личных подвигов князя Даниила и его сына Льва, не раз фиксируя их единоборства с противниками в ходе сражений. "Неполководческие" же деяния Даниила упоминаются реже, тем не менее, летописец отмечает усилия князя по возведению новых городов, по украшению их величественными храмами. За время своего правления князь построил около 70 городов, среди них наиболее известны Львов, названный так в честь старшего сына Даниила, и Холм — новый центр объединенного княжества. Довольно благополучное экономически Галицко-Волынское княжество привлекало мигрантов из других земель Руси. Этому способствовала и протекционистская политика Даниила, который, как повествует летописец о строительстве Холма, "...стал призывать приходив — немцев и русив, иноплеменников и ляхов. Шли они изо дня в день. И юноши, и мастера всякие убежали от татар — седельники, и лучники, и сагайдачники, и кузнецы железа, и меди, и серебра. И настало оживление, и наполнили они дворами вокруг города поле и села". Заложенный в 1237 г. Холм быстро становится цветущим городом, столицей создаваемого князем на европейский манер государства. Для повышения духовного значения нового центра княжества Данило перевел в Холм православного епископа из города Угровска. Заботясь о безопасности своего княжества, в это же время Данило строит много крепостей, в том числе Кременец и Данилов. Не забывает Данило и о главной внутренней опасности — некогда всесильное боярство решительными мерами князя было в значительной мере подавлено.

Укреплял князь и свои внешнеполитические позиции. Необходимо отметить, что это было время объединения и постепенного усиления Литовского княжества. Учащались нападения литовцев на Польшу, ее земли — Хелминскую, Мазовию и Куявию. Данило вел собственную хорошо продуманную политику относи-

тельно Литвы, старался жить в мире и согласии с главным из литовских князей — Миндовгом и умело использовал литовскую военную мощь в борьбе против посягательств Польши и Венгрии на галицко-волынские земли,

Продолжая политику "собираания земель" князь Данило тогда же отвоевал и город Дорогичин, который захватили с помощью князя Конрада Мазовецкого рыцари крестоносцы. Расположенный на Западном Буге, Дорогичин впервые упоминается в Киевской летописи под 1142 г. Отечественные и польские ученые единодушно считают его древнерусским городом, отмечают важную роль Дорогичина в транзитной торговле Руси с Польшей и странами Западной Европы, что вызывало неоднократные стычки между древнерусскими и польскими князьями из-за этого города.

Галицко-Волинская летопись содержит предельно короткое известие об этой войне князя Данилы: "Была весна, и решили они пойти на ятвягов и пришли к Берестью. Но реки наводнились, и они не смогли пойти на ятвягов. Данило сказал: "Нехорошо, что нашу "отчину" держат крестоносцы, тамплиеры, прозванные Соломоницами". И пошли они на них с большим войском, захватили город в марте месяце, и магистра их Бруно взяли в плен, и воинов забрали, и возвратились во Владимир".

Очевидно, что источник ошибочно называет рыцарей "тамплиерами". Орден тамплиеров никогда не появлялся не только на землях Руси, но и вообще в Восточной Европе и Прибалтике. Но действовавшие в этом регионе Тевтонский орден, Орден меченосцев и гораздо менее известный Добжинский орден были созданы на основании устава Ордена тамплиеров. Этим и объясняется то, что иногда отдельные источники называют рыцарей этих совершенно самостоятельных орденов тамплиерами. С Добжинским орденом, возглавляемым магистром Бруно, и пришлось столкнуться князю Даниле.

Историки долго спорили относительно того, когда и как Конрад Мазовецкий завладел Дорогичином. Так, М. Дашкевич писал: "Конрад получил его, вероятно, в период враждебных отношений с Данилой, в 1235 или 1236 г.". М. Грушевский в своем исследовании по истории Галицко-Волинской Руси, помещенном в третьем томе "Истории Украины-Руси", присоединившись к мнению М. Дашкевича, заметил, что Конрад завладел городом в 1230-х гг.

Однако представляется, что гораздо ближе к истине мнение

Н. Котляр, который утверждает: "...мазовецкий князь некогда не владел Дорогичином. В известных науке источниках об этом упоминаний нет. Полагаем, что Конрад с легким сердцем одарил орден добжинских рыцарей землей и городом, которые ему некогда не принадлежали". Как бы там ни было, но из грамоты Конрада Мазовецкого от 3 марта 1237 г. следует, что польский князь подарил рыцарям город Дорогичин со значительной территорией между реками Западным Бугом и Нуром. Но пользоваться этим подарком рыцарям долго не пришлось. Если князь Данило и мог какое-то время не реагировать на то, что его союзник Конрад овладел галицким городом, то после перехода польского князя в стан его врагов терпеть это было уже нельзя. Весной 1238 г. решительным ударом князь Данило выбил добжинских рыцарей из Дорогичина.

Котляр обращает внимание еще на одну особенность изложенных в летописи событий. Если буквально понимать слова летописи, то получается, что решение идти на рыцарей родилось у Данилы неожиданно: он увидел, что реки вышли из берегов и мешают совершить поход на ятвягов. Однако разлитие рек весной не могло стать неожиданностью для князя. По мнению Котляра, Данило осуществил сугубо демонстративный поход в сторону земли ятвягов, стремясь тем самым усыпить бдительность добжинцев, засевших в Дорогичине. Этот маневр позволил ему под благовидным предлогом приблизиться к городу, поскольку расстояние от Берестя до Дорогичина в несколько раз короче, чем от Владимира. Благодаря достигнутому эффекту неожиданности вся кампания была проведена молниеносно и с присущей полководческому таланту князя Данилы элегантностью.

Оценивая значение этой победы, вспомним, что 14 мая 1237 г. в папской резиденции под Римом был подписан договор об объединении Ордена меченосцев и Тевтонского ордена. Папа Григорий XI утвердил устав объединенного ордена, названного Немецким. В этот же период к Тевтонскому ордену был присоединен и Добжинский орден. Одни авторы сообщают, что в момент разгрома Данилой Добжинский орден уже был филиалом Тевтонского ордена, другие придерживаются мнения, что это была часть добжинцев, не согласившихся с объединением и сохранивших свою собственную военно-религиозную организацию и структуру. Но независимо от результатов этого научного спора очевидным является то, что ни Добжинский, ни Тевтонский орден более в землях Галицко-Во-

лынского княжества не появлялись, экспансии крестоносцев в этом направлении был положен предел. В дальнейшем отношения Галицко-Волынского княжества с Тевтонским орденом были мирными и строились на основании договоров, подписанных Даниилой и его потомками.

Освещение данного эпизода из жизни князя Даниилы будет неполным, если не упомянуть, что он отдал должное и покровителю рыцарей — Конраду Мазовецкому: "В тот год Данило привел на Конрада Литву Мендовга, Изяслава новгородского".

С освобождением Дорогичина князь Данило стал повелителем всех территорий Галичины и Волыни. К этому времени Данило, по выражению Карамзина, уже "...превосходными достоинствами сердца и неутомимыми подвигами затмевал других современных князей... Один Ярослав Всеволодович Новгородский мог спорить с ним в способностях ума и в душевной твердости..." Как видим, историк сравнивает пока князя Данилу с отцом Александра Невского — князем Ярославом; сам князь Александр был еще слишком молод и ничем не знаменит.

* * *

Вскоре после восстановления полного контроля над галицкими и волынскими землями князь Данило овладел Киевом, однако это знаменательное событие нельзя рассматривать в рамках любимой историками идеи восстановления единства Руси. Вряд ли князь Данило вообще задавался когда-нибудь целью возрождения некогда единой страны — слишком уж далеко разошлись пути Галичины и Владимиро-Суздальской земли, слишком уж явно продемонстрировали на Калке князь Руси свою неспособность действовать сообща. Но прокатившийся к тому времени по северным княжествам Руси огненный вал монгольского нашествия 1237—1238 гг. уже разделил навсегда нашу историю на две части: до нашествия и после него. И овладение Даниилой Киевом тоже уже лежало в русле этой совершенно новой политической реальности, в которой Галицко-Волынский князь взял на себя заботу об оставшейся без защиты "матери городов русских".

Впервые монголы подошли к Киеву в начале 1240 года. Получившие от монголов недвусмысленное предложение о переходе в подданство хана, гордые киевляне, именовавшие себя "старшими и благороднейшими" сыновьями Руси, не только отклонили предло-

жение захватчиков, но и убили их послов. Монгольский удар по Киеву стал неизбежным. Предвидя жестокую месть татар, сидевший в Киеве Черниговский князь Михаил бежал в Венгрию. Древняя столица Руси, продолжавшаяся оставаться одним из величайших и красивейшим городов Европы, накануне грозных событий могла оказаться в ситуации безвластия или еще страшнее — впасть в кровавую борьбу за власть в городе. В такой момент в Киеве и появился князь Данило.

Эпизод овладения Данилой Киевом многие историки проговаривают как-то скороговоркой. О Даниле при этом говорится примерно следующее: прискакал накануне нашествия монголов, оставил своего тысяцкого Дмитра и ускакал. Каких-то прямых упреков в адрес князя Данилы не высказывается, но сама ситуация излагается как-то двусмысленно. Конечно, зная о колоссальных бедах, обрушившихся через какое-то время на Киев и западные княжества Руси, трудно не воспринимать все предшествующие события через их призму. Но если рассматривать события с практической, а не эмоциональной стороны, то наиболее точно, по нашему мнению, изложил ход событий и мотивы поступков Данилы Карамзин: "Даниил уже знал монголов: видел, что храбрость малочисленных войск не одолеет столь великой силы, и решился ...ехать к королю венгерскому, тогда славному богатством и могуществом, в надежде склонить его к ревностному содействию против сих жестоких варваров. Надлежало оставить в столице вождя искусного и мужественного: князь не ошибся в выборе, поручив оную боярину Димитрию".

От себя добавим, что при всем уважении к Киеву, князь Данило не мог, ради защиты одной столицы забыть о судьбе всей "Русской Земли" и прежде всего собственного княжества. Данило не мог знать о том, когда монголы непосредственно обрушатся на столицу Руси, пойдут ли потом дальше, в том числе на Волынь и Галич — средств массовой информации, которые извещали бы о концентрации и перемещениях войск противника, не было, а кочевники сами об этом, естественно, не сообщали. После появления под Киевом в начале года и гибели их послов монголы ушли из Руси на Кавказ. До осени 1240 г., когда они появились на реке Рось, было неизвестно, ушли ли они на долго, как в 1223 г. после сражения на Калке, или только перегруппировывают силы в глубине степи. Но князю Даниле было совершенно ясно, что противостоять в одиночку Батью он не может, нужен сильный и достаточно близко распо-

женный союзник. Ни Польша, ни Литва, ни тем более лежавшее в руинах Владимиро-Суздальское княжество необходимыми для борьбы с монголами силами тогда не располагали. В реалиях 1240 г. сильным союзником мог быть только король Венгерский; объединение с ним давало определенные шансы на успех как при защите Галицко-Волынского княжества, так и при борьбе за Киев. Обретение такого союзника и считал князь своей главнейшей задачей.

Да и поставленный Данилой на город тысяцкий Дмитро был явно незаурядным человеком, "вождем искусным и мужественным". Именно на Дмитра легла вся тяжесть руководства героической, но неудачной обороной Киева от монгольских войск, которую мы не будем здесь описывать. Отметим только, что в ходе последнего штурма города, весь израненный, Дмитро попал в плен. Батый велел его пощадить и в дальнейшем Дмитро принимал участие в походе монголов на Венгрию. После возвращения отца Александра Невского князя Ярослава из Орды в 1243 г. и получения им ярлыка на великое княжение над всей Русью, Дмитро сел воеводой в Киеве. Доблестному защитнику города выпала доля если не восстановления Киева (это было непосильной задачей и многие десятилетия спустя), то хотя бы налаживания каких-то минимальных условий для выживших киевлян.

Взяв Киев в декабре 1240 г., степняки двинулись дальше — на Волынь и Галичину, истребляя и разрушая все на своем пути. Жители города Колодяжный (нынешний Ладыжин), следуя примеру некоторых других древнерусских городов, в надежде на пощаду сдались добровольно. Но монголы истребили в городе всех жителей, хотя нередко в подобных случаях они не трогали побежденных. Волынские города подверглись разорению; только расположенный на неприступной горе Кременец, город Данилов да любимый князем Холм не поддались захватчикам. Пример этих трех городов наглядно показал, что мощные оборонительные сооружения в сочетании с мужеством и твердостью защищающих их гарнизонов создают реальные условия для успешного противостояния монголам. Этот пример не прошел мимо внимания современников и, безусловно, учитывался князем Данилой в последующие годы при разработке планов борьбы с кочевниками.

Монголы меж тем продолжали опустошать княжество. История не сохранила подробностей штурма одной из столиц Галицко-Волынского княжества — Владимира. Но археологические иссле-

дования свидетельствуют о крайнем ожесточении сражения и о невиданной жестокости победителей, забивавших железные гвозди в головы побежденных. Пал и Галич, а княжий двор и дружина перебрались в неприступный Холм. Застигнутые врасплох обитатели многих городов и сел бросали свои жилища, скрывались в лесах или бежали, сами не зная куда. Кровавый путь монголов через Галич и Волынь продолжался 4 месяца.

Тысяцкий Дмитро, спасая свою землю от дальнейшего разорения, заявил Батью, что надо спешить в Венгрию, иначе венгры и немцы соберутся против монголов с большою силою. Вряд ли его слова имели решающее значение для определения дальнейших планов кочевников, однако их армия, разделившись на два корпуса, покинула земли Галича и Волыни. Одна часть завоевателей ринулась через Карпаты в Венгрию, а другая — через Польшу в Силезию и Моравию: начался их знаменитый европейский поход, о котором мы расскажем подробнее в очерке о жизни Александра Невского.

Во время разорения княжества монголами Данило был в Венгрии, куда выехал с сыном Львом еще до появления войск кочевников. Галицкий князь предлагал королю Беле заключить союз против хана и скрепить его браком Льва с венгерской принцессой. Однако Бела, надеясь, что монголы не дойдут до Венгрии, считал опасным связывать будущее своего королевства с судьбой Галицко-Волынского княжества. Ни политический, ни брачный союз заключить не удалось, король Бела на тот раз отказал Галицкому князю. "Предсказав королю гибельное следствие такой системы, Даниил, — по словам Карамзина, — спешил защитить свое княжение, но поздно: толпы беглецов известили его о жалостной судьбе Киева и других наших городов знаменитых". В отношении судьбы Венгрии князь Данило оказался полностью прав; уже в апреле 1241 г. монголы вторглись в королевство и подвергли его безжалостному разгрому.

Князь Данило приехал из Венгрии в разоренное, еще дымящееся после ухода завоевателей княжество, и, не зная, где находится его семья и брат, отправился в Польшу. Там свиделся он с княгиней, детьми и братом Васильком, которые укрывались от монголов в городе Вышгороде, предоставленном им для содержания князем Болеславом Мазовецким.

В начале 1241 г. князь Данило вернулся на родное лепелище.

По сведениям источников вместе с братом Васильком он отправился в Берестье, но не мог приблизиться к городу от смрада гниющих тел. То же представилось им во Владимире, где они не встретили ни одной живой души, а все церкви были наполнены горами трупов. Видимо жители во время нашествия монголов искали убежища в церквях и там погибли.

Как и отцу Александра Невского, князю Ярославу во Владимиро-Суздальском княжестве в 1238 г., князю Даниле пришлось отстраивать жилища и собирать остатки населения, делать все возможное для восстановления разоренного княжества. Отметим, что монгольская армия, пройдя в 1240—1241 гг. по Галицко-Волынской земле разрушительным ураганом, безусловно, оставила после себя ужасные, но, за исключением гибели населения, поправимые следы. Неслучайно летописи отмечают оживленное строительство городов в западных княжествах после ухода монголов. Своей столицей Данило сделал уцелевший в огне нашествия Холм.

Одновременно с налаживанием жизни людей нужно было еще восстанавливать и свою власть — подняли мятеж галицкие бояре. Не успел Данило подавить его, как вновь столкнулся со своим племянником — князем Ростиславом, который по-прежнему претендовал на Галич. Ростислава, женившегося на дочери короля Бельи IV Анне, в этой борьбе поддерживала Венгрия. В союзе с ним выступили и князья болоховские, одна из загадок отечественной истории. Эти были мелкие князья, как будто даже не Рюриковичи, а реликт древнего славянства. С их помощью Ростислав попытался было овладеть городом Бакотою в Понизье, но не успел, так как Данило стремительно расправился с болоховскими князьями.

По мнению историков Данило имел полное право покарать болоховцев за неблагодарность, так как ранее избавил их от мазовецкого князя Болеслава и даже чуть было не воевал из-за них с поляками. Наказывая их за союз с Ростиславом, Данило вступил со своим войском в 1242 г. на болоховские земли, взял и сжег города: Деревич, Губин, Кобуд, Кудин, Городец, Божский и Дядьков. При этом его не остановило то обстоятельство, что эти князья были под покровительством монголов. Для того чтобы действовать в столь удаленных от их родины странах, кочевникам были нужны обеспеченный тыл и снабжение. Поэтому они искали в Руси друзей и нашли их в Болоховской земле, чьи князья быстро договорились с завоевателями. Во время нашествия мон-

голы оставили в покое болоховские княжества и даже освободили их от набора в свое войско при условии, что болоховцы будут снабжать их войско пшеницей и просом. Судьба этой старинной и богатой земли была печальна: князь Данило зная перебил, а население разогнал, подорвав тем самым снабжение монгольских войск. Возвращаясь из европейского похода, Батый приказал найти Данилу, но тот быстро ушел из Холма на Волынь и посланные за ним монгольские отряды вернулись ни с чем, ограничившись привычными грабежами.

* * *

После ухода монголов ситуация в княжестве продолжала оставаться сложной. Ростислав привлек к борьбе за Галичину малопольского князя Болеслава Стыдливового, женатого на другой дочери венгерского короля Белы. К Даниле и его брату Васильку присоединились литовцы его верного союзника Миндовга и поляки Конрада, который, обжегшись на приключении с Дорогичином, решил, что лучше снова стать союзником галицко-волынского князя. Но Данила провел всю кампанию против Ростислава и его коалиции так стремительно, что подкрепления, посланные ему Миндовгом и Конрадом, опоздали. Вместе с Данилой в этой военной компании выступили несколько древнерусских князей, пришедших на службу к Галицко-Волынскому правителю.

Из подробного описания этой войны, которое можно найти в книге Н. Котляра "Данило Галицкий" видно, что события развивались вполне в рамках европейских рыцарских традиций ведения боевых действий. Осадив хорошо укрепленные Перемышль и Ярослав, войска под руководством венгерского воеводы Фильния и князя Ростислава вели планомерную осаду с применением осадной техники, а гарнизоны городов производили отважные вылазки с целью уничтожения таранов, баллист и катапульт врага. Осаждавшие войска устроили меж тем под стенами города Ярослава рыцарский турнир.

В это время князь Данило и Василько, понимая, по выражению Н. Котляра, "что на карту поставлена судьба их такими трудами и мучениями созданного государства", тщательно готовились к генеральному сражению. Завершив подготовку, войско во главе с Романовичами выступило из Холма. Впереди шли сторожевые отряды, за ними — авангард под командованием воеводы Андрея, да-

лее двигались главные силы под командованием самого Даниила. Когда полки форсировали реку Сян, князь перестроил их из походного в боевой порядок, и войско неспешно ("с тихостью") и грозно пошло на врага.

Оставив возле осажденного Ярослава часть пехоты для предотвращения возможной вылазки горожан, воевода Фильний двинулся с ударными полками навстречу войску Романовичей. Решающая битва состоялась 17 августа 1245 г. близ города Ярослава. Оставив главное командование в этом сражении за собой, князь Данило подготовил своим противникам неожиданный тактический сюрприз. Согласно традиционной средневековой военной тактике, применявшейся и древнерусскими полководцами, отборные дружины во главе с командующим становились в центре боевого строя. Именно сюда атакующая сторона наносила основной удар, главные силы противников вовлекались в боевые действия с самого начала сражения, и исход битвы решало своевременное использование резервов, так называемых "засадных" полков.

В битве при Ярославе князь Данило полностью отказался как от привычного, а следовательно хорошо известного противнику расположения сил, так и от использования "засадного" полка. В центре позиции он разместил "малую дружину" под руководством воеводы Андрея, которая и должна была принять на себя основной удар венгерских рыцарей. Правый фланг занял полк под командованием князя Василька, ратникам которого было поручено сдерживать натиск польского рыцарства. Сам же Данило со своими отборными воинами встал на левом фланге.

Ослабив центр своей позиции, князь Данило сознательно допускал, что рыцари главного полка Фильния потеснят малочисленную дружину воеводы Андрея. Но это неизбежно должно было нарушить и собственный боевой порядок венгров, что давало возможность нанести им удары с фланга. Завершить разгром противника должен был мощный натиск из вражеского тыла совершившей обходной маневр тяжеловооруженной конницы русинов под командованием самого Даниила. При всей красоте такого замысла опасность его состояла в том, что вступившие в бой войска могли не перегруппироваться для обходного маневра, который обычно совершали "засадные" полки, не участвующие непосредственно в битве. Решиться на такой маневр в ходе боя мог только полководец, абсолютно уверенный в выучке и дисциплинированности своих

войск. Как показал исход битвы под Ярославом, Данило обладал именно таким войском, и замысел князя принес ему полный успех.

Фильний, увидев малочисленность полка Андрея, велел Ростиславу с большим отрядом выбить его с позиции. Одновременно польские рыцари ударили на полк князя Василька. Битва завязалась одновременно на нескольких участках. По описанию Н. Котляра, сдерживая натиск превосходящих сил Ростислава, Андреева дружина медленно отходила, точно выполняя стратегический план Данилы. Князь, который внимательно следил за развитием битвы, все время посылал подкрепления Андрею, чтобы тот связал как можно больше сил врага. Венгерский воевода Фильний, находившийся в заднем полку, кричал: "Русь плохо бьется, выдержим их первый напор: они не вытерпят сечи на долгое время". Перелом в ход боя внес полк "правой руки" князя Василька. Хвастливые польские воины, которые только что кричали: "Погоним длиннобородых!", не устояли и побежали от ратников Василька.

Наступил решающий момент сражения, когда необходимо приложить дополнительное мощное усилие, чтобы склонить победу на свою сторону. Данило, точно уловив этот момент, с частью своей дружины зашел через густой кустарник в тыл рыцарского полка Фильния, который венгерский военачальник приберегал для победного удара. Во главе своих воинов Данило ударил по венгерским рыцарям и смял их. "Сеча была отчаянной, — пишет Н. Котляр, — опасность угрожала и самому князю: его было схватили венгры, но Данило вырвался из вражеских рук". Рядом с Данилой бился его сын Лев, будущий Галицкий князь, который сломал свое копьё о доспехи самого Фильния. "Данило с лучшими дружинниками пробился в гущу вражеского войска, схватил хорутвь венгров и порвал ее на куски. Это, — по словам Котляра, — оказало разительное психологическое воздействие на врага". Рыцари стали покидать поле боя. Увидев, что венгры и поляки бегут, побежали и войска Ростислава. Победа была полной. Воевода Фильний был схвачен, приведен к Даниле и казнен вместе с попавшими в плен галицкими боярами.

Учитывая трагический конец воеводы Фильния, трудно предположить, какая участь постигла бы основного противника Романовичей — князя Ростислава, если бы он попал в руки победителей. Однако счастливая звезда князя Данилы избавила его от необходимости быть вершителем судьбы собственного племянника, не

омрачила радость победы столь тяжкой ответственностью. Ростислав с остатками своего воинства бежал в Венгрию, где тесть Бела дал ему в удел Мачву на Саве. После этого имя князя Ростислава уже более не встречается в древнерусской истории, но отнюдь не исчезает бесследно. Знаменитое еще со времен Киевского князя Ярослава Мудрого гордое имя Рюриковичей было в Европе по-прежнему в цене. Это и позволило изгнаннику Ростиславу выдать свою дочь замуж за повелителя Болгарии, а затем стать дедом болгарского царя Ивана III Асеня.

Итак, начавшаяся после смерти великого Романа и продолжавшаяся 40 лет война за существование под властью его наследников единого Галицко-Волынского княжества была, наконец, завершена. Никто более не оспаривал права Данилы на Галич и Волынь, на земли княжества пришел мир, а его повелитель стал одним из сильнейших правителей в славянском мире. Под "рукой" Данилы отныне были Волынское и Галицкое княжества, Подолье, часть Киевского княжества. Военные силы объединенного княжества получили пополнение за счет дружин черниговских князей, которые, спасаясь от монголов, получили от Галицкого князя волости для "кормления" и обязались выступать вместе с его войсками.

Анализируя победу князя Данилы под Ярославом, российский историк Л.Н. Гумилев писал: "Место ее в истории требует дополнительного анализа. Война на Карпатах принципиально отличалась от войны в Прибалтике. Александр Невский защищал свой суперэтнос и его культуру от железного натиска католической Европы... Поэтому он отказывался от любого культурного обмена с Западом, даже от дозволения религиозных диспутов.

На юго-западе война носила другой характер. Бела IV Венгерский, Болеслав Стыдливый Малопольский и примкнувший к ним Ростислав Черниговский состояли в гвельфском блоке. Конрад Мазовецкий призвал на свою землю Тевтонский орден, стоявший на стороне Гогенштауфенов; Даниил Романович продолжил традицию своего отца, ставшего союзником гибеллинов, а Миндовг, язычник, готов был бить католиков, где только возможно.

Таким образом, очевидно, что в Карпатах решался вопрос не о защите православия от католичества, разумеется не в религиозном, а в этническом плане, а об участии Южной Руси в западноевропейской политике, осью которой была борьба императоров против пап. Черниговские князья примкнули к папистам и приняли участие в

Лионском соборе 1245 г., а Даниил Галицкий оказался союзником Фридриха II, отлученного бежавшим папой Иннокентием IV".

Далее Гумилев с пафосом восклицает: "А Русь? Она в этой войне была ни при чем". Для основателя направления в российской истории, называемого "евразийским", привыкшего противопоставлять Русь Европе, это, возможно, и правильно, но более чем странно. Войны, в которых иностранные войска находятся на нашей территории с целью свержения законной власти и имеют в своих рядах марионетку, готовую править под их контролем, всегда назывались отечественными войнами. И то обстоятельство, что князь Данило состоял в каких-то европейских союзах (о чем, кстати, упоминает только сам Гумилев) ровным счетом ничего не меняет. Так ведь и о войне 1812 г. можно сказать, что Русь тут была ни при чем только на том основании, что Россия тоже состояла в союзе европейских государств и не всегда действовала строго в своих интересах. Справедливым это высказывание Л. Н. Гумилева может быть только в одном случае: если, вопреки исторической правде, распространять понятие "Русь" только на Владимиро-Суздальскую и Новгородскую земли, исключив из него Галичину и Волынь, но с этим вопросом мы уже ранее достаточно разобрались.

Да и не могли проблемы гибеллинов и гвельфов, или судьбы германского императора и Папы Римского решаться под стенами далекого от них карпатского города Ярослава — лукавит тут уважаемый Лев Николаевич. От исхода этого сражения зависело не столько будет ли Галицко-Волынское княжество участвовать в западноевропейской политике, сколько сохранит ли оно вообще свою независимость, не превратится ли вновь в бесправное владение венгерских королей или их ставленников. Так что Русь тут была очень даже при чем, а день битвы под Ярославом — 17 августа 1245 г. — по праву является одной из самых знаменательных дат в ее истории.

* * *

Казалось, после победы под Ярославом власти Галицкого князя больше ничто не угрожало... Но в этом же победном 1245 году к Даниле неожиданно прибыли послы от Батыея с грозным словом хана: "Дай Галич!"

По мнению Л.Н. Гумилева: "Победитель венгров, поляков и крамольных бояр пришел в ужас. Война с татарами была весьма невыгодна, даже безнадежна, потому что волынское войско одер-

живало победы путем крайнего напряжения сил и, естественно, было утомлено. Воины не фигуры на шахматной доске, где, выиграв одну партию, можно начинать другую".

Насчет ужаса, испытанного Данилой, историк явно преувеличил. Ни одного из древнерусских князей, являвшихся профессиональными воинами, нельзя упрекнуть в отсутствии личного мужества. Они ехали в Орду даже тогда, когда заранее знали, что их ждет верная гибель. Князь Данило не был исключением в этом славном ряду. Поэтому нам представляется гораздо более точным выражение летописи: "Данило запечалился".

Во всем остальном Гумилев абсолютно прав — победно закончившаяся сражением под Ярославом война с венграми и их союзниками далась нелегко и уж никак не могла рассматриваться в качестве разминки перед войной с неизмеримо более сильным противником. Бесчисленные войны за возвращение отцовского наследия и тяготы восстановления княжества после монгольского нашествия 1240—1241 гг. не дали Даниле возможности собрать достаточно сил, и он был не в состоянии самостоятельно дать отпор кочевникам. Да и существовала ли то время в мире страна, которая в одиночку, без создания мощной коалиции, могла бы противостоять татарской силе?

При оценке политической ситуации, сложившейся в западных княжествах Руси после монгольского нашествия, не следует также забывать, что князь Данило, собственно, не имел формального повода для подготовки к войне с ордынцами. Монголы, пройдя в 1240—1241 гг. огненным валом по землям Галича и Волыни, гарнизонов в покоренных городах не оставили и на протяжении пяти последующих лет никаких попыток подтвердить свое господство над княжеством не предпринимали. До сих пор Данило не являлся и не считал себя данником хана, и казалось, что участь северных древнерусских князей, которые еще несколько лет назад были вынуждены поклониться монголам, миновала Галицко-Волынского князя. Однако это оказалось не так, хан потребовал себе одно из княжеств Данилы.

Обсудив сложившееся положение со своим окружением, Данило решил: "Не дам полутчины своей, сам поеду к хану". Было очевидно, что безропотно уступив Галич, Данило не только потерял бы землю, приобретенную в результате столь напряженных усилий, но ему угрожала бы и иная беда: отняв Галич, монголы не ос-

тавили бы в покое и остальные владения князя. С другой стороны, изучавшие этот вопрос В. Пашуто, А. Насонова и другие историки обратили внимание на то, что Батый тоже проявлял определенную осторожность. Географическая удаленность Галицко-Волынского княжества от Золотой Орды и его тесные связи с Европой, равно как и обострение борьбы за власть в монгольской империи, обусловили "скромность" первоначальных требований хана — отдать только Галич (пол-отчины, как сказал князь), не упоминая при этом Волынь. Очевидно, не укрылась эта осторожность Батые и от внимания Галицкого князя. Но проверить правильность этих предположений, а главное — установить ясность во взаимоотношениях с монголами, можно было только в Орде, и князь Данило решил ехать к хану.

26 октября Данило отправился в Сарай, предварительно заручившись, по свидетельству де Плано Карпини, охранной грамотой, за которой посылал в Орду. Эта поездка в Сарай датируется различными источниками по-разному, указывают то 1245 г., то 1246 г. Возможно, и те и другие правы, так как выехал Данило в конце года, поездка, пребывание в Орде и дорога обратно заняли определенное время, поэтому, скорее всего, вернулся он домой уже в начале следующего года. Проезжая по пути в Орду через Киев, Данило остановился в Выдубицком монастыре и просил монахов помолиться о нем. В Переяславле его встретил ханский темник Куремса, тот, с которым через несколько лет Даниле придется сражаться, и проводил князя в путь.

По описаниям в летописях, хан Батый принял князя Данилу ласково, разрешил ему пить на пиру вместо кумыса вино, что было проявлением высшей любезности, и выдал ему ярлык на власть в его княжестве. Однако вряд ли стоит сомневаться в том, что Даниле не удалось избежать и унижительных процедур поклонения хану, через которые проходили все древнерусские князья. Собственно, современник-летописец, скорбя об унижении, пережитом князем, прямо пишет: "О злее зла честь татарская! Даниил Романович, Князь великий, властелин Руской земли, Киева и Владимира, и Галича, и иных стран, ныне сидит на коленях и холопом называется, и дани хотят, и жизни не чает, и грозы приходят. О злая честь татарская! Его же отец был царь в Руской земле, он же покорил Половецкую землю и воевал во многих других странах, если сын не принял его чести, то кто иной может принять". Пробыл Данило в

Орде 25 дней, после чего был отпущен. Родные встретили его возвращение с радостью и с грустью: они радовались, видя, что он воротился жив и здоров, и скорбели о его унижении. Судя по приведенным выше словам летописца, вместе с князем и его семьей это унижение чувствовала вся Русь.

Историки, по-разному оценивают результаты поездки Даниила. "Евразиец" Л.Н. Гумилев уверен, что "...для обоих это был большой политический успех. Батый обеспечил свою западную границу от внезапного нападения крестоносцев, ибо папа Иннокентий IV на Лионском соборе 1245 г. объявил крестовый поход против татар, а Даниил после поездки в Сарай заявил свои права на преемство киевских князей, назначил своего "печатника" (хранителя печати) митрополитом, в 1246 г. отправил его на утверждение к патриарху в Никею и заключил мир с Венгрией". Но если это действительно был удачный договор, то почему он же вызвал на Волыни и Галиче, по образному выражению С.М. Соловьева, "плач об обиде князя"? Ответ на вопрос о том, почему ни народ, ни князь Данило не могли принять этот навязанный силой и унижениями "договор", дает сам Л.Н. Гумилев в работе "Древняя Русь и Великая степь": "Казалось бы, Даниил должен быть доволен, но он был человеком своего времени и его настроений, которые на Волыни были прозападническими. Поэтому летописец написал роковую фразу: "О, злее зла честь татарская", определив тем самым будущее своего народа, своей страны, своей культуры... Против такой категорической антипатии к татарам князь не мог ничего предпринять, даже если бы он этого хотел. Но, по-видимому, он был заодно со своим народом". Хотел того Гумилев, или это получилось невольно, но он высказал наивысшую похвалу для правителя любого государства — в час тяжелых испытаний князь был заодно со своим народом, потому-то народ и скорбел об унижении своего государя.

Известно, что хан сделал Данилу своим "мирником". Расшифровывая это понятие, Н. Яковенко отмечает, что благодаря Даниловым дипломатическим усилиям Галицко-Волынскому княжеству удалось достичь более мягкой формы зависимости от Золотой Орды, чем Киевщине и Черниговщине. От себя добавим, что условия этой зависимости тем более не шли ни в какое сравнение с порядками, введенными монголами в северо-восточных княжествах, получивших в истории название "иго". После поездки Даниила в 1245 г. "на поклон" в Сарай, продолжает Н. Яковенко, правители Галичины и

Вольни считались не слугами, а федератами хана: они должны были посылать собственное войско для монгольских походов, но регулярной дани, сопровождаемой переписью населения, не платили. А вот совместные с войсками монголов походы пришлось совершать в качестве "мирников" не один раз: в 1258 и 1277 гг. на Литву, в 1259—1260 и 1286—1288 гг. на Польшу, в 1285 г. — на Венгрию. Эти походы, являвшиеся платой за мир на землях княжества, имели и негативную сторону, серьезно осложнив отношения князя Данилы и его потомков с соседними государствами.

* * *

После благополучного возвращения из ставки Батыея, репутация Данилы на Руси и в мире неизмеримо выросла. Но сам князь, очевидно, и дальше болезненно переживал унижение, которое испытал в ханском шатре. Более поздняя политика Данилы показывает, что "...он не имел намерения оставаться послушным слугой татарского хана".

Получив ярлык на владение своими же собственными землями и вернувшись на Русь, Данило стал предпринимать энергичные усилия для того, чтобы сплотить все силы для борьбы с Ордой. По словам Н. Яковенко, князь отчетливо понимал всю бесполезность ожиданий помощи от других древнерусских князей, поглощенных своими проблемами. Поэтому во время княжения Данилы началась заметная переориентация внешних контактов Галицко-Волынского княжества. Его то партнерами, то противниками все больше становятся западные соседи: венгерские короли, краковские, мазовецкие и силезские князья, немецкие императоры.

Именно об этом периоде жизни и деятельности галицко-волынского князя Н.И. Карамзин писал: "Отечество наше рабствовало от Днестра до Ильмена. Даниил Галицкий, будучи смелее Александра, тщетно думал по смерти Батыея избавиться от власти монголов. Деятельностию ума необыкновенного восстановив свое княжение и загладив в нем следы татарского опустошения, он брал участие в делах Европы..." Заметим, что с этого периода историки начинают уже непосредственно сравнивать деятельность и судьбы наших героев - князя Данилы и князя Александра.

Практически одновременно с поездкой Данилы в Орду были установлены контакты Романовичей с Папой Римским. В то время папа Иннокентий IV направил к хану Батыею посольство во главе с

де Плано Карпини, который по пути в Орду должен был провести переговоры с Данилой. В связи с отсутствием самого князя, папский посол встретился во дворце Конрада Мазовецкого в Кракове с его братом Васильком и имел с ним предварительный разговор. В ходе встречи младший Романович пригласил де Плано Карпини посетить Галич. Приглашение было принято, папский посол прибыл в столицу Галичины и провел там несколько дней. Во время пребывания в Галиче де Плано Карпини встретился с православными епископами и огласил буллу папы Иннокентия от 25 марта 1245 г., в которой содержался призыв к христианам вернуться к единой "матери церкви". Как видим, призывы об объединении церквей папский престол обращал не только к светской власти, но и к православным иерархам. Однако князь Василько и присутствующие епископы уклонились от какого-либо ответа посланцу Рима под тем предлогом, что не могут решить этого дела без своего повелителя.

В конце февраля — начале марта 1246 г. где-то между Днпром и Доном состоялась личная встреча де Плано Карпини с Данилой, возвращавшимся из Орды. Галицкого князя особенно заинтересовало сообщение папского посла о созыве Иннокентием IV Вселенского Собора в Лионе для организации антитатарского союза европейских государств. Известно, что князь Данило затем послал в Лион для участия в работе собора епископа Вольтинского Петра Акеровича. Во время собора посланец князя неоднократно выступал с призывами к Папе Римскому и присутствующим европейским государям организовать крестовый поход против монголов.

В ходе дальнейших переговоров с папской курией послу князя Данилы, игумену монастыря Горы святого Данилы Григорию, удалось добиться признания неприкосновенности греческого (православного) обряда. Также Папа подтвердил законность прав Романовичей на их владения, что было крайне важно из-за постоянных территориальных притязаний соседних католических государств, и запретил рыцарям Тевтонского ордена селиться на землях княжества без разрешения его правителей. В мае 1246 г. Папа издал три буллы, в которых называл Данилу "Руским королем", объявлял о том, что принимает Галицкого повелителя и его государство под протекцию престола святого Петра и грозил Божьим и своим гневом всем врагам Данилы. "Приобщиться к этому европейскому союзу против татар, — пишет М. Грушевский, — получить себе с запада помощь ценой унии было очень

привлекательно, а признать над собой церковное старшинство Римского Папы не было страшно при таком близком соседстве с католическими народами, при том отсутствии всякой религиозной исключительности, которую я отношу к примете, наиболее характерной для наших западных земель".

Возвращаясь из Орды летом 1247 г., де Плано Карпини снова побывал в гостях у Данилы и Василька. Тогда же он узнал, что галицкие князья направили своего посла к Папе Римскому. Встреча с де Плано Карпини придала новый импульс переговорам и вскоре Папа прислал специального посла — епископа веронского и камбренского Якова Браганца. Посол привез королевские регалии: венец, скипетр, корону и передал Даниле слова понтифика: "Сын! Прими венец королевский". Но Данило отклонил предложение Иннокентия IV принять королевский сан, заявив: "Рать татарская не прекращает набеги. Плохо они живут с нами. Как же могу я принять венец без помощи твоей?" Комментируя этот эпизод из рассказа летописца, М. Грушевский справедливо замечает, что коронация Данилы могла спровоцировать еще большую вражду татарских ханов, которая в отсутствие папской помощи создала бы угрожающую опасность для Галицко-Волынского княжества. Вскоре переписка между высокими сторонами надолго прервалась, так как в основном вопросе — о помощи Европы против монголов — не было достигнуто принципиального согласия.

* * *

Неудача в переговорах с папским престолом не поколебала решимости князя Данилы создать мощный союз против монголов, а в делах религиозных он по-прежнему опирался на православие. Главой православной церкви Руси являлся Киевский митрополит, но митрополичья кафедра пустовала уже несколько лет, так как прежний митрополит Иосиф погиб в 1240 г. во время нашествия монголов. После завоевания Киева кочевниками, городом фактически управляли татарские наместники, при этом столица бывшей Руси находилась в формальной зависимости от владими́ро-суздальских князей. Поэтому избрание новым митрополитом представителя не Владимиро-Суздальского, а иного княжества Руси, да еще и не платившего дань монголам, было делом далеко непростым. Тем не менее, в 1243 г. Даниле удалось обеспечить избрание Киевским митрополитом своего ставленника Кирилла, занимавшего до этого

епископскую кафедру в Холме. Как упоминается в приведенной цитате Л.Н. Гумилева, Кирилл до избрания его митрополитом являлся также печатником Данилы, или, в европейской терминологии, канцлером. Такая придворная должность была незнакома иным древнерусским княжествам, но имела широкое распространение в Западной Европе. О всей незаурядности личности нового Киевского митрополита свидетельствует то обстоятельство, что совмещающая высокие духовные и административные посты, он был в добавок еще и хорошим полководцем.

Несколько позднее, в 1250 г., по совету Данилы митрополит Кирилл направился к патриарху Константинопольскому на утверждение. Поскольку обычный путь был закрыт отрядами монголов, Кирилл, по предложению венгерского короля, ехал через Венгрию. Бела гарантировал ему безопасный проезд через католическую Латинскую империю в Никею, где находился патриарх после завоевания Константинополя крестоносцами, и обратно. Вскоре после возвращения митрополита Кирилла от патриарха его пути с Галицко-Волынским повелителем разошлись, но в рамках нашего повествования интересно отметить, что, начиная свой путь в качестве сподвижника князя Данилы, митрополит Кирилл стал затем таким же верным единомышленником другого нашего героя — князя Александра Невского.

Помимо взаимодействия с церковными иерархами, в описываемый период князь Данило вел активные переговоры со светскими государями, скрепляя дипломатические договоренности брачными союзами. Король Венгрии Бела отдал за сына Данилы Льва свою дочь Констанцию. Галицкий летописец очень просто объясняет такое изменение позиции короля: "Потому, что он боялся его, так как побывал тот у татар, победил Ростислава и его венгров". Предложение о свадьбе было выдвинуто венгерской стороной, но на сей раз уже Данило не спешил его принять. Король Бела прибег к посредничеству митрополита Кирилла и получил согласие на брак только после того как дал клятву, что не изменит очередной раз своему слову. Свадьбу отпраздновали летом 1247 г. в Изволине, и Данило, в знак примирения, передал королю венгерских пленников, захваченных во время Ярославской битвы. Правда, как отмечает А. Боргардт, несмотря на мир, честолюбивый Бела IV оставил за собой титул "короля Галича и Лодомера", присвоенный когда-то его отцом.

На укрепление положения княжества и обретение союзников были направлены и дальнейшие "брачно-дипломатические" усилия Даниила. В 1248 г. он выдал дочь Переяславу за сына мазовецкого князя Конрада — Земовита, в 1250-м — другую дочь, Доброславу — за великого Владимиро-Суздальского князя Андрея Ярославича, младшего брата Александра Невского.

Между тем дружба и союз с королем венгерским потребовали от Даниила сосредоточить усилия на европейских делах. Королю Беле нужна была помощь в начавшемся в 1252 г. споре за австрийское наследство. Казалось, конфликт удалось уладить во время встречи с представителями императора в Пожге. Здесь Данило виделся с немецкими послами, которые удивлялись необычной экипировке князя и его свиты, их блестящему татарскому оружию и коням, покрытым кожаными доспехами. Во время официальной церемонии Данило ехал рядом с венгерским королем; седло под ним было обито чистым золотом, стрелы и сабля позолочены. На князе был "кожух" (конечно, не тулуп, так как тогда был знойный день) греческой материи с кружевами и золотой тесьмой; обут был Данило в зеленые сафьянные сапоги, также вышитые золотом. Его превосходный породистый конь вызывал удивление и похвалы присутствующих на церемонии гостей. "Твой приезд, по обычаю русских князей, дороже мне тысячи серебра", — сказал ему во время приветствия венгерский король.

Однако улаженный, казалось бы, в Пожге спор за австрийское наследство вскоре возобновился, и в него оказались непосредственно вовлечены князь Данило и его сын Роман, женившийся в том же 1252 г. на дочери австрийского герцога Фридриха — Гертруде. Этот брак давал галицким князьям реальную возможность утвердить Романа в обладании Австрией, что значительно усилило бы их позиции в Европе. В ходе начавшейся войны Данило в союзе с Белою и польским князем Болеславом Стыдливым, совершил поход в чешские владения. Поход этот ощутимых результатов союзникам не принес и замечателен только тем, что, по выражению летописца, ни один древнерусский князь не заходил так далеко на запад.

В то же время, при посредничестве короля Белы, князь Данило, несмотря на различные подходы сторон к вопросу коронации, возобновил контакты с Папой Римским. В конце августа 1253 г., когда Галицко-Волынский повелитель возвращался из похода против Чехии, в Кракове его встретил легат Иннокентия IV аббат

Опизо, который привез Даниле "благословение от Папы и венеч, и сан королевский". Но князь вновь отклонил предложение римского первосвященника, заявив его посланцу: "Не подобает мне видеться с вами в чужой земле. После!"

В Австрии меж тем продолжалась война. Роман Данилович, осажденный в Гимберге близ Вены, вместе с женою терпели нужду, напрасно ожидая помощи от короля Бельи. Противник Романа в борьбе за австрийское наследство чешский королевич Оттокар, женатый на сестре Гертруды, сделал ему предложение: "Оставь короля угорского: он тебе много обещает, но ничего не исполнит; ты мне свояк... Немецкая земля будет разделена мною и тобою... ставлю в том тебе свидетелями Папу и двенадцать епископов". Но Роман, следуя нравственным правилам своего отца, никогда не изменявшего своим союзникам, ответил: "Я дал обещание королю угорскому, своему тестю: не могу тебя послушать. Стыдно и грешно не исполнять данного слова". Предложение Оттокара Роман передал венгерскому королю Беле, однако помощи от него так и не получил.

Более того, король Бела предложил Гертруде и Роману произвести обмен австрийских замков, которые поддерживали супругов в их борьбе, на венгерские города. Это предложение отвергла уже жена Романа — Гертруда. Их положение все ухудшалось, и в конце 1253 г. сын Данилы был вынужден бежать из Австрии.

Галицкий летописец предполагает, что одной из причин побега Романа было намерение получить помощь от отца, однако Данило, силы которого были связаны подготовкой к отражению нападения татарского темника Куремсы и литовскими набегами, помощи оказать не мог. Борьба за австрийское наследство вскоре завершилась соглашением между королем Белой и принцем Оттокаром. Брак Романа и Гертруды, имевших совместную дочь Марию, был расторгнут. Вскоре Роман получил от союзника своего отца литовского князя Войшелка в удел Новогрудок, а также некоторые бывшие волыньские города с землями. Притязания галицких князей на одну из самых привлекательных корон Европы — австрийскую, закончились неудачей.

* * *

Преобразование Романа из австрийского герцога в литовского князя стало возможным в результате нового сближения Галицко-

Волынского княжества с Литвой. Между бывшими союзниками какое-то время происходили столкновения, и в 1253 г. сам Данило принял в них участие, опустошив прилегающие к Новогрудку земли; затем князь Василько с племянником Романом взяли Городец. В ответ сын Миндовга опустошил окрестности Турийска, но этот набег не оказал сколько-нибудь серьезного влияния на изменение ситуации в пользу литовцев, и Миндовг послал Даниле предложение мира и руки своей дочери для Шварна, сына Галицко-Волынского князя. Летописец рассказывает о мире, заключенном в конце 1255 г. между Данилой и сыном Миндовга, Войшелком, князем новогрудским; этот же Войшелк и стал посредником между Данилой и самим Миндовгом. По словам Соловьева, "...условия были так выгодны, что нельзя было не принять их: Шварн Данилович получал руку Миндовговой дочери, а старший брат его, Роман, получал Новогрудок от Миндовга да Слоним с Волковыйском и другими городами от Войшелка с обязанностью, впрочем, признавать над собою власть Миндовга". Получил Роман и новую жену — Елену, дочь Волковысского князя Глеба. Таким образом, Галицко-Волынский князь восстановил контроль над землями, расположенными севернее его владений, а сыновья Данилы стали оказывать политическое влияние на внутренние литовские дела.

Осенью 1253 г. в выдвинутом на запад волынском городе Дорогичине продолжились переговоры между князем Данилой и папским легатом Опизо, в ходе которых посланец Рима сообщил, что Папа проклял тех, кто хулил веру греческую православную, и намеревался созвать собор "об истинной вере, о воссоединении церквей". На этот раз переговоры закончились успешно. Снова процитируем Галицко-Волынскую летопись: "Тем временем Опизо пришел, неся венец, обещая: "Ты будешь иметь помощь от Папы". Но он все одно не хотел, и уговорили его мать, и Болеслав и Сомовит и бояре польские, говоря: "Принял бы ты венец, а мы есмо в помощь против поганых". Как видно из слов летописца, в переговорах с аббатом Опизо непосредственно участвовали мать Данилы — принявшая постриг княгиня Анна, польские князья Болеслав Стыдливый — сын князя Лешека и Сомовит — сын Конрада Мазовецкого, а также польские бояре. Понимая всю ответственность такого шага как коронация, Данило не хотел принимать окончательного решения без совета со своими союзниками и семьей.

Ситуация действительно была очень непростой. Корону нужно было принимать из рук католического первосвященника правителю, чья страна исповедовала православие. В аналогичной ситуации отец Данилы — князь Роман, и современник Галицко-Волынского правителя — князь Александр Невский ответили отказом. Да и сам Данило несколько лет назад тоже отказался от предложенной Папой короны. Причина его прежнего отказа, как мы помним, была более чем серьезной: опасность спровоцировать нападение монголов. Эта угроза, безусловно, сохранялась и в 1253 г., что же заставило князя Данилу кардинально изменить свое мнение?

Тема коронации Данилы Галицкого уже сама по себе имеет довольно длинную историю, ею занималось много российских и иностранных историков, которые свели всю сложность этого вопроса только к проблеме создания князем Данилой союза против монголов. Даже наиболее симпатизирующий Украине, украинцу по происхождению, Н.И. Костомаров писал: "Ему нужно было получить значение и силу в Европе, заручиться надеждой на помощь со стороны Запада в то время, когда он открыто отважится действовать против татар. Для этой цели нужно было сойтись ему с такой центральной силой, которая двигала всем западным миром. Такой центральной силой казался ему Папа".

Если же обратиться к тому, что написано о коронации Данилы Галицкого в Украине, то становится совершенно очевидным, что в большинстве своем отечественные историки слепо следуют по пути, проложенному ранее российской наукой, — рассматривают этот совершенно уникальный в истории всей Руси факт также только с точки зрения организации антиордынского сопротивления. Ученому миру, очевидно, странным показалось бы рассматривать значение коронации французских или английских государей только с точки зрения предотвращения внешней опасности, грозившей этим странам, но применительно к истории Руси это почему-то считается само собой разумеющимся. При этом историков не заставляет задуматься даже тот факт, что Данило сначала, как и его отец, отклонил предложение о коронации, но затем принял его, несмотря на сохраняющийся "татарский фактор". Видимо, их вполне удовлетворяет пояснение летописца о том, что Данилу уговорили мать и польские князья. Но если следовать этой логике, то надо допустить, что Галицкий правитель утратил разум и перестал осознавать всю опасность этого шага. На наш взгляд, если Данило, после мно-

голетних раздумий решился-таки принять предложение Папы, то, несомненно, он руководствовался при этом более серьезными соображениями, чем те, о которых пишут историки.

Нельзя сказать, что наша наука вообще ни понимает значения коронаций в жизни народов и государств. Украинский историк П. Исаев в своем исследовании "Причины упадка украинского государства в княжеские и казацкие времена" пишет, что вовне коронация означала полную независимость повелителя, полную его суверенность. Внутри края коронация поднимала одного из князей выше других и отдавала под его власть всех других князей и княжат данного края. Споры и борьба за престол могли продолжаться до тех пор, пока князья, правители или только кандидаты на престол не были коронованы. Коронация же прекращала всякие сомнения, дискуссии и борьбу за власть. Бунтовать против коронованной особы значило идти против всего религиозного сообщества, потерять его поддержку, так как власть короля была от Бога. Далее профессор П. Исаев отмечает: "Коронованный правитель обеспечивал одновременно право на престол только для своего рода и устранял претензии на престол других князей. Таким образом, корона являлась важным фактором, который объединял государство и народ в одно целое, иногда на долгие века. Поэтому церковные иерархи Западной Церкви, желая вывести свой край из удельной княжеской раздробленности и обеспечить мир и покой для края... доводили дело до коронации и таким способом объединяли свой край и народ в одно государство". Итак, через процедуру коронации католическая церковь, независимая от возникающих в Европе государств, свидетельствовала передачу власти государю от Бога, освящала светскую власть и делала правителя Божиим избранником. Поэтому каждый "помазанник Божий" — король или император — начинал свой титул и официальные обращения словами, на которые имел полное право: "Мы, милостью Божьей, король...". Так возник юридический термин и юридический порядок, который до нашего времени означает суверенитет центральной государственной власти по отношению ко всей территории и населению страны.

Если вспомнить бурную историю Галицко-Волынского княжества, бесконечную череду претендентов на его стол, становится очевидным, что коронация означала для Даниила не только надежду на союз с другими европейскими государствами, но и конец борьбы с "князьями и княжатами". Более того, корона позволяла объединить

государство в руках его рода и тем самым установить мир и покой в княжестве. Князь Данило, безусловно, понимал, что после его смерти возможно повторение событий, аналогичных тем, что последовали после гибели его отца — князя Романа. Механизмом защиты от повторения трагедии безвластия являлись коронация и право утверждать, что тебе, в отличие от твоих конкурентов, власть дана Богом. Такой порядок действовал во многих соседних европейских государствах, и с ним Данило был знаком с еще детства — со времени пребывания при дворе венгерского короля. Порядок, безусловно, несовершенный, но иного правового пути, к тому же освященного Церковью, в то время просто не существовало. Понимание важности факта коронации для будущего его государства и руководило Данилой, когда он вновь и вновь возобновлял переговоры с Папой, несмотря на всю опасность, которую корона могла повлечь за собой.

Но помимо этого общего понимания важности факта коронации, были, видимо, и какие-то конкретные обстоятельства, которые позволили князю Даниле в 1253 г. принять предложенную корону. В 1247 г., когда впервые возникла проблема коронации, имели место те же самые факторы: необходимость обеспечения преемственности власти и угроза нападения монголов, однако тогда Данило принял иное решение. Думается, ответ содержится в датах, указанных выше: 1247 и 1253 гг., а точнее, в тех изменениях, которые произошли между этими датами. Давайте сравним:

1247 год — князь Данило только что вернулся от хана Батая, войска утомлены после войны с венграми и Черниговским князем Ростиславом, города не восстановлены после монгольского нашествия и не укреплены, бояре еще надеются на реванш, в союзниках только литовский князь Миндовг и польский князь Конрад, но и те еще сражаются с собственными врагами;

1253 год — со всеми соседями, включая могущественного короля Венгрии, установлен мир и подписаны договоры о совместных действиях, внутри государства мир и покой, усмирены бояре, построены новые города и возведены мощные крепости, вооруженные силы реорганизованы и усилены, княжество завершает подготовку к победоносной войне против войск Куремсы.

При оценке столь впечатляющих различий становится очевидным, что шесть лет между двумя этими датами прожиты были Данилой не зря: он на вершине своего могущества и более не намерен

терпеть даже символической зависимости от кого-либо, в том числе и от хана. У него, наконец, есть все необходимое для схватки с монголами и нужен символ — корона, которая сплотит его подданных в единый народ, станет знаменем в освободительной войне. Поэтому, рассматривая коронацию Даниила Галицкого как фактор, необходимый для борьбы против захватчиков, нельзя ограничиваться только внешней стороной этой проблемы — привлечением иностранных союзников. Коронация, совершенная накануне вступления в открытую схватку с монголами, имела, по нашему твердому убеждению, значительно более важное внутрисударственное значение: **сплочение собственного народа вокруг своего Богом данного государя.**

К сожалению, как мы уже указывали, ни сама коронация, ни ее влияние на судьбы Галицко-Волынского княжества, на формирование государственного механизма и сплочение его народа, на воодушевление, наконец, войск княжества на одержанные вскоре победы над монголами, за редким исключением, не рассматриваются отечественными историками и не изучаются.

Мы же обратим внимание читателей на еще одно обстоятельство, не вызывающее интерес у историков: почему корона была получена Даниелой от Папы Римского, а не от Константинопольского патриарха, под чьей церковной юрисдикцией находилось Галицко-Волынское княжество. Дело в том, что у константинопольских иерархов получить корону можно было разве что с помощью силы, но это ставило под сомнение сам принцип божественного благословения.

На протяжении веков любые попытки правителей православного мира короноваться натывались на противодействие Византийского императора и Константинопольского патриарха. Причины такой жесткой позиции Константинополя изложены все в том же трактате Константина VII Багрянородного (905—959 гг.) "Об управлении государством", только цитата эта встречается редко: "Когда хазары, или турки..., или Русь, или какой-либо другой северный или скифский народ, как это часто бывает, начнут просить и добиваться, чтобы прислали им царское убранство, или орнаты за какую-то услугу или помощь, то нужно говорить так, что эти орнаты и короны, называемые у нас камелавками, сделаны не людьми, но присланы от Бога ангелом ... Константину и не могут быть ни взяты когда-нибудь из св. Софии, ни кому-нибудь отданы". По-

нятно, что речь здесь идет о получении, точнее об отказе в получении королевских (царских) регалий, а следовательно и королевского (императорского, царского) сана.

А далее Константин Багрянородный уточнил, что если кто-нибудь из этих варварских народов "...начнет добиваться, чтобы породниться с императором ромеев, взять у него дочь за себя или свою дочь выдать за императора или его сына, нужно тогда такими доводами отказать в этом нелепом желании, что и на сие есть запрет, страшное и незыблемое указание святого и великого Константина".

В том, что византийские цезари неуклонно следовали этому завету, каждый может убедиться, вспомнив, что Киевский князь Владимир Великий добывал себе в жены греческую принцессу с помощью вооруженного захвата византийской колонии Корсуни. Абсолютно справедливым является утверждение профессора Г. Чубатого о том, что "...в орбите восточного христианства не могли появиться новые короли, так как византийский цезарь этого не разрешал, а византийский патриарх никогда такого права, как Папа, в делах коронации не имел... Добровольно византийский император никогда никому титула короля или царя не даровал. Он вынужден был это сделать один раз, согласившись дать титул для болгарского царя Симеона, но только тогда, когда болгарский царь Симеон был так силен, что его железные полки стояли под воротами Царьграда и угрожали, что захватят его... Византия... сделала это под принуждением и вела такую политику, ... чтобы уничтожить болгарское государство, а с ней и церковную самостоятельность, что и произошло в 1018 г."

Как мы видим, у цезарей Константинополя корону можно было получить только силой. Но проблема-то еще и в том, что во времена Даниила Галицкого даже силой оружия этого сделать было невозможно. В 1204 г. Константинополь был взят крестоносцами, и до 1261 г. существовала не Византийская, а Латинская империя, подчинявшаяся тому же Папе Римскому. Цезаря не было, а укрывшийся в Никее патриарх, как нам известно, такими правами без императора не обладал. Поэтому все христианские правители, независимо от того, были ли они католиками или православными, могли в это время получить корону из рук только одного духовного пастыря — того, что восседал в Риме. Так что приходилось выбирать: или корона как символ сплочения народа или отстаивание принципов. Помнится в схожей ситуации, правда, несколько по-

зднее, гугенот Генрих Бурбон Наваррский произнес: "Париж стоит мессы", — что позволило ему стать великим королем Франции Генрихом IV.

Выбор Даниила также известен: он принял корону из рук папского посла. Очевидно, эти обстоятельства — принятие короны от Рима и невозможность ее получения от Константинопольского патриарха — и служат причиной сдержанного описания данного факта отечественными летописцами и историками. Не следует забывать, что древнерусские летописцы были православными монахами, а наследовавшие им историки царской России жили и писали в православной стране под контролем светской и церковной цензуры. Отсюда и стремление рассматривать значение коронации только во внешнеполитическом аспекте борьбы с монголами и редкие упоминания нового, королевского, титула Даниила, которого и после 1253 г. историки упрямо именуют князем. Ну а о том, что атеистическая советская наука в полной мере поддерживала такой православный подход к оценке факта принятия Даниилом королевского венца, читатели, видимо, уже догадались и без нашей подсказки.

Но вернемся к самой коронации Даниила Галицкого. Состоялась она в том же, самом западном, городе княжества — Дорогичине. Церемония происходила в присутствии митрополита Кирилла, епископов и иного высшего православного духовенства, бояр и других знатных людей княжества. Данила был торжественно помазан папским легатом Описо и коронован "королем Руси" регалиями, присланными Иннокентием IV. По мнению Н. Яковенко, к королевским регалиям, присланным Папой, относились корона, скипетр, держава, а также "престолы", упоминавшиеся источниками в связи со столичными кафедральными храмами Галича и Владимира.

Не подвергая сомнению сам факт коронации, различные авторы указывают ее различные даты: 1253, 1254 и даже 1255 гг., что лишний раз подчеркивает слабую исследованность темы. В появившейся недавно работе украинского автора В. Полека "Коронация и корона Даниила Галицкого" указывается, что, по утверждению польских источников, аббат Описо был в Дорогичине в декабре 1253 г., и коронация могла тогда же и состояться. Поэтому другая дата — вторая половина 1254 г. — является менее правдоподобной. По сведениям В. Полека, дата 1253 г. сообщается также в так называемых Теках Альберттранда, которые выписал польский иезуитский историк Альберттрэнд из Ватиканских архивов, и на которые ссы-

лался автор "Хроники города и церквей в Рогатине" Дмитрий Венский. Последний писал, что Данило Галицкий находился "...в стольном граде Галиче, в котором в году 1253 на короля русского коронован был, которому Папа римский Идоцентий Четвертый через своего делегата Опиза — Дядем и титул "светлого Короля русского" прислал". Этот малоизвестный источник также подтверждает первую дату коронации — 1253 г., но указывает иное место коронации — Галич. Однако в отличие от даты коронации, место ее проведения зафиксировано нашими летописцами точно: "Принял же Данило от Бога венец в городе Дорогичини...", — поэтому единственное указание Дмитрия Венского на Галич, видимо, может не приниматься во внимание.

Так Данило стал королем Руси, в полной мере оправдав оценку деятельности викингов, данную известным французским специалистом Жоржем Блона: "...они отправлялись в Западную Европу и Средиземноморье, чтобы основывать там герцогства, княжества и королевства". Многие Рюриковичи, потомки легендарных варягов, основывали и правили многочисленными древнерусскими княжествами, вели за них бесконечные войны. Но только один из них был королем, чья коронация не вызывает сомнения ни у историков, ни у иерархов христианской церкви, единственным, кто имел полное право использовать в своем титуле формулу "милостью Божьей" и передать ее по наследству. Несколько забегаю вперед, отметим, что титул короля Руси носил и внук Данилы — Юрий, но до сих пор сам факт его коронации ничем не подтвержден.

А как же царь Иван Грозный, — вправе спросить читатель? Ведь он тоже Рюрикович и "царь вся Руси". Верно — и Рюрикович, и царь, вот только с "милостью Божьей" не все хорошо. Давайте вспомним, как Иван Васильевич получил свой титул, а чтобы нас не обвинили в предвзятости, дадим слово российскому историку, автору книги "Рюриковичи. История династии" Е.В. Пчелову: "В январе 1547 года Иван объявил боярам и митрополиту Макарию, что хочет жениться и принять новый титул — царя. Собственно, ещё Ивана III и Василия III иногда величали царями, хотя формально они венчались только на великое княжение московское. На Руси царями издавна называли ханов Золотой Орды, но в 1480 году ордынская власть была окончательно ликвидирована, и Московская Русь стала независимым и единым государством. Кроме того, после гибели Византии в 1453 году она воспринималась как

хранительница православия, наследница величия и славы Римской и Византийской империй — Третий Рим. Повышение международного престижа страны привело Ивана к мысли закрепить за собой царский титул окончательно. Поэтому 16 января 1547 года состоялась торжественная коронация Ивана в Успенском соборе Московского Кремля".

Видите как просто: захотел в январе месяце семнадцатилетний наследник великокняжеского стола жениться и принять царский титул, в январе и принял — стал царем. А от кого же получен этот титул, кто свидетельствовал "милость Божью"? Основной принцип коронации как раз и заключается в том, что титул дается от имени Бога независимым от правителя церковным иерархом. От Константинопольского патриарха, как мы знаем, получить титул царя было невозможно, к тому же самой Византийской империи давно не существовало, а обратиться к Папе Римскому никто и подумать не мог. Вот отсюда и простота решения проблемы: захотел повелитель — и стал царем, тем более, что и титул царский к тому времени был как бы бесхозным.

Ну а клейноды — регалии, вручаемые церковью "помазаннику божьему" при возведении на престол как символ высшей власти? Откуда они появились у московских царей? Тут тоже все просто, если вспомнить об истории "шапки Мономаха". Ею короновался первый московский царь Иван IV Грозный и его преемники — включая Петра I, который и заменил в 1721 г. шапку императорской короной. Согласно существовавшей официальной легенде, после того, как Киевский великий князь Владимир Мономах подчинил себе значительную часть территории Византии, испуганный византийский император Константин Мономах послал в Киев своих посланцев с богатыми подарками и царским венцом. Они короновали Владимира Мономаха, который передал царские регалии своим потомкам, уточнив, что они должны их перепрятывать, но не короноваться ими вплоть до того времени, пока Бог не поставит царя. Таким царем и стал Иван IV, который использовал эту легенду для подтверждения своего права на царский титул.

Однако уже со второй половины XIX столетия подавляющее большинство исследователей стали критически относиться к "византийскому" происхождению царского венца. В сопровождавшей его легенде находили много исторических ошибок и неточностей. Для примера достаточно сказать, что Константин Мономах умер,

когда Владимиру Мономаху было только два года, и напугать византийского императора этот младенец никак не мог. Недоумение вызывает и "тайное венчание" и наказ прятать царские регалии, словно они были украдены. Проведены были также исследования, в которых "...на основе сравнительного анализа летописей и их разных списков убедительно доказывается, что одна из главных государственных реликвий будущей империи далеко не сразу определялась как "шапка Мономаха", будучи сначала просто "шапкой".

Позднее "шапку Мономаха" однозначно стали определять как изделие среднеазиатской работы XIV века, тогда как Владимир Мономах, которому эта шапка приписывалась, жил в XII столетии. Эта точка зрения стала общепризнанной и приводится в энциклопедических изданиях, так как ни сама "шапка Мономаха", ни легенда о ней не могли возникнуть в период средневековой Руси и Византийской империи. В киевских, византийских, римских и других (кроме московских) архивах, летописях, легендах нет и намёка на передачу императором Константином Мономахом каких-либо клейнодов кому-либо за пределами Византии, что не удивительно, если вспомнить установления трактата его предшественника Константина Багрянородного "Об управлении государством". Тем не менее, невзирая на свое очень сомнительное и явно иностранное (вероятнее всего, татарское) происхождение, "шапка Мономаха" стала символом Московского царства.

Современную версию происхождения "шапки Мономаха" приводит все тот же российский автор Пчелов: "В одну из своих поездок в Орду Иван Калита получил в подарок от хана Узбека красивую восточную шапку-тюбетейку. Позже она была отделана мехом и украшена драгоценными камнями. Со временем её истинное происхождение забылось, и в московской династии прочно утвердилось мнение, что это — знаменитая шапка Мономаха, якобы привезённая на Русь из Византии и принадлежавшая прародителю московских князей Владимиру Мономаху. Поколение за поколением московские князья и цари венчались на московский стол этой шапкой, ставшей ещё одной русской национальной святыней".

После такого бесцеремонного, мягко говоря, способа получения "милости Божьей" и прилагающихся к ней царского титула и короны (извините, шапки!), стоит ли удивляться тому кровавому ужасу, который сопровождал царствие Ивана, его собственной страшной судьбе и последовавшей вскоре гибели государства Московского?

В год коронации Даниила папа Иннокентий IV, выполняя данное королю Руси обещание, издал буллу ко всем христианам Польши, Богемии, Моравии, Сербии и Померании, призывающую к крестовому походу против монголов. В следующем, 1254 г., была издана булла к архиепископу, епископам и другим духовным особам Эстонии и Пруссии, чтобы они проповедовали этот крестовый поход. Кроме того, Римский престол отклонил претензии короля Венгрии на галицко-волынские земли, подтвердив тем самым суверенные права короля Даниила на всю территорию княжества, а также запретил рыцарям Тевтонского ордена селиться в Галицко-Волинском княжестве без разрешения Романовичей.

Данило между тем продолжал свою брачно-дипломатическую деятельность. После смерти своей первой жены Анны, в 1254 г. он заключил второй брак — с дочерью литовского князя Довспунга, старшего брата Миндовга, а брат Даниила князь Василько женился, также вторым браком, на дочери хорошо знакомого нам польского князя Лешка Елене. Таким образом, в результате многолетних усилий, все прежние противники Даниила — венгерский король, литовские и польские князья — стали не только его союзниками, но и родственниками, что обеспечивало мир и возможность накапливать силы для схватки с главным противником — монгольским ханом.

Решительно и жестко король Данило "урегулировал" отношения с проживавшими в районе Гродно племенами ятвягов. Усмиренные когда-то великим Романом, ятвяги после гибели отца Даниила вновь обрели былую воинственность. Совершая постоянные набеги на галицко-волынские земли, они уводили множество пленников и держали их в тяжелом рабстве. Король Данило разорил их поселения, убив при этом в битве князя ятвягов Стеконта. Все пленники были освобождены, а ятвягов Данило подчинил своей власти и наложил на них дань. Как подчеркивает С.М. Соловьев: "Даниил, возвратившись с честью и славою домой, собирался опять идти на ятвягов, но те поспешили отправить к нему послов с данью и с обещанием служить ему и строить города в земле своей, в удостоверение чего прислали детей своих в заложники. Так Даниил достиг того, что начал отец его, Роман Великий: тот заставлял дикарей расчищать землю под пашни, Даниил заставил их строить города в земле своей; торжество галицкого князя над ятвягами было торжеством гражданственности над варварством в Восточной Европе,

и торжество это тем замечательнее, что в описываемое время цивилизующее племя само находилось под гнетом азиатских варваров".

Помимо дипломатических усилий Данило предпринимает целый ряд шагов и по укреплению военной мощи своего государства. С очевидным прицелом на возможную войну с Ордой в 1250-х гг. развернулись масштабные фортификационные работы, в частности перестроены и укреплены Владимирский и Кременецкий замки, Хотынская и некоторые другие крепости. В 1256 г. основан город Львов, который уже через четыре года имел такие укрепления, что монголам пришлось специально озаботиться их уничтожением.

Тогда же Данило провел реорганизацию войска: его тяжеловооруженная конница ("оружники") впервые на Руси оделась в распроstrаненные в Европе рыцарские доспехи, защищавшие и всадников, и коней. Параллельно была сформирована легковооруженная конница с луками ("стрельцы"). По мнению Н. Котляра, "...уже первое боевое столкновение с монголами на Калке в 1223 г. вынудило призадуматься Данилу. Он отдал должное вооружению врага, его надежному и легкому защитному снаряжению. Поэтому в 1240-х гг. Данило Романович вводит в коннице, прежде всего среди своих дружинников, так называемое "татарское вооружение" (снаряжение)". Упомянутый де Плано Карпини подробно описал такое защитное снаряжение монголов: оно изготовлялось из пластин твердой и толстой кожи, скрепленных ремешками. В отдельных случаях кожаные пластины заменялись металлическими. Необходимость защиты от монгольских лучников, которые нагоняли страх точностью и дальностью своей стрельбы, ускорила "бронирование коней" конницы Данилы.

Многие авторы, изучавшие организацию военного дела в Галицко-Волынском княжестве при Даниле, том числе В. Пашуто и А. Кирпичников, пришли к выводу, что основной силой в его войске была все-таки не конная дружина, а многочисленная пехота — "пишци", как называет их летопись. Хорошо известно, что в средние века пехота была постоянной составляющей вооруженных сил воюющих сторон. Однако пехотные формирования, являлись, по сути, народным ополчением и не могли оказать сколько-нибудь серьезного влияния на исход сражения. Наспех собранные непосредственно перед началом боевых действий пешие отряды, не имевшие в своем составе профессиональных воинов и кое-как вооруженные, зачастую просто гибли под копытами тяжеловооруженной рыцарской конницы.

По мнению исследователей, отличительной особенностью войска Данилы было то, что его пехотные полки были созданы на регулярной основе и представляли реальную грозную силу. Вооруженная по последнему слову военной техники и вышколенная пехота Данилы не только во всех отношениях превосходила народное ополчение, но и могла противостоять атакам конницы. Кроме того, она была очень мобильной и осуществляла длительные форсированные марши. По подсчетам академика Б. Рыбакова, пехота Галицко-Волынского княжества временами преодолевала расстояния по 68-78 километров за день.

Основную ударную силу галицко-волыньских пеших полков составляли воины, вооруженные длинными и тяжелыми копьями. Применялись пехотой также рогатины и короткие дротики. Большое значение в регулярном пешем войске Данилы имели лучники и арбалетчики. К заслугам галицкого повелителя следует отнести массовое использование неизвестных ранее на Руси арбалетов, чьи короткие железные стрелы были способны пробивать шлемы и панцири рыцарей на расстоянии в несколько десятков метров.

Выделяя необычное для того времени значение пехотных полков в войске Данилы, Н. Котляр обращает внимание на то обстоятельство, что усиление роли пехотинцев в Галицко-Волынской княжестве произошло "... приблизительно на пятьдесят лет раньше того времени, когда их братья по классу — пешие ткачи, кузнецы и кожевники бельгийских городов и крестьяне швейцарских кантонов — впервые нанесли сокрушительные поражения рыцарской коннице".

Помимо конницы и пехоты Данило имел в своем распоряжении наиболее совершенные на Руси того времени осадные машины, подобные тем, что применялись в других европейских странах. О численности войска Данилы судить трудно — источники каких-либо сведений по данному вопросу не содержат. Исходя из общих соображений, можно сделать вывод, что, как и профессиональные вооруженные силы любого другого европейского средневекового государства, войска Галицко-Волынского княжества не могли быть слишком многочисленными. Однако численности, а главное, выучки этих войск оказалось достаточно, чтобы венгерский король, имевший армию около 30 тысяч человек, в середине 1240-х гг. опасался воевать с Данилой. Количественные и качественные характеристики галицко-волыньского войска оказались достаточными для победы в битве под Ярославом над объединенными силами венгров, по-

ляков и Черниговского княжества, а также для разгрома 60-тысячного корпуса татарского темника Куремсы. Бесспорным является то, что хорошо снаряженное и вышколенное войско Даниила, верно служило своему государю и обеспечивало защиту родной земли от многочисленных и сильных противников.

* * *

К середине столетия, создав сильное войско и превратив с помощью оружия и дипломатии бывших противников в своих союзников и родню, король Данило был готов к открытой борьбе с монголами. События не заставили себя ждать. В начале 1250-х гг. отношение монгольских правителей к Даниле резко изменилось.

Очевидно, бурная деятельность Даниила по привлечению западных союзников, равно как и то, что он активно строил и укреплял свои города, не могли пройти мимо внимания татар. Безусловно, ханскую ставку раздражали так же и усиление связей Даниила с великим князем Владимиро-Суздальским Андреем Ярославичем. По мнению Н. Котляра, монгольская верхушка принимала также во внимание намерения Галицко-Волынского князя поставить в зависимость от себя Киевскую землю, что позволило бы использовать ее силы в освободительной борьбе. Понимая, что подготовка к организованному сопротивлению набирает угрожающих размеров и, желая упредить события, монголы решили вооруженной рукой укротить своего "мирника". Исполнение этой задачи было поручено темнику Куремсе, которого в 1252 г. хан Батый направил разорить Галичину и Волынь. По свидетельству де Плано Карпини в туменах Куремсы насчитывалось до 60 тысяч воинов.

Выполняя повеление хана, монгольские войска прорвали оборонительный рубеж Галицко-Волынского княжества на Днестре, ворвались в галицкое Понизье и подступили к его главному городу Бакоте. Воевода этого города Милей, "приложись" к татарам, т.е. перешел на их сторону. Куремса посадил в городе своего баскака, а принимавшая участие в монгольском походе суздальская рать пробила в Галицкую землю. Затем Куремса ворвался в Южную Волынь и опустошил окрестности Кременца, но сам город ему взять не удалось. Кременец, как и при нашествии монголов в 1240 г., не только выстоял, но его гарнизон еще и нанес нападавшим кочевникам ответный сильный удар.

Летописи содержат любопытнейший эпизод, связанный с этой

войной, который позволяет судить о том, насколько серьезно оценивали своего противника монголы. На стороне завоевателей выступил недруг галицко-волинского правителя Новгород-Северский князь Изяслав Владимирович. Когда он решил пойти на Галич, Куремса, уже испытавший первые неудачи и понимавший реальную силу войск Даниила, стал отговаривать князя Изяслава от этой затеи: "Как тебе идти на Галич? Князь Данило злой, если лишит тебя воли, то кто тебя освободит?" Его недобрые предчувствия оправдались. Данило, направив против Изяслава своего сына Романа с отборным войском, разбил отряды Новгород-Северского князя и захватил его самого в плен.

Ответные действия против самых монголов были организованы королем Руси продуманно и с большим размахом. Принимая решение о начале наступательных действий, Данило, как обращает внимание украинский историк Котляр, тонко учел международную обстановку. Верховный хан Монголии Менгке вел тогда непрерывные войны в Азии, и поэтому главные силы кочевников были выведены из Руси. Иных же возможностей поддержать Куремсу монгольское правительство тогда не имело, и он не мог надеяться на поддержку ни от Золотой Орды, ни от Монгольской империи в целом.

В конце 1254 г. галицко-волинское войско перешло в решительное наступление. Вооруженные силы княжества перед началом боевых действий были разделены и действовали одновременно на разных направлениях. Старший сын короля Лев со своими войсками занял берега Буга, отвоевал Бакоту, выгнал оттуда татар, и схватив Милея и посаженного Куремсой баскака, привел их к отцу. Воевода Дионисий взял Межибожье, а полки самого Даниила и князя Василька разбили Куремсу в Болоховской земле. Затем король Данило взял приступом Звягель и вступил в Киевскую землю. По мнению В. Пашуто, "...усилиями войска галицко-волинских князей был расчищен путь к Киевщине... Можно предполагать, что галицко-волинский князь серьезно собирался отобрать Киевщину у татаро-монголов". Однако в это время его союзники литовцы, вместо того, чтобы усилить натиск войск Даниила и идти с ними к Киеву, неожиданно начали грабить и разорять окрестности Луцка. Направленный против них Даниилой дворский Олекса жестоко наказал литовцев, загнав и потопив их в озере. Но измена литовцев остановила дальнейшее продвижение войск княжества, и возможное освобождение Киевщины не состоялось.

Весной 1255 г. второй сын Данилы - Шварн, завершил разгром монголов. Продвинувшись со своими войсками вглубь Болоховской земли, Шварн "...получил города, которые поддались татарам". Летописец называет четырнадцать только больших городов, захваченных галицко-волынским войском во время этой кампании. С того времени Болоховская земля была окончательно присоединена к Галицко-Волынскому княжеству.

Куремса попробовал перейти в контрнаступление, но когда его отряды вновь появились на Волыни, они были разбиты войсками короля под Луцком. Монгольская орда вынуждена была возвратиться к местам своих кочевий на юге, и более Куремса не нападал на Данилу. На земле княжества был восстановлен мир.

Таким образом, на протяжении первой половины 50-х гг. XIII столетия король Данило успешно противостоял монгольским войскам, не раз нанося им сокрушительные поражения. Галицкий летописец с полным правом и с большой гордостью написал: "Данило имел рать с Куремсою, и никогда не боялся Куремсы, никакого не мог зла ему причинить Куремса". Мы же со своей стороны хотим особо подчеркнуть, что это была первая на территории Руси открытая война (боевые действия, длившиеся более двух лет, не могут называться никак иначе, как война), а самое главное — **успешная война против монгольских захватчиков, состоявшаяся уже после их нашествия**. Мы помним об ожесточенном сопротивлении отдельных древнерусских городов и княжеств самому завоеванию, но тогда еще не было того ужаса, который неизменно вызывало на Руси появление татар после установления их господства. Мы знаем о сражении против монголов под стенами Переяславля-Залесского войск под командованием Владимиро-Суздальского князя Андрея и Тверского князя Ярослава в июле 1252 г., и отдаем дань мужеству людей, первыми поднявшими оружие против поработителей после установления ига. Но это единичное сражение, и оно было проиграно.

Война же короля Данилы 1254—1255 гг. показала всей Руси, что монголов можно побеждать, выигрывать у них не только отдельные сражения, а целые войны. Этот победоносное знание русины Галича и Волыни получили первыми на Руси еще за 125 лет до Куликовской битвы, которая, кстати, тоже была единичным сражением. И если Куликовская битва по праву считается одной из самых значительных битв в истории русского народа, поскольку в ее ходе была обретаена уверенность в конечной победе над татара-

ми, то войну 1254—1255 гг. мы вправе рассматривать с таких же самых позиций применительно к Червоной Руси и ее историческим наследникам. Как и Куликовская битва, война короля Даниила против монголов не привела к полному и немедленному освобождению, но именно там была обретена надежда, которая позволила русинам Волыни под руководством литовских князей громить монгольские тумыны на Синих водах в 1363 году. Прибавим к этому, что король Данило был единственным среди древнерусских правителей того времени, который не только воевал с монголами, но и неоднократно побеждал их.

* * *

В середине 50-х годов изменились отношения короля Даниила и с престолом святого Петра. В декабре 1254 г. умер папа Римский Иннокентий IV. Новый папа Александр IV в 1257 г. направил Даниле буллу с упреками, что он не оказывает повиновения папскому престолу, и грозил церковным проклятием. Но король Руси не обращал внимания на эти угрозы. В отношениях с папством Данило вел себя честно и последовательно: он не хитрил, а говорил открыто, что ему нужна действительная помощь против врагов. Вторым условием признания духовной власти римского первосвященника был созыв вселенского Собора и объединение церквей. Ни того, ни другого Ватиканом сделано не было. Но поскольку папский престол не смог выполнить своих обещаний, то и король Данило, сохраняя верность православию, мог считать свою совесть спокойной. Кроме того, в ухудшившихся отношениях Даниила с Литвой Папа Римский предпочел поддержать князя Миндовга. На этом фоне отношения короля Руси с римской курией прекратились и более при жизни Даниила не возобновлялись.

* * *

Уже три года на земле Галицко-Волынского княжества был мир. Наверное, это был самый счастливый период в жизни Даниила Галицкого. Перед Богом и людьми он король — государь могучего государства, имеет добрые отношения и пользуется заслуженным уважением со стороны соседей. Ничья иноземная власть, даже татарская, не угрожают ни жизни и свободе подданных, ни чести и достоинству короля. Внутри княжества покой, процветают и укрепляются города. Вместе с королем брат Василько — единомыш-

ленник и помощник во всех делах. Рядом с Даниилой его надежда и опора — выросшие и окрепшие сыновья, наследники его славы и короны. Королевский двор в Холме отличается пышностью и роскошью. По сведениям украинского историка Н. Полонской-Василенко, как и при иных европейских королевских дворах, тут проходили рыцарские турниры, выступали певцы и музыканты. Придворными использовались различные языки, но преобладала латынь, звучавшая тогда по всей Европе. После десятилетий войны, досадных поражений и великих свершений, татарского унижения и международного признания Данило достиг вершины своей жизни. Судьба, по достоинству оценив его мужество и настойчивость, увенчала Данилу королевской короной и словно давала ему отдых перед следующими испытаниями. К сожалению, они не заставили себя долго ждать.

Могучий юго-восточный сосед — Золотая Орда — решила восстановить утраченный контроль над Галицко-Волынскими землями, продолжить объявленную походами Куремсы войну. Хан Батый умер в 1255 г., и новая ордынская верхушка возложила выполнение этой задачи не на скомпрометированного прежними поражениями Куремсу, а на опытного и воинственного полководца Бурундая. В 1258 г. огромное войско татар во главе с Бурундаем появилось на Волыни. Начался новый этап противостояния Руси с монголами.

Помня о неудачах своего предшественника, Бурундай не спешил начинать военные действия против Галицко-Волынского государя. Говоря современным языком, он прибегнул к стратегии не прямых действий, направив первые удары не против самого Даниилы, а против его союзников. По условиям заключенного с Батыем договора галицко-волыньские правители должны были предоставлять свои войска для татарских походов, вот Бурундай и потребовал выполнения этого условия, пригласив принять участие в походе против Литвы.

Данило оказался в очень сложном положении. С одной стороны непокорность требованиям Бурундая означала бы объявление войны и немедленный удар изготовившихся монгольских туменов по самому Галицко-Волыньскому княжеству. Хорошо зная, с какой молниеносной быстротой и жестокостью монгольские полководцы "батыева призыва" проводят боевые операции, Данило не сомневался, что ни один союзник, даже если бы очень захотел, не успел бы ему помочь и кня-

жество было бы уничтожено. С другой стороны, участие в походе против Литвы, хоть временно и отводило непосредственную угрозу от его княжества, означало конец союзным отношениям со всеми соседними государствами и как следствие, возобновление зависимости от Орды в той или иной степени. Хорошего выхода из ситуации не было, приходилось из двух зол выбирать меньшее. Тяжкая доля татарского разорения должна была постичь либо родную землю, либо землю союзника и королю Руси пришлось пожертвовать Литвой. Самому Даниле за этот выбор придется заплатить страшной ценой — жизнью своего сына Романа, но об этой жертве в момент принятия решения король еще не знал.

Единственное, что он твердо решил не допустить в этой сложнейшей ситуации, — повторения своего личного унижения, которое ему пришлось пережить в Орде в 1246 г. То бесчестие видимо жгло Данилу всю жизнь и далее никогда и ни при каких обстоятельствах он не сгибал колени ни перед одним из монгольских ханов или их полководцев. Более того, за все время событий 1258—1260 гг., он ни разу не встретился ни с самим грозным Бурундаем, ни с кем-либо из его окружения. Эту тяжкую ношу взял на себя верный брат Василько, а затем и сын короля Лев.

Выполняя требование Бурундая, правивший на Волыни князь Василько и его войско присоединились к ханским войскам и приняли участие в их походе на Литву. Но и после победоносного завершения литовской компании Бурундай продолжал свою игру, по-прежнему не подвергая какому-либо воздействию само Галицко-Волынское княжество. Давние связи Данилы с папским престолом, а через Папу и со всей Европой, заставляли монгольского полководца осторожничать, неоднократно проверять, не столкнется ли он с серьезным общеевропейским союзом.

Через год он предпринимает столь же опустошительный поход на Польшу, и войскам княжества пришлось принять участие в разгроме второго своего союзника. Н.И. Костомаров писал: "Татары взяли приступом Судомир (Сендомир) и перебили всех жителей, не щадя ни пола, ни возраста, когда последние выбежали в поле из разоренного города". Подробности трагедии этого польского города известны из "Повести о Сандомирском взятии", вошедшей в состав Волынской летописи. Князь Василько поневоле был свидетелем и участником разорения Сандомира и прилегающего к нему края.

Победные кампании монгольских войск в Литве и Польше произвели большое впечатление на население Руси и вызвали сильный резонанс в Центральной и Западной Европе. Продемонстрировав миру силу своего войска, Бурундай одновременно достиг и другой цели: деморализовал население Галицко-Волынского княжества и разрушил созданный усилиями Даниила антиордынский союз. Оскорбленный участием галицко-волинских войск в походе на Литву, князь Миндовг разорвал мирный договор и возобновил набеги на Русь. По сообщениям современных нам литовских и белорусских авторов, правда, без ссылок на какие-либо источники, в этот же период литовцы взяли в плен и казнили княжившего в Новогрудке сына короля Даниила — Романа.

Однако испытания для Галицко-Волынской земли и ее повелителя на этом не были исчерпаны: Бурундай счел сложившуюся ситуацию достаточно благоприятной для того, чтобы, наконец, покарать непосредственно само княжество за попытку обретения независимости. Понимая, что активное сопротивление со стороны Романовичей уже невозможно, Бурундай приказал прибывшим по его требованию князю Васильку и Льву уничтожить укрепления городов и крепостей княжества: "Если вы мои мирники, раскидайте все свои города".

Пришлось подчиниться. Лев снес укрепления городов Львова, Стожка и Данилова, а Василько послал приказание уничтожить укрепления Кременца и Луцка. Сам Бурундай, желая быть свидетелем разрушения укреплений Владимира, отправился с Васильком в столицу волинского края. Укрепления Владимира были настолько мощными, что оказалось невозможным быстро "разметать" их, и князь Василько отдал приказ зажечь городские стены. После этого Бурундай приказал идти на Холм.

Однако гарнизон хорошо укрепленной столицы княжества был готов отразить нападение монголов и встретил их во всеоружии на стенах города. Летописец подробно рассказывает о хитрости, с помощью которой князь Василько приказал осажденным не открывать ворота Холма, поддержав тем самым их намерение дать бой захватчикам. Решительность защитников города окупилась сторицей — как и в 1240 году, столица объединенного княжества Холм осталась неприступной, татары сначала отступили от ее стен, а затем вообще ушли в степь.

Исследователь жизни Даниила Н. Котляр такими мрачными

красками рисует последствия событий 1258–1260 гг.: "Бурундаево нашествие было страшным ударом для народа Галицко-Волынского княжества. Погибла основная идея зрелой поры Даниловой жизни - организация отпора монголо-татарской агрессии. Собственно ручно пришлось разрушить укрепленные города и крепости, сделав свою землю уязвимой для захватчиков. На население Галицко-Волынской Руси поход Бурундая оказал едва ли не большее впечатление, чем поход Батые, да и материальный вред он нанес, вероятно, больший". В этой оценке уважаемый автор отчасти повторяет мысль М. Грушевского, который также полагал, что впечатление от похода Бурундая на Волыни было чуть ли не более сильным, чем от первого похода Батые.

К сожалению, оценка последствий походов Бурундая, данная мэтром украинской истории, перешла без какого-либо критического осмысления не только в работы Н. Котляра, но и в сочинения многих других авторов. Но давайте без эмоций попытаемся понять, что произошло, и могли ли быть последствия действий войск Бурундая столь тяжкими на самом деле. В политическом аспекте, потеряв союзников и признав за татарами право распоряжаться на собственной земле, Галицко-Волынское княжество вновь утратило суверенитет, который обрело после войны 1252–1254 гг., снова попало под власть Орды. Безусловно, это было тяжелейшим моральным ударом как для Данилы и всей правящей верхушки княжества, так и для народа, который, как и в 1246 г., испытывал унижение вместе со своим государем — в этой части указанные авторы безусловно правы.

Однако татары не ухудшили положение княжества по сравнению с тем, которое было раньше, оно по-прежнему оставалось "мирником", а не данником, то есть сохраняло определенную самостоятельность.

В экономическом плане потери тоже были велики — пошли прахом многолетние усилия по укреплению городов и затраченные на эти цели немалые средства. Но сами города стояли, ни разграблениям, ни опустошениям, ни, тем более, уничтожению они не подверглись.

И самое важное, что должно было бы кардинально изменить оценки ученых: удалось сохранить главную ценность любого государства — людей. Не было тех страшных картин тотального уничтожения населения, имевших место в 1240 году. Более того, целым

осталось не только мирное население, но и войско, то самое, которое ходило вместе с монголами на Литву и Польшу, а затем отражало ответные набеги литовцев. Как же можно, зная эти обстоятельства, при оценке последствий похода Бурундая заявлять, что он "...оказал, чуть ли не большее впечатление, чем поход Батгия, да и материальный вред он нанес, вероятно, больший"?! Все-таки моральный и материальный ущерб никогда не были ценнее человеческих жизней, да и сохранные города, в совокупности с боееспособным войском — обстоятельства тоже немаловажные.

* * *

После того, как войска Бурундая оставили Галичину и Вольнь, Даниле пришлось, в который уже раз, многое начинать сначала. Начался последний и сравнительно короткий этап жизни нашего героя. Скупые известия отечественных и зарубежных источников извещают о его дипломатических усилиях в Польше и Венгрии по созданию нового антимонольского союза. Успеха эти усилия не имели. Да и трудно было бы ожидать иного результата сразу после того, как войска княжества приняли участие в походах татар против своих прежних союзников. Однако сама направленность усилий короля Руси, его стремление найти поддержку у европейских государств и нежелание привлекать монгольскую силу для разрешения своих конфликтов с европейскими соседями свидетельствуют, что Данило оставался верен своему выбору: он по-прежнему не принимал господства кочевников.

Вновь пришлось Даниле взяться и за оружие. Оставшаяся без укреплений своих городов Русь стала очень привлекательна для литовцев, желавших мести за участие галичан и вольнян в татарском походе. Однако даже после монгольского разорения княжество не было настолько слабым, как это могло показаться оскорбленному бывшему союзнику. На набеги Литвы Данило ответил союзом с Тевтонским орденом, сумел через некоторое время вернуть Черную Русь и треть Судавии (земли ятвягов). Таким образом, Галицко-Вольинскому княжеству удалось снова утвердиться в волостях, занятых было Литвой.

Известно, что в 1260 г. король Данило и его брат Василько воевали с Литвой и искали пропавшего Романа. Видимо, сведения о его гибели в силу тех или иных причин не дошли до Галичины. В 1262 г. боевые действия продолжались — князь Миндовг послал

на Вольты два отряда своих воинов, которые набрали богатую добычу. Василько догнал один отряд грабителей у озера Небла. Увидев неприятеля, литовцы приняли обычный для них боевой порядок — сели в три ряда за щитами. Князь Василько атаковал и разбил их, не оставив в живых ни одного человека — кто-то погиб в схватке, другие утонули в озере.

В том же 1262 г. в вольтинском пограничном городе Тернаве (ныне г. Торунь в Польше) состоялся съезд короля Даниила и его ближайшего окружения с польским князем Болеславом Стыдливым. На переговорах вместе с Даниилом и Васильком были их сыновья Лев, Шварн и Владимир — наступало время вступать им в большую политику. На съезде обсуждались совместные действия против князя Миндовга, который одновременно воевал против каждой из сторон, и были достигнуты договоренности об оказании помощи друг другу при защите своих земель. Однако эти договоренности могли и не потребоваться, так как сам Миндовг был убит в 1263 г. в результате заговора его соплеменников, и в Литве началась междоусобная война.

Почти одновременно с князем Миндовгом в далеком Владимиро-Суздальском княжестве умер князь Александр Невский. Время великих государей, правивших тремя могучими государствами, истекало, последним из них, достойно завершив свой тяжкий и славный путь, уходил король Данило.

Участие в съезде в Тернаве было последней из зафиксированных летописью дипломатических акций Даниила. Трудная, полная опасностей и тревог жизнь, ранения и рухнувшие надежды на обретение независимости от монголов подорвали здоровье короля: Данило серьезно заболел. В 1264 г., завершив все земные дела и передав свое королевство брату Васильку и сыновьям, король Руси Данило Галицкий умер в своем любимом Холме и был погребен там, в построенной им церкви Богородицы. Было ему тогда 63 года.

* * *

Классики российской исторической науки были на редкость единодушны при оценке личности и деяний этого совершенно незаурядного человека и государя, не жалея при этом самых восторженных эпитетов и изысканных похвал.

Сошлемся для начала на отзыв Н.И. Костомарова: "В судьбе этого князя было что-то трагическое. Многого добился он, чего

не достигал ни один южнорусский князь, и с такими усилиями, которых не вынес бы другой. Почти вся Южная Русь, весь край, населенный южнорусским племенем, был в его власти: но не успевши освободиться от монгольского ига и дать своему государству самостоятельного значения, Данило тем самым не оставил и прочных залогов самостоятельности для будущих времен. По отношению к своим западным соседям, как и вообще во всей своей деятельности, Данило, всегда отважный, неустранимый, но вместе с тем великодушный и добросердечный до наивности, был менее всего политик. Во всех его действиях мы не видим и следа хитрости, даже той хитрости, которая не допускает людей попадаться в обман. Этот князь представляет совершенную противоположность с осторожными и расчетливыми князьями Восточной Руси, которые, при всем разнообразии личных характеров, усваивали от отцов и дедов путь хитрости и насилия и привыкли не разбирать средств для достижения цели.

Но личность Данила Галицкого тем не менее остается благородною, наиболее возбуждающею к себе сочувствие личностью во всей древней русской истории.

Не менее красноречив и С.М. Соловьев в своей "Истории России": "С блестящим мужеством, славолюбием, наследственным в племени Изяславовом, Даниил соединял способность к обширным государственным замыслам и к государственной распорядительности; с твердостью, умением неуклонно стремиться к раз предположенной цели он соединял мягкость в поведении, разборчивость в средствах, в чем походил на прадеда своего, Изяслава, и резко отличался от отца своего, Романа. Начиная рассказ о подвигах Данииловых, летописец имел полное право сказать: "Начнем рассказывать о бесчисленных ратях, великих трудах, частых войнах, многих крамолах, частых восстаниях, многих мятежах"; имел полное право сказать, что сыновьям Романовым измлада не было покоя".

Но наиболее развернутую и, на наш взгляд, поэтичную характеристику королю Руси дал Н.М. Карамзин: "...знаменитый Даниил, король галицкий, славный воинскими и государственными достоинствами, а еще более отменным милосердием, от коего не могли отвлечь его ни измены, ни самая гнусная неблагодарность бояр мятежных: добродетель редкая во времена жестокие и столь бурные. Милостивый к подданным, он и в других отношениях исполнял уставы нравственности: в юности чтит князей старших; изъявлял нежную

любовь к матери и к брату, получившему от него в удел область Владимирскую; помнил благодеяния, ему оказанные; соблюдал правило верности в союзах, победами и разумом утверждая безопасность и честь державы Галицкой; нашествием моголов расстроенный в видах своей политики, не изумился, не утратил бодрости духа: хотя не мог совершенно избавиться от их свирепого тиранства, но закрыл глаза с надеждою, что его потомки будут счастливее, следуя принятой им системе держаться союза государей западных, иногда обольщать варваров золотом и смирением, иногда устрашать силою, в ожидании, что они, как гунны Аттилины, как обры, исчезнут, сокрушенные или внутренним междоусобием, или общим усилием государей европейских. Сия надежда не совсем обманула Даниила: его преемники рабствовали менее иных князей российских, уважаемые и ханами, и соседственными христианскими державами, которые в течение целого века считали княжество Галицкое верным для себя оплотом с опасной стороны моголов".

* * *

Дальнейшие события истории Галицко-Волынского княжества выходят за рамки нашего повествования, поэтому обозначим их только отдельными штрихами из жизни его ближайших родственников и прямых потомков. После смерти брата князь Василько продолжал княжить во Владимире, а Галицкая земля была разделена между сыновьями Даниила. Известно, что у галицкого короля было несколько сыновей. Старшего сына звали Ираклий, он, вероятно, умер ещё при жизни отца. Для древнерусских источников осталась неизвестной дальнейшая судьба другого сына — Романа. После сообщения под 1260 г. о том, что Данило и Василько искали его в Литве, где как мы помним, Роман владел несколькими городами, других известий об этом сыне короля Руси в летописях нет. Но в разделе Галицкого княжества после смерти Даниила он не участвовал, что дает веские основания полагать, что Роман действительно ушел из жизни раньше отца. Оставались еще Лев, Шварн и Мстислав, которые и разделили княжество. Непосредственным наследником отца, или, как писал Карамзин, "любезнейшим отцу" считался Шварн, который стал править в Холме. Лев владел Перемышлем, Мстислав получил Луцкую область. Галич и Дорогичин одни историки относят к владениям Шварна, другие — к владениям Льва.

Карамзин также отмечает: "Первым следствием кончины Даниловой была война наследников его с Болеславом Польским. ... Несмотря на мир и союз, за несколько лет до того времени утверждённый в Тернаве между Болеславом и Даниилом, корыстолюбивые бояре Шварновы не усомнились вместе с литвою грабить польские владения. Болеслав хотел отмстить; дошло до битвы, в коей дружина Шварнова претерпела великий урон; наконец примирились, ибо общая польза обеих держав того требовала... Хотя княжество Данилово разделилось на части, однако ж его сыновья действовали согласно в государственных предприятиях и слушались дяди, опытного, благоразумного Василька". На самом деле, отношения не были такими безоблачными. Князь Василько и Шварн были более близки между собой, Лев держался отдельно, но до открытых конфликтов никогда не доходило.

Усилия короля Данилы по укреплению отношений с Литвой продолжали приносить свои плоды и после его смерти, предвосхищая тем самым тот симбиоз отношений между русинами и литовцами, который стал в дальнейшем основой расцвета Великого княжества Литовского. Сын Миндовга Войшелк с помощью Шварна, которому доводился шурином, и князя Василька, которого Войшелк назвал "отцом своим и господином", сумел утвердиться в Литве. После того, как Войшелк удалился в монастырь и передал власть Шварну, сын короля Данилы какое-то время был великим Литовским князем. Участвовали галицко-волынские князья и в иных европейских делах.

Князь Василько умер в 1269 г. в возрасте 66 лет. Сообщая об обстоятельствах, предшествующих его смерти, Н.М. Карамзин пишет: "Сей достойный брат Данилов, некогда воин храбрый и неутомимый, кончил дни свои монахом и тружеником: повествуют, что он жил несколько времени в дикой, заросшей кустарником пещере, оплакивая грехи прежнего мирского властолюбия и ратной деятельности". Примерно в это же время умер и Шварн, после чего Холм перешёл под власть Льва. После смерти сына князя Василька, Владимира, Волинское княжество перешло к последнему из сынов Данилы Галицкого — Мстиславу.

Галицко-волынская летопись нигде не называет королем сына Данилы Льва. Наоборот, она последовательно называет одного из самых могущественных тогдашних правителей только князем. Не называет Льва королем и польский хронист Ф. Софанович, име-

нуя его князем Львом, сыном Данилы, короля русского. Видимо Лев почему-то не унаследовал королевский титул, хотя на портретах он изображен в короне. Активно вмешиваясь в дела соседних стран, Лев стал использовать татарскую силу для достижения своих внешнеполитических целей. В походах Галицкого князя против Литвы в 1275 г. и Польши в 1280—1281 гг. татары участвовали по просьбе князя Льва.

В целом же отношения с татарами сохранялись прежние: Лев и другие западные древнерусские князья признавали верховенство Орды и предоставляли им войска в походах, совершаемых по инициативе кочевников. Однако никогда ни один из галицко-волинских князей не приводил татар на свою землю и не использовал их силу в борьбе с соплеменниками. Характер финансовых обязательств перед Ордой неясен, источники говорят и о достаточно регулярной дани, и о разовых контрибуциях. Не исключались и грабежи при прохождении татарских войск через Русь на Литву или Польшу. Но во внутренние дела Галича и Волыни ордынцы не вмешивались, передача власти осуществлялась самостоятельно, без получения ханского ярлыка и прохождения сопутствующей унижительной процедуры.

Мстислав скончался в 1292 г., и Волынское княжество, перейдя под власть князя Льва, вновь объединилось с Галичем в одно государство. Сам Лев умер на рубеже XIII и XIV веков в возрасте 82—83 лет. От летописца он получил следующую характеристику: "Был Лев князь мудрый, храбрый и крепкий на войны: немалую отвагу показал он в многочисленных войнах".

Наследником Льва стал его сын Юрий, который сделал столицей объединенного княжества Владимир. Как и дед, Юрий носил титул короля Руси (*rex Russiae*). Это подтверждается его печатями на латинском языке, на одной из них написано "король Руси" и "князь Володимирии", на другой — "король Галичины и князь Володимирии". Сохранилось и изображение короля Юрия I в короне западноевропейского образца со скипетром в руке. Однако, как мы уже упоминали, сведения о том, когда и где состоялась церемония коронации Юрия, не обнаружены. Слова летописи "...при его правлении Руская земля тишилась покоем и славилась своим богатством" дали М. Грушевскому право высказать обоснованное мнение, что княжение Юрия было временем расцвета и силы Галицко-Волынской державы. При Юрии в 1303 г. в Галиче была создана отдель-

ная православная митрополия, подчинявшаяся непосредственно Константинопольскому патриарху. При византийском консерватизме в церковных делах создание отдельной митрополии свидетельствовало как о длительных и упорных переговорах с патриархией, так и о настойчивости, проявленной королем Руси при достижении этой цели. Правил Юрий I недолго, умер он в 1308 г.

После смерти короля Юрия в Галичине и на Вольни княжили его сыновья Андрей и Лев. По сведениям украинского автора Н. Яковенко, Лев и Андрей как соправители Галичины и Вольни титуловались, соответственно, "*dux Galiciae*" и "*dux Ladimigae*", то есть "князь Галиции" и "князь Володимирии". Очевидно, уже в начале XIV ст. понятие *Galiciae* стало отождествляться с понятием *Russia*, что прослеживается в одном из вариантов титула Андрея Юрьевича: "*dux Ladimigae et dominus terrae Russiae*" ("князь Володимирии и повелитель земли Руской"). Как видим, древнее название "Ладомирия" сохранялось и в титулах правнуков короля Данилы. Согласно сведениям из Чехии, Венгрии и Польши в эти же времена, в княжеских титулах Льва и Андрея впервые появляется формула "*Dei gratia*" ("милостью Божьей"). Известно, что братья поддерживали союзные отношения с Тевтонским орденом, заложенные еще их прадедом королем Данилой. Внешнеполитическое положение Галича и Вольни было сложным: набирали силы вышедшие из внутренних смут Венгрия и Польша, под властью князя Гедимины резко усилилась Литва.

Андрей скончался в 1323 г., а Лев, возможно, ненамного ранее. Как умерли, а может быть, погибли оба князя доподлинно неизвестно. То обстоятельство, что братья ушли из жизни практически в одно время, дает основания для выдвижения самых различных версий. Среди них есть и такая: в указанном 1323 г. братья-князья, поддержанные их союзниками крестоносцами, вступили в сражение с татарами в районе Каменца. Татары были разбиты, но Лев и Андрей в бою были оба ранены и вскоре умерли от ран. Поскольку ни один из братьев наследников не имел, династия Романовичей угасла. Вслед за династией начинает угасать и Галицко-Волынское княжество, но потомки великого Романа будут в числе его правителей до самого конца.

В литературе можно часто прочесть, что со смертью князей Льва и Андрея Юрьевичей, Галицко-Волынская земля попала под контроль Польши и Литвы. Очевидно, поводом для такого вывода слу-

жит то обстоятельство, что последующие галицко-волынские князья были родом из этих стран. Фактически же власть в княжестве передавалась по-прежнему среди потомков короля Данилы, но уже не по мужской, а по женской линии. Такая практика была достаточно распространена в европейских странах, так как позволяла сохранить власть прежней династии и обеспечить легитимность ее передачи следующей плеяде повелителей. Правивший после Льва и Андрея князь Болеслав-Юрий II являлся родным внуком короля Руси Юрия I, так как матерью князя была дочь Юрия Мария. Видимо, это и стало решающим обстоятельством, которым руководствовались галицко-волынские бояре при выборе сына польского князя Тройдена на Галицкий престол.

Польские корни Болеслава-Юрия II совсем не означали, что он проводил пропольскую политику. Более того, попытки польского короля Казимира привлечь принявшего православие Юрия II на свою сторону в борьбе с Тевтонским орденом не увенчались успехом.

После того как Болеслав-Юрий II был отравлен в 1340 г., волынские бояре пригласили сына литовского князя Гедимина — Любарта, который женился на внучке короля Юрия I и был крещен под именем Дмитрий. Вскоре Польша оккупировала Галичину. Началась длительная война между Литвой и Польшей, в результате которой в 1349 г. Галицко-Волынское княжество прекратило свое существование. Воынская и Берестейская земли были признаны династической собственностью рода, основанного литовским князем Гедимином, а Галичина вошла в состав Польши. С 1199 г., когда великий Роман впервые соединил Галич и Воынь в единое княжество, до их поглощения соседними странами прошло ровно 150 лет.

От династии Романовичей пошло несколько княжеских родов, относящихся к воынской ветви потомков Рюриковичей. Наиболее родовитыми из них были князья Острожские и князья Заславские, обладавшие большими богатствами и авторитетом в Великом княжестве Литовском. Из князей Острожских особенно известен Константин (1460—1530), великий гетман литовский, видный полководец, разгромивший войска Московского княжества в битве под Оршей в 1514 г. Не менее известен и киевский воевода Константин Константинович (1526—1608), сохранявший верность православию и прославившийся как просветитель, основавший для русинов

школы в Остроге, Турове и вольинском Владимире. Он создал в Остроге типографию, в которой после бегства из Москвы знаменитый первопечатник Иван Фёдоров напечатал свои первые книги. В дальнейшем оба рода — князей Острожских и князей Заславских, угасли.

* * *

Повествование о славном короле Руси Даниле Галицком будет неполным, если не рассказать о дальнейшей судьбе его королевских регалий. По информации Н.Яковенко имеются свидетельства, согласно которым в 1340 г. польский король Казимир III вывез из Львова казну галицко-вольинских князей, а также "...две драгоценные диадемы, одну очень ценную тунику (княжеское корзно) и престол, украшенный золотом и дорогими камнями". Предполагается, что указанные драгоценности являлись частью королевских клейнодов династии Романовичей, дальнейшая судьба которых неизвестна.

Но вот у короны Даниила Галицкого, похоже, была отдельная и очень интересная история. Подробно она изложена в книге украинского автора В. Полека "Коронация и корона Даниила Галицкого". Всех читателей, активно интересующихся историей Украины и владеющих украинским языком, отсылаем к этой книге. Здесь же только кратко перескажем опубликованные В. Полеком сведения.

Традиционно считается, что корона Даниила Галицкого в 1767 г. была переделана в митру греко-католических епископов Перемышля (нынешняя Польша). Король Данило имел в Перемышле замок, а потому передал свою корону на хранение в местный Кафедральный собор святого Ивана Крестителя. Это полностью отвечало европейской традиции, согласно которой королевские клейноды сохранялись и сохраняются в наиболее достойных такой высокой чести соборах государств. Известно, что клейноды французских королей сохранялись в Реймсе (вместе с ними и знаменитое Евангелие, которое привезла во Францию княжна Анна, дочь князя Ярослава Мудрого), английских — в Вестминстерском аббатстве в Лондоне и т.д. Такая версия достаточно правдоподобна, так как она частично объясняет, чему корона Даниила была переделана именно в епископскую митру.

В Перемышле корона-митра сохранялась до Первой мировой войны. После завоевания Галичины русскими войсками группа цар-

ских офицеров и солдат ворвалась в епископскую палату, требуя от епископа К. Чеховича немедленно передать им корону Даниила Галицкого. По сохранившимся воспоминаниям епископ сухо и сдержанно ответил: "Россия не имела с ней ничего общего. Не понимаю, почему она вас интересует". Однако после смерти епископа в 1915 г. российские военные самовольно произвели в соборе обыск и нашли под престолом святого архангела Михаила потайное хранилище, где "... за металлической дверцей, в обшитом тканью укрытии сияла бриллиантом корона Даниила Галицкого". Корона была немедленно вывезена в Москву.

После окончания Первой мировой и гражданской войны в России, в 1922 г. на заседании Лиги наций в Женеве член украинской делегации каноник Гриник потребовал от советской делегации вернуть корону в Перемышль. Через три месяца в Польшу поступило известие, что корона сохраняется в одном из московских монастырей. Каноник Гриник выехал в Москву, где ему была передана корона "...обкраденной, уничтоженной: с неё снят крестик, вырван бриллиант величиной с грецкий орех, ободрана парча...". Епископ Перемышля Йосафат Коциловский принял истерзанную корону-митру и передал ее на реставрацию в мастерские отцов василиян в тогдашней Чехословакии. Во время реставрации корона приобрела несколько иную форму, не был восстановлен и бриллиант. После окончания реставрации корона-митра возвратилась в Перемышль.

Из воспоминаний дьяка Онуфрия Сенюха, который в 20-х годах XX столетия работал в консистории в Перемышле, известно, что он не только видел в тот период корону-митру, но держал ее в своих руках, а в 1928 г. некий чешский фотограф сделал фотографию митры.

Дальнейшая судьба короны Даниила доподлинно неизвестна. Одна версия принадлежит О. Ясеницкому, который (по его словам) узнал о судьбе короны от самого епископа И. Коциловского во время случайной встречи в тюрьме в Киеве, куда они оба были заключены как "враги советского государства". Согласно этой версии епископ Коциловский во время Второй мировой войны передал корону в Ватикан на хранение и в сопроводительном письме сделал предостережение, что после окончания войны корона должна быть возвращена или греко-католической церкви в Перемышле, или в ее отсутствие, правительству украинского государства. Полек также сообщает и о попытках проверить версию О. Ясеницкого путем

непосредственного обращения в Ватикан. Но общеизвестно, что папский престол не любит раскрывать свои архивы; вот и в этом случае папская канцелярия промолчала. Тайна судьбы короны Даниила Галицкого остается нераскрытой до наших дней.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Жизненный путь великого князя Владимиро-Суздальского Александра Невского, если сравнить его с судьбой Даниила Галицкого, не был так насыщен именами, датами и событиями. Связано это с тем, что князь Александр прожил значительно более короткую жизнь, да и события во Владимиро-Суздальском княжестве до монгольского нашествия редко достигали такого драматического накала, как в Галицко-Волынской земле. Сам Александр, будучи уже известным полководцем и князем Новгородским, в политическом плане еще долго находился в тени своего отца, вплоть до трагической смерти последнего.

Отец Александра — князь Ярослав (в крещении Федор) — был пятым из 11 детей Владимиро-Суздальского князя Всеволода Большое Гнездо. Родился Ярослав 8 февраля 1191 г. в Переяславле-Залесском; его мать Мария была, по одним сведениям, чешского, а по другим — осетинского происхождения. Ярослав был вторым переяславльским князем после своего отца и правил этим удельным княжеством с 1212 по 1246 г., с перерывами, во время которых его замещал сын Александр. Еще при жизни князя Всеволода Ярослав попытался было занять в 1206 г. княжеский стол в Галиче, но его опередили более расторопные конкуренты — северские князья Игоревичи. Далее Ярослав княжил в своем городке Переяславле-Залесском, который, по выражению популярного российского автора А. Бушкова, "был глухой дырой и входил в состав Владимиро-Суздальского княжества, которым правил брат Ярослава Юрий".

Переяславльское княжество с городами Переяславлем-Залесским, Тверью, Дмитровом, Зубцовом, Кснятином, Нерехтой, Кашином располагалось на западе Владимиро-Суздальского княжества. На Переяславльский стол садились младшие братья в роду Всеволодовичей — потомков Всеволода Большое Гнездо. Находясь в вассальной зависимости от старших братьев — великих князей

Владими́ро-Сузда́льских, переяславльские князья самостоятельной роли во внешней политике не играли. Но у них было одно, неочевидное в те времена преимущество: они владели частью бассейнов рек Волги и Москвы, оказавшихся по прихоти истории самыми важными реками в будущем объединении великорусских земель вокруг одного центра — Московского княжества.

После смерти первой супруги князь Ярослав женился в 1214 г. на Ростиславе — дочери знаменитого и уже знакомого нам Мстислава Удалого. Ростислава была наполовину половецкого происхождения, так как ее мать, княгиня Мария, была внучкой хана Кончака, известного из "Слова о полку Игореве". Вскоре после женитьбы Ярослав занял первый в своей жизни влиятельный древнерусский княжеский стол — стал князем Великого Новгорода. После ухода правившего там ранее Мстислава Удалого в Галич среди новгородцев взяла верх так называемая суздальская партия. Руководимые своими торговыми интересами сторонники тесных отношений с Суздальской землей решили призвать князя Ярослава и в 1215 г. переяславльский правитель впервые был приглашен на княжение в великий город.

Однако очень скоро новгородцам пришлось раскаяться в своем решении и переменить мнение о князе Ярославе — он стал править, не считаясь с правами городского вече и горожан. Поэтому первое призвание Ярослава не затянулось надолго, и уже 10 февраля 1216 г. вече изгнало князя. Но не тут-то было — Ярослав, правивший ранее только безропотно подчинявшимся ему Переяславлем-Залесским, решил научить Великий Новгород уважительному отношению к княжеской власти.

Хорошо зная об отсутствии в городе достаточных запасов продовольствия и понимая его зависимость от постоянного подвоза хлеба, князь занял Торжок, Волок и приказал не пропускать в Новгород обозы с необходимыми горожанам товарами. По описанию Н.И. Костомарова, события зимы 1216 г. быстро обрели трагический характер: "В Новгородской земле мороз побил хлеб; сделалась дороговизна, страшная для бедных людей. Ярослав не пускал в Новгород ни одного воза с хлебом. В Новгороде начался голод. Родители из-за куска хлеба продавали детей своих в рабство. Люди умирали с голоду на площадях, на улицах; мертвые валялись по дорогам, и собаки терзали их. Новгородцы послали к князю Ярославу просить его к себе, но Ярослав ничего не отвечал им и задержал

посланных. Новгородцы вторично послали к этому князю с такою речью: "Иди в свою отчину к Св. Софии, а не хочешь идти - так скажи". Ярослав снова задержал посланных и ничего не сказал Новгороду, но на этот раз только позаботился о том, чтобы вывезти оттуда свою жену, дочь Мстислава Мстиславича. Он велел останавливать на дорогах новгородских гостей и держал их в Торжке. Тогда, по словам летописца, в Новгороде была великая печаль и вопль". Так начиналось драматическое противостояние Великого Новгорода и Владимиро-Суздальской земли, которое растянулось более чем на 350 лет и в конечном счете завершилось разгромом Новгорода во времена Ивана Грозного.

Однако в 1216 г. Великий Новгород еще имел верных защитников своих вольностей. Оказавшись неожиданно для себя в таком тяжелом положении, новгородцы вспомнили о своем прежнем князе Мстиславе Удалом, и послали к нему на Русь за помощью. Узнав от послов о том, что его собственный зять творит насилие над дорогим ему Новгородом, Мстислав поспешил выручить город из беды. Удачно избежав столкновения с посланным ему наперехват отрядом, Мстислав прибыл в Новгород и, так как хотел "прежде дружелюбно разделаться с Ярославом", немедленно направил к зятю посла с мирными предложениями. Ярослав, издеваясь над предложениями тестя, приказал заковать захваченных ранее около двух тысяч новгородцев и отправить в заточение по разным городам, а их товары и имущество роздал своей дружине.

Получив столь красноречивый ответ, даже не такой искушенный полководец, каким был Мстислав Удалой, понял бы, что надежды на мирное разрешение конфликта практически нет. Положение Новгорода усугублялось еще и тем, что к Ярославу, не обладавшему значительной военной силой, присоединился его брат великий князь Владимиро-Суздальский Юрий (у Карамзина именуемый Георгием). Мощь Владимиро-Суздальского княжества еще со времен Всеволода Большое Гнездо была хорошо всем известна, и для борьбы с таким сильным противником Мстиславу Удалому остро требовалось привлечение дополнительных сил. Эту задачу он решил самым неожиданным образом — нашел союзника в лице Константина, родного брата князей Юрия и Ярослава. Константин был старшим из братьев, но великим князем Владимиро-Суздальским являлся не он, а младший по возрасту Юрий. Недовольство Константина таким распределением власти князю Мстиславу и удалось

использовать, убедив его присоединиться к Новгороду. Остальное должны были решить полководческий талант самого Мстислава Удалого и отвага новгородцев, отстаивавших уже не только права города, но жизнь и свободу своих близких.

В исторической литературе можно встретить мнение, что Мстислав Удалой был искусным полководцем, но неважным политиком. Думается, что это мнение не совсем верно. Такие его политические шаги, как привлечение на свою сторону князя Константина, или быстрый переход от войны к союзу с бывшим врагом, как это имело место с венграми после их изгнания Мстиславом из Галича, говорят о том, что князь был в политике достаточно искушенным человеком, проявляющим и гибкость ума, и точное понимание существующих реалий. Соединение полководческого таланта с политической зрелостью и помогло князю Мстиславу выиграть войну с братьями Всеволодовичами в 1216 г.

После того, как силы противоборствующих сторон определились, обе рати сошлись близ Юрьева. Константин со своими полками находился в стане новгородском, Юрий, Ярослав и князя Муромские "...вооружили, — как пишет Карамзин, — самых поселян и в необозримых рядах стали на берегу Кзы. Летописцы рассказывают, что князь владимирский и меньший брат его имели 30 знамен, или полков..."

Мстислав вторично пытался уладить конфликт, указывал Юрию и Ярославу через своих послов, что "...война междоусобная есть величайшее зло для государства", но Юрий "...ответствовал, что враги его брата суть его собственные; а Ярослав, надменный и мстительный, не хотел слушать никаких предложений. "Не время думать о мире, — говорил он послам. — Вы теперь как рыба на песке; зашли далеко и видите беду неминуемую". Отклонив мирные предложения, князя Юрий и Ярослав послали сказать новгородцам, что желают биться с ними на обширном Липицком поле. Мстислав принял вызов.

Мы намеренно приводим все детали этих трагических событий, чтобы показать всю неоднозначность личности отца Александра Невского, которая привела едва ли не к самому массовому самоистреблению наших предков — битве на Липице. Кроме того, это поможет нам дополнить портрет славного витязя Руси Мстислава Удалого, уже не раз появлявшегося в нашем повествовании.

По словам все того же Карамзина, первый день "...бились с

утра до вечера, слабо, неохотно: ибо время было весьма холодно и ненастливо". Основное сражение произошло 21 апреля 1216 г., и летописцы "...живо представляют ужас сей битвы, говоря, что сын шел на отца, брат на брата, слуга на господина: ибо многие новгородцы сражались за Ярослава; многие единокровные стояли друг против друга под знаменами Георгия и Константина.

Победа не была сомнительною. Новгородцы, смоляне дружным усилием расстроили, смяли врагов и, торжествуя, показывали в руках своих хоругви Ярославовы. Еще Георгий стоял против Константина; но скоро обратился в бегство за Ярославом. "Друзья! — сказал князь новгородский своим храбрым воинам. — Не время думать о корысти; надобно довершить победу", — и новгородцы, ему послушные, не хотели прикоснуться к добыче, с жаром гнали суздальцев, топили их в реках, осуждая смолян, которые обдирали мертвых и грабили обозы неприятеля.

Урон был велик только со стороны побежденных: их легло на месте 9233 человека. В остервенении своем не давая никому пощады, воины Мстиславовы взяли не более 60 пленников..."

"Ярослав, — продолжает свое описание Карамзин, — главный виновник кровопролития, ушел в Переяславль и, пылая гневом, задушил там многих новгородских купцов в темнице; а Георгий, утомив трех коней под собою, на четвертом прискакал во Владимир, где оставались большею частию одни старцы и дети, жены и люди духовного сана". Так в междоусобной войне из-за амбиций князей была подорвана мощь великого княжества Владимиро-Суздальского, полегли его отборные полки.

После победы Мстислав посадил Константина на великокняжеский стол Владимиро-Суздальский. Юрий удалился в Городец Волжский, но затем был прощен князем Константином и получил в удел Суздаль. Ярослав сдался Константину; Мстислав наотрез отказался мириться с зятем и, вытребовав всех плененных ранее новгородцев и свою дочь Ростиславу, уехал в Новгород. Права великого города были восстановлены. "Ни один князь, — пишет Н.И. Костомаров, — не сделал того для новгородцев, что сделал для них Мстислав Удалой".

К этому остается добавить, что князь Ярослав так быстро бежал с поля брани, что потерял свой шлем. Через сотни лет, в 1808 г., его нашли в лесу, под кочкой, на месте Липицкой битвы. Теперь он хранится в Оружейной палате в Москве. На ободке иконы святого

Михаила, вделанной в шлем, можно прочесть: "Великий архистратиге Господень Михаиле, помоги рабу своему Феодору".

Мстислав Удалой, не снискавший в этой истории для себя ничего, кроме славы, простился с Новгородом и его жителями, вернулся в Русь и, собрав там войско, выступил на Галич. Пришла пора его княжения в Галицком княжестве, наступал 1219 год. Дочь Ростиславу князь Мстислав с большой неохотой вернул мужу лишь спустя два года после Липицкой битвы. В последующие годы супружеской жизни князь Ярослав и Ростислава имели много детей. Истории известны семеро сыновей: Федор, Александр, Андрей, Ярослав, Михаил, Василий и Константин. По странному стечению обстоятельств у всех сынов князя Ярослава известны даты смерти, но даты рождения четверых из них не установлены. Поэтому имена братьев Ярославичей приведены здесь произвольно, а не в порядке старшинства и не по датам смерти. Точно известно, что первенцем был Федор, но он умер в тринадцатилетнем возрасте. Обычно принято считать, что Александр после смерти Федора стал старшим среди братьев и имел преимущественное право на отцовское наследство. Однако проверить этого нельзя, дата рождения, к примеру, того же князя Андрея, сыгравшего немалую роль в истории Владимиро-Суздальского княжества, осталась неизвестной, что порождает различные толкования причин происходивших в княжестве событий.

* * *

Князь Александр Ярославич родился в ноябре (по другой версии 30 мая) 1220 г. в городе Переяславле-Залесском. Детство и юность Александра не были столь бурными, как у князя Даниила. Ему не приходилось сражаться с иноземными войсками, чтобы утвердиться на княжеском столе, скитаться по чужим странам и дворам, воссоздавать основанное когда-то отцом княжество. В детские и юношеские годы Александр постоянно находился под опекой родителей. Через некоторое время после Липицкой битвы отец Александра князь Ярослав вернулся в Новгород, а его брат Юрий, в связи со смертью Константина вновь стал великим князем Владимиро-Суздальским. Пока Александр подрастал, князь Ярослав при поддержке Владимиро-Суздальского княжества и соседнего Пскова вел борьбу с рыцарями-крестоносцами.

В борьбе с этими противниками в свое время придется принять

самое непосредственное участие и князю Александру и заслужить в ней бессмертную славу. Начавшись как война с горсткой крестоносцев, данный конфликт перерастет для Новгорода, Пскова и поддерживавших их северо-восточных княжеств Руси в многовековое противоборство со многими европейскими странами за обладание выходом к Балтийскому морю, которое завершится только победами Петра I в Северной войне. Однако истоки этого конфликта, лежащие в самом начале XIII столетия, освещаются в отечественной литературе крайне скудно. Классики российской истории, упомянув скороговоркой первые события в войне с крестоносцами, сводят их по большей части к религиозным аспектам — в какую веру и кем обращались финны, эсты, чудь и прочие народности, проживавшие в "зоне конфликта". Безусловно, религиозной составляющей в противостоянии с крестоносцами не могло не быть по определению, но нельзя при этом забывать, что новгородцы были люди торговые, практические, и на ожесточенные сражения и великие жертвы их вряд ли бы вдохновила только одна перспектива обращения чуди в православие.

Современные же авторы, увлекшись воспеванием подвигов князя Александра в борьбе с коварными европейцами (а точнее, Западом, но какой мог быть "Запад" в XIII веке?!), вообще не задаются целью объяснить, из-за чего, собственно, возник конфликт с крестоносцами и как он развивался до того момента, как Александр принял в нем участие. Противники наших предков зачастую выводятся под обобщенным названием "крестоносцы", хотя силы их были далеко не однородны, и действовали эти силы, как правило, самостоятельно. Попробуем устранить этот пробел, восстановить цепь событий, благодаря которым Новгород и его союзники втянулись в драматичное многовековое противоборство. Для начала же выясним поподробнее, кто были те серьезные господа, что появились на северо-западных границах Руси в первые годы XIII столетия.

Первой реальной силой крестоносного движения в Прибалтике стал Ливонский орден. Он был создан в 1202 г. в Риге на основании устава ордена тамплиеров, местом его действия являлись Лифляндия, Эстляндия и Курляндия, совместно именовавшиеся Ливонией. Отличительным знаком братьев Ордена, официально называвшемся орденом "Братьев воинства Христового", стал белый плащ с красным крестом и мечом. В связи с этим знаком очень ча-

сто Орден назывался Орденом меченосцев, а по месту его расположения — Ливонским орденом.

В 1211 г., по приглашению хорошо знакомого нам венгерского короля Андрея II, в Европе впервые появился основанный в Палестине Тевтонский орден. Андрей предложил тевтонам трансильванскую область Бурзу с условием защищать ее от набегов половцев. В 1225 г. король Андрей, опасаясь стремления Тевтонского ордена к полной самостоятельности, отказался от его услуг и отобрал переданные рыцарям земли. Однако надолго покидать Европу рыцарям не пришлось: польский князь Конрад Мазовецкий решил использовать их в борьбе с прусскими язычниками. С 1230 г. Тевтонский орден прочно обосновался в Прибалтике, местом его действия стала Пруссия — территория, расположенная в треугольнике между Литвой, Польшей и Балтийским морем.

Помимо указанных рыцарских орденов, в боевых действиях против Руси так же участвовали обосновавшиеся в Ревеле датские рыцари и периодически приплывавшие из-за моря шведы. С этими-то противниками и пришлось вести постоянные войны северо-западным землям Руси.

Натиск на восток первыми начали рыцари Ливонского ордена, обрушившие свои удары на проживавшие поблизости славянские и финские племена. До поры до времени, пока бодричи, лютичи, поморяне и финны сдерживали наступление братьев-рыцарей, в Новгороде, Пскове, Полоцке и Смоленске люди чувствовали себя достаточно спокойно. Полагая, что события на Балтике их прямо не касаются, новгородцы совершили без особого успеха набег в 1209 г. на Тормы, в 1210 г. — на Уганди, но о каком-либо серьезном противодействии Ордену речь пока не шла.

Однако к 1210 г. рыцари полностью овладели Ливонией, а их миссионеры стали все чаще вмешиваться в отношения Новгорода с чудью, платившей городу дань. Доходы, получаемые северными древнерусскими торговыми городами с этих земель, стали уменьшаться, а потому Новгороду и Пскову пришлось переменить свое мнение о новых соседях. Прежние разрозненные, бессистемные набегі сменяются полномасштабными боевыми действиями.

Первоначальный этап борьбы с рыцарями начался для новгородцев и поддерживавших их владими́ро-суздальских князей достаточно удачно. В 1212 г. все тот же Мстислав Удалой, княживший тогда в Новгороде, во главе объединенного 15-тысячного новго-

родско-полоцкого войска атаковал Орден меченосцев на его территориях на западном берегу Чудского озера. Князю Мстиславу удалось восстановить контроль Новгорода над Балтийским побережьем и обеспечить возобновление сбора дани в этом регионе.

Затем Полоцк заключил мир с Орденом, и новгородцам волею-неволей пришлось пойти на перемирие с рыцарями. Долгим оно не было — уже в 1217 г. новгородцы, обретя новых союзников в лице Пскова и эстов, совершили новый удачный поход в южную Эстонию и разбили там меченосцев. Еще через год войска Новгорода и Пскова осаждали резиденцию магистра Ливонского ордена, в 1221 г. объединенное новгородско-псковское войско под командованием великого князя Владимиро-Суздальского Юрия осаждало крепость Ордена Венден. В этом походе вместе с новгородцами участвовал отряд литовцев численностью около 600 человек, заложив тем самым основы будущего союза Великого Новгорода и Литвы против Ордена. В 1222 г. новгородцы и псковичи оказали поддержку эстам, которые, уничтожив гарнизоны крестоносцев, взяли под свой контроль города Эзеле, Феллине и Оденпе.

Таким образом, первые десять лет борьбы прошли с тактическим преимуществом новгородцев и их союзников, постоянно атаковавших противника на его территории. Рыцари, не имевшие в начале достаточно сил, отвечали редкими контрударами. Но постепенно ситуация менялась в пользу ливонцев, и уже в 1223 г. они вернули себе все утраченные за год до этого города, в том числе и город-крепость Оденпе (Медвежья Голова). Усиление написка крестоносцев объяснялось тем, что на театре военных действий появились их союзники — датские рыцари.

Новые участники борьбы за Балтийское побережье были настроены очень решительно — в 1219 г. датский король Вальдемар II со своими рыцарями высадился на берегу Финского залива и основал город Ревель (Таллинн). Вслед за постройкой города-крепости датчане овладели Северной Эстонией вплоть до реки Нарва. Изпод контроля Новгорода вышли не только значительная часть побережья Балтийского моря и северная оконечность Чудского озера, но и местное население, которое платило дань.

Всю серьезность изменившейся ситуации понимали не только в Новгороде, но и во Владимиро-Суздальском княжестве. Великий князь Владимирский Юрий и князь Ярослав, вернувшийся после непродолжительной ссылки на Новгородский стол, решили всту-

пить в борьбу с датчанами; для князя Ярослава и его потомков началась тяжкая, но славная пора защиты северо-западных рубежей Руси. В 1223 г. князь Ярослав совершил поход против укрепившихся в Ревеле датчан. Согласно "Хронике Ливонии" Ярослава послал его брат "король суздальский", то есть князь Юрий. Вместе с новгородцами в походе участвовал князь Псковский с горожанами, а общая численность войск, собравшихся под командованием Ярослава, составляла около 20 тысяч человек. Ревель взять не удалось, но в Юрьеве и крепости Оденпе были оставлены постоянные гарнизоны новгородцев.

Однако на следующий год положение вновь резко ухудшилось. Ливонский орден, подготовившись со всей немецкой обстоятельностью, в 1224 г. перехватил инициативу. Руководимые епископом Альбертом рыцари и поддерживавшие их ливы, неожиданным ударом захватили город Юрьев и прилегающие территории, вышли на давний рубеж Руси. Этот успех Ордена кардинально изменил ситуацию в регионе. С 1030 г., когда Ярослав Мудрый основал Юрьев, этот город являлся опорной базой Новгорода на территориях, ныне входящих в состав Эстонии, а Чудское озеро было внутренним озером земли Новгородской. С потерей Юрьева и прилегающих земель новгородцы оказались полностью вытеснены из Эстонии, их союзники эсты — разбиты, а граница между Ливонским орденом и Псковом прошла в 30-ти километрах от города. Чудское озеро, как во времена Киевского князя Святослава, вновь стало пограничным. Этот этап войны крестоносцы выиграли. Закрепляя свой успех, на месте Юрьева они построили город Дерпт (он же Тарту), а на присоединенных землях образовали Дерптское епископство.

Новгороду не оставалось ничего иного, как начать долгую войну за восстановление своего контроля над утраченными территориями, имея своей конечной целью возвращение Юрьева. Но необходимость продолжения борьбы против Ордена была очевидной далеко не всем. Когда в 1228 г. князь Ярослав, продолжавший княжить в Великом Новгороде, стал готовить поход на Ригу, то постоянный союзник новгородцев Псков ответил ему отказом на предложение о совместном выступлении. Оказалось, что Псков заключил с Ливонским орденом договор, по которому крестоносцы помогали городу в случае конфликта с Новгородом, а Псков в свою очередь признавал рыцарей своими союзниками в случае нападения Новгорода. В подтверждение

договора крестоносцы и псковичи обменялись заложниками. Таким образом, Псков, оказавшись в положении приграничного города, считал более выгодным для себя жить в мире с Орденом, получив от него соответствующие гарантии.

Новгородцы, узнав об отказе Пскова, также не поддержали намерений князя. Ярослав вступил в конфликт с жителями города, однако удержать власть не смог, и был вынужден покинуть Новгород, уехать в свой Переяславль-Залесский. На сей раз, помня исход битвы на Липице, князь Ярослав на насильственные действия против новгородцев не решился. Уезжая, Ярослав оставил в Новгороде на попечение доверенных людей своих малолетних сыновей Федора и Александра. Однако волнения в городе нарастали, и в феврале 1229 г. они также покинули Новгород. Почти на два года на стол Новгородский сел Черниговский князь Михаил, который через 15 лет вступит в борьбу с князем Даниилом за овладение Галичем.

В декабре 1230 г. Ярослав вновь стал князем в Новгороде. На некоторое время в его владениях установились тишина и спокойствие. Только спустя четыре года князь Ярослав совершил новый поход против ливонских рыцарей во главе переяславльской, новгородской и псковской дружин. В этом походе, состоявшемся в 1234 г., участвовал и Александр, которому исполнилось уже 14 лет. Традиционно принято считать, что в последовавшем вскоре сражении с крестоносцами произошло боевое крещение юного князя.

Князь Ярослав, подступив со своими полками к Юрьеву, встал недалеко от города и отпустил людей для сбора съестных припасов, что называлось тогда "воевать в зажитие". Рыцари сделали вылазку из Юрьева и из крепости Оденпе. После ряда небольших стычек в окрестностях этой крепости произошла битва на болотистой пойме реки Эмбах (русское название — Амовжа) под Дубровной. В ходе сражения дружины князя Ярослава, разбив рыцарей, загнали отступавших меченосцев на лед замерзшей Амовжи. Под тяжестью тяжеловооруженных рыцарей непрочный лед провалился и "истопло их много, а иные, язвыни (израненные), побежали в Юрьев и в Медвежью Голову".

Это поражение Ливонского ордена заставило его магистра Фольквина фон Винтерштеттена подписать мирный договор с Новгородом на условиях князя Ярослава. Согласно договору Новгород частично восстановил свои права в Эстонии, город Дерпт стал вновь платить ему дань. Ситуация на границе улучшилась, однако

сам Дерпт остался под контролем Ордена, Дерптское епископство не было ликвидировано, а потерянные в 1224 г. земли Новгороду уже более не возвращались.

Мир с Орденом сохранялся на протяжении четырех лет, очевидно, в немалой степени из-за поражения, которое крестоносцы потерпели в 1236 г. от литовского князя Рингольда в битве близ Сауле (Шауляя). В том бою пали магистр Ордена Винтерштеттен, 50 командиров рыцарских отрядов, а сотни братьев попали в плен. В результате от Ливонского ордена отпали многие завоеванные ранее земли и его границы с Литвой отодвинулись едва ли не к границам 1208 г. Разгром был настолько серьезным, что в мае 1237 г. по решению Папы Римского Григория XI остатки Ордена меченосцев были объединены с Тевтонским орденом. Объединенный орден получил название Немецкий, но две его части, Тевтонская и Ливонская, разделенные территорией Литвы, зачастую именовались своими прежними названиями. Юридически же Ливонский орден как самостоятельная военно-религиозная организация перестал существовать.

* * *

По прихоти судьбы в это же время произошли изменения и в Новгороде Великом — впереди были новые схватки и на историческую сцену выходили новые герои. Князь Ярослав, достойно исполнив свой долг защитника западных рубежей Руси, взяв с собой малую дружину и бояр, уехал княжить в Киев. Настало время его сыну Александру заступить место отца.

В 1236 г. с согласия городского веча шестнадцатилетний Александр был приглашен на княжение в Великий Новгород. Мирный договор с ослабленным Орденом и мощная поддержка со стороны великого князя Владимиро-Суздальского Юрия склонили новгородцев к избранию на Новгородский стол столь юного князя. Таким образом, в руках Всеволодовичей оказалось сразу три из важнейших городов Руси — Киев, Владимир-на-Клязьме и Новгород Великий. В таком положении и встретили они роковые 1237—1238 годы.

Поход Батгя на Русь описан неоднократно и с различных точек зрения. Парадоксальным образом это грандиозное и самое трагичное событие истории Руси XIII столетия не коснулось непосредственно ни князя Ярослава, ни его сына Александра. Поэтому

для сохранения канвы событий мы только отметим, что Батый разгромил войско Рязанского княжества, взял в великом княжестве Владимиро-Суздальском четырнадцать городов. В битве 4 марта 1238 г. на реке Сити монгольский полководец Бурундай разбил войско Владимиро-Суздальского княжества, в бою погиб и великий князь Юрий. 5 марта 1238 г. после двухнедельной осады был взят в Новгородской земле Торжок. По мнению Л.Н. Гумилева, "...несчастный Торжок пострадал лишь потому, что жители его ждали помощи из Новгорода, из-за чего не успели капитулировать. Но по монгольскому закону, после того как была выпущена первая стрела, переговоры прекращались и город считался обреченным". Затем Батый, не дойдя до Новгорода, круто повернул на юг и семь недель осаждал принадлежащий Черниговскому княжеству городок Козельск. Летом 1238 г., закончив первый поход на Русь, монголы ушли в степь.

Князь Ярослав, находившийся во время нашествия монголов в Киеве, узнав о разгроме Владимиро-Суздальского княжества, оставил старую столицу и в мае 1238 года вернулся во Владимир-на-Клязьме. Монголов там уже не было. Возглавив после гибели брата княжество, Ярослав занялся похоронами погибших и восстановлением нормальной жизни для выживших. Князь Александр переждал Батыево нашествие в Новгороде. Таким образом отец и сын, по странной прихоти судьбы, избежали необходимости вступить в военные действия против захватчиков. В дальнейшем ни один из них также никогда не обнажал свое оружие против монголов, но это уже было следствием сознательного выбора князей, а не случайной случайностью, как в 1237—1238 гг.

Несмотря на тяжелейшие потери, Владимиро-Суздальское княжество не было полностью обескровлено монгольским нашествием. Северная часть княжества уцелела благодаря своевременным переговорам и капитуляции городов с предоставлением наступающей татарской армии провианта и лошадей. Избежали разгрома богатые приволжские города, такие как Ярославль, Ростов, Углич, Тверь. Соседние Полоцкое, Смоленское и Турово-Пинское княжества вообще не были затронуты монголами, что позволяло получать из этих княжеств помощь для восстановления людьми и товарами.

Достаточно быстро князю Ярославу удалось восстановить военные силы княжества, в том числе и за счет тех формирований, которые пришли вместе с ним из Киева. До полного воссоздания

прежней боевой мощи Владимиро-Суздальского княжества было еще, конечно, далеко, но собранных сил хватило для успешного выступления против Литвы уже в 1239 г. В этом походе Ярослав отвоевал у литовского князя Ердзивила Смоленск. Да и в победу в состоявшемся через четыре года после монгольского нашествия Ледовом побоище владими́ро-суздальские полки внесли немалый вклад.

Еще меньший урон понесла Новгородская земля, в которой монголы взяли и разорили только Торжок. Новгород полностью сохранил свои силы, которые понадобились ему в возобновившейся вскоре войне с крестоносцами. Пока северо-восточные княжества Руси переживали нашествие монголов, Тевтонский орден нашел себе союзников в Европе, и в июне 1238 г. был заключен немецко-шведско-датский договор о совместных действиях против Новгорода. По сведениям А. Андреева и С. Шумова, целью договора являлись завоевание шведами Карелии и устья реки Невы, датчанами — юго-восточного побережья Финского залива, Ордена — захват Пскова.

В 1239 г. князь Александр женился на дочери полоцкого князя Брючислава, юной княжне Александре. Венчание молодых происходило в городе Торопце Смоленского княжества, граничившего с Владимиро-Суздальским княжеством, Новгородской землей и Полоцким княжеством. Как и многие браки иных государственных деятелей, этот союз во многом был продиктован политической необходимостью, желанием вступающих в него сторон укрепить свои позиции. Какие преимущества получали князья Новгорода и Владимира-на-Клязьме от союза с князем Полоцким легко понять, если посмотреть на карту Европы того времени. Новгородская земля не имела непосредственной границы с Орденом, а, как показала неудачная попытка князя Ярослава в 1228 г., Псков далеко не всегда соглашался пропускать войска новгородцев через свою территорию. В тоже время упоминавшийся договор между Орденом и псковичами не исключал возможности неожиданного появления крестоносцев на рубежах Новгорода, что делало положение города крайне уязвимым. Полоцкое же княжество, граничившее на севере с Новгородом, западной своей оконечностью охватывало территории Ордена и, имея союзником полоцкого князя, можно было, обойдя Псковские земли, нанести неожиданный фланговый удар по землям крестоносцев. Таким образом, односторонние преимущества,

которые рыцари получили, подписав договор со Псковом, были нейтрализованы путем заключения брака князя Александра с Полоцкой княжной. Конечно, вряд ли стоит утверждать, что только одни эти военно-политические преимущества союза с Полоцким князем руководили девятнадцатилетним Александром, но, безусловно, их хорошо понимал и принимал в расчет его отец — великий князь Владимиро-Суздальский Ярослав.

Однако для предотвращения внезапного нападения на Новгород одного союза с Полоцком было недостаточно. Поэтому в этом же году Александр с новгородцами построил на реке Шелони несколько крепостей, укрепив тем самым границу между Новгородской и Псковской землями. Организовал князь и дозорную стражу в земле ижорян на реке Неве для предупреждения о появлении противника со стороны Балтийского моря. Таким образом, все направления, откуда могла последовать агрессия крестоносцев или их союзников, были взяты под контроль. Эта предусмотрительность оказалась очень своевременной.

Летом 1240 г. король Швеции, как пишет Н.М. Карамзин, "...досадуя на россиян за частые опустошения Финляндии, послал зятя своего, Биргера, на ладиях в Неву, к устью Ижеры, с великим числом шведов, норвежцев, финнов". С руководителем военной экспедиции шведов не совсем ясно, Карамзин говорит о Биргере — зяте болевшего шведского короля, фактически правившем страной, другие источники указывают на ярла Ульфи Фаси. И в том, и в другом случае руководство экспедицией было достаточно высокопоставленным. Из Новгородской первой летописи и Жития Александра Невского известно, что шведы вошли в устье Невы в начале июля, дошли до места впадения в нее реки Ижоры и встали там лагерем.

15 июля дружина Александра вместе с новгородским, ижорским ополчениями и отрядом ладожан атаковала лагерь шведов. Скандинавы не ждали нападения: лишь часть войска находилась в лагере на суше, другие оставались на кораблях, стоявших у берега. Атакованные шведы бежали на корабли и в ту же ночь уплыли вниз по Неве в сторону моря. В сече воины князя Александра потеряли убитыми 20 человек. Павших скандинавов не считали, тела их погрузили на 2 захваченных корабля и отправили вниз по реке, вслед за ушедшим шведским флотом.

В связи этой победой князь Александр вошел в отечественную

историю с прозвищем Невский. Правда, получил князь его спустя два столетия — не ранее конца XV века, когда он впервые упоминается в общерусских летописях с этим прозвищем.

Российский автор Ю. Бегунов, издавший несколько книг о князе Александре отмечает: "...похоже, что Невская битва не отличалась грандиозностью и большим числом участвовавших в ней воинов". Это, кстати, ничуть не помешало ему тут же сделать вывод о том, что незначительный масштаб битвы "...не снижает ее судьбоносного исторического значения. Границы Новгородской республики были защищены, свободный выход к Балтике сохранен надолго. До 1256 г. шведы не покушались на земли Новгорода". А далее следуют обязательные заклинания о всенародном подвиге, совершенном в битве, "не отличавшейся грандиозностью".

Но, похоже, жившие в одно время с князем Александром новгородцы не разделяли восторгов нашего современника. По возвращении в Новгород, Александр попытался собрать более многочисленную дружину, что, безусловно, следует признать оправданным при наличии реальной военной опасности. Однако или опасность, по мнению горожан, была не столь велика, или новгородцы, помня о наклонностях и поступках его отца, заподозрили Александра в желании единолично править в городе, но по требованию веча невиский герой вынужден был покинуть Новгород. Так же как и князь Ярослав в аналогичных случаях, князь Александр уехал в родной Переяславль-Залесский.

* * *

Боевые действия на западной границе меж тем продолжались. 15 августа 1240 г. рыцари Ордена совместно с отрядами датского короля и дерптского епископа взяли Изборск и стали угрожать Пскову. Пятитысячное псковское войско вышло им навстречу, но было разбито. В сражении псковичи потеряли своего воеводу Гаврилу и 800 воинов. Рыцари подступили ко Пскову, сожгли окрестные села и целую неделю стояли под городом. Псковичи вынуждены были исполнить их требование и выдать своих детей в заложники, а затем впустить рыцарей в город. 16 сентября 1240 г. крестоносцы вошли во Псков, где оставили наместников и подчиненный им отряд. Как утверждает летописец, во Пскове вместе с двумя фогтами стал править посадник Твердила Иванкович, который и уговорил сограждан покориться Ордену.

Зимой 1241 г. ливонские рыцари вместе с чудью напали на Вотскую землю и, завоевав ее, наложили дань на здешних жителей. Намереваясь прочно обосноваться на захваченных землях, они построили замок в Копорье, взяли город Тесово, затем разграбили земли по реке Луге и стали нападать на новгородских купцов в 30-ти верстах от Новгорода.

Из Новгорода направили посольство во Владимир-на-Клязьме с просьбой о помощи. Великий князь Ярослав послал вооруженный отряд во главе со своим сыном Андреем, но тот организовать отпор врагу не сумел. Новгородцы вынуждены были просить вернуться его старшего брата Александра, однако уговорить обиженного князя оказалось непросто. Только авторитет новгородского владыки Спиридона помог вернуть Александра в город.

Прибыв в Новгород в марте 1241 г., князь Александр сразу двинулся с войсками к Копорью, взял и уничтожил построенный рыцарями замок. Плененный гарнизон победителя привели в Новгород, часть его отпустили, а изменников вожан и чудин повесили. По сведениям Ю. Бегунова, в походе на Копорье участвовало войско численностью в 10 тысяч человек, но, как мы увидим далее из некоторых примеров, к сведениям, сообщаемым этим автором надо относиться осторожно.

Следующей целью был Псков, но взять так же быстро этот хорошо укрепленный город-крепость было нельзя. Поэтому, дождавшись посланную отцом владими́ро-суздальскую рать во главе с младшим братом Андреем, в поход на Псков князь Александр выступил только в декабре 1241 г. Вопреки ожиданиям занять город удалось достаточно просто при помощи горожан, открывших западные ворота крепости. Тем не менее, по сведениям источников, при взятии Пскова погибло около 70-ти рыцарей и множество простых воинов, состоявших на службе Ордена. При огромном стечении народа изменник Твердила и немецкие управители были повешены. Всех пленных рыцарей победитель отпустил, наказав: "Скажите вашим, что идет князь Александр и врагам пощады не будет!"

После взятия Пскова князь Александр выступил на запад и вторгся в земли Дерптского епископства, где его войска занялись обычным для того времени делом — грабежами местного населения. Получив сообщение об уничтожении рыцарями своих передовых отрядов, Александр отступил к находившемуся на границе Чудскому озеру. Здесь, у Вороньего камня на Узмени (Теплого озера),

расположенного южнее Чудского озера, князь и встретил преследовавшего его неприятеля.

Предполагается, что именно на льду Узмени (но очень часто указывается и Чудское озеро) 5 апреля 1242 года и произошло сражение, получившее в древнерусских летописях название Ледового побоища. Войско князя Александра было построено на льду у Вороньего камня по классической схеме, выработанной еще во времена князя Святослава. В центре — пеший полк с выдвинутыми вперед лучниками, по флангам — конница. Рыцари атаковали в привычном для себя строю в форме клина. Новгородская летопись и немецкая "Рифмованная хроника" единогласно утверждают, что в ходе сражения рыцарский клин пробил стоявшую на льду пехоту новгородцев, но не смог преодолеть крутой берег и остановился. В это время по флангам "свиньи" (так рыцарский строй называют древнерусские летописи), ударил "засадный" полк Александра — конная дружина под командованием князя Андрея. Рыцари оказались в окружении, и как пишет летописец, произошла злая сеча, льда на озере стало не видно, все покрылось кровью. Одолев рыцарей, воины Александра гнали врага до Суболичского берега по льду семь верст.

По подсчетам Ю. Бегунова численность новгородских и владими́ро-суздальских полков составляла около 17-ти тысяч человек, против 12-ти тысяч воинов Ордена. В сражении погиб 531 рыцарь, чуди бесчисленное множество, в плен новгородцы и суздальцы взяли более 50-ти рыцарей.

Таково краткое изложение официальной, широко распространенной версии событий, произошедших в 1240—1242 годах в Псковской и Новгородской землях. Центральное место в них всегда и безоговорочно отводится Ледовому побоищу. Без красочного писания этого сражения, так же как и вывода о его судьбоносном для великорусского народа и чуть ли не общеевропейском значении, не обходится ни один школьный учебник по российской истории. Таких же оценок придерживаются и более серьезные издания.

Так, по мнению авторов Всемирной истории, изданной в Минске в 2000 году: "Победа на льду Чудского озера спасла русский народ и другие народы Восточной Европы от немецкого рабства. В результате этой победы была остановлена немецкая агрессия на Восток, продолжавшаяся в течение нескольких столетий. В этом состоит огромное историческое значение русской победы 5 апреля 1242 г."

У автора этих строк совершенно не было намерения рассматривать детально битву на реке Неве и Ледовое побоище. Как славные страницы в биографии князя Александра они с детства представлялись настолько подробно описанными в бесконечном количестве книг и фильмов, что в рамках сравнения его жизненного пути с судьбой короля Даниила казалось бессмысленным делать это еще раз. Тем более, что значение и роль сражения на Неве и Ледового побоища в российской истории общеизвестны и общеприняты, а для истории Украины они существенного значения не имеют.

Но навыки, привитые всем нам Виктором Суворовым, требовали уделять внимание мелочам. Эти-то мелочи и заставили для начала усомниться в таком существенном обстоятельстве официальной версии, как цель действия шведов и Ордена. Затем появились и другие сомнения, заставившие более пристально рассмотреть все события. Речь шла не столько о том, что победы князя Александра называются русскими победами (думаем, что читатели уже сами реагируют на некорректность использования этнонима "русский" и его производных применительно к событиям первой половины XIII века), сколько об оценках и интерпретациях, даваемых этим событиям различными авторами. Попробуем в них разобраться.

Итак, папа Григорий IX объявляет очередной крестовый поход против финнов и Руси. На войне настаивает и епископ Упсальский Томас. Основными военными силами, которые должны обеспечивать успешность предприятия, должны были выступать шведы и Немецкий орден. Шведы отправляют военную экспедицию в июле 1240 г. В составе войска находятся епископы, что дает основание многим российским историкам говорить о религиозном значении экспедиции. Далее победная атака войск Александра и бегство шведов. Казалось бы, все ясно и понятно, именно за эту победу русская православная церковь, рассматривая победу на Неве как "торжество православия над католичеством", канонизировала князя Александра. С авторитетом церкви спорить трудно, но все-таки религиозная цель шведской экспедиции вызывает сомнение.

Согласно учебникам, целью похода являлось обращение язычников и "схизматиков" в истинную веру. Задача католических проповедников несколько облегчалась тем обстоятельством, что большая часть населявших Новгородскую и Псковскую землю чуди,

води, ижоры сопротивлялась введению у них православия, а сумь и емь (финны) уже фактически подчинялись шведам, исповедовавшим католицизм. Из опыта христианизации пруссов тевтонами известно, что обращение зачастую проходило с использованием силовых аргументов, вплоть до уничтожения упорствующих в своих заблуждениях язычников. Но независимо от способа "работы" с будущей паствой, обращение в истинную веру подразумевает самый непосредственный контакт с обращаемыми.

Исходя из этих соображений, экспедиция должна была бы пройти хорошо знакомым для шведов еще с варяжских времен путем по Неве в Ладожское озеро, оттуда минимум до города Ладога. Никто и ничто не мешает им достичь населенных мест, где и живет будущая паства. Однако шведы высаживаются в устье реки Ижоры на пустынном берегу, разбивают лагерь и находятся в нем до атаки Александра около 15-ти дней. Захватчики явно никуда не спешат, не ведут разведку боем, не берут "языка". Они что, на пикник приехали? А как же крестовый поход? Что-то не вписываются их действия в представление о поведении агрессивного проповедника, нацеленного на обращение неверных. Кстати, а были ли вообще у шведов достаточные силы для столь серьезного предприятия?

Оценивая точность приведенных летописцем сведений, доктор исторических наук, профессор А.Г. Кузьмин в своей работе "Красота наша погыбе..." пишет: "Видимо, желая преувеличить достигнутый успех, автор уверяет, что новгородцы потеряли только 20 человек. Но оговорка — "или менее, Бог весть", показывает, что точными данными автор не располагал. Разумеется, масштабы сражения не могли идти в сравнение с битвами, которые сопровождали наступление полчищ монголо-татар. Но для Швеции и для большинства европейских стран такое поражение было весьма чувствительным: дружины конунгов в это время обычно насчитывали около сотни человек. Войско в несколько сотен — едва ли не максимум того, что можно было собрать для дальнего похода". Зададим себе вопрос: возможно ли с такими силами окрестить насильственно все население северо-восточных земель Руси? Даже во времена викингов такой численности варяжской дружины хватило только на завладение районом Ладоги, но тогда еще не было ни Новгорода, ни Пскова, ни Владимиро-Суздальского и иных княжеств, готовых дать вооруженный отпор непрошенным "просветителям". Неужели шведы, постоянно торговавшие с Новгородом, не подозревали,

что по сравнению с IX веком, население края резко возросло, что у Руси есть укрепленные города и вооруженные силы, созданные, кстати, их же предками и что покорить или насильственно окрестить эти земли с войском в несколько сотен человек нельзя?

Конечно, аргументом в пользу того, что малым числом проповедников и помогающих им войск можно окрестить население обширного края, мог бы служить опыт Тевтонского ордена. Известно, что численность братьев, особенно на первых этапах, была очень невелика, однако Ордену удалось в конечном счете христианизировать Пруссию. Но никто и никогда не утверждал, что это удалось сделать в результате только одной экспедиции. Даже при наличии мощного и эффективного государства, которое тевтонцы создали на захваченных прусских землях, процесс обращения язычников занял у них более 70-ти лет и потребовал оккупации всей страны. Так мы вновь приходим к военным аспектам шведской экспедиции, но ни один автор всерьез не рассматривает возможность оккупации Новгородской земли, а уже тем более всех северо-восточных княжеств Руси теми силами, которыми располагали скандинавы в 1240 г. Какова же тогда была цель похода шведов?

* * *

Не получается крестовый поход и у Ордена. Даже из официальной версии видно, что рыцари тоже не спешат. Овладев в сентябре 1240 г. без особых хлопот такой серьезной крепостью как Псков, они до зимы не предпринимают никаких дальнейших действий. Казалось бы, им открыта прямая дорога на Новгород. Князя Александра там нет, и появится он только через шесть месяцев — в марте следующего года. Конечно, преградой для дальнейшего наступления рыцарей могла послужить осенняя распутица — она и в XX веке смогла парализовать действия их гораздо более технически оснащенных потомков. Так или иначе, рыцари выжидают 2–3 месяца и только зимой, когда восстанавливается сообщение, выступают в поход, но не на восток, в сторону Новгорода, где по-прежнему нет князя, а на север, где основывают крепость Копорье. Если посмотреть на карту, то видно, что расстояние от Пскова до Копорья никак не меньше расстояния от Пскова до Новгорода. Места там явно глухие, что подтверждается фактом основания рыцарями крепости, так как иных укреплений там просто нет. Может быть, какие-то поселения в том крае и были, но это явно не то

место, где можно решать проблемы обращения населения Новгородской и Псковской земель в "истинную веру".

Не спешат рыцари и в дальнейшем, ограничиваясь рейдами в окрестностях Новгорода. В марте 1241 г. князь Александр стремительным ударом овладевает Копорьем и сравнивает его с землей. Затем до декабря, то есть в течение 9-ти месяцев он ожидает владими́ро-суздальскую рать, и только после ее прибытия выступает на Псков. По сведениям С.М. Соловьева князь Александра во время этой паузы вообще нет в Новгороде — он ездил в Орду к Батюно. Но все эти 9 месяцев рыцари тоже ничего серьезного не предпринимают! Как после основания Копорья они не пытались двигаться дальше, так теперь не прилагают усилий даже для удержания уже завоеванного, явно уступая инициативу князю Александру. Вообще, вы заметили, что действиям шведов и немцев присуща одна особенность, не характерная для агрессии со столь обширными замыслами: достигнув первых своих целей, они останавливаются, не пытаясь развить успех. Далее потеря темпа, утрата инициативы и разгром. В чем дело, почему профессиональные вояки повторяют одну и ту же ошибку? А может быть, в тот момент и не было у них таких далеко идущих намерений? Но какова же тогда была цель оккупации Пскова, или может быть, ее тоже не было?

Оккупация, безусловно, была, но обстоятельства, при которых рыцари появились в городе, в последние годы приобретают несколько иную окраску. Вспомним, что после захвата Ливонским орденом Юрьева, Псков заключил с рыцарями договор. Видимо отголоски этого сотрудничества проявились и в упоминавшейся битве между Орденом и Литвой под Шауляем в 1236 г., в ходе которой погибли около двухсот псковичей, сражавшихся против литовских отрядов на стороне рыцарей. Отечественные учебники не любят вспоминать об этом эпизоде, поскольку он плохо вписывается в картину единой борьбы народов Прибалтики и Руси против "немецкой агрессии".

После разгрома Ливонского ордена Литвой сотрудничество Пскова с рыцарями продолжалось. Среди псковичей, как, впрочем, и среди новгородцев, было немало число германофилов, сохранявших ненависть к Владимиро-Суздальскому княжеству со времен Липицкой битвы. Эти силы предпочитали союзу с Новгородом, во главе которого стояли владими́ро-суздальские князья, выгодную торговлю с Ганзейским союзом немецких городов, которая была невозможна без добрых отношений с Орденом. О степе-

ни влиятельности во Пскове лиц, разделявших такие убеждения, можно судить хотя бы по тому, что упоминавшийся договор города с рыцарями 1228 г. имел явную направленность против Новгорода. Поэтому не выглядят странными выводы, к которым пришел российский автор А. Валеров, исследовавший обстоятельства овладения Пскова Орденом. Он, в частности, пишет: "Появление немцев во Пскове произошло с согласия значительной части псковской общины ... по большому счету, можно говорить о добровольной сдаче города самими жителями..." Причиной сдачи города могло послужить то, что "псковичи предпочли в 1240 году установление власти немцев возможному поглощению суверенной Псковской земли Новгородской волостью". Другой российский автор И. Данилевский добавляет: "Оккупационная" власть была представлена только двумя рыцарями-фогтами, исполнявшими, прежде всего, судебные функции.

Итак, что же получается? Овладев определенными территориями, где без разрешения хозяев, а где с согласия некоторой части населения, ни шведы, ни рыцари Ордена не имели ни сил, ни решимости немедленно обращать язычников и "схизматиков" в истинную веру и присутствие католических епископов на борту шведских кораблей ничего не доказывает. Тут нам самое время вспомнить о приведенных А. Андреевым и С. Шумовым сведениях о заключенном в 1238 г. немецко-шведско-датском договоре, целью которого, вчитаемся еще раз, являлись завоевание шведами Карелии и устья реки Невы, датчанами — юго-восточного побережья Финского залива, Ордена — захват Пскова. В точном соответствии с этим договором шведы и Орден (педанты!) и встали, достигнув своих целей.

Безусловно, это были прямые акты агрессии со стороны шведов и Ордена, а захваченные ими территории и город Псков могли в дальнейшем использоваться в качестве плацдармов для движения в глубь Новгородской земли. Бесспорно, Русь имела полное право на немедленное изгнание захватчиков, что князь Александр блестяще и исполнил, выбив шведов с Невы, а крестоносцев из Пскова. В декабре 1241 г. последние агрессоры покинули территорию Руси. События вроде бы закончились, враги изгнаны, из-за чего же тогда и где произошло знаменитое Ледовое побоище?

Тут нас ждет следующий сюрприз — битва на льду Чудского озера, произошедшая через три с лишним месяца после изгнания

рыцарей из Пскова никак не может считаться отражением очередной агрессии со стороны Ордена. Скорее наоборот, поскольку, освободив Псковскую землю в декабре 1241 г., войска князя Александра в свою очередь вторглись на земли Дерптского епископства, и занимались там грабежами всю зиму. Какое же правительство будет безнаказанно терпеть таких "гостей" на своей территории? Ливонцы собрались с силами, что, видимо, было непросто, если вспомнить о потерях, понесенных Орденом при взятии новгородцами Пскова, после чего последовало преследование рыцарями войск Александра вплоть до Чудского озера. Граница проходила тогда по озеру, так что Ледовое побоище произошло фактически на нейтральной полосе. Вторглись бы братья-монахи вновь на земли Руси, если бы Александр продолжил отступление — нам не дано узнать никогда, но то, что рыцари появились на границе, вытесняя войска новгородцев с территорий, которые Орден считал своими — несомненно.

Теперь остановимся на вопросе о грандиозности Ледового побоища. Упоминавшийся уже российский автор И. Данилевский справедливо отмечает: "Непосредственное обращение к источникам, как правило, разочаровывает непосвященных. Сражение описано в целом ряде древнерусских и западноевропейских источников, что позволяет с определенной точностью восстановить реальный ход событий. Ближе всего по времени к интересующей нас битве стоят рассказы Новгородской первой, Псковских летописей и Ливонской рифмованной хроники. Величайшая битва предстает в этих ранних памятниках эпизодом если и не вовсе заурядным, то уж во всяком случае, никак не судьбоносным".

В свете сказанного И. Данилевским несчастливым представляется то обстоятельство, что ни один из источников не приводит данных о численности сражавшихся с той и с другой стороны. Парадокс: в исторической памяти народов грандиозность тех или иных сражений напрямую связываются с количеством участвовавших в них воинов, а в описаниях "крупнейшей битвы раннего средневековья" такие сведения отсутствуют. Чтобы не быть голословными, обратимся к источникам.

Самое развернутое описание битвы дано в Новгородской первой летописи, занимает оно чуть больше ста слов: "И напали на полк немцы и чудь, и пробилась "свиньєю" сквозь него, и была тут великая сеча немцам и чуди...и немцы здесь пали, а чудь бежала; и

гнав, били их семь верст — до Соболицкого берега и пало чуди без числа, а немцев 400 человек, а 50 взяли в плен и привели в Новгород. А бились месяца апреля в 5 день, в субботу". Вот, собственно, и все, если исключить упоминания имен различных святых и Богородицы. Как видим, приведя достаточно подробные сведения о числе погибших (почему-то только со стороны Ордена), летопись ничего о численности сражавшихся не говорит. Нет этих сведений и в других летописных источниках. В Лаврентьевской летописи, опирающейся на великокняжеский свод 1281 г., составленный при сыне Александра князе Дмитрие, сохранилось совсем скромное описание "побоища": "Ходил Александр Ярославич с новгородцами на Немцев и бился с ними на Чудском озере у Вороньева камня. И победил Александр, и гнал по льду 7 верст, рубя их".

В Ипатьевской летописи вообще отсутствуют какие бы то ни было упоминания о "крупнейшей битве раннего средневековья", но это обстоятельство обычно объясняется историками враждебным отношением к Александру авторов Галицко-Волынской летописи. Чем эта враждебность могла быть вызвана, не совсем понятно. Как мы видели из описания жизни короля Даниила Галицкого и увидим из данного повествования, интересы наших героев никогда не пересекались. Не враждовали Галицко-Волынское и Владимиро-Суздальское княжества и в дальнейшем. Может быть, причина отсутствия сведений о Ледовом побоище в Ипатьевской летописи кроется совсем не в мнимой враждебности галицкого летописца, а в реальных масштабах самого сражения, о котором знали далеко не все современники?

Не найти сведений о числе сражавшихся и в наиболее значительных университетских курсах лекций по истории, читавшихся во второй половине XIX — начале XX века В.О. Ключевским, С.Ф. Платоновым или М.К. Любавским, где сюжет о Ледовом побоище, как правило, упоминается вскользь или вообще отсутствует. Н.И. Костомаров также не указывает ни численности сражавшихся войск, ни потери сторон, ни количества пленных. Его примеру следует Л.Н. Гумилев, опуская аналогичные сведения в отношении Невской битвы и осторожно замечая в отношении сражения на Чудском озере: "Количество собственно рыцарей было небольшим — всего несколько десятков, но каждый рыцарь был грозным бойцом. Кроме того, рыцарей поддерживали пешие наемники, вооруженные копьями, и союзники ордена — ливы".

Очевидно, судьбоносное значение Ледового побоища для истории России и всей Европы, равно как и грандиозные масштабы битвы были не совсем понятны этим вполне квалифицированным ученым, не уделившим ему достойного внимания в своих трудах. Так или иначе, но в своих размышлениях о грандиозности сражения на Чудском озере мы не можем опереться на не вызывающие сомнений сведения о количестве сражавшихся войск противников из-за отсутствия таких данных.

* * *

Не имея прямых данных о численности войск князя Александра и Ордена в Ледовом побоище, попробуем выяснить масштабы этого сражения, используя косвенные свидетельства. Наиболее распространенными косвенными данными, позволяющими судить о количестве участников сражений, являются сведения о числе погибших, раненых и попавших в плен воинов. Обратимся к этим сведениям. Прочитанная выше Новгородская первая летопись сообщает, что "...пало чуди без числа, а немцев 400 человек, а 50 взяли в плен". Псковская третья летопись приводит несколько иные сведения о потерях Ордена: "Пало немцев-рыцарей 500, а 50 их в плен взяли, а чудь бежала; и гнал их князь, рубя, 7 верст, до Соболицкого берега, и чуди побили столько, что и сосчитать невозможно, а других вода утопила".

Как видно из приведенных летописями данных, труднее всего определить потери вспомогательных войск Ордена, состоявших из воинов чудских племен. Выражение "без числа" и "сосчитать невозможно" в равной мере могут свидетельствовать как о большом количестве погибших, что действительно могло иметь место, так и о том, что летописцы просто не располагали сведениями о потерях среди чуди. Реальным подтверждением большого числа погибших могли бы послужить массовые захоронения в предполагаемом месте битвы, но ни массовых, ни единичных захоронений XIII столетия в тех краях до настоящего времени не обнаружено. Похоже, что чудь с ее бесчисленными потерями помочь нам ничем не может, поэтому сосредоточимся на потерях самого Ордена, благо, что они указаны.

Не повторяя уже приведенные сведения летописцев, отметим дополнительно, что классик российской истории С.М. Соловьев, повторяя сведения Псковской третьей летописи, пишет следующее

о потерях Ордена: убитых 500 человек и 50 рыцарей взято в плен. Наш современник Ю. Бегунов, как мы отмечали ранее, указывает 531-го погибшего рыцаря и 50 взятых в плен, добавляя при этом, что "крестоносцы вчистую проиграли решающую схватку Запада с Востоком". Очевидно, автору удалось ознакомиться с полным полным списком погибших рыцарей (чего не смогли сделать современники сражения и летописцы более поздних эпох!), иначе каким же образом он смог указать размеры потерь Ордена с точностью до одного человека?

Но вот опубликованные за последние годы источники "той стороны" дают несколько иную картину. Автор Ливонской Рифмованной хроники существенно умяляет масштаб и последствия сражения на Чудском озере: "С обеих сторон убитые падали на траву. Те, кто был в войске братьев, оказались в окружении. У русских было такое войско, что, пожалуй, шестьдесят человек одного немца атаковало. Братья упорно сражались. Все же их одолели. Часть дорпатцев вышла из боя, чтобы спастись. Они вынуждены были отступить. Там двадцать братьев осталось убитыми и шестеро попали в плен".

Итак, не 400 или даже 531 убитый и 50 захваченных в плен, а всего 20 и 6. Разница слишком большая, чтобы объяснить ее неточностью в подсчетах, проведенных различными источниками или желанием проигравшей стороны занижить свои потери. Некоторые историки пытаются "примирить" числа, приведенные древнерусскими летописцами, и данные Рифмованной хроники, утверждая, что летописец привел полные данные потерь Ордена, а Хроника учла только полноправных рыцарей.

В такой логике есть свой резон. Прямое подтверждение этому содержит та же Новгородская первая летопись, в которой сказано, что убито "немцев 400 человек, а 50 взяли в плен". Как видим, в этом источнике речь идет о воинах определенной национальности, а не конкретно о рыцарях.

Вспомним также, что братья Тевтонского ордена делились на рыцарей и просто братьев. Рыцари, носившие пресловутые белые плащи, занимали высшие должности и являлись высокопрофессиональным ядром орденского войска. Просто братья, так называемые серые плащи, вели всю повседневную административную работу, которой рыцари пренебрегали, сражались вместе с рыцарями во время войн, входили в состав почетной стражи гроссмейстера и магистров и т.д.

Непосредственно же самих рыцарей в Ордене было сравнительно немного. Э. Лависс в книге "История Тевтонского ордена" пишет: "В эпоху наибольшего могущества ордена, то есть около 1400 года, Пруссия насчитывала 1000 рыцарей. В XIII столетии число их было значительно меньше, в особенности в начале завоевания, когда члены еще очень слабого ордена были рассеяны по Германии, Италии и Святой земле". Под завоеванием Лависс понимает завоевание Пруссии, начавшееся в 1230 г.

Этот же автор описывает, как спустя 10 лет после начала войны с пруссами, то есть в 1240 г. — за два года до Ледового побоища, рыцари из Кульма (поселения, основанного ими в 1232 г.) долго просили помощи в Германии у своего гроссмейстера, обращались в Чехию, Австрию, "...заявляя, что все пропало, если им не дадут подмоги. В ответ на это к ним приехали десять рыцарей с тридцатью лошадьми, и этого было достаточно, чтобы Кульм стал ликовать". Заметим, что речь идет об эпизодах, косвенно показывающих численность братьев-рыцарей уже после объединения Тевтонского и Ливонского орденов в Немецкий орден.

Изданная на русском языке "История крестовых походов" объясняет, почему Тевтонский орден в принципе не мог располагать в Прибалтике большой армией: "...эта война не нуждалась в больших крестоносных армиях, набранных по призывам папского престола и финансируемых церковными налогами. Между Пруссией и Литвой находились пустынные дикие земли, и большие армии не смогли бы там найти себе пропитание. Более того, суровый климат с жестокими холодами и обильными снегопадами зимой и весенними и летними разливами и распутицей позволял проводить военные кампании только в середине зимы, когда снежный наст был тверд, а болота покрыты крепким льдом, или в конце лета, когда несколько недель тепла позволяли местности высохнуть. Но даже в это время негостеприимность ландшафта и огромные расстояния позволяли совершать только набеги, недолговременные осады и строительство или укрепление крепостей, чтобы как-то закрепить ся в новых землях".

Климат и театр военных действий в восточной Прибалтике, будь это Литва или Новгородская земля, одинаков. Совершенно очевидно, что действия шведов и особенно Ордена в событиях 1240-1242 гг. полностью соответствовали описанным принципам проведения военных кампаний: набег и строительство крепости на

захваченной территории. Могущество же Ордена, которое постоянно и справедливо упоминается во всех источниках, строилось не на многочисленной постоянной армии, а на его богатстве и эффективном государственном устройстве, позволявшем обеспечивать за счет больших финансовых возможностей постоянный приток из Европы новых добровольцев крестоносного движения.

Все эти сведения позволяют нам придти к выводу, что в сражении на Узмени не могли участвовать десятки, а уж тем более сотни тысяч человек. Но сам по себе этот вывод ничуть не приближает нас хотя бы к приблизительному определению численности сражавшихся с той и другой стороны войск, а потому продолжим изучение косвенных данных.

Для того, чтобы понять, насколько многочисленными могли быть войска крестоносцев, попробуем разобраться, а кто собственно сражался с дружинами Александра Невского на Узмени? Древнерусские летописи говорят о "немцах", а позднейшие историки употребляют термин "тевтоны". И то, и другое является правильным, так как Тевтонский и Ливонский ордена были объединены папой Григорием XI в мае 1237 г., а комплектовался орден в основном выходцами из немецких земель. После объединения бывшие меченосцы образовали обособленное отделение Немецкого ордена со своим отдельным магистром в Ливонии.

Предполагалось, что в наиболее трудных случаях военные формирования обеих частей Ордена, объединенные под командованием гроссмейстера, будут действовать совместно. Но на практике это получалось далеко не всегда. Даже в одной из крупнейших битв средневековья — Грюнвальдской битве 1410 г., от исхода которой зависела судьба Ордена и в которой тевтоны потерпели сокрушительное поражение, военные формирования Ливонской части Ордена участия не принимали. В свою очередь, Прусская часть Ордена вряд ли могла оказать действенную помощь Ливонской части в ее столкновениях с Литвой и Русью в первой половине XIII столетия.

Дело в том, что у Тевтонской части Ордена в те времена был свой славянский сосед — герцогство Померания. Что это было за соседство для славян — объяснять не надо. В 1241 г., то есть за год до Ледового побоища, князь Померании Святополк объявил Ордену войну, в которой на стороне славян выступали и покоренные тевтонами пруссы. Война продолжалась 11 лет и отличалась крайним ожесточением — для пруссов и померанских славян это была пос-

ледняя возможность не только отстоять независимость, но и само свое существование. В конце концов, рыцари одолели славян, но даже после официального завершения войны им понадобилось еще 10 лет для того, чтобы вернуть утраченные в ее ходе земли.

В отечественной литературе о наличии такого "второго фронта" не сообщается, но в этом легко убедиться, открыв уже упомянутые "Очерки истории Пруссии" Лависса. Таким образом, силы Тевтонской части ордена были задействованы в Пруссии и Померании, а войска князя Александра сражались с силами не всего Немецкого ордена, а только Ливонской его части. Поэтому даже 500 погибших, в том числе 20 рыцарей это вполне солидные потери для Ливонской части Ордена, имевшей в своем распоряжении очевидно около сотни собственно рыцарей.

Однако есть и еще одно любопытное обстоятельство: на льду Узменского озера войска князя Александра вряд ли имели дело не только со всеми войсками объединенного Ордена, но даже и Ливонской его части. Как правило, крупными операциями, проводимыми орденами до их слияния, или Прусской и Ливонской частями объединенного Ордена руководили их магистры. Операциями же, проводимыми всеми силами Ордена после слияния руководил гроссмейстер. Это мы видим, в частности, в 1236 г. в битве при Сауле (Шауляе), в которой был убит магистр Ордена меченосцев Винтерштеттен; в 1237 г., когда войска князя Данилы Галицкого освобождая Дорогичин, захватили в плен магистра Добжинского ордена Бруно; в 1260 г., когда в сражении с войсками Литовского князя Миндовга возле озера Дурбе были убиты магистр Ордена в Ливонии Борхард фон Горнгузенский и маршал Ордена фон Боталь; в 1268 г. в Раковорской битве, в которой войсками Ордена командовал магистр Отто фон Роденштейн; наконец в битве при Грюнвальде 1410 г., в которой пал гроссмейстер Ордена Ульрих фон Юнгинген.

А кто же возглавляет "решающую схватку Запада с Востоком"? Гроссмейстер Ордена? Нет. Магистр Ливонской части Ордена? Тоже нет. Вообще сведений о руководителях этого сражения со стороны Ордена летописи не приводят, что само по себе уже является достаточно красноречивым. Руководители шведов в сражении на Неве указаны, а имена предводителей крестоносцев в сражении, разрешившем "вековой спор германцев и славян", умалчиваются. Видимо, понимая пикантность такого положения,

Ю. Бегунов в своих работах вводит несуществующее звание руководителя битвы со стороны Ордена — вице-магистр, но не указывает при этом его имени. В.А. Волков в работе "Солнце земли Суздальской" сообщает, что рыцарей повел в бой патриций Ордена Зигфрид фон Марбург. Как видим, во-первых, уже не вице-магистр, а патриций, а во-вторых, к высшему руководству Ордена, помимо гроссмейстера и магистров, относились только комтуры (или командоры) и маршалы; так что упоминание несуществующих или незначительных должностей вряд ли спасает положение и поднимает уровень руководства битвой со стороны Ордена.

Может быть, магистра в это время в Ливонии не было вообще или имя его не сохранилось? Нет, магистр был, имя его — Дитрих фон Грюнинген, и во время сражения на Чудском озере он пребывал в Риге. Как мы помним, до Ледового побоища войска князя Александра находились на территориях Ордена более трех месяцев. Времени у магистра и даже у гроссмейстера Ордена для того, чтобы возглавить войска крестоносцев в "решающей схватке Запада с Востоком" было вполне достаточно, но ни тот, ни другой не сделали этого. Невольно напрашивается вывод, что ни магистр Ливонии, ни сам гроссмейстер Тевтонского Ордена также не понимали всемирно-исторического значения сражения, получившего в последствии название Ледовое побоище!

Так чьи же конкретно войска противостояли новгородцам в этой битве? Подсказка содержится в той же Ливонской Рифмованной хронике, автор которой называет братьев "дорпатцами", то есть жителями захваченного ливонскими рыцарями в 1224 г. города Юрьев, переименованного ими в Дерпт или Дорпат. Именно на землях Дорпатского епископства хозяйничали войска князя Александра зимой 1242 г. Очевидно, силы этого епископства и составляли большую или значительную часть войск Ордена, которые вступили в бой на льду Узмени. В связи с этим заслуживают внимания встречающиеся изредка данные о том, что общая численность сражающихся (а не только рыцарей) на стороне Ордена составляла около 1-й тысячи человек, а полки князя Александра насчитывали около 4-х тысяч воинов.

* * *

В завершение этой темы обратим внимание читателей еще на одну интересную деталь, подтверждающую невозможность учас-

тия в конфликте с Новгородом всего Ордена. Содержится она в реакции магистра Ливонии на известие о поражении на льду Чудского озера. Узнав о нем, Дитрих фон Грюнинген, опасаясь прихода войск победителя, обращается за помощью, но не к своим братьям тевтонам, а к датчанам. Казалось бы, в высшей степени нелогично: позови и явится могучий Орден со всеми своими силами. Но магистр знает, что братья связаны тяжелейшей борьбой с князем Померании Святополком и пруссами, а потому и обращается в Ревель к датчанам.

Но помощь датчан не потребовалась — Александр на Ригу не пошел. И тут возникает следующий вопрос: а почему, собственно, он этого не сделал? Казалось бы, после разгрома рыцарей у него открывается блестящая, уникальная возможность добить Ливонскую часть Ордена, занять оставшуюся без достаточного прикрытия Ригу и сбросить остатки крестоносцев в Балтийское море. Очистив Ливонию от братьев-рыцарей, Александр мог навсегда избавить Русь от столь агрессивного соседа. Однако князь этого не делает, он даже не преследует врага, и это поведение Александра тоже говорит о многом.

Оставим заявления некоторых историков о миролюбии, которое якобы Александр проявил, не преследуя разбитого врага, на их совести. Князь Александр как профессиональный воин и жесткий политик прекрасно знал, когда и при каких обстоятельствах миролюбие может быть проявлено, а когда оно неуместно. Миролюбие тут ни при чем. Совершенно очевидно, что обе стороны конфликта могли продолжать боевые действия до тех пор, пока события укладывались в рамки обычных приграничных столкновений. Однако попытки Александра развить успех непосредственно на территории Ливонии неизбежно привели бы к большой войне, к возможному столкновению с силами всего Ордена и поддерживавшей его Европы. Посол французского короля Людовика IX Вильгельм де Рубруквис писал, что тевтоны "...легко покорили бы Русь, если бы принялись за это". К счастью, история не дала рыцарям возможности проверить правильность этого утверждения на практике; Ордену, сцепившемуся в смертельной схватке с герцогством Померанией, а затем с Польским королевством и великим княжеством Литовским, по большому счету было не до Руси. Но вне всяких сомнений находится и то, что ни Новгород и Псков, ни поддерживавшее их Владимиро-Суздальское княжество в то время не были

готовы проверить боевую мощь объединенных сил Ордена. Это князь Александр, безусловно, хорошо понимал, поэтому после одержанной победы в приграничном сражении он не пошел на Ригу, а возвратился в Новгород.

Дальнейшие события показали, что Орден, в силу известных нам причин, также не был намерен переводить локальные столкновения в ранг большой войны. Рыцари запросили мира, отказавшись при этом от Пскова, земли води, Полужья, а также земли латгалов — области, примыкавшей ко псковским и полоцким землям. Эти земли еще по договору с Орденом от 1210 г. считались данниками новгородцев. Был обусловлен также обмен пленными и возвращение псковских заложников. От Новгорода договор подписали два посадника и архиепископ Спиридон, от Ордена — упомянутый магистр Ливонской его части Дитрих фон Грюнинген.

Таким образом, если отбросить словесную шелуху о религиозном значении походов шведов и Ордена и о победе, которая "спасала весь русский народ от немецкого рабства", и если объяснить поступки сторон исходя из логики приграничных сражений, то все перечисленные странности в действиях крестоносцев и князя Александра исчезают. Столкновения на границе длятся порой веками, крови в них в совокупности проливается не менее, чем в величайших битвах. Однако подчиняются они иным законам, нежели большие войны, а их цели ограничиваются, как правило, очень узкими задачами: с одной стороны — отхватить клочок чужой земли или просто пограбить, а с другой — защитить свое добро и неприкосновенность территории.

Оценивая значение Ледового побоища, Л.Н. Гумилев писал: "Надо сказать, что, выиграв это сражение, Александр не решил политических задач. Победа не ликвидировала возможности немецкого наступления, ведь сил у рыцарей было гораздо больше, чем у новгородцев. Города-крепости Рига, Кенигсберг, Ревель служили удобными плацдармами для наступающего с Запада европейского рыцарства. При этом немцы могли постоянно пополнять свои войска, так как в XIII в. в Европе было огромное количество добровольцев, мечтавших найти применение своим силам. Натиск западного суперэтнуса на Русь был по-прежнему угрожающе реален".

Мы уже говорили о довольно сдержанном отношении к Ледовому побоищу российских ученых XIX столетия. Но что же произошло, почему сейчас в общественном историческом сознании рос-

сиян, подпитываемом школьными учебниками и газетными публикациями, сражение на льду Узмени занимает настолько выдающееся положение, что порой трудно понять — то ли это самое событие, и правда ли, что оно имело для отечественной истории такое значение?

Переоценка места и роли Ледового побоища в истории Руси произошла в XX веке, и связана эта переоценка не с новейшими научными исследованиями, а с изменением политической ситуации как в ходе, так и в особенности после Второй мировой войны. В рамках этой переоценки князь Александр сделался главным защитником Руси в эпоху средневековья от посягательств коварного Запада, а Ледовое побоище — выдающимся успехом в борьбе с этими посягательствами. Тон этой переоценке был задан еще в послевоенное время академическими "Очерками истории СССР", в которых и появились самые невероятные преувеличения роли битвы 1242 г.: "Со всеми объединенными силами, которыми тогда располагала Русь, Александр Ярославич вступил в землю эстов, от действий его войска зависела судьба Русской земли"; "...приблизилась решительная битва, которой искал князь и о которой с тревогой и надеждой думал народ и в Новгороде, и во Пскове, и в Ладого, и в Москве, и в Твери, и во Владимире"; "...победа на Чудском озере — Ледовое побоище — имела огромное значение для всей Руси, для всего русского и связанных с ним народов, так как эта победа спасала их от немецкого рабства. Значение этой победы, однако, еще шире: она имеет международный характер". При этом под понятием Русь сознательно понимались только северные земли древнерусского государства, которые, как мы знаем, собственно Русью не являлись, и упускалось из виду то, что Орден даже не в состоянии был ставить себе задачи порабощения всей Руси — от Новгорода до Киева и Галича.

Приводя указанные цитаты из "Очерков истории СССР" в своей статье "Ледовое побоище — смена образа" И. Данилевский обоснованно недоумевает: "Прежде всего, решительно непонятно, что имел в виду автор приведенных строк, когда писал о судьбе Русской земли? Напомню, речь идет о начале 1242 года. Прошло чуть больше года после Батыева нашествия на Южную Русь. Еще не залечены раны северо-восточных княжеств, нанесенные им во время монгольских походов 1237—1238 годов. Городская культура уничтожена. Многие города просто стерты с лица земли. Людские

жертвы бесчисленны. Какие же надежды могла эта Русская земля возлагать на "решительную битву" с крестоносцами (общее число которых, напомним, вряд ли могло превышать сотню человек)? О какой надежде на эту битву могла идти речь для разоренных монголами Москвы, Твери и Владимира? Как могла судьба этой Русской земли зависеть от того, насколько успешен будет грабеж эстов войском Александра Невского? И главное — зачем надо было в таких условиях искать столкновения с достаточно сильным и опасным для Новгорода и Пскова — а это и есть "все объединенные силы, которыми тогда располагала Русь" — противником?"

Однако историков, задающихся подобными, вполне резонными вопросами крайне мало. Тон безудержного восхваления роли и значения Ледового побоища продолжает не только сохраняться в большинстве российских публикаций, но зачастую даже превосходит оценки, заданные сталинскими историками. Подобно авторам упоминавшейся уже Всемирной истории или Ю. Бегунову, с его выигранной "вчистую решающей схватке Запада с Востоком", битва на Узмени рассматривается зачастую не более, не менее, как решающая схватка двух цивилизаций.

"При этом, — отмечает тот же И. Данилевский, — по законам жанра, забывается, что после Ледового побоища, казалось бы окончательно подорвавшего силы Ордена, его приходится добивать несколько столетий. Видимо полякам, литовцам и смолянам вовсе не стоило тратить такие усилия, чтобы громить Орден в 1410 году в Грюнвальдской битве. А уж с кем вел Иван Грозный тяжелейшую и неудачную Ливонскую войну в середине XVI века - вообще непонятно". Вполне разделяя позицию данного автора, добавим, что и самим новгородцам, и псковичам еще не раз придется сражаться с Орденом, в том числе и в битвах, значительно превосходящих по своим масштабам Ледовое побоище.

Та же Новгородская первая летопись описывает Раковорскую битву 1268 г.: "Бысть страшно побоище, яко не видали ни отци, ни деди". Однако об этом сражении (на нем мы остановимся подробно чуть позже), в ходе которого крестоносцам был нанесен значительно более существенный урон, школьные учебники даже не упоминают. Почему Раковорской битве так "не повезло" с историографией, сказать трудно. Может быть, дело в личностях выигравших ее древнерусских полководцев. Одним из них был сын Александра Невского Дмитрий, который с ожесточением боролся

со своим братом за власть и не раз приводил на Русь татарские рати. У другого победителя — Псковского князя Довмонта — биография тоже "подкачала", он был литовским выходцем и, несмотря на все свои выдающиеся заслуги перед Псковом, на роль русского национального героя, видимо, не подошел. А может быть, авторам учебников просто труднее обосновывать "всемирно историческое" значение Ледового побоища в сравнении с гораздо более грандиозными историческими событиями?

Сплошной ложью оказывается при проверке и утверждение о том, что "...в результате этой победы была остановлена немецкая агрессия на Восток, продолжавшаяся в течение нескольких столетий". Согласно сообщениям тех же российских авторов, набеги крестоносцев продолжались. В 1253 г., то есть спустя 11 лет после Ледового побоища, ливонские рыцари появились возле Пскова, сожгли посад, но при приближении новгородской дружины во главе с князем Василием — сыном Александра Невского, отошли. В 1269 и 1273 гг. известный уже нам Псковский князь Довмонт вновь отражал набеги рыцарей на Псков. В 1299 г. во время очередного набега рыцарям даже удалось ворваться в город, но Довмонт, используя дома и тесные улицы Пскова, организовал оборону и разгромил крестоносцев.

Поэтому наиболее реалистичной оценкой деятельности князя Александра в эти годы нам представляются слова Дж. Феннела: "Александр делал только то, что многочисленные защитники Новгорода и Пскова делали до него и что многие делали после него, — а именно устремлялись на защиту протяженных и уязвимых границ от отрядов захватчиков". А все непомерные преувеличения и неуместные восхваления одержанных князем в 1240—1242 гг. побед, рожденные баснописцами советской эпохи и их последователями, реального отношения к истории не имеют, как не имел к ним отношения сам Александр Невский, мужественно и профессионально выполнявший свой долг защитника западных рубежей Руси.

Этот свой долг князь продолжал выполнять и далее, одновременно восстанавливая силы Новгорода после отражения походов шведских и немецких рыцарей. Уже летом 1242 г. Александр нанес поражение семи литовским отрядам, нападавшим на новгородские земли. В Новгороде он будет княжить еще около десяти лет, но в конце все того же насыщенного событиями 1242 г. произойдет событие, которое коренным образом изменит политическую ситуа-

цию на Руси и заставит князя Александра сосредоточить все свои усилия не на Западе, а на Востоке. Вслед за нашим героем нам тоже придется далее говорить в основном о делах, так или иначе связанных с повелителями Азии того времени — монголами.

* * *

Как мы уже отмечали, даже после ужасающего по своим последствиям нашествия 1237—1238 г., многие древнерусские князья продолжали считать монголов какой-то временной бедой, которая, как и в 1223 г., после битвы на Калке, появилась откуда-то из степи и там же исчезла. Однако, вскоре им пришлось убедиться в ошибочности своего мнения, равно как и в том, что они более не являются полноправными повелителями своих земель. За монгольским нашествием на сей раз последовало событие, круто изменившее судьбу Руси, и этим событием стало возникновение в конце 1242 г. государства монголов — Золотой Орды. Создав после возвращения из европейского похода в низовьях Волги свою державу, хан Батый уже в начале следующего года начал оформлять отношения с древнерусскими князьями. Он ничуть не сомневался, что совершенный четыре года назад поход в северо-восточные княжества Руси сделал их "данниками" Орды. Дело оставалось за малым: убедиться, что князья и население княжеств Руси это понимают.

Первым на поклон в Орду пошел князь Ярослав, который после гибели в бою с монголами брата Юрия являлся великим князем Владимиро-Суздальским. По сообщению С.М. Соловьева, визит отца готовил князь Александр, приехавший к хану в начале 1242 г. Сам великий князь Ярослав прибыл в ханскую ставку в 1243 г. и привез с собой богатые дары. Проявляя редкую осведомленность, Ю. Бегунов сообщает о бочонках с золотом, венгерских иноходцах, франкских мечах и доспехах, а также о яхонтах, изумрудах, топазах, жемчугах, кольцах и венцах из серебра и золота, ожерельях, дорогих тканях и одеждах. Несмотря на подарки и составленное в высокопарных выражениях приветствие, князя заставили исполнить положенный обряд поклонения хану: ему пришлось пройти между двух огней, поклониться солнцу, кусту и онгонам (называемых то куклами, то чучелами), войти в ханский шатер с востока так, чтобы не зацепиться за высокий порог, и пасть ниц перед тронном хана. С разрешения Батыя великий князь Владимиро-Суздаль-

ский встал на колени и так униженно выстоял все время, пока хан говорил ему ответное приветствие.

Такую процедуру проходили все подданные монгольских ханов при каждом вызове к повелителю. Вскоре прошел ее Данило Галицкий и поклялся, что никогда более не допустит подобного унижения. Неоднократно пришлось пройти через нее и Александру Невскому. Кстати, по описанию представителя Папы Римского де Пано Карпини, направленного Иннокентием IV к монгольскому повелителю, процедура приема послов непокоренных государств у кочевников немногим отличалась от порядка приема "данников", исключая только самую унижительную его часть — необходимость падать ниц перед ханом и стоять на коленях.

Из сообщения летописи следует, что хан Батый "...почти Ярослава великою честью и отпусти", выдав ему ярлык на великое княжение на всей Руси. Среди прочих городов Ярослав получил и Киев, что было скорее подтверждением уже сложившейся на Руси традиции, чем реальным символом власти над всеми древнерусскими княжествами. Во всяком случае, ни Галицко-Волынское, ни Черниговское, ни Рязанское, ни иные самостоятельные княжества не считали князя Ярослава своим верховным правителем, а может быть, даже и не подозревали, что он теперь на Руси "самый главный". Сам князь Ярослав видимо это тоже хорошо понимал, поэтому Киевский стол лично не занял, а назначил своим наместником в Киеве упоминавшегося ранее Дмитра — бывшего воеводу Даниила Галицкого.

Сколько времени великий князь Ярослав пробыл в Сарае, точно неизвестно, но домой он вернулся в том же году. В книге "Древняя Русь и Великая степь" Л.Н. Гумилев сообщает: "Князь владимирский Ярослав в 1243 г. собрал съезд князей и предложил им признать "каана" царем и заключить союз с главой рода Борджигинов — Батыем". То ли агитация Ярослава была убедительной, то ли удельные князья боялись, что великий князь монополизирует отношения с Ордой, и они попадут в полную зависимость от него, но вскоре в ханскую столицу город Сарай за ярлыками направились князья углицкий, ростовский, ярославский, белозерский и другие правители северо-восточных княжеств. По мнению А.Н. Насонова, "в Ростово-Суздальской земле к татарам отнеслись положительно. Удельные князья поехали в ставку Батыя, где их пожаловали их же владениями и с миром отпустили по домам. В

Великороссии согласились с тем, что Русская земля стала земля "Канови и Батыева", т. е. признали сюзеренитет монгольского хана (хотя престол в это время был вакантным) и Батья как старшего в роде Борджигинов, и что "не подобает на ней жити не поклонившися им".

Однако получение высшей власти из рук завоевателя всегда сопровождается необходимостью выплаты ему дани. Тот же де Плато Карпини описал размер дани, взимаемой монголами в то время: "Побежденные обязаны давать монголам одну десятую часть всего имения, рабов, войско и служить орудием для истребления других народов". Из сообщения Новгородской третьей летописи известно, что "в лето 6753 (1246)... великий князь Ярослав начал дани давать в Золотую Орду". Так Владимиро-Суздальское княжество первым из крупных княжеств Руси принесло верноподданническую присягу хану и стало платить ему регулярную дань. В Сарай потянулись караваны невольников.

Князь Александр все это время продолжал княжить в Новгороде, где в мае 1244 г. скончалась его мать, великая княгиня Ростислава, супруга князя Ярослава. На западной границе по-прежнему было неспокойно, вместо присмирившего на время Ордена стали совершать набеги литовцы. В 1245 г. литовские отряды, захватив Торжок и Бежицу, увели в плен жителей и угнали скот. Войска князя Александра догнали и разбили противника, отбив при этом у литовцев добычу. Кроме того, Александр уничтожил крупный неприятельский отряд у озера Жизца и разгромил литовское ополчение в Полоцкой земле под Усвятом. Победами 1242–1245 гг. он, по словам летописца, такой страх нагнал на литовцев, что они стали "блюстися имени его".

Сведения об его отношениях с монголами до 1247 г. противоречивы. Доктор исторических наук В.Л. Егоров обращает внимание на то обстоятельство, что жители Новгорода считали себя непокоренными, так как монгольские войска в ходе завоевания северо-восточных земель Руси до города не дошли. Напрямую новгородцы длительное время с ханскими чиновниками не сталкивались, а власть монголов здесь осуществлялась опосредованно — через великого князя Владимиро-Суздальского. Таким образом, все тяготы отношений с завоевателями ложились на отца Александра — князя Ярослава. Поскольку сам Александр не занимал ни владимиристо-суздальского, ни какого другого "великого" стола, то по этой

формальной причине он мог, в качестве удельного князя, не ездить в Сарай. В связи с этим многие историки считают, что до 1247 г. князь Александр никаких контактов с Ордой не имел. Однако, по мнению С.М. Соловьева, основанному на сообщении летописи, личные отношения с монгольской верхушкой Александр установил еще в 1242 г., при подготовке визита в Орду своего отца. Как бы там ни было, но произошедшие в дальнейшем трагические события не оставили князю Александру выбора — он должен был явиться на поклон к хану. Связано это было с изменением отношений монголов к его отцу — великому князю Ярославу.

После подтверждения Батыем прав князя Ярослава на владими́ро-суздальское княжение какое-то время его положение казалось достаточно прочным. Но через три года Ярослав почему-то перестал устраивать монголов, причем источники не раскрывают причины такого быстро охлаждения отношений. В 1246 г. князь был вызван в столицу монгольской империи — Каракорум. В качестве одной из официальных причин вызова иногда называется необходимость получения Ярославом от каракорумского повелителя подтверждения на великое княжение, без чего выданный Батыем ярлык был недействительным. Логика в таком объяснении есть, так как в 1237—1238 гг. земли северо-восточной Руси были завоеваны имперскими войсками кочевников. До разделения монгольской империи в 1260 г. на отдельные государства Каракорум непосредственно решал основные вопросы управления этими княжествами Руси, в том числе и подтверждал права князей на правление.

Путь в Каракорум был тяжелейшим, в общей сложности он составлял семь с половиной тысяч верст в одну сторону и столько же в обратную. Шел он по нынешнему северному Казахстану до озера Байкал, а далее через пустыню Гоби к истокам Амура. Там в 1220-е годы и была построена столица империи Чингизидов Каракорум. Большой частью дорога проходила по безводной степи, через земли кочевых народов, а потому припасы на многие месяцы пути, подарки Верховному хану и его окружению приходилось везти с собой под надежной охраной.

Через некоторое время после прибытия Ярослава и его свиты в Каракорум и приема у хана, неожиданно для всех князь скончался. По общепринятой версии, Ярослав был отравлен регентшей престола Туракиной, вдовой хана Угедея. По некоторым сведениям

причиной отравления послужил донос черниговского боярина Федора Яруновича, сообщившего монголам о встречах Ярослава с папским послом де Плато Карпини и желании великого князя Владимиро-Суздальского принять католичество. Надо сказать, что определенные основания для подозрения князя Ярослава в контактах с католиками у монголов действительно могли быть. Известно, что в 1251 г. папа Иннокентий IV, пытаясь склонить Александра к союзу, ссылаясь на пример его отца — князя Ярослава, согласившегося, по словам понтифика, подчиниться римскому престолу и принять католичество.

Летопись сообщает, что князь Ярослав умер 30 сентября "идя от канович месяца сентября на память святого Григорья". Ставший свидетелем этого печального события де Плато Карпини уточняет, что князь скончался в отведенной ему юрте через семь дней после пира у регентши, причем тело его "удивительным образом посинело". В момент смерти князю Ярославу было 55 лет. Тело князя было доставлено во Владимир-на-Клязьме и предано земле в апреле 1247 года.

Некоторые историки склонны объяснять причины отравления князя Ярослава тем, что "для монголов союз Руси и Рима был крайне опасен". Но Владимиро-Суздальское княжество, а реально в 1246 г. под непосредственной властью князя Ярослава находилось только это княжество, а не Русь в целом, вряд ли представляло сколько-нибудь серьезную угрозу для монгольской империи даже при наличии договора с Римом. Если причиной отравления действительно послужили переговоры князя Ярослава с де Плато Карпини, то, скорее всего, это было наказание самовольного подданного за несанкционированные ханской ставкой действия.

Характеризуя итоги жизненного пути князя, Н.М. Карамзин писал: "Ярослав в юности жестокий и непримиримый от честолюбия, украшался и важными достоинствами, как мы видели: благородием деятельным и бодростию в государственных несчастиях, быв возобновителем разрушенного великого княжения; гибкостию и превосходством ума своего снискал почтение варваров, Батые и Гаюка, но не заслужил ревностной похвалы наших летописцев, ибо не раздавал имения церквям и монахам, отличаясь, может быть, верою просвещенною, а не суесвятством". К этим словам мэтра отечественной истории трудно что-либо добавить.

После смерти Ярослава та же регентша Туракиной направила гонца к князю Александру с приказом прибыть в Монголию. Не исключено, что сына по прибытии в Каракорум ждала та же участь, что и отца. Де Пано Карпини сообщает, что князь выказал открытое неповиновение требованию регентши. Курьеры имперской почты преодолевали расстояние от Каракорума до Владимира-на-Клязьме примерно за два месяца и, таким образом, послание с требованием явиться в Монголию могло быть вручено Александру в самом конце 1246 г. Однако князь остался в Новгороде, дожидаясь прибытия тела отца. Софийская летопись, описывая похороны князя Ярослава, сообщает, что Александр прибыл из Новгорода в апреле 1247 г. не просто со свитой, приличествующей для траурной церемонии, а "в силе тяжце. И бысть грозен приезд его". Появившись в столице Владимиро-Суздальского княжества во главе своей дружины, князь Александр явно демонстрировал свой гнев по поводу хладнокровного убийства отца. Это был единственный случай, когда он публично совершил действия явно угрожающего характера по отношению к монголам, но дальше этого дело не пошло. Как долго дружина Александра пробыла во Владимире-на-Клязьме и куда она направилась дальше, летопись умалчивает, сам же князь в Каракорум в том году так и не поехал.

После похорон отца Александр принял участие в выборах нового великого князя Владимиро-Суздальского, которым стал брат отравленного Ярослава, князь Святослав. Летопись пытается подчеркнуть законность перехода к нему верховной власти тем, что он "седе в Володимире на столе отца своего". Но в условиях установившегося монгольского владычества соблюдение прежнего порядка передачи права на великое княжение носило скорее символический характер. Без ханского ярлыка уже нельзя было обеспечить ни легитимность власти князя, ни ее стабильность. В этом скоро пришлось убедиться князю Святославу, который после своего избрания по каким-то причинам в Орду за ярлыком не поехал. То ли он просто промедлил, то ли вообще был не намерен кланяться хану, однако летописи о такой поездке князя Святослава ничего не сообщают.

Старшие племянники нового великого князя, Александр и Андрей, прерогативы Святослава на Владимирский стол не оспаривали. Но их брат, Михаил, по прозвищу Хоробрит, через год ли-

шил своего дядю великокняжеского престола. Зимой 1248 г. Михаил погиб в войне с литовцами. Казалось, во Владимиро-Суздальской земле возобновляется столь обычная для древнерусских княжеств междоусобная борьба за власть, но в события вмешался истинный повелитель.

В 1247 г. в Каракорум были вызваны сыновья покойного Ярослава — князья Александр и Андрей. На сей раз никто послушаться ханского приказа не осмелился. Когда Андрей, а вслед за ним Александр, выехали в дальний путь — точно неизвестно, разброс мнений специалистов составляет от мая до декабря 1247 г. Вместе с Александром выехали свита, дружина, слуги, большой обоз, в котором везли припасы и подарки. Ехали через Рязань и Половецкую степь до первых татарских застав, от которых начиналась конная ямская служба, соединявшая отдаленные кочевья со столицей Золотой Орды Сараем и далее со столицей империи Каракорумом. После прибытия в ставку Батыея, предположительно где-то в нижнем течении Волги, и поклонения хану, братья Ярославичи выехали в Монголию.

В Каракоруме Александр получил ярлык на великое Киевское княжение, то есть на управление всей "Руской Землей", а Андрей получил ярлык на великое княжение Владимиро-Суздальское. Мы не будем здесь повторять описание унижительного ритуала оказания почестей монгольскому хану и выдачи им ярлыка. Отметим только интересное примечание, которое делает Л.Н. Гумилев, характеризуя политическое значение факта получения правителями покоренных стран ханских ярлыков: "... ярлык — это пакт о дружбе и ненападении. Реальной зависимости он не предполагал. Батый посылал ярлыки к правителям Рума, Сирии и других стран, от него независимых".

В отношении Сирии это может быть и верно, но степень независимости древнерусских княжеств хорошо иллюстрируют казни в Орде великих князей Михаила Черниговского и Романа Рязанского, отказавшихся выполнить требования монголов. Знаем мы и то, каким тяжким оскорблением считал для себя получение ханского ярлыка Данило Галицкий, прошедший через эту унижительную процедуру двумя годами ранее князей Александра и Андрея. Думаем, что не менее оскорбленными чувствовали себя и братья Ярославичи, но, как и князь Данило, они сумели скрыть свои чувства, проявив себя, как деликатно выражаются современные авторы,

"умелыми дипломатами, отдающими себе отчет в тех изменениях, которые произошли в мире". В 1249 году Александр и Андрей смогли вернуться на родину. В общей сложности их поездка заняла около двух с половиной лет. Однако, как показали дальнейшие события, из поездки в Монголию и пережитых событий братья сделали диаметрально противоположные выводы.

Выводы, к которым пришел великий князь Владимиро-Суздальский Андрей, были просты и очевидны — потомок гордых викингов не считал возможным признавать над собой власть азиатского повелителя. В соответствии с этим убеждением князь Андрей и стал действовать по возвращении на родину, где во время отсутствия братьев реальным исполнителем великокняжеских полномочий был их дядя Святослав. Андрей приехал во Владимир-на-Клязьме и два года спокойно правил там. Уже в первый год после возвращения из Орды и получения ярлыка на княжение Андрей перестал посылать подарки хану. Ни он сам, ни его удельные князья не ездили на поклон в Орду, и даже ежегодная дань в годы княжения Андрея иногда отсылалась не в полном размере.

В 1250 г. из разоренного Киева в Чернигов, а оттуда в Рязань и, наконец, во Владимир-на-Клязьме приехал сподвижник Даниила Галицкого митрополит Кирилл. Там его встретил великий князь Андрей, чей брак с дочерью князя Даниила Доброславой и должен был освятить митрополит. Суздальская летопись под 1251 г. отмечает, что "женился князь Ярославич Андрей с дочкой Даниила Романовича, и венчал их митрополит во Володимире". Начиналось сближение двух великих князей, не принимавших владычества монголов над своими княжествами.

Выводы, к которым в ходе поездки в столицу монгольской империи пришел князь "всея Руси" Александр, были не столь однозначны, как у князя Андрея, и проявились они далеко не сразу. Скорее всего, что эти выводы сложились у неевского героя в виде цельного мировоззрения значительно позже завершения путешествия. Но именно эти личные выводы князя Александра Невского стали основой политического курса всех северо-восточных земель Руси в течение нескольких последующих столетий. Все это будет впереди, а пока Александр вернулся княжить в Новгород.

Как сообщает В.Н. Татищев, он намеревался затем посетить Киев для подтверждения своих властных полномочий, полученных в Монголии, однако новгородцы воспротивились такой поездке. В

сообщениях источников нет никаких данных о том, что в дальнейшем князь Александр предпринимал какие-либо новые попытки утвердиться в Киеве. Фактически сообщение между старой столицей и северо-восточными княжествами было прервано из-за начинавшейся экспансии Литвы и периодических походов золотоордынских войск. Власть в Киеве до его завоевания литовцами осуществляли непосредственно татарские чиновники, или находившиеся под их контролем мелкие князья. По выражению Дж. Феннела, "Киев и вся Южная Русь как бы выскользнули" из рук Александра, который или не смог реализовать свои полномочия Киевского князя или не очень стремился это делать. Надо признать, что в отличие от его отца, который тоже получал у хана ярлык на Киевский стол, положение Александра в качестве великого князя Руси было совсем уж эфемерно. Князь Ярослав посадил в Киеве своего наместника, который правил там от его имени, а Александр и этого сделать не смог. Все же остальные крупные древнерусские княжества, за исключением Владимиро-Суздальского, видимо точно так же не подозревали о "высоких" полномочиях Александра, как и в случае с его отцом.

В 1251 г. у князя Александра умерла его первая супруга Александра Брючиславна, родившая ему старшего сына Василия и дочь Евдокию. После смерти жены сам князь тяжело заболел, несколько недель находился при смерти и из Новгорода не выезжал. В этом же году князь Александр встретился в Новгороде с митрополитом Кириллом, который стал затем его сподвижником и разделял мнение князя о невозможности сближения с католическим Римом, что для православного иерарха было вполне естественно. В качестве князя Новгородского Александр, продолжая отношения с западными соседями, подписал в том же 1251 г. с королем Норвегии Хоконом Старым разграничительную грамоту. Но за всеми большими и малыми делами, за повседневной суетой стояли размышления Александра о том, что полученный им ярлык великого князя Киевского реальной властью не обладает и что правит он, по-прежнему, только в Новгороде, откуда его самого и его отца ранее неоднократно изгоняли горожане. Перспективы же стать великим князем Владимиро-Суздальским, после выдачи императором ярлыка на это княжество более молодому князю Андрею, практически не было. Казалось, Александра ждала судьба мелкого удельного князя, словно в насмешку наделенного ярлыком князя всей "Руской Земли".

В будничных хлопотах прошли два года с момента возвращения из Каракорума. Расставленные волей монгольского императора братья-князья правили каждый в своем городе — Андрей во Владимире-на-Клязьме, Александр — в Великом Новгороде. Внешне все было спокойно, власть великого князя Андрея никто не оспаривал, да и кто мог бы решиться открыто сделать это? Выступить против князя Владимиро-Суздальского означало выступить против хана, давшего ему высшую власть в княжестве. Шансов остаться живым, а не то, что овладеть княжеским столом, у такого безумца было бы немного.

Но не так думал князь Новгородский и всей "Руской Земли" Александр. Он не собирался нарушать волю хана, но и смириться с положением второстепенного князя тоже не мог. Формально разделение власти между князьями можно было признать справедливым. Старший брат, Александр, получил высшую власть на территории всей Руси. Младший, Андрей, унаследовал Владимиро-Суздальское княжество отца, составлявшее только часть земель Древнерусского государства. Однако, по словам С.М. Соловьева, "...Александр, как старший, не мог быть доволен таким решением, ибо давно уже Владимир получил первенство над Киевом относительно старшинства, давно уже киевские князья не могли быть без владимирских; теперь особенно, когда Южная Русь была опустошена, когда Киев представлял одни развалины, владение им не могло быть лестно. Вот почему Невский мог считать себя вправе сердиться на младшего брата, видеть в нем хищника прав своих".

Таким образом, установленное ханом распределение ролей между братьями не соответствовало возникшим еще до прихода монголов политическим реалиям Руси. Для восстановления справедливости, в том виде как она представлялась Александру, требовалось найти решение, которое позволило бы князю устранить своего политического конкурента, не вступая при этом в конфликт с монголами. Такое решение Александр со временем нашел, и противостояние за Владимиро-Суздальский стол вступило в новую фазу. Заметим, что примененный Александром Невским способ обретения власти его потомки будут в дальнейшем использовать друг против друга еще не раз.

Итак, противниками в новом витке борьбы за власть во Владимире выступили князь Новгородский Александр и его брат вели-

кий князь Владимиро-Суздальский Андрей. Несомненно, что Александр претендовал на верховную власть в северо-восточных землях Руси. Очевидно также, что Андрей не мог с этим согласиться, так как великое княжество Владимиро-Суздальское не только стало автономным от Киева еще со времен Андрея Боголюбского, но и зачастую князья Владимирские сами решали, кому сидеть на столе Киевском. Открытая размолвка между братьями произошла в 1252 г. и населению Владимиро-Суздальского княжества она обошлась очень дорого. Ранее древнерусские князья неоднократно использовали в междоусобных войнах половцев, но впервые в борьбе за власть на Руси были использованы монголы с их невиданной прежде жестокостью. Первым использовал военную силу завоевателей в своих политических целях князь Александр.

Наиболее раннее описание событий, произошедших в 1252 г., содержит Лаврентьевская летопись. "В ряде летописей, — пишет доктор исторических наук А.Г. Кузьмин, — под 1252 годом имеется сообщение о поездке Александра Невского в Орду к Сартаку. У Татищева добавлено: "И жаловался Александр на брата своего великого князя Андрея, яко сольстив хана, взя великое княжение под ним, яко старейшим, и грады отческие ему поимал, и выходы и тамги хану платит не сполна. Хан же разгневался на Андрея и повеле Неврюю салтану ийти на Андрея и привести его перед себя". Ни в одной известной нам летописи этого текста нет, поэтому некоторые историки (в частности, Н.М. Карамзин) предполагали здесь вымысел Татищева".

В то же время в существовании жалобы ничуть не сомневался С.М. Соловьев, который в своей "Истории России с древнейших времен" отмечает, что "...в 1252 году Александр отправился на Дон к сыну Батыеву Сартаку с жалобой на брата, который отнял у него старшинство и не исполняет своих обязанностей относительно татар. Александр получил старшинство, и толпы татар под начальством Неврюя вторгнулись в землю Суздальскую".

Последовательность этих драматических событий выглядит следующим образом: зимой или ранней весной 1252 г. Александр выехал в Золотую Орду к Батыю. В качестве повода для поездки в Сарай без вызова хана князь, видимо, воспользовался свержением ханом Мункэ (Менге) в Каракоруме ханши Огуль-Гаамиш. Сам хан Батый в силу каких-то причин (возможно из-за болезни) Александра принять не смог и все переговоры шли с его сыном Сарта-

ком. Все тот же Ю. Бегунов сообщает нам, что "...князь Александр воздал честь монгольскому властителю, как полагалось по обычаю. Не забыл он и про подарки — пять больших мешков серебра. Только ими можно было купить благоволение хана".

Если сведения, переданные Татищевым, верны, то жалоба Александра на брата содержала три основных момента: Андрей, будучи младшим, несправедливо получил великое княжение; Андрей взял себе города, которые по праву должны принадлежать старшему брату; Андрей не полностью платит хану "выходы и тамги". Проанализировав содержание жалобы Александра, доктор исторических наук В. Л. Егоров приходит к выводу, что "...из этих обвинений видно, что личные интересы Александра в жалобе преобладали, и третий пункт выглядит как необходимое добавление, без которого реакция золотоордынского хана могла и не последовать".

Но независимо от того, была ли жалоба от Александра или нет, такого ли она была содержания, как сообщает Татищев, или иного, но реакция хана последовала незамедлительно. И последовала она после приезда в Орду князя Александра. Лаврентьевская летопись прямо говорит, что Александр отправился к Батю за получением ярлыка на Владимиро-Суздальский стол еще до выступления татар и уж тем более до выступления Андрея и его брата Ярослава против ханских войск. Точка зрения о том, что о намерениях Андрея монголам стало известно от князя Александра и это спровоцировало поход золотоордынских войск, широко распространена в литературе, разделяет ее и самый большой "евразиец" российской исторической науки Л.Н. Гумилев. Разгневанный Батый решил отстранить Андрея от великого княжения и приказал доставить князя Владимиро-Суздальского к нему.

Андрей, поддержанный братом Тверским князем Ярославом, отказался подчиниться приказу Батые. Многие историки при этом высказывают догадку, что, возможно, он опирался и на поддержку своего тестя князя Даниила Галицкого. Объясняя этот решительный поступок князя Андрея, Н.И. Костомаров писал: "Этот князь не мог так скоро изменить понятий и чувствований, свойственных прежнему русскому строю и шедших в разрез с потребностями новой политической жизни. Ему тяжело было сделаться рабом". Отмеченная историком черта характера: "тяжело было сделаться рабом", объединявшая князя Андрея с его братом Ярославом Тверским, а также князьями Даниилом Галицким и Михаилом Чер-

ниговским могла стать основой того единства Руси, из-за отсутствия которого она и погибала в те годы. Однако надеждам не суждено было сбыться — монголы нанесли удар первыми, и только загроздавшийся союз древнерусских княжеств погиб.

Батый вручил ярлык великого князя Владимиро-Суздальского Александру, а против Андрея направил карателей под предводительством царевича (т.е. Чингизида) Неврюя. Древнерусские летописцы назвали это нашествие "Неврюева рать". При вести о нашествии татар Андрей с горечью воскликнул: "Что это, господа! покуда нам между собою ссориться и наводить друг на друга татар; лучше мне бежать в чужую землю, чем дружиться с татарами и служить им". Сначала князь Андрей хотел дать монголам отпор, но затем, понимая их численное превосходство, решил отойти без боя. По некоторым данным рать Неврюя насчитывала около 100 тысяч воинов, а объединенные дружины Ярославичей — около 35 тысяч человек, однако как мы увидим далее на примере оценки численности монгольских войск, принимавших участие в завоевании Руси, к сведениям о размерах средневековых армий следует относиться очень осторожно. Татары догнали войска братьев под Переяславлем-Залесским.

24 июля 1252 г. у стен родного города Ярославичей произошло сражение, в котором владими́ро-суздальские и тверские дружины были разбиты. Князь Андрей бежал в Новгород, но не принятый там из страха перед татарами, ушел с женой и боярами в Ревель, а оттуда — в Швецию. В Швеции их радушно и "с честью" принял ярл Биргер, возглавлявший когда-то шведские войска в битве на Неве. Князь Ярослав, семья которого была захвачена татарами в Переяславле, бежал в Ладогу.

После сражения с княжескими дружинами удар монголов обрушился на Переяславль-Залесский, Суздаль и обширную сельскую округу. Многие жители погибли, другие были уведены в плен, множество разбежалось по окрестным лесам. По оценкам Л.Н. Гумилева, Неврюева рать нанесла северо-восточным княжествам Руси ущерб больший, нежели поход Батия.

Судя по всему, князь Александр в период нашествия Неврюевой рати оставался в Орде, участия в походе татарских войск не принимал. Основываясь на факте его встречи с сыном золотоордынского хана, тот же Л. Н. Гумилев высказал мнение, что Александр побратался с Сартаком, "вследствие чего стал приемным сы-

ном хана". В противовес мнению этого знатока монгольских обычаев, труды которого в последнее время издаются в огромном количестве экземпляров, доктор исторических наук В.Л. Егоров пишет: "...подобное заключение не имеет никаких подтверждений ни в одном источнике и может рассматриваться лишь как авторская гипотеза. Более того, русский православный князь не мог участвовать в языческом обряде братания, во время которого кровь двух участников ритуала смешивается в чаше с кумысом и затем ими выпивается. Самое большее, что мог позволить себе Александр в ханской ставке, это вручить правителю Золотой Орды и его окружению богатые дары, которые всегда являлись необходимым условием для успеха миссии". Не хотелось бы вмешиваться в спор двух столь маститых авторов, но нелишне напомнить, что отказ православных князей от соблюдения монгольских обрядов для Черниговского князя Михаила и его боярина Феодора закончился казнью. Что мог, а чего не мог позволить себе Александр перед лицом своего господина, сейчас утверждать трудно, а православные убеждения князя, как мы увидим дальше, не помешали ему казнить невинных новгородцев.

Вернулся князь Александр в разоренное Владимиро-Суздальское княжество лишь спустя какое-то время после ухода монголов. Митрополит Кирилл встретил князя во Владимире-на-Клязьме у Золотых ворот и преподав ему поучение о мире, с честью "посадил на великий стол". Александр, сохранивший ханскую милость даже после открытого выступления братьев против монголов, стал править во Владимиро-Суздальском княжестве. В Новгороде же его заменил старший сын Василий, который вплоть до 1258 г. был наместником отца в этом городе.

Известно, что, занимаясь восстановлением княжества, пострадавшего от Неврюева нашествия, князь Александр пригласил во Владимиро-Суздальскую и Переяславльскую земли две тысячи семейств из Руси, отстроил сожженные города. Обустроивал Александр и свои личные дела: осенью 1252 г. тридцатидвухлетний князь женился вторым браком на рязанской княжне Дарье Изяславне, родившей ему затем трех сыновей — Дмитрия, Андрея и Даниила.

Вопрос о власти во Владимиро-Суздальском княжестве и Новгородской земле был решен князем Александром окончательно — более никто из соседних или дальних князей, а уж тем более ближних родственников, не пытался оспаривать его положение. Вели-

ким князем Владимиро-Суздальским Александр пробудет 11 лет вплоть до своей смерти. Но чтобы завершить тему овладения князем Владимирским столом, целесообразно, на наш взгляд, обратиться к тем оценкам, которые даются в литературе этому поступку Александра. Зачастую эти оценки делаются очень своеобразными способами.

Биограф князя Александра Ю. Бегунов, видимо понимая, что с позиции общечеловеческой и христианской морали национальный герой в истории с призыванием на Русь Неврюевой рати выглядит сомнительно, прибегает к следующему приему: в начале повествует о намерениях Андрея бороться против татар (видимо, князь часто и во всеуслышание рассказывал об этом), затем о приходе Неврюевой рати и страшных последствиях для Владимиро-Суздальского княжества этой карательной экспедиции. Только после этого пишется о том, что Александр выехал в Орду еще до выступления Андрея против татар. Таким простым способом у читателей создается впечатление, что Александр к приходу монголов отношения не имел, а чтобы развеять у наиболее недоверчивых последние сомнения, делается обескураживающий вывод: "Это была победа дипломатии Александра Невского, достигнутая как раз тогда, когда потерпела поражение дипломатия его брата Андрея. Русь выжила". Русь-то конечно выжила, но какой ценой и так ли уж надо было эту цену платить в данном случае?

О том, что бой, данный князьями Андреем и Ярославом под стенами Переяславля-Залесского, был первым организованным сопротивлением татарам после их нашествия и о мужестве, проявленном воинами, сражавшимися против втрое превосходящего их по численности врага, автор даже не вспоминает. Не потому ли и остается в памяти поколений читателей убеждение, что после сражений 1237—1238 гг. и вплоть до битвы на поле Куликовом, во всей Владимиро-Суздальской земле, ставшей затем ядром российского государства, не рождалось героев, обладавших достаточным мужеством, чтобы поднять оружие против монгольских завоевателей?

Пытаясь со своей стороны как-то объяснить поступок Александра, Л.В. Егоров предлагает следующие умозаключения: "Можно расценивать этот поступок как неожиданный и недостойный великого воина, но он был созвучен эпохе и воспринимался в то время как вполне естественный в феодальной борьбе за власть... Нельзя сбрасывать со счетов и того, что поездка Александра Ярославича в

Золотую Орду, а затем в Монголию (около 7 тыс. км в одну сторону), наложила глубокий отпечаток на его представления о силе и мощи Монгольской империи, покорившей огромные пространства с многочисленным населением". Под поездкой, о которой упоминается в приведенной цитате, подразумевается посещение князя-ми Александром и Андреем Каракорума в 1247—1249 гг.

Временно оставим в стороне утверждение Л.В. Егорова о том, что поступок Александра воспринимался как вполне "естественный в феодальной борьбе за власть" и позволим себе высказать сомнения в правомерности выводов уважаемого автора о впечатлении, которое произвела монгольская мощь на такого закаленного и опытного воина, каким был Новгородский князь. Вспомним, что в той поездке с Александром был его брат Андрей, который, как известно, тоже был не робкого десятка, принимал непосредственное участие в Ледовом побоище и в бою под Переяславлем-Залесским. Однако на князя Андрея эта мощь произвела иное впечатление. После возвращения он начинает вынашивать планы о выступлении против татар, а затем, пусть и вынужденно, решается на открытый бой с ними. Как мы помним, не производила монгольская мощь столь угнетающего впечатления и на Данилу Галицкого.

Безусловно, военная мощь монгольского государства была велика, но не безгранична. Анализируя эту проблему, Л.Н. Гумилев пишет: "Древние авторы, склонные к преувеличениям, определяют численность монгольской армии в 300—400 тыс. бойцов. Это значительно больше, чем было мужчин в Монголии в XIII в. В. В. Каргалов считает правильной более скромную цифру: 120—140 тыс., но и она представляется завышенной. Ведь для одного всадника требовалось не менее трех лошадей: ездовая, вьючная и боевая, которую не нагружали, дабы она не уставала к решающему моменту боя. Прокормить полмиллиона лошадей, сосредоточенных в одном месте, очень трудно. Лошади падали и шли в пищу воинам, почему монголы требовали у всех городов, вступивших с ними в переговоры, не только провианта, но и свежих лошадей".

Доводы Л.Н. Гумилева о численности монгольских воинов вполне резонны, но вот в том, что к преувеличениям склонны только древние авторы, он ошибся. В изданной в 2005 г. книге "Александр Невский: Жизнь и деятельность святого и благоверного князя" тот же Ю. Бегунов сначала насчитал в войске Батые в 1238 г. только "чистокровных" (выражение автора) монголов 140 тысяч

человек. Далее, говоря о том, что Рязань защищали 4 тысячи воинов, Бегунов указывает, что татар было более чем в сто раз больше. По мнению этого автора, численность монголов в 1237–1238 гг. могла составлять порядка 400 тысяч человек, а в 1240 г. — около 600 тысяч человек. К сожалению, Бегунов не поясняет, каким образом можно было прокормить такое количество людей, а также от 1,5 до 2 миллионов лошадей, да еще в зимнее время (Киев был взят 6 декабря 1240 г.). Поэтому вернемся к расчетам Л.Н. Гумилева, которые представляются более логичными.

Несмотря на то, что нашествие возглавляли двенадцать принцев-Чингизидов, "силы монголов, стянутые для западного похода, оказались невелики. Из имевшихся у них 130-ти тысяч воинов 60 тысяч приходилось направлять на постоянную службу в Китай, еще 40 тысяч ушло в Персию для подавления мусульман, а 10 тысяч воинов постоянно находились при ставке. Таким образом, для похода оставался двадцатитысячный корпус. Понимая его недостаточность, монголы провели экстренную мобилизацию. Из каждой семьи взяли на службу старшего сына. Однако общая численность войска, пошедшего на запад, вряд ли превышала 30–40 тысяч человек..." Как указывает сам Гумилев, его расчеты совпадают с известной оценкой численности монгольской армии, предложенной Н.И. Веселовским.

После форсирования Волги монгольское войско разделилось, и в нападении на северо-восточные княжества Руси участвовала только одна его часть, возглавляемая Батыем. В подтверждение своих расчетов численности армии монголов Гумилев, помимо доводов о возможности ее реально прокормить, анализирует исторический эпизод атаки войск Батыем отрядом рязанского боярина Евпатия Коловрата. Известно, что этот отряд "...нагнал уходивших монголов, ударил им в тыл и остановил их продвижение. Батый принужден был поворачивать фронт, чтобы разгромить Евпатия Коловрата... Столкновение с отрядом Евпатия Коловрата, — пишет далее Л.Н. Гумилев, — подтверждает нашу оценку численности монгольского войска. В дружине Евпатия имелось около двух тысяч воинов. Если бы в рядах монголов действительно насчитывались сотни тысяч человек, то никаким героизмом Коловрат не смог бы задержать движение монгольской армии. Скорее всего, его отряд просто не был бы замечен. Но у Батыем наверняка имелось не более половины монгольских сил, то есть 15–20 тысяч воинов, и

потому нападение Коловрата на монгольский тыл оказалось столь чувствительным".

Понеся существенные потери при завоевании северо-восточных земель Руси, монгольская армия нуждалась в пополнении. Более того, как сообщает Ипатьевская летопись, после взятия Киева в декабре 1240 г. большая часть Чингизидов во главе с принцами Гуюком и Мунке, узнав о смерти хана Угедея, ушли со своими отрядами обратно в Монголию. Дальнейший поход на запад хан Батый проводил практически лишь силами собственного войска без поддержки общеимперских формирований. Чтобы восполнить столь существенную убыль войск, монголы предлагали захваченным в плен купить свободу ценой вступления в их армию. В хронике Матвея Парижского приведено письмо двух католических монахов, в котором сообщается, что в монгольском войске "много куманов и псевдохристиан". Под псевдохристианами монахи понимали православное население Руси, первый набор среди которого в монгольскую армию был произведен в 1238—1241 гг. Таких христиан, принявших предложение монголов служить в их войсках, венгерский хронист называл "наихудшими христианами".

Нам не удалось найти вызывающие доверие сведения о численности монгольской армии перед походом Батыя 1240—1242 гг. в юго-западные княжества Руси и Европу. Можно предположить, исходя из высокой боеспособности армий хана, что их численность была, как максимум восстановлена до уровня 1237—1238 гг. С другой стороны, если обратиться к результатам европейского похода Батыя, то становится очевидным, что количество монгольских войск, сражавшихся против сравнительно малочисленных европейских армий, не могло превосходить последние в десятки, а тем более в сотни раз.

Европейский поход монголов зачастую представляется лихим кавалерийским рейдом, во время которого кочевники, не зная поражений, разгромили чуть ли не половину Европы, в то время как оставшаяся часть континента в страхе трепетала перед завоевателями. Картина не совсем верная, хотя монголы действительно привели в ужас население и правителей большинства европейских стран.

Весною 1241 г. войска Батыя, разделенные на два корпуса, перешли Карпаты. 11 апреля 1241 г. один из монгольских корпусов разгромил венгеро-хорватское войско известного нам короля Венгрии Белы IV на реке Солоной (Сайо). Двумя днями ранее, 9 ап-

реля 1241 г., польско-немецкая армия Генриха Благочестивого при Лигнице была разбита другим корпусом завоевателей. В жесточайшем бою объединенное войско европейских рыцарей численностью около 20-ти тысяч воинов, терпя поражение от монгольского войска, сумело, тем не менее, нанести кочевникам очень серьезные потери.

Затем татары перешли реку Вислицу и разбили отряды двух польских князей. Далее, как пишет С.М. Соловьев, "...уже татарам открыт был путь чрез Лузацкие долины к Эльбе во внутренность Германии, как день спустя после Лигницкой битвы перед ними явились полки чешского короля Вячеслава. Татары не решились вступить во вторичную битву и пошли назад в Венгрию; на этом пути опустошили Силезию и Моравию, но при осаде Ольмюца потерпели поражение от чешского воеводы Ярослава из Штернберга и удалились поспешно в Венгрию. Отсюда в том же году они попытались вторгнуться в Австрию, но здесь загородило им дорогу большое ополчение под начальством короля чешского Вячеслава, герцогов австрийского и каринтийского; татары опять не решились вступить в битву и скоро отхлынули на восток".

Таким образом, если верить этому авторитетнейшему историку, беспрецедентный кавалерийский рейд Батые не был сплошным победным маршем. Все авторы единогласно утверждают, что монголы вступали в сражения, только если были уверены в полном своем превосходстве. Следовательно, к проигранной монголами во время европейского похода битве при осаде Ольмюца, нужно прибавить еще два случая, когда, встретившись с силами чешского короля Вячеслава, они не были уверены в исходе сражения и предпочли от него уклониться. Это говорит о том, что хотя в сравнении с армиями средневековой Руси и Европы силы кочевников были велики, но все-таки не беспредельны. Главными преимуществами монголов была не столько численность войск, сколько молниеносная скорость их передвижения и умение концентрировать силы на направлении главного удара. Поэтому-то у их противников и возникало ощущение колоссального превосходства монгольских армий. Сами же завоеватели хорошо понимали пределы возможностей своих сил и потому в каждой покоренной стране проводили мобилизацию рекрутов из местного населения.

Завершая обзор военной мощи монголов, отметим, что княжества средневековой Руси, так же как Венгрия, Польша, Литва и

другие европейские страны, в одиночку не могли противостоять Орде. Но, объединив силы с соседями, получали шанс на победу, что и продемонстрировал король Чехии Вячеслав. После европейского похода татар о реальной мощи их армии должны были задуматься правители всех стран континента, располагавшие ранее вместо достоверной информации только паническими слухами. Результаты этого похода должны были заставить задуматься и древнерусских князей. Как мы знаем, князь Данило Галицкий и брат Александра великий князь Владимиро-Суздальский Андрей, возвратившись от хана, а было это уже после завершения кочевниками европейского похода, стали предпринимать шаги для создания союза против монголов. Князь Александр не уступал этим князьям ни в личном мужестве, ни в умении правильно оценить силы противника, поэтому высказанное Л.В. Егоровым предположение о том, что монгольская военная мощь произвела на него столь тяжелое впечатление, нам представляется маловероятным.

Это предположение становится еще менее вероятным, если вспомнить, что всего через два года, в 1254–1255 гг., король Данило, разгромив войска Куремсы, блестяще доказал, что даже без создания мощного союза, у монголов можно выигрывать не только отдельные сражения, но и целые войны. Учитывая близкие родственные отношения между семьями Данилы Галицкого и Александра Невского, о победах, одержанных Галицко-Волынским повелителем, князь Владимиро-Суздальский не мог не знать. Однако даже эти новости, дававшие надежду на освобождение всей Руси, не изменили отношение князя Александра к захватчикам. Очевидно, для этого были иные, нежели монгольская военная мощь, не менее серьезные причины.

* * *

Вернемся к нашему повествованию, прерванному в 1252 году. Выступившие против монголов князья Андрей и Ярослав отправились в изгнание, Данило Галицкий, узнав о разгроме своих союзников из северо-восточных княжеств Руси, готовился к открытым сражениям с татарами. Князь Александр занял великокняжеский Владимиро-Суздальский стол и пожинал плоды своих усилий по овладению властью.

Несомненно, восхождение к вершине властной пирамиды потребовало от Александра отказа от многих прежних политических

принципов и нравственных правил, и начало этому процессу положила, тут надо согласиться с Л.В. Егоровым, поездка в Монголию. Но, размышляя о том, что могло наложить на князя столь "глубокий отпечаток", выскажем предположение, что это был не военный, а совершенно иной аспект жизни монгольского государства, имя которому — система подданства. Именно монгольская система управления, предусматривающая безропотное подчинение народа и знати хану, или как его именовали на Руси — царю, покорила Александра.

Вспомним: все князья Переяславля-Залесского, призванные на Новгородский стол, пытались вести себя как авторитарные правители, не ограниченные ни иной властью, ни законом — установлениями "Русской правды" Ярослава Мудрого. Так было до князя Александра, так будет и после него. В своем родовом уделе, где не было старинных традиций, регулирующих взаимоотношения между княжеской властью и населением, потомки Всеволода Большое Гнездо вели себя как князья-"самодержцы". Но в Новгороде, как и в городах исконной Руси с их многовековыми славянскими традициями, полномочия князя уравнивались, ограничивались и дополнялись правами органа местного самоуправления — городским вече.

В то же время, отношения между великими князьями с одной стороны, и остальной знатью, включая удельных князей, — с другой стороны, с варяжской поры строились на принципах вассалитета. Эта средневековая европейская система подчиненности, предусматривавшая личную зависимость одних феодалов (вассалов) от более могущественных феодалов (сеньоров), допускала наличие определенных прав у некоторых слоев населения и в какой-то мере ограничивала своеволие правителей. Права и свободы, которые базирувались на принципах вассалитета, со временем стали основой европейской правовой системы.

Воспитанный без всех этих славянских традиций и европейских условностей Александр действовал в Новгороде самоуправно, как и подобает переяславльскому князю. Но всякий раз на его пути вставало городское вече, ограничивая желание князя взять себе слишком много власти. Это была изнурительная постоянная борьба, которая не вызывала у Александра восторга, но с которой, помня исход Липицкой битвы, приходилось до поры мириться.

Однако, пребывая в Сарае и Каракоруме, Александр увидел

совсем иные государственные и общественные порядки, при которых никто не мог противиться повелителю, а уже тем более ограничивать его власть. Да, Чингизиды постоянно вели тайную и открытую борьбу между собой, случалось, брат свергал, а то и убивал брата. Но все это было "царское дело", обычное и привычное для Александра, выросшего и правившего в условиях княжеских междоусобиц. Однако **ни при каких обстоятельствах народ сам, без руководства иного члена правящей семьи, не мог отвергнуть своего повелителя**, как это было неоднократно с князьями в Новгороде. С приходом монголов на Русь их способ организации государственной власти и управления стал не только возможным, но и должен был стать господствующим во всех древнерусских княжествах и землях — принцип вассалитета активно вытеснялся системой подданства.

Особенно активно система подданства внедрялась в северо-восточных княжествах Руси, где влияние монголов было наиболее существенным. Украинский историк А.Д. Бойко отмечает: "...столкновение князей с монгольской моделью управления государством надолго внесло в их генетический код сам дух империи: абсолютную покорность подданных и безграничную власть правителя. В обмен на собственный суверенитет, в Орде вместе с ярлыком князь получал неограниченную власть над своими подданными". Видимо, это и было то основное, что увидел князь Александр в степи, то, что он активно и последовательно стал насаждать в подвластных ему землях после своего возвращения.

Ранее мы отмечали, что вряд ли можно утверждать, что уже из поездки в Монголию князь вернулся прагматичным правителем, наметившим стратегическую линию взаимоотношений с монголами и собственным народом на годы вперед. Нельзя забывать, что после его возвращения прошло два года, прежде чем он перешел к активным действиям. Но события 1252 г. наглядно показывают, что за истекшие годы Александр не только понял, что путем интриг, или, как деликатно выражаются российские авторы, дипломатии, можно использовать мощь монголов в своих политических интересах, но и научился реально это делать.

Не останавливаясь более на оценке действий Александра (читатель при желании это может сделать самостоятельно), обратим внимание на то, что такого рода неоднозначный поступок мог быть совершен князем только в результате очень серьезного политичес-

кого и нравственного выбора, суть которого Ю. Бегунов сформулировал следующим образом: "Меч Западу, мир Азии". Конечно, ни о каком Западе в современном понимании этого термина тогда речи быть не могло — все это лексикон геополитических реалий XX столетия, и использован он указанным автором в целях поддержания все того же советского мифа о князе Александре как о защитнике средневековой Руси от посягательств коварного Запада. Выбор, который пришлось сделать князю Александру, был между Европой, европейской цивилизацией и Азией — цивилизацией, принесенной завоевателями.

Оговоримся сразу: мы не считаем ни одну из этих цивилизаций хуже или лучше, беднее или богаче по сравнению с другой, речь идет исключительно о том, что это были совершенно разные цивилизации, и та из них, которую представляли монголы, ранее на Руси не существовала. Принять эту цивилизацию и покориться ей, или отвергнуть принесенные монголами порядки и вступить с ними в войну, — через этот выбор пришлось пройти всем древнерусским княжествам и их повелителям, помнившим о своих европейских корнях.

Характеризуя события 1252 г., можно также с уверенностью утверждать, что к тому времени князь Александр свой личный выбор уже сделал. Его действия, связанные с восхождением на Владимиро-Суздальский стол, еще могут быть объяснены только честолюбием князя. Однако результаты состоявшихся в этот же период переговоров с представителями Папы Римского, неоспоримо свидетельствуют, что отныне Александр был твердо намерен ориентироваться на сотрудничество с монголами и избегать каких-либо компрометирующих связей с Европой.

В конце 1252 года во Владимир-на-Клязьме приехали послы от папы Иннокентия IV — кардиналы Галд и Гемонт. Они привезли буллу, написанную еще в 1248 г., адресованную "герцогу Суздальскому", то есть Александру. В своей булле Папа, ссылаясь на слово, данное князем Ярославом посланцу Рима де Плато Карпини во время встречи в Каракоруме, предлагал его сыну принять "веру святой Римской католической церкви". Содержала булла и ряд конкретных просьб, таких как предупредить магистра Тевтонского ордена в Ливонии в случае, если монголы вновь пойдут походом на Европу, построить католический храм во Пскове для иноземных купцов и пригласить к себе в гости епископа Прусского. В заключение Папа хвалил князя Александра за то, что тот не смирился с

татарским владычеством. Объяснялась эта похвала тем обстоятельством, что булаа была написана четыре года назад и о получении Александром от хана ярлыка на великое княжение Владимиро-Суздальское Иннокентий IV просто еще не знал. По рассказу летописца, Александр, посоветовавшись с мудрыми людьми, отверг предложение Папы Римского. В дальнейшем отношений с папским престолом Александр не поддерживал. Сделав свой выбор в пользу сотрудничества с азиатскими завоевателями, князь твердо и последовательно его придерживался.

Узнав, что Владимиро-Суздальское княжество признало над собой власть монголов, Римский престол тоже более не делал таких "неприличных" предложений ни самому Александру, ни его приемникам во власти. Римские папы как искушенные в политике люди понимали, что это будет являться вмешательством в суверенные права монгольского хана, а портить отношения с могучим государством кочевников из-за сравнительно небольшого его удела было неразумно.

Российские авторы, даже в период официального государственного атеизма, в подавляющем своем большинстве одобряли такую категорично-православную позицию князя Александра. Для объективности заметим, что в отличие от историков, в российской публицистике можно встретить оценки прямо противоположного характера. "Православная Византия вскоре оказалась под властью турок, и Русь, отрезанная от католической Европы, уткнулась в железный занавес. В учебниках истории приводится эпизод из жития Александра Невского, где Новгородский князь с гордостью отвергает предложение папы принять королевскую корону европейского государя из рук римского первосвященника. На самом деле эта гордость обернулась нам боком, ... — пишет, например, К. Кедров. — Станный парадокс истории. Принять корону от Папы, как все европейские государи, Александр Невский считал для себя позором, а подползать под ярмо принимать ярлык на княжение от свирепого ордынца позором не выглядело".

* * *

На протяжении пяти лет, следовавших за овладением Владимиро-Суздальским княжеством, с 1252 по 1257 г., великий князь Александр исправно выплачивал дань татарам, но сам в Золотую Орду не ездил. Он много занимался внутренними делами, и севе-

ро-восточные княжества, не знавшие под его властью междоусобиц, могли использовать силы для ликвидации все еще ощутимых последствий недавнего монгольского разорения. Пришлось Александру вновь заняться и делом, в котором он неизменно добивался блестящих результатов — защитой западных рубежей своих владений. Уже упоминавшееся нами успешное отражение набега ливонских рыцарей на Псков в 1253 г. завершилось заключением в том же году мира между Орденом и Новгородом, граница при этом была установлена по реке Нарова.

Исследуя жизнь и деятельность великого князя Владимиро-Суздальского Александра, довольно трудно выделить период, который принято называть вершиной жизненного пути героя. При изучении жизни Даниила Галицкого сделать это значительно легче. Судьба и неустанные усилия самого Даниила позволили ему успешно соединить в одних и тех же годах независимость Галицко-Волынского княжества, мир и согласие на его земле с личной высшей властью, увенчанной королевской короной. В жизни князя Александра все было по-иному. Как полководец он прославился в очень раннем возрасте, когда о его достижениях на политическом поприще говорить было еще преждевременно. Как правитель он достиг вершины властной пирамиды, когда северо-восточные земли Руси уже утратили независимость, а саму власть князь добывал не мечом, а с помощью интриг и хорошо оплаченной благосклонности хана. Последние же годы жизни Александра будут омрачены кровью его подданных, пролитой князем при усмирении антитатарских выступлений, и унижениями самого Александра при поездках в Орду.

Поэтому из всех прожитых Александром лет только период 1252—1255 гг. можно рассматривать в какой-то мере в качестве своеобразного пика его жизни. Счастливыми их вряд ли можно назвать: хан хоть и не вызывал к себе, однако дань требовал неукоснительно. Но именно в эти годы князь, оставив позади тяжелые размышления и сомнения, достиг желанной власти во Владимире-на-Клязьме, успокоил, пусть временно, свое княжество и стал его отстраивать. Сам Александр был еще молод и силен, у него появилась новая семья и родились сыновья-наследники — все складывалось достаточно удачно. По капризу истории этот благополучный для Александра период почти совпал с лучшими годами в жизни Даниила Галицкого, давая нам возможность, с одной стороны, отметить оче-

редное совпадение в их судьбах, а с другой — увидеть, насколько разными по содержанию были вершины жизненного пути каждого из наших героев.

Счастливые периоды, как известно, не отличаются особой продолжительностью. Расплата за полученную из рук завоевателей власть наступила для князя Александра достаточно скоро — в его владениях обострялись проблемы, связанные с возмущением населения татарскими порядками и непомерной данью. Первый звонок прозвенел в 1255 г., когда жители все того же Новгорода, воспротивились попыткам великого князя наложить на них ордынскую дань. Стремясь отстоять свою вольность, новгородцы выгнали прежнего князя-наместника — сына Александра Василия, пытавшегося добиться уплаты "выхода" монголам. В Новгород вместо Василия был приглашен брат Александра — князь Ярослав, который несколько ранее перестал скрываться и сел на самый дальний от татар Псковский стол. Видимо новгородцы, помня о его выступлении против монголов, видели в Ярославе своего единомышленника, но в события вмешался Александр. Он жестоко наказал зачинщиков возмущения и вновь посадил в Новгороде сына Василия. Брат Ярослав великим князем был прощен.

Вообще, отношения Александра с Новгородом были очень непростыми. Общеизвестно, что князь всегда выступал на защиту города от внешних врагов, хорошо понимая его значение как экономического и оборонного центра. В тоже время правил Новгородом князь предельно властно, жестко, а порой и жестоко, невзирая на прежние льготы и вольности великого города. Система подданства, которую внедрял Александр, не допускала каких-либо исключений, перед лицом повелителя все должны были быть равны, все одинаково бесправны. На противодействии новгородцев планам княжеской, а затем царской власти, лишить их исконных прав, собственно, и был замешан многовековой конфликт Великого Новгорода и Владимира-на-Клязьме, а затем Новгорода и Москвы. Первые попытки превратить вольных торговцев в бесправных подданных были предприняты князем Александром Невским, и в Новгороде Великом об этом всегда помнили.

В многочисленных договорах, заключаемых Новгородом с иными князьями в последующие времена, нередко ссылаки на притеснения, которые чинил горожанам Александр. "Невский герой, — пишет Ю. Бегунов, — предстает в них нарушителем "Русской Прав-

ды": он отнимал у бояр земли, захватывал их покосы, рыбные тони и охотничьи ловы, чинил суд в Торжке и Волоколамске как суздальский князь, подчинял себе "закладников" и "холопов", а потом освобождал их от кабалы, он отнял у бояр Терский берег на восточном побережье Кольского полуострова, посылал за богатой меховой данью своих ватажников, предтечей ушкуйников, покупал у новгородских бояр села и раздавал их своим сторонникам... Новгородцы возмущались, но терпели. Они и через 70 лет вспоминали об этом и в своих договорных грамотах требовали от князей: "А что, княже, брат твой Александр деял насиле на Новгороде, а того ся, княже, отступи..."; или: "А што будеть дед твой сильно деял... того ти не деяти".

Ну, положим, терпели-то новгородцы не всегда, изгоняли время от времени то самого Александра, то его сына, то брата. И свое недовольство порядками, установленными Александром, выражали не только в договорных грамотах через 70 лет после смерти князя, а сразу же после его кончины, когда в 1264 г. подписывали договор с братом невского героя — князем Ярославом. Но, самое главное, дух вольности, который не мог сломить Александр, делал Новгород притягательным центром для всех недовольных новыми порядками людей, накапливал горячий материал для бунта. Поэтому-то и карал жестоко новгородцев Александр в 1255 г., однако предотвратить открытое восстание против монголов, вспыхнувшее через три года, не смог.

Недолгим оказался и мир на западной границе — вскоре напомнили о себе шведы. В самом начале 1256 г. объединенное войско шведов, датчан из Ревеля, суми и еми во главе с рыцарем Дитрихом фон Кивелем вторглось в новгородские пределы. Вражеский флот вошел в устье реки Наровы и шведы начали строить крепость там, где позднее возникли города Ивангород и Нарва. Возникновение такой крепости отрезало выход Пскова к Финскому заливу (это было сделано упрямыми шведами в более поздние времена), и новгородцы обратились за помощью к Александру. Князь быстро собрал войска, пришел в Новгород и оттуда стремительно двинулся на Нарову. Услышав о приближении Александра, рыцари, помня исход Невского сражения, бросили недостроенный город и ушли в море.

Приказав срыть возведенные шведами укрепления, князь Александр, развивая успех, направил войска к Копорью, а оттуда в

южную Финляндию. "И бысть путь зол, якоже не видали ни дня, ни нощи, и проидоша горы непроходимые, и повоева Поморие все", — писал новгородский летописец, понимая под "горами" снежные торосы на Финском заливе. Шведские крепости, не ожидавшие нападения новгородцев, были взяты и скрыты до основания. Александр, несмотря на чрезвычайные трудности зимнего похода, огнем и мечом прошел почти через всю страну. Римский папа Александр IV писал в своей булле, что при этом погибло много подданных шведского короля, что победители "много усадеб и земель предали огню". Поход завершился столь же блестяще, как и начался — войско вернулось в Новгород без потерь, с пленными и добычей. Тридцатипятилетний князь Александр, ничуть не утративший ни своего полководческого таланта, ни жесткой хватки победителя, напомнил агрессивным соседям, что Русь может не только защищаться, но и нападать.

* * *

В том же 1256 г. на Русь вернулся бывший великий князь Владимир-Суздальский Андрей и "с любовью" был принят братом. В 1257 г. Александр вместе с братьями Андреем и Ярославом, а также князьями Борисом Ростовским и Глебом Белозерским поехали в Орду. Два года назад умер хан Батый, через год был отравлен его сын Сартак. На ордынском престоле сидел третий сын Батыя — Улагчи, и была надежда получить прощение для братьев великого князя, когда-то выступивших против монголов. С такой просьбой Александр и обратился к новому хану, сопроводив ее богатыми подарками: "огромными мешками серебра, серебряными сосудами и кубками, украшениями из драгоценных камней". По данным, приводимым В.Н. Татищевым, просьба была воспринята ханом благосклонно и братья были прощены. Князь Андрей получил от Улагчи в удел Городец Волжский и Нижний Новгород.

Случай, когда вина бунтовщиков была оставлена монголами без последствий, достаточно редкий в практике отношений Золотой Орды с покоренными древнерусскими княжествами. Другой такой случай был, пожалуй, только с королем Даниилом Галицким в 1261 г., когда Бурундай, прибывший после разгрома войск Куремсы, ограничился приказанием снести крепости, однако головы Даниила не требовал. Сам факт безнаказанности князей Андрея и Ярослава можно объяснить, вслед за некоторыми российским ав-

торами, блестящим дипломатическим дарованием их брата — великого князя Александра, особую убедительность аргументам которого предавали богатые дары.

Но если вспомнить, что прощение князей было не единственным и даже не главным из повелений хана, объявленных во время этой встречи, а также обратиться к контексту последующих событий, то причины ханской милости будут смотреться несколько по-иному. 1257 год — год особый в отношениях между Русью и Ордой. В этом году монголы готовились, а затем ввели подушную дань в северо-восточных княжествах Руси. Необходимым условием для введения на всех покоренных кочевниками землях единой системы обложения данью, так называемого "числа", являлась всеобщая перепись населения, от которой освобождались лишь лица духовного чина. Повеление о проведении такой переписи и о введении подушной дани на землях прибывших в Орду князей и было объявлено ханом Улагчи во время встречи. Подвергать в это время наказанию родственников князя Александра, который должен был обеспечивать (и обеспечил!) порядок при приведении переписи и введении новой дани, было бы со стороны хана, по меньшей мере, неразумным.

Введенная монголами перепись всего населения представляла собой достаточно трудоемкое мероприятие, растянувшееся на 1257—1258 гг. Начало ее можно отнести на февраль 1257 г., когда в северо-восточных княжествах Руси появились баскаки и присланные из Монголии "численники". Лаврентьевская летопись сообщает: "Тое же зимы приехаша численници, и счетоша всю землю Суждальску, и Рязаньскую, и Мюромьскую, и ставиша десятники, и сотники, и тысящники, и темники, и идоша в Орду, толико не чтоша игуменов, черньцов, попов, крилошан, кто зрит на святую Богородицу и на владыку". Одновременно с "численниками" и охранявшими их отрядами монголов появился и вернувшийся из Орды Александр с сопровождавшими его князьями.

Начав перепись с востока, монгольские чиновники постепенно продвигались на запад. Далеко не все могли смириться с их деятельностью. Сохранились сведения о том, как 3 июля 1257 г. Ярославский князь Константин близ Ярославля вступил в бой с охраняемыми татарскими отрядами и был убит. Но в целом перепись в северо-восточных княжествах прошла достаточно спокойно, население, если верить летописи, оценивало ее как наказание "грех ради

наших". Отметим, что "численники" действовали лишь на территории северо-восточных земель Руси, что же касается юго-западных княжеств, то здесь их появление летописцами не было отмечено.

Перепись беспрепятственно продолжалась до тех пор, пока зимой 1258 г. "численники" не добрались до Новгорода. Среди новгородцев быстро распространилась весть, что монголы с согласия Александра хотят наложить дань на их свободный город. Это вызвало возмущение горожан, которых, как мы помним, монголы действительно не покоряли. В Новгороде началось восстание, которое на сей раз поддержал и сын Александра — князь Василий. Восстание продолжалось около полутора лет, вплоть до весны 1259 г., и все это время новгородцы не подчинялись монголам.

В конце концов, князь Александр, действуя предельно жестоко, лично навел порядок: наиболее активных участников волнений казнил, других ослепил, третьим урезал носы. Так же жестоко Александр поступил и со своим первенцем князем Василием, который бежал от отцовского гнева во Псков, но по приказу великого князя был схвачен и в оковах доставлен в Суздальскую землю. Карамии, обрушенными князем Александром на Новгород, вольный город был сломлен и подчинился приказу посылать дань в Золотую Орду. С тех пор новгородцы, хотя и не видели больше у себя монгольских чиновников, участвовали в выплате дани, доставляемой в Орду со всего северо-востока Руси. Новым новгородским наместником с 1259 г. стал шестилетний князь Дмитрий, еще один сын Александра, а Василия отец больше к управлению не допускал. По некоторым сведениям Василий умер в изгнании в 1271 г. в возрасте 31 года. По иным свидетельствам, с 1259 до смерти в 1271 г. Василий был князем Переяславльским, но, может быть, княжение в родовом уделе и было тем самым изгнанием? Как бы там ни было, но в активной политической жизни он более не участвовал.

По мнению многих российских авторов, в позиции Александра по отношению к монголам коренной перелом произошел после поездки в Золотую Орду в 1257 г. До этой поездки Александр изображается чуть не главой скрытого сопротивления монголам. После же возвращения из Орды и жестокого подавления новгородцев говорить о его противодействии завоевателям уже никак не получается. Поэтому со ссылками на то, что летописные сведения не позволяют объяснить причины изменения позиции князя, выдвигаются различные версии о том, когда и почему это произошло. А ведь

никакого перелома в позиции князя не было, он твердо и последовательно демонстрировал, начиная с 1252 г., свой выбор в пользу сотрудничества с монголами. И здесь самое время вернуться к вопросу о том, поддерживал ли народ выбор своего князя, его новый "восточный" курс?

Лучше всего на этот вопрос ответил, конечно, сам народ, неоднократно поднимавший антимонольские восстания. Отмечая, что выбор князя не совпадал с мнением его подданных, Л.Н. Гумилев писал: "В соборном мнении потомков выбор Александра Ярославича получил высшее одобрение. К сожалению, среди современников, ... политический курс Александра Ярославича популярностью не пользовался. Никто не думал благодарить князя за его усилия по спасению Русской земли".

Отмеченная Гумилевым разница в оценках выбора Александра его современниками и потомками вообще-то неудивительна, и дело здесь не в потере пассионарности населением Руси XIII века, на что ссылается уважаемый Лев Николаевич. Можно, конечно, предположить, что великий князь Владимиро-Суздальский Александр обладал сверхчеловеческой проницательностью и прозревал будущее на несколько столетий вперед. Можно также считать, что Александр наперед знал о том, что многочисленные жертвы, на которые он обрекает свой народ, затем окупятся сторицей и его потомки станут основателями династии московских великих князей, а затем и царями Московского государства. В отношении одного человека, тем более столь незаурядного, такие предположения сделать можно.

Однако нельзя требовать, чтобы такой же божественной проницательностью обладали простые новгородцы, суздальцы, ростовчане, владимирцы, которым приходилось своими жизнями и последним добром платить за выбор Александра. Не могли они ни понять, ни одобрить "новый курс" князя, который в отличие от своих предков не зовет и не ведет их на борьбу с захватчиками, а сам казнит и разоряет своих подданных по требованию врагов. Жители северо-восточных земель Руси готовы были умирать за будущее своей отчизны и жертвовать для него всем, что имеют. Эти свои качества они неоднократно доказывали, как мы видели, не только на поле Куликовом. Но не могли они понять действия князя, который сам приводит врагов на свою землю и предпочитает роль карателя роли народного освободителя.

Их потомки, снисходительно поглядывая на предков с высоты своих знаний, могут, конечно, не согласиться с мнением очевидцев и участников событий. Но оценка тех или иных исторических событий их современниками, на наш взгляд, всегда заслуживает особого уважения, поскольку именно они на своем этапе истории непосредственно несут ответственность за судьбу своей Отчизны. Однако оставим эти размышления профессиональным историкам и писателям, вернемся к событиям в северных землях Руси в начале 60-х годов XIII столетия.

В то время начинал складываться кратковременный союз между Литвой и Великим Новгородом. Серьезной помехой такому союзу были прежние, далеко не дружественные отношения — последний набег литовцев на Торжок состоялся всего два года назад. Однако, рассорившись с королем Данилой Галицким из-за участия войск последнего в походе татар против Литвы, великий князь Литовский Миндовг остался один на один с Тевтонским орденом. Потеряв союзника на юге, Литовский князь начинает искать его на севере в лице Новгорода и стоявшего за ним князя Владимиро-Суздальского. Сразу после победы в 1260 г. литовских войск в битве возле озера Дурбе над объединенными силами крестоносцев, послы Миндовга прибыли к Александру с предложением заключить договор о совместных действиях против Ордена. Князь Владимиро-Суздальский за предложение поблагодарил, однако связанный мирным договором Новгорода с Орденом от 1253 г., особой заинтересованности в этом союзе не проявил.

Вспомнил Александр о предложении Миндовга через два года, в ходе очередного кризиса в отношениях с монголами. Договор с Литвой, по которому Полоцк возвращался "под руку" Александра и оговаривался совместный поход против крестоносцев, был подписан весной 1262 г. Как ни странно это звучит, но указанный договор с литовцами, предусматривающий активные военные действия, позволил Александру сохранить свои войска. Суть этого удачного дипломатического шага Владимиро-Суздальского князя мы поясним далее, а пока, чтобы не нарушить связность изложения, продолжим рассказ о событиях в Прибалтике. Выполняя условия подписанного с Новгородом договора, войско Миндовга вскоре осадило замок рыцарей Венден, но полки Александра, под командованием его брата князя Андрея, пришли туда только через месяц, когда Миндовг уже вернулся в Литву. Владимиро-суздальским войскам

пришлось ограничиться обычным разграблением земли Дерптского епископства.

В том же году новгородцы совместно с суздальскими полками, отрядами полоцкого и витебского княжеств, а также Великого княжества Литовского сумели добиться давней своей цели — взяли Дерпт (Юрьев). Во главе войска формально стоял Новгородский князь, девятилетний сын Александра Дмитрий, которому "помогали" его дядя князь Ярослав, князья полоцкие и витебские. Несмотря на то, что город был окружен тремя рядами стен и имел сильный гарнизон, союзники овладели им с первого приступа, сожгли посад, убили множество вражеских воинов, а других взяли в плен. Взяли они и богатую добычу, но сам город удержать не смогли. По сообщению немецкого хрониста, войско новгородцев было вынуждено отступить, так как пронесся слух, будто на выручку Дерпту движется ливонское войско во главе с магистром Вернером фон Брейтгаузеном. Этот эпизод лишний раз подтверждает, что в Ледовом побоище войска князя Александра сражались только с отрядами Дерптского епископства, так как даже через 20 лет после одержанной в 1242 г. победы один слух о приближении главных сил Ливонской части ордена заставил новгородцев немедленно отступить. Тем не менее, походы новгородцев 1262 г. сыграли свою роль в достижении нового, значительно более выгодного мира между Новгородом и Тевтонским орденом.

Вскоре в Новгород прибыли послы Ордена вместе с посланцами Риги, Любека и Ганзы и заключили с наместником Александра князем Дмитрием договор, называемый в истории "Докончание". Договор прекращал все прежние тяжбы и провозглашал мир и свободную торговлю на Балтике. Принципы взаимоотношений, заложенные этим договором, оказались столь удачными и долговечными, что даже в договоре 1420 г. между новгородцами и Ливонским орденом сделана была ссылка на "мир по старине, како было при великом князе Александре Ярославиче". Таким образом, западные границы были на время прикрыты, но на востоке положение оставалось более чем напряженным, что и не позволило князю Александру на сей раз самому заниматься урегулированием проблем в Прибалтике.

Пожар народного гнева, вспыхнувший в 1257 г. в Новгороде, удалось погасить, однако искры его тлели. В 1262 г. в городах Владимиро-Суздальской земли Ростове, Владимире, Суздале, Пере-

яславле и Ярославле поднялись восстания против монгольских откупщиков дани, так называемых "бесерменов". Откупщиков отовсюду выгнали, а в Ярославле, к тому же, убили откупщика Изосиму, который хуже завоевателей притеснял соотечественников. Узнав о случившемся, хан Берке стал собирать войска для нового похода на северо-восточные земли Руси. У этого похода был еще один аспект: между Золотой Ордой и Ираном вспыхнула война. Хан Берке начал общую мобилизацию всех подвластных ему сил. Он потребовал от великого князя Владимиро-Суздальского прислать его полки в помощь монгольским войскам. Софийская летопись по списку И.Н. Царского сообщает, что для набора рекрутов на Русь даже прибыл специальный ордынский полк с заданием "попленили христианы" и увести "с собою воиньствоватии".

Некоторые исследователи непосредственно связывают это обстоятельство с подписанием упомянутого договора с Литвой 1262 г. и походами войск Владимиро-Суздальского княжества для осады замка Венден и города Юрьева. Такой ход, который стал возможен благодаря договору с князем Миндовгом, позволял Александру формально оправдаться перед ханом занятостью войск на западной границе и сохранить их от истребления в далеком Азербайджане. Общеизвестно, что монголы, составлявшие сравнительно небольшую численность в подчинявшихся им войсках, инопленников в битвах не жалели, направляя их на самые опасные участки.

Несомненно, князь Александр понимал, сколь серьезные последствия могут иметь завуалированный отказ в присылке полков княжества в сочетании со сведениями о бунте против "бесерменов". Именно поэтому сам он направился не в Прибалтику, а в Сарай "дабы отмолить люди от бед". Эта поездка для князя стала роковой.

Хан, не объявляя своего решения, удерживал князя Александра в своих кочевьях всю зиму, весну и лето. Как пишет Н.И. Костомаров: "Это заставляет предполагать, что не сразу удалось ему приобрести такую милость для своих соотечественников". Здесь Александр был не великим князем, а "улусником, рабом хана", а потому приходилось терпеливо ждать и надеяться, что удастся отговорить ордынского царя от задуманного похода на Русь. В конце концов, Берке простил избиение откупщиков и разрешил Александру не посылать свои полки в монгольское войско для участия в войне на Кавказе. Как обычно, в благосклонном решении хана сыграли свою роль щедрые подношения Александра, а также обещание

увеличить "выход" — дань Орде. Право вернуться во Владимир-на-Клязьме Александр получил только осенью.

Однако зимовка в золотоордынских степях серьезно подорвала здоровье князя. По пути домой Александр тяжело занемог, остановился в Нижнем Новгороде, через силу продолжил путь далее, но 14 ноября 1263 г. в Городце Волжском скончался. В момент смерти ему было 43 года. Получив известие о смерти князя, митрополит Кирилл вышел к народу и сказал: "Зашло солнце земли Суздальской". Тело великого князя было доставлено во Владимир-на-Клязьме и погребено в храме Рождественского Богородичного монастыря.

По подсчетам историков, в общей сложности, Александр провел в Орде четыре с лишним года. По предположению ряда биографов во время последней поездки князь был отравлен в Орде медленнодействующим ядом, что неудивительно, если принять во внимание возраст, в котором он умер и схожие обстоятельства смерти его отца — великого князя Ярослава. Не следует забывать о бунте против "бесерменов", который Александр не сумел предотвратить и скрытый отказ в помощи Берке в его борьбе с Ираном. Хан, простив князя на словах, тем не менее, мог "по достоинству отблагодарить" Александра на деле.

В 1547 г. русская православная церковь канонизировала Александра Невского. Русский историк С. Ф. Платонов так писал о причинах канонизации князя: "Победа (на Неве) была так решительна и значение ее казалось так велико для Руси, что подвиг князя Александра стал предметом многих благочестивых преданий... Победу на Неве рассматривали как торжество православия над католичеством; она послужила первым поводом к тому, чтобы причислить князя Александра, доброго страдальца за Русскую землю, к лику святых. За Александром с тех пор навсегда осталось прозвание "Невского".

Н.И. Костомаров к этому добавляет: "Духовенство более всего уважало и ценило этого князя. Его угодливость хану, умение ладить с ним, твердое намерение держать Русь в повиновении завоевателям и тем самым отклонять от русского народа бедствия и разорения, которые постигали бы его при всякой попытке к освобождению и независимости, — все это вполне согласовалось с учением, всегда проповедуемым православными пастырями: считать целью нашей жизни загробный мир, безропотно терпеть вся-

кие несправедливости и угнетения, покоряться всякой власти, хотя бы иноплеменной и поневоле признаваемой".

В 1724 г. при Петре I мощи святого князя были перенесены в Санкт-Петербург.

* * *

Как и в повествовании о жизненном пути короля Даниила Галицкого, приведем оценки, данные князю Александру Невскому классиками отечественной истории.

Н.М. Карамзин в "Истории Государства Российского" писал: "Добрые россияне включили Невского в лик своих ангелов-хранителей и в течение веков приписывали ему, как новому небесному заступнику Отечества, разные благоприятные для России случаи: столь потомство верило мнению и чувству современников в рассуждении сего князя! Имя Святого, ему данное, гораздо выразительнее Великого: ибо Великими называют обыкновенно счастливых; Александр же мог добродетелями своими только облегчать жестокую судьбу России, и подданные, ревностно славя его память, доказали, что народ иногда справедливо ценит достоинства государей и не всегда полагает их во внешнем блеске государства".

С.М. Соловьев: "Соблюдение Русской земли от беды на востоке, знаменательные подвиги за веру и землю на западе доставили Александру славную память на Руси, сделали его самым видным историческим лицом в нашей древней истории — от Мономаха до Донского. Знаком этой памяти и славы служит особое сказание о подвигах Александровых, дошедшее до нас вместе с летописями, написанное современником и, как видно, человеком близким к князю. Великий князь Александр Ярославич, говорит автор сказания, побеждал везде, а сам не был нигде побежден..."

Н.И. Костомаров: "XIII век был периодом самого ужасного потрясения для Руси. С востока на нее нахлынули монголы с бесчисленными полчищами покоренных татарских племен, разорили, обезлюднили большую часть Руси и поработили остаток народонаселения; с северо-запада угрожало ей немецкое племя под знаменем западного католичества. Задачей политического деятеля того времени было поставить Русь по возможности в такие отношения к разным врагам, при которых она могла удержать свое существование. Человек, который принял на себя эту задачу и положил твердое основание на будущие времена дальнейшему исполнению этой задачи,

по справедливости может назваться истинным представителем своего века. Таким является в русской истории князь Александр Ярославич Невский".

Мы намерено опустили какие-либо комментарии к каждой по отдельности оценке историков, чтобы читатели могли сами почувствовать их лаконичность, сухость и некоторую отстраненность. Авторы не только ничего не пишут о личностных качествах Александра, сосредоточиваясь на его политической деятельности, но при этом явно стараются сослаться на иные авторитеты: Карамзин — на "добрых россиян", Соловьев — на "сказание о подвигах Александровых". Костомаров же вообще пишет больше о задачах, которые должен был разрешать политический деятель того времени, чем о самом князе. Все они единодушно высказывали свое личное восхищение королем Руси Даниилом Галицким, но никто, по сути, не выразил собственного мнения о великом князе Владимиро-Суздальском Александре. Видимо, слишком неоднозначны были деяния неевского героя, неоднозначен и его вклад в отечественную историю.

* * *

В завершение кратко расскажем о судьбах наследников Александра Невского. Вскоре за Александром, в один год со своим тестем — Даниилом Галицким, в возрасте 42 лет умер князь Андрей. Поэтому ярлык на великокняжеский Владимиро-Суздальский стол последовательно получали младшие братья Александра — князья Ярослав Тверской и Василий Костромской. Старший сын Александра Невского — Василий на момент смерти отца был совершеннолетним. Как мы уже упоминали, он был отстранен от активной деятельности еще Александром, и оспаривать права своего дяди Ярослава на титул великого князя не пытался. Дети от второго брака князя Александра с княгиней Дарьей в момент смерти отца были еще очень малы. Старшему, Дмитрию, числившемуся наместником в Новгороде, исполнилось десять лет, Андрею — восемь, а Даниилу — всего два года.

Когда князь Ярослав стал князем Владимиро-Суздальским, малолетний Дмитрий из Новгорода был изгнан. Приглашая к себе в князья самого Ярослава, новгородцы потребовали от него принесения клятвы, содержащей по сведениям Н.М. Карамзина такие условия: "Но не требуй отнятых у нас князем Александром (сенных покосов — *А.Р.*), и вообще не подражай ему в действиях самово-

лия". Ярослав клятву дал, но, как отец и старший брат, слова своего не держал, и так же, как и они, был изгнан новгородцами за самоволие. Начатое Александром введение системы подданства при его приемниках продвигалось слабо, и вновь на этом пути, который вел к всеобщему бесправию, стоял Великий Новгород. Княжение Ярослава во Владимире-на-Клязьме продолжалось 8 лет. "Великий князь Ярослав, — читаем у Карамзина, — следуя примеру отца и Александра Невского, старался всеми способами угождать хану и подобно им кончил жизнь свою на возвратном пути из Орды". Умер князь Ярослав в 1272 г. в возрасте 48 лет.

Еще короче оказалось правление самого младшего из братьев Ярославичей — князя Василия. Прокняжив четыре года, он "по возвращению из Орды преставился в Костроме" в 1276 г. По мнению Карамзина, смерть Василия последовала на сороковом году жизни, а по информации современных нам авторов и того раньше — в момент смерти князю Василию было 35 лет.

Мы не случайно приводим возраст, в котором умерли сыновья князя Ярослава. Ни один из них не только не дожил до возраста отравленного монголами отца, но даже не перешел пятидесятилетний рубеж. В связи с этим очень настораживает то обстоятельство, что все братья, носившие после Андрея титул великого князя Владимиро-Суздальского — Александр, Ярослав и Василий, умерли по возвращении из Орды. Трагическая смерть отца и ранняя, при схожих обстоятельствах, смерть сыновей, позволяет предполагать, что умерли они не своей смертью. Однако ни летописи, ни историки классической школы об отравлении как о возможной причине смерти Ярославичей ничего не говорят. Одно остается несомненным: милость татарского царя была непомерно тяжела, и тот, кто ее добивался, быстро покидал этот мир.

После смерти князя Василия настал черед его племянников, сыновей князя Александра. Первым по старшинству в 1277 г. получил ярлык на великокняжеский Владимиро-Суздальский стол Дмитрий. Как мы помним, в девятилетнем возрасте Дмитрию пришлось возглавлять, пусть и формально, поход на Юрьев. В 1268 г. князь Дмитрий, которому было тогда 15 лет, привел переяславльскую дружину для помощи новгородцам в борьбе против Ордена. 18 февраля того же года произошла упоминавшаяся нами Раковорская битва. Поскольку это сражение имеет непосредственное отношение к князю Дмитрию, остановимся на нем несколько подробнее.

Раковор, или Везенберг, — датский замок возле реки Наровы, в окрестностях которого на поле за рекой Кеголой и произошло сражение. На стороне новгородцев в этой битве сражались полки из Переяславля-Залесского князя Дмитрия, Пскова под руководством князя Довмонта и Твери во главе с князем Святославом. Ливонских рыцарей возглавляли магистр Отто фон Роденштейн и епископ Дерптский Александр. Орденское войско традиционно построилось "свиньею", а рати новгородцев и их союзников — в линию. На правом крыле встал с псковичами князь Довмонт, за ним — конный полк князя Дмитрия. На левом крыле разместились дружина тверичей. В центре боевого порядка встало пешее новгородское ополчение, за которым находился обоз. Рыцарский строй с ходу врзался в пешее ополчение, пробил его ряды, но затем клин "свиньи" увяз в обозе. Судя по описанию летописца, жестокость боя, продолжавшегося весь день, превосходила Ледовое побоище: "Ни отцы наши, ни деды не видали такой жестокой сечи". Часть орденского войска была разгромлена, и конница князя Дмитрия с новгородцами гнали рыцарей и кнехтов семь верст по льду реки Кеголы вплоть до Раковорского замка, многие из них при этом провалились в полыньи и утонули. Ливонские летописцы пишут, что в битве погибло 1350 рыцарей и Дерптский епископ. А кнехтов было убито без числа. У новгородцев и их союзников также были большие потери: погибло 5 тысяч воинов, в том числе новгородский "посадник с тринадцатью знаменитейшими гражданами полегли на месте, много пало и других добрых бояр, а черных людей без числа".

О грандиозности этого сражения говорит не только величина потерь с обеих сторон, но и то, что после битвы, длившейся целый день, противники еще сохраняли достаточно сил, и с наступлением темноты их войска продолжали оставаться на поле боя. В течение ночи рыцари оставили свои позиции, и сражение больше не возобновлялось. Только после этого битву под Раковором можно было считать выигранной, хотя война с Орденом продолжалась еще более года.

Читая о Раковорской битве, не раз ловишь себя на мысли о том, что ход сражения и некоторые его характерные детали уже ранее не раз встречались. Помимо хрестоматийно известного Ледового побоища 1242 г., где проявилось полководческое дарование князя Александра, вспоминается битва, выигранная в 1234 г. на реке Эмбах под Дубровной князем Ярославом. Во всех трех сражениях

фигурируют лед и проваливающиеся в полыньи рыцари, а в Ледовом побоище и Раковорской битве присутствует пресловутая рыцарская "свинья", пробивающая пеший строй, а также семь верст преследования разбитых крестоносцев. Но поразительным тут является не только совпадение перечисленных деталей — в конце концов, необходимость сражаться на льду замерзших рек и озер диктовалась особенностями прибалтийского театра военных действий, а строй "свиньей" значительно чаще приносил рыцарям победу, чем поражение, поэтому постоянно и использовался ими. Не менее поразительно тут другое: в столь схожих сражениях против одного и того же противника последовательно участвовали дед, отец и сын и все они вышли победителями из выпавшего на их долю испытания.

Блестяще начатая Дмитрием политическая и военная карьера сулила ему великое будущее. К сожалению, этим надеждам не суждено было сбыться. Из биографий князя Дмитрия и его брата Андрея видно, что они неоднократно сменяли друг друга на великокняжеском Владимиро-Суздальском столе. Связано это с тем, что братья с ожесточением боролись между собой за власть. Ненавидя друг друга, они не берегли ни княжества, ни подданных, часто приводили на свою землю татарские рати. Восточная политика отца в их исполнении получила наихудшее продолжение: братья использовали татар в своих политических, а зачастую и просто корыстных целях; их интересовали только личная власть и богатство. Перечислим только основные вехи этой ожесточенной борьбы.

В 1281 г. Андрей поехал в Орду к хану с жалобой на брата Дмитрия, который был в то время великим князем Владимиро-Суздальским (не правда ли, что-то знакомое из жизни их отца и дяди?!), и привел татарское войско во главе с воеводами Тука-Темиром и Алыном. В Муроме к ним присоединились полки удельных князей, которые то ли тоже не любили великого князя Дмитрия, то ли решили использовать удобный случай пограбить соотечественников под прикрытием татар. Объединенная русско-монгольская армия razорила Ростовскую землю, сожгла и разграбила Тверь, Юрьев, Ростов, Муром, окрестности Владимира и Суздаля: "Все пусто сътвориша и пограбиша люди, мужи и жены, и дети, и младенци, имение все то пограбиша и поведоша в полон". Князь Дмитрий бежал в Новгород, а оттуда — в Швецию, продолжив тем самым традицию, заложенную еще Киевским князем Владимиром Великим — спастись от внутренних бед "за морем". Су-

мев сохранить свою дружину и казну с помощью Псковского князя Довмонта в Копорье, Дмитрий вернулся затем в Переяславль-Залесский, куда стали собираться и многие пострадавшие от татарского разорения. Хан отдал ярлык на великое княжение Андрею, который в благодарность за помощь устроил монгольским вельможам роскошный пир во Владимире-на-Клязьме.

В 1282 г. Андрей, будучи великим князем Владимиро-Суздальским, привел на свою теперь уже землю новое татарское войско, во главе с воеводами Кавадыем и Алгедаем. Нападению вновь подверглась Ростовская земля, в которой татары грабили и сжигали села, монастыри, церкви. Народ разбежался по лесам. Переяславль-Залесский — родовой удел великого князя — был взят и сожжен, а его жители убиты. По словам "ростовского летописца" А.Я. Артынова, "...от этого разбойничьего погрома уцелели только приданные отчины княгини Андрея Городецкого Василисы ... В этих отчинах князь Андрей с татарами пиروвал за победу над христианами". Упомянутая княгиня Василиса — это жена князя Андрея, принесенные в качестве приданого отчины которой только и уцелели во время погрома.

В 1283 г. братья примирились, и Андрей якобы отказался от великого княжения в пользу старшего брата. Дмитрий получил от хана ярлык на княжение Владимиро-Суздальское и уже почти до конца своей жизни не упускал его. С этим не смог согласиться Андрей, и в 1285 г. он вновь навел на брата войско одного ордынского царевича, но был разбит великим князем Дмитрием. Поражение, нанесенное Андрею, было, видимо, достаточно серьезным, так как восемь лет между братьями сохранялся мир, и их подданные могли как-то оправиться после пережитых бед.

Однако амбиции князя Андрея не были удовлетворены, и в 1293 г. он привел татарское войско во главе с братьями хана Тохты царевичами Туданом и Тахтамиром, так называемую Дюденеву рать. Казалось, вернулось время Батыя: Владимир, Москва, Дмитров, Волок превратились в руины, разгромлена была Тверь, сожжены села, жители убиты или уведены в плен, "ужас царил повсюду, и только дремучие леса спасли часть населения".

Совершенно не случайно классической характеристикой северо-восточной Руси XIV века стали слова В.О. Ключевского: "Люди беспомощно опускали руки, умы теряли всякую бодрость и упругость и безнадежно отдавались своему прискорбному положению,

не находя и не ища никакого выхода. Что еще хуже, ужасом отцов, переживших бурю, заражались дети, родившиеся после нее. Мать пугала беспокойного ребенка лихим татаринном; услышав это злое слово, взрослые растерянно бросались бежать, сами не зная куда... панический ужас одного поколения мог развиваться в народную робость, в черту национального характера". Несомненно, что историческая ответственность за этот парализующий народ ужас лежит на Александре Невском и его наследниках, которые за сорок лет, прошедших с 1252 по 1293 гт., пять раз не только инициировали нашествия своих "повелителей и союзников", но и принимали непосредственное участие в разорении родного края.

Во время нападения Дюденовой рати Великий Новгород сумел уцелеть, откупившись дарами и признав Андрея своим князем. Дмитрий, едва спасшийся от рук брата, после ухода татар уступил Андрею Владимиро-Суздальский стол, согласившись на наследственный переяславльский удел. Однако по пути туда неожиданно и как-то уж очень своевременно умер в возрасте 42 лет.

Понятно, что при таких "заслугах" перед Отечеством, ни Дмитрий, ни Андрей любовью народа и историков не пользуются вполне заслуженно. Н.М. Карамзин в "Истории Государства Российского" так написал о князе Андрее: "Никто из князей Мономахова рода не сделал столько зла отечеству, как сей недостойный сын Невского, погребенный в Волжском Городце, далеко от священного праха родителя".

В завершение приведем еще один, связанный теперь уже с князем Андреем Александровичем любопытный эпизод. В 1300 г. сильный шведский флот с войсками на борту, вошел в Неву. Рыцари высадились у впадения реки Охты в Неву, где построили крепость Ландскрона, или по-русски "Венец земли". Затем они отплыли, оставив в крепости гарнизон. После многократных просьб новгородцев, великий князь Андрей весной 1301 года пришел с суздальскими полками и осадил крепость. 18 мая 1301 г. Ландскрона была взята и срыта до основания. За этот успех древнерусские летописцы прозвали великого князя Андрея "Невским".

Вновь поразительное совпадение деталей на сей раз с событиями 1240 года: Нева, шведы и даже прозвище "Невский". Более чем странно — отец и сын получают одно и то же прозвище, как будто у летописцев именно на сыне князя Александра иссякло воображение и придумать для него "эксклюзивное" прозвание они не

сподобились. Но и это, еще не все — скончался великий князь Владимир-Суздальский Андрей в 1304 г. в том же городе, что и его отец — Городец Волжском. Поневоле вспомнишь А.Т. Фоменко и Г.В. Носовского, утверждающих, что большинство описанных в истории событий никогда на самом деле не происходили и являются только эхом какого-то одного реального факта. Вспоминается при этом и то обстоятельство, что князь Александр, в отличие от сына, получил свое прозвище только спустя два столетия — впервые он упоминается в общерусских летописях с именем "Невский" не ранее конца XV века.

Впрочем, современный читатель вряд ли имеет шанс перепутать отца и сына, так как, в отличие от летописцев, более поздние историки упрямо называют сына не Андреем Невским, а Андреем Городецким, так как помимо Костромы и Владимира-на-Клязьме, Андрей правил также в Городце Волжском. Но рок явно продолжал преследовать потомство князя Ярослава: Андрей не стал исключением в своей семье и прожил только 49 далеко не спокойных лет.

В отличие от старших братьев, младший сын Александра Невского, Даниил, тихо правил в захолустной тогда Москве. О периоде правления первых московских князей польский автор XVI века Михалон Литвин писал: "Прежде москвитяне были в таком рабстве у заволжских татар, что князь их... выходил навстречу любому послу императора (то есть хана. — *А.Р.*) и ежегодно приходящему в Московию сборщику налогов за стены города и, взяв его коня под уздцы, пеший отводил всадника ко двору. И посол сидел на княжеском троне, а он сам коленопреклоненно слушал послов".

Традиционно прожил Даниил мало — 42 года; казалось бы, ничего особенного не совершил, если не считать за подвиг самовольный захват после смерти племянника родового удела Ярославичей — Переяславля-Залесского, и присоединение его к Москве. Но эта, необычно тихая для его родственников, жизнь не помешала князю Даниилу прочно войти в историю России. Он стал родоначальником Московских князей, и этого хватило первому князю московскому для того, что бы русская православная церковь канонизировала Даниила — сын святого отца сам стал святым. Считается, что именно им была заложена основа могущества Москвы, а, следовательно, и Московского великого княжества, Московского царства и Российской империи.

Менее всего известно о дочери Александра Невского — Евдокии. Сохранились сведения, что она вышла замуж за литовского князя Константина-Августа Витебского. Дядя Евдокии Ярослав, бывший тогда великим князем Владимиро-Суздальским, не желая видеть во главе Пскова любимца горожан Довмонта, направил туда Константина-Августа с семьей, где тот погиб. После смерти Константина-Августа о судьбе Евдокии ничего неизвестно, не установлены даже годы ее жизни.

* * *

Судьба последующих потомков Александра Невского хорошо известна — все они, так или иначе, принадлежали к московским князьям, а потому их жизнь и деятельность тщательно изучены российской историей. Как мы упоминали, продолжателями династии стали потомки князя Даниила, поскольку дети других сыновей Александра Невского потомства не оставили. После смерти Даниила, последовавшей в 1303 г., князем Московским стал его старший сын Юрий, с которого, собственно, и началась борьба правителей этого маленького княжества за расширение их владений. Правители в соседних княжествах были тоже Рюриковичами, бороться за новые земли приходилось с ближними или дальними родственниками, однако ни Юрия, ни последующих князей московских это обстоятельство ничуть не смущало. Согласно приведенным в книге Е. Пчелова "Рюриковичи. История династии" подсчетам, "...за всю свою трехсотлетнюю историю в борьбе за пресловутое "единство" Руси московские князья замучили, заморили голодом, отравили, а то прямо растерзали 25 своих близких и дальних родственников. Эту зверскую традицию основал именно Юрий Данилович". С именем Юрия связывают убийство Рязанского князя Константина и гибель в Орде по его доносу Тверского князя Михаила. Неудивительно, что жизнь князя Московского закончилась трагически — Юрий был убит сыном Тверского князя Дмитрием. Если учесть бесчисленные совпадения, взаимную ненависть и интриги между ближайшими родственниками, сражения и кровь невинных людей, а также преждевременные смерти, уносившие одного князя за другим, то судьба рода Ярославова вполне может послужить основой для новой серии романов "Проклятые короли" на древнерусском и московском историческом материале.

Второй сын Даниила, Иван, получивший ярлык на московское

княжение после гибели брата, вошел в российскую историю с прозванием Калита. И он, и его маловыразительные приемники, менявшиеся на Московском столе под именами Иван и Василий, исправно платили дань Золотой Орде и по первому окрику смиренно ехали к ханам. "Князья ездят в Сарай и гостят там, чтобы вернуться с раскосыми женами, в церквах молятся за хана, смерды бросают своих господ и поступают в полки баскаков", — так писал Л.Н. Гумилев о наступившем периоде.

Помимо денежной дани владими́ро-суздальским, а затем и московским князьям постоянно приходилось платить за милость ханов кровью своих воинов. Вот далеко не полный перечень монгольских походов, в которых их войска принимали участие:

1269—1271 гг. — владими́ро-суздальские дружины участвовали в походе хана Менгу-Тимура на Византию;

1275 г. — суздальцы привлекались к походу монгольских войск на Литву;

1270—1278 гг. — владими́ро-суздальские войска в составе ордынских армий осуществили завоевательный поход на Кавказ;

1281—1290 гг. — суздальские дружины в составе монгольских войск участвовали в завоевательных походах в Венгрию, Польшу, Иран. Все походы были неудачными и сопровождались большими потерями. В российской литературе и истории о них говорится очень мало и вскользь;

1319—1320 гг. — хан Узбек во главе монгольских войск, с привлечением суздальских и московских дружин, совершил поход на Арран — владение Хулагуидов на территории современного Азербайджана;

1335—1336 гг. — хан Узбек повторно совершил поход на Арран, к которому вновь привлекал войска Московского князя и т.д.

Из последующих правителей Московского государства наиболее известны великий князь Дмитрий Донской, великий князь Иван III и великий князь, а затем царь, Иван IV по прозванию Грозный. Жизнь и деятельность этих исторических личностей более чем подробно описана как в исторической, так и художественной литературе.

Завершилась династия потомков Александра Невского смертью сына Ивана Грозного царя Федора Иоанновича в 1598 году. Вместе с Федором Иоанновичем умерла не только династия Московских князей, но и последняя из правящих ветвей великой династии Рюриковичей, поскольку все остальные северо-восточные, ра-

нее самостоятельные, княжества к тому времени уже были поглощены Москвой. Вскоре после смерти царя Федора в огне Смутного времени погибло и первое Московское государство.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

По правилам составления жизнеописаний великих исторических личностей в заключительной главе со скромным названием "Послесловие" полагается высказать личное мнение автора о своих героях. Мы не будем этого делать, хотя бы уже потому, что написание подробных биографий короля Даниила и князя Александра не являлось основной целью этой книги. Да и малоперспективными представляются попытки превзойти безупречные по стилю изложения и исчерпывающие по содержанию характеристики, данные нашим героям мэтрами отечественной истории. Достаточно только вспомнить торжественно-возвышенную и по-старинному изысканную оценку жизни и деятельности Даниила Галицкого, данную Н.М. Карамзиным.

Отдавая со своей стороны дань уважения этим величайшим деятелям средневековой Руси, полагаем, вместе с тем, необходимым обратиться еще раз к теме, которая, собственно, и привела нас к сопоставлению судеб повелителей Галицко-Волынского и Владимиро-Суздальского княжеств — к теме их исторического и нравственного наследия.

Начиная свое повествование, мы отмечали, что в биографиях Даниила и Александра много чисто внешних, случайных совпадений. Внимательное рассмотрение жизненного пути каждого из наших героев позволяет с уверенностью говорить и о более серьезных, глубинных совпадениях в их судьбах. Начиная с 40-х годов XIII столетия, словно неведомая сила синхронизировала основные события в жизни короля Руси и Владимиро-Суздальского князя. Примерно в одно и то же время Данило и Александр одержали главные свои военные победы — 3 года разницы между Ледовым побоищем и битвой под Ярославом — срок, по историческим меркам, ничтожный. Одержав столь славные победы, оба героя с интервалом всего в один год склонили головы перед монгольским ханом и получили из его рук ярлыки на правление в собственных землях. Имея существенную разницу в возрасте, Данило и Александр одновременно подошли к таким этапам в своей деятельности,

которые принято называть вершиной жизненного пути человека. И, несмотря на ту же разницу в возрасте, практически в одно и то же время один за другим они покинули земной мир.

Но совершенно очевидно, что не только этими совпадениями в биографиях привлекают к себе внимание потомков эти два великих политика и воина. Наиболее важным в их жизнеописаниях является как раз то, в чем Данило и Александр, никогда не вступавшие в конфронтацию, оказались непримиримыми заочными оппонентами — их личный политический и нравственный выбор между Европой и Азией. Безусловно, они были далеко не единственными, перед кем монгольские завоеватели жестко и недвусмысленно поставили необходимость сделать подобный выбор. В XIII столетии через него проходили все более или менее значимые политические и религиозные деятели покоренной кочевниками Руси и многим из них пришлось за свои убеждения заплатить жизнью. Но решения иных исторических деятелей чаще всего оставались лишь их личным выбором, тогда как решения Данилы и Александра стали не только символами выбора юго-западных и северо-восточных княжеств Руси между европейской и азиатской цивилизациями, но и во многом предопределили совершенно различные исторические пути, которыми пойдут в дальнейшем украинский и русский народы.

Бесспорно, что Данило и Александр не были и не могли быть абсолютно свободны в решениях, от которых зависели не только их личные судьбы, но также будущее людей и княжеств, которыми они правили. И дело здесь не только в давлении, оказываемом монгольскими завоевателями, но и в том, что решения повелителей предопределялись мнением их окружения, а мнение правителей, в свою очередь, предопределяло выбор их подданных. Как мы знаем, выбор Данилы совпал с мнением его окружения и населения Галицко-Волынского княжества, король и его подданные вместе боролись с завоевателями. В то же время выбор Александра во многом противоречил мнению населения северо-восточных земель, но, несомненно, совпал с выбором окружения князя. В противном случае Александру просто не на кого было бы опереться при подавлении народных выступлений и, скорее всего, он бы пал от рук своих приближенных, как это случалось не раз в истории московских, а затем российских правящих династий.

Очевидно также, что выбор различных исторических судеб княжествами бывшей Руси не мог быть простой случайностью, что он

во многом предопределялся теми отличиями между юго-западными и северо-восточными землями Киевской державы, о которых мы подробно говорили в первом разделе книги. Возникшие в ходе колонизации Залесья и продолжавшие углубляться в течение XI—XII вв., в критический момент древнерусской истории — в момент установления господства монгольских завоевателей, эти отличия в общественной культуре и менталитете людей обусловили различную реакцию на происходящие процессы со стороны князей и населения разных княжеств, повлияли на характер принимаемых ими решений.

Повторяем, что все эти обстоятельства, конечно, оказывали самое непосредственное влияние на мировоззрение правителей и возможность принятия ими тех или иных решений. Но, в конце концов, последнее слово оставалось за повелителем, и от личного выбора Даниила и Александра зависели судьбы огромного количества их подданных. И тут мы вправе отметить еще одно немаловажное совпадение в судьбах наших героев, хотя в данном случае будет точнее сказать в их характерах, — **король Данило и князь Александр имели мужество сделать свой выбор в сверхсложной ситуации иноземного господства и отстаивать его до конца своих дней.**

* * *

В очерках о жизни Даниила Галицкого и Александра Невского мы уже отмечали, что у выбора, который должны были сделать под нажимом монголов все древнерусские князья, была привлекательная лично для них сторона. Этот момент имеет чрезвычайно важное обстоятельство, поэтому, не боясь повториться, предоставим слово Н.И. Костомарову, наиболее точно изложившему суть проблемы: "Подчинение хану, хотя, с одной стороны, унижало князей, но зато, с другой, укрепляло их власть. Хан отдавал Данилу, как и другим князьям, земли его в вотчину. Прежде Данило, как и прочие князья, называл свои земли отчинами, но это слово имело другое значение, чем впоследствии слово вотчина. Прежде оно означало не более как нравственное право князя править и княжить там, где княжили его прародители. Но это право зависело еще от разных условий: от воли бояр и народа, от удачи соперников, в которых не было недостатка, от иноплеменного соседства и от всяких случайностей. Князья должны были постоянно беречь и охранять себя собственными средствами. Теперь князь, поклонившись хану, передавал ему свое княжение в собственность как завоевателю, и

получал его обратно как наследственное владение; теперь он имел право на покровительство и защиту со стороны того, кто дал ему владение. Никто не мог отнять у него княжения, кроме того, от кого он получил его. Вечевое право, выражаемое волею ли бояр, волею ли всего народа, необходимо должно было смолкнуть, потому что князь мог всегда припутнуть непокорных татарами. Соседний князь не отваживался уже так смело, как прежде, выгонять другого князя, потому что последний мог искать защиты в сильной Орде. Князья становились государями. Это положение сразу поняли восточные князья и потому так легко примирились с новым порядком вещей. Но Данило слишком привык к прежнему строю жизни, чтобы примириться с новым положением. Он был гораздо ближе к европейским понятиям, чем восточные князья. Стыд рабского положения не мог для него ничем выкупаться".

Итак, выбор, который предлагали монголы прежним хозяевам Руси, сводился к следующему: рабство в обмен на положение государя; вместо зависимости от воли своего народа — зависимость от милости завоевателя. Оказавшись перед такой альтернативой, Данило Галицкий не мог принять и оправдать рабского положения ни для себя, ни для своих подданных. Выросший при дворе венгерского короля и считавший себя европейским государем, Данило предпочел остаться в рамках прежних принципов и подходов, остаться самим собой, отчетливо понимая, чем это грозит ему и его княжеству. Во внешних отношениях он продолжал ориентироваться на взаимовыгодную торговлю и культурный обмен с западными соседями: Венгрией, Литвой, Польшей, Тевтонским орденом, а также с Австрией, Болгарией, Византией, Священной Римской империей и Чехией, укрепляя связи с этими странами с помощью династических браков. Во внутренней политике Данило основывался на прежних принципах вассалитета; в вопросах веры был терпим и, не противопоставляя православие католицизму, считал возможной унию двух христианских церквей.

Русский историк Г.А. Артамонов, пытаясь как-то объяснить столь непонятную для российской публики терпимость в вопросах веры и стремление короля Руси на Запад, пишет: "В научной литературе при сравнении политических программ "возрождения отечества" Даниила Галицкого и Александра Невского обычно делаются выводы об их несовместимости, диаметральной противоположности: если Даниил делал ставку на союз с католическими государствами, то

Александр — на союз с Ордой. История подтверждает правильность выбора владимирского князя. Но если задаться вопросом, а была ли альтернатива у Даниила, то становится очевидным, что выбирать галицкому князю не приходилось: в отличие от земель Владимиро-Суздальской Руси, Галичина и Вольнь на всем протяжении юго-западной, западной и северо-западной границы находилась в окружении враждебных католических государств. Поэтому и отношение к Западу здесь было объективно иным, чем на северо-востоке. С другими внешнеполитическими реальностями приходилось считаться князьям юго-западных территорий".

Перенеся на Данилу типично российское восприятие католических государств как сугубо враждебных, и переквалифицировав рабскую зависимость от монголов в союз с ними, автор не заметил, как начал противоречить сам себе. Наличие "враждебных католических стран" как раз подразумевало обращение Галицко-Вольнского княжества за помощью и защитой к могучей и "союзной" монгольской империи. Однако, как мы знаем, король Данило даже не думал привлекать монголов для разрешения конфликтов с европейскими соседями. Как и князь Александр, король Данило неоднократно обнажал меч против западных государей, но война между европейцами оставалась европейской войной, и поражения в ней, которые Данило терпел не один раз, не требовали коренного изменения общественных порядков. Насколько среди русинов Галицко-Вольнского княжества была непопулярна сама идея использования татар против европейских соседей, красноречиво говорит тот факт, что когда сын короля Данилы, князь Лев, привлек к походу против Польши войска хана, то он осуждался своими родственниками за подобные действия.

Не прав Г.А. Артамонов и в том, что у Данилы не было альтернативы — в конце концов, подобно князю Александру он мог попробовать утопить в крови несогласных с его мнением, получив необходимые для этого войска у того же татарского темника Куремсы. Сколько бы он продержался после этого у власти — неизвестно, но согласитесь, что по отношению к королю Даниле подобный поступок не может рассматриваться даже в теоретическом плане. Объяснение стремления Данилы к сотрудничеству с европейцами было в ином: он не то что не мог прибегнуть к союзу с Ордой, а не считал это возможным делать, поскольку сам оставался европейцем и не видел будущего своего государства вне Европы.

Восточные же князья, а под ними в процитированном высказывании Н.И. Костомарова, безусловно, подразумевается и князь Александр, примирились с новым порядком вещей, обменяв его на положение государей, находившихся в рабской зависимости от монгольского царя. Согласиться с "новым порядком" восточным князьям было тем проще, что они уже давно испытывали склонность к авторитарным формам правления, и приход монголов только облегчил и ускорил процесс изменения общественных отношений в желаемом для князей направлении.

Вспомним, обязанности князя у славян, даже и после призвания варягов, сводились к формуле: "Праведный суд и милость для своих, гнев и гроза для врагов". По этому правилу и строились первоначальные отношения Александра с Новгородом — горожане призывали князя для защиты от врагов, но затем прогоняли, несмотря на одержанные им победы. Почему? Только ли из неблагодарности?

Как мы знаем, Александр, пользуясь популярностью победителя, пытался увеличить свою дружину, то есть усилить свою личную власть. Это разрушало, говоря современным языком, равновесие разных ветвей власти. Поэтому орган местного самоуправления (Новгородское вече), прогоняя Александра, просто менял превысившую свои полномочия исполнительную власть. Стремление усилить свои полномочия можно отметить и у многих иных князей Руси, которых не устраивало их положение, но не имели они достаточных сил для изменения существующих порядков. Так и славный победитель на Неве и Чудском озере даже не пытался вернуть себе силой оружия власть в Великом Новгороде, пересаживал свою "отставку" в Переяславле-Залесском.

Однако пребывание в Монголии показало князю Александру, что у новых повелителей отношения строятся совсем по-иному, что, требуя от него рабской покорности, монголы взамен дают неограниченную никаким Новгородским вече власть над его соплеменниками. Поэтому современник короля Даниила князь Александр Невский предпочел выбрать Азию.

На первых парах ориентация на сотрудничество с монголами разделялась, видимо, только самим Александром Невским и его ближним окружением. Даже родным братьям князя и населению собственного Владимиро-Суздальского княжества, а уж тем более, соседним княжествам и землям этот "новый выбор" пришлось "преподавать" силой оружия, как своего, так и монгольского.

В вопросах веры Александр Невский также придерживался иной точки зрения, чем король Данило. Считая православную церковь единственно возможной для своих подданных, невский герой полагал совершенно невозможной унию Восточной и Западной церквей и запрещал не только проповедование католицизма, но даже диспуты с католическими священниками. Делая ставку на союз с Востоком, князь Александр, по мнению современных российских авторов, "...был сторонником самобытного национального развития без участия Запада и Рима. Такая позиция оказалась судьбоносной для последующего развития Владимиро-Суздальского и Московского княжеств и всей последующей русской цивилизации". Думаем, что с этой точкой зрения можно полностью согласиться.

* * *

Итак, решение согласиться с рабским положением, называемым в науке системой подданства, или остаться в рамках прежних общественных порядков в итоге оказалось выбором между Азией и Европой. Украинский автор Н. Полонская-Василенко в этой связи отмечает, что время Данилы важно тем, что на протяжении 20-ти лет выразительно наметилась разница между идеологией и ориентацией Галицко-Волынского и Владимиро-Суздальского княжеств: тогда как Данило для укрепления своего государства и освобождения его от татарского господства искал связей с Европой, Александр ориентировался на восток, признал безоговорочно власть татар.

Но признать "безоговорочно власть татар" — это только одна, лежащая на поверхности, грань выбора Владимиро-Суздальского князя. Эта грань диктовала необходимость терпеть унижения, выполнять неприемлемые для христианина обычаи и обряды, рисковать жизнью в ставке хана и проливать кровь своих единоверцев. Все это закончилось по историческим меркам сравнительно быстро: через триста лет вместе с освобождением Московского государства от монгольского ига. Отдельные отголоски монгольского унижения проявлялись в еще том, что великий князь Московский Василий III, по обычаю, стоя выслушивал ханских посланцев, хотя к тому времени это был уже не золотоордынский, а крымский хан.

Другой, значительно более важный, аспект выбора князя Александра действовал на протяжении очень длинного исторического периода и был основным в деятельности его потомков — правителей Московского государства, а затем России. Принесенная мон-

голами система подданства требовала активной поддержки для ее введения, и Александр, безжалостно подавляя народные выступления против завоевателей, внедрял этот новый принцип управления, не считаясь с жертвами соплеменников. Действуя от имени верховной — царской, пока еще монгольской власти, он разрушал установившиеся веками отношения между князем и народом. На этом, расчищенном от прежних порядков, поле система подданства была заботливо укоренена князьями Московской династии и стала впоследствии одним из столпов царской России под более понятным названием — самодержавие. Этому явлению русской государственной и общественной жизни Россия в полной мере обязана воздействию азиатской цивилизации в лице Золотой Орды.

Сейчас уже трудно определить, то ли такая форма правления более всего соответствовала менталитету русского народа, то ли насаждаемое царями самодержавие сформировало соответствующий ему народный характер, но принцип единоличного правления оказался удивительно живуч на российской почве. Со времен князя Александра сменилось уже несколько разновидностей русского государства и десятки его повелителей, а метод управления остается неизменным, колеблясь в диапазоне от прямой диктатуры до прикрытой демократическими формальностями авторитарности.

В истоках русского самодержавия надо искать и ответ на вопрос, почему действия князя Александра, не щадившего жизни христиан, нашли полную поддержку и понимание у православной церкви. Русская православная церковь — осколок и слепок с Византийского православия, где церковь создавалась императором и всегда была при императоре. Как же, наверное, было трудно привыкнуть греческим митрополитам к совершенно варварским порядкам на Руси, где каждый князь — сам себе господин. Пока крепка была власть Киевского князя, еще сохранялась видимость существования порядка, близкого к византийскому. Но когда князья стали рвать друг у друга Киев, как могла церковь определить, кто истинный господин, кому служить? В отличие от Римской церкви, где верховной властью был Папа, в Византийском православии высшей властью был император, а его-то как раз на Руси и не было. Именно поэтому церковь, почувствовав направленность действий Александра, его стремление установить в конечном счете единоличную (царскую!) власть, решительно его поддержала. Поэтому Александр и был канонизирован русской православной церковью.

вью, а отнюдь не за "блестящие" победы, якобы положившие предел распространению католицизма. Как свидетельствуют факты, остановить распространение влияния Римской церкви этими победами не удалось, а предел экспансии крестоносцев на восток был положен совсем иными людьми и в другое время.

Триста лет восточные и северные земли прекратившей свое существование Руси были частью монгольского государства Золотая Орда, а их развитие шло в рамках этой восточной деспотии под сильным воздействием азиатской культуры. Ориентир князя Александра на Восток и нетерпимость в религиозном отношении обернется затем для Московского государства полной изоляцией от европейских государств и потребуются нечеловеческая энергия Петра I, который "Россию вздернув на дыбы", сумел хотя бы развернуть ее лицом к Европе. Однако последствия выбора, сделанного Александром Невским, стали уже необратимыми — ни Московское государство, ни царская, ни советская, ни современная Россия никогда не считали себя частью Европы. Периодически вспыхивающие в российском обществе под воздействием сторонников западного пути развития дискуссии о том: "Кто мы — Европа или Азия?", уже самим фактом своего существования доказывают, что Россия — не европейская страна.

* * *

Завершая наше исследование о политическом и нравственном наследии короля Даниила и князя Александра, о влиянии этого наследия на исторические судьбы украинского и русского народов, вернемся к вопросу о том, как оценивается в литературе выбор наших героев.

Если говорить о российской исторической науке, то в случае с Даниилом и Александром она разрешила для себя эту проблему давно и окончательно. Поскольку почти через триста лет после правления Александра Московское государство сумело освободиться из-под татарского ига и стать самостоятельным государством — выбор князя признан абсолютно правильным. Не утомляя читателей долгим цитированием, сошлемся только на приведенное уже высказывание Г. А. Артамонова, в котором четко и недвусмысленно заявлено: "История подтверждает правильность выбора Владимирского князя".

Не оспаривая право Г. А. Артамонова и подобных ему авторов

высказываться от лица столь непостоянной дамы, как история, добавим, что, руководствуясь той же логикой, по которой выбор князя Александра признается российской наукой единственно верным, решения и действия Даниила Галицкого объявляются ошибочными. Главным же аргументом в пользу такого вывода выступает то обстоятельство, что Галицко-Волынская держава просуществовала после смерти короля Даниила всего 85 лет.

С арифметической точки зрения указанный срок действительно является небольшим, но в общественных отношениях одни и те же математические величины имеют порой совершенно разные значения. Что дали эти годы независимости Галицко-Волынского государства для становления украинского народа, мы уже кратко отметили в очерке о короле Даниле. А для того, чтобы каждый читатель на собственном опыте мог наглядно оценить, как много может происходить в жизни народов за очень короткие исторические сроки, предлагаем вспомнить те изменения, которые произошли с нашими судьбами всего за 15 лет, прошедших после обретения независимости современной Украиной.

Совершенно очевидно, что такие колоссальные по своим последствиям общественные явления как выбор исторического пути народа, никогда не бывают однозначными и не могут оцениваться только с одной стороны. Ближайшим следствием выбора центральных и западных княжеств Руси стало то что, отвергнув в лице Даниила Галицкого навязываемые монголами общественные отношения, они сумели, тем не менее, (а может быть, благодаря этому!) добиться несравненно более легких условий господства завоевателей. В отличие от северо-восточных княжеств они не знали ужаса нашествий Неврюевой, Дюдюевой и прочих татарских ратей, приведенных собственными князьями, и вышли из-под власти монголов на 100—150 лет раньше, чем Московское государство. Оказавшись в составе Великого княжества Литовского и Польского королевства, центральные и западные земли Руси продолжили свое политическое развитие в рамках прежнего, изначального для всех славян европейского выбора. Впереди были Магдебургское право для городов, возможность русинам обучаться в лучших европейских университетах, открытие собственного, первого на территории бывшей Руси университета — Киево-Могилянской академии, и многое другое. Впереди были и войны за обретение государственной независимости Украины.

Мы не считаем целесообразным углубляться в полемику о том, чей путь — короля Даниила или князя Александра — был предпочтительнее. С одной стороны соглашаться или отвергать выбор, сделанный тем или иным политиком в каком-то давно минувшем столетии — право каждого желающего это делать, а с другой стороны, занятие это несколько запоздалое: историю не изменишь, пути были выбраны и пройдены. Заметим только, что нам представляется излишним приписывать историческим личностям какую-то особую проницательность в отношении будущих исторических периодов, и полагаем, что король Данило и князь Александр не могли составлять исключения из этого правила. Оба они прожили необычайно трудные, насыщенные сложнейшими испытаниями жизни, оба мужественно приняли на свои плечи величайшую ответственность за судьбы своих государств. Несоизмеримая с силами отдельных древнерусских княжеств мощь Монгольской империи угрожала в равной степени и полным уничтожением Галицко-Волынского княжества и порабощением Владимиро-Суздальского княжества на вечные времена с бесследным растворением его населения среди миллионов ее подданных. Это сейчас, с высоты пройденного нашими предками пути, мы знаем, что покорность воле завоевателей позволила далеким потомкам Александра создать самостоятельное государство, а Галицко-Волынское княжество потеряло независимость и стало составной частью Польского королевства и Великого княжества Литовского. Но ни король Данило, ни князь Александр не могли знать наверняка, чем обернется в дальнейшем для их народов сделанный ими выбор. При своей жизни наши герои могли наблюдать только первые последствия этого выбора — более жестокие формы господства монголов в северо-восточных княжествах и неизбежность длительного, если не вечного, их нахождения под властью азиатских владык.

Бесспорным является то, что северо-восточные княжества длительное время были частью Золотой Орды, а юго-западные — Великого княжества Литовского и Польского королевства, то есть входили в состав государств, имевших не только различное общественное устройство, но и принадлежавших к различным типам мировой цивилизации — азиатской и европейской. Пребывание в составе столь разных стран окончательно закрепило и усилило те отличительные черты в общественных отношениях, культуре, языке и менталитете населения различных частей распавшейся Руси, которые и донныне

являются характерными особенностями русского и украинского народов. В свое время еще М. Драгоманов подчеркивал: "Наибольшая часть национальных отличий Украины от Московии объясняется тем, что Украина до XVIII в. была больше связана с Западной Европой, и хотя с задержкой (благодаря татарам), а все же шла вместе с Западной Европой в общественном и культурном процессе". В результате, когда через четыре столетия исторические пути русинов и жителей северо-востока вновь встретились, это были два разных народа, которые, как отмечает Л. Зализняк, "исторически принадлежали к разным типам цивилизации".

Начавшийся с Переяславской Рады в 1654 г. процесс постепенного вхождения украинских земель в состав Российской империи затянется на три столетия. И всякий раз, присоединя очередную часть "братских" земель, россияне будут сталкиваться с чуждыми для себя европейскими, а порой еще и славянскими, отличиями в культуре, быте, образе мышления украинцев. Даже в результате целенаправленных усилий правительственных органов, эти отличия не удалось стереть ни до момента гибели царской России, ни до распада Советского Союза. Удивительного здесь ничего нет — начиная с праславянских и славянских времен до середины XVII столетия, предки нынешних украинцев не только в географическом, но и в политическом плане являлись неотъемлемой частью Европы. К тому же, волей истории, значительная часть украинцев пробывала в составе России менее пятидесяти лет. Поэтому, на всем протяжении своей истории, Украина на генетическом уровне осознавала принадлежность к семье европейских народов и была внутренне ориентирована на Европу. Выбор украинцев остается неизменным уже более тысячи лет, и на этом длинном историческом пути король Данило Галицкий остается для Украины образцом государственного деятеля, умевшего не только точно выразить, но и защитить выбор своего народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Алексеева Т. И.* Этногенез восточных славян по данным антропологии // Сов. этн. — 1971. — № 2.
2. *Андреев А., Шумов С.* «С мечом в руке и жаждой наживы в сердце». Тевтонский орден. Крах крестового похода на Русь. — М.: Изд-во Алгоритм, Изд-во Эксмо, 2005.
3. *Афанасьева Е.* Государство или революция? — М.: Европа, 2005.
4. *Біленька-Свистович Л., Рибак Н.* Церковнослов'янська мова: Підруч. зі словником для духов. навч. зак. — К.: Криниця, 2000.
5. *Бойко О. Д.* Історія України: Навчальний посібник для студентів вищих навчальних закладів. Вид. 3, випр., доп. — К.: Академвидав, 2005.
6. *Боргардт А.* Аналітична історія України (від початку її існування). Частина 1. — Донецьк: Вид-тво Донецького фіз.-техн. Інституту ім. О.О. Галкіна НАН України, 2001.
7. *Борщак І.* Мазепа. Людина і історичний діяч // Записки наук. тов-тва ім. Шевченка. Т.152, Львів, 1933.
8. *Бегунов Ю.К.* Александр Невский: Жизнь и деятельность святого и благоверного князя. — М.: Мол. гвардия, 2003.
9. *Бушков А.* Россия, которой не было. Загадки, версии, гипотезы. — М.: ОЛМА-Пресс, 2005.
10. *Бушков А. А., Буровский А. М.* Россия, которой не было — 2. Русская Атлантида: Историческое расследование. — Красноярск: Бонус; М.: ОЛМА-Пресс, 2000.
11. *Валеров А. В.* Новгород и Псков: Очерки политической истории Северо-Западной Руси XI-XIV веков. — СПб., 2004.
12. *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето благодати 1253. — СПб., 1911.
13. *Всемирная история: Крестовые походы. У истоков Ренессанса.* — Мн.: Харвест; М.: АСТ, 1999.
14. *Всемирная история: В 24 т. / А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др.* — Мн.: Современный литератор, 2000.
15. *Войтович Л.В.* Генеалогия династий Рюриковичей и Гедиминовичей. — К., 1992.
16. *Волков В. А.* Солнце земли Суздальской. Православный образовательный портал «Слово» <http://www.portal-slovo.ru/>
17. *Геллер М.* История Русской империи: В 3 т. — М.: МИК, 1997.
18. *Гладышевский М.* Национальные названия первых украинских по-

- селенцев в Канаде // Западно-Канадский сборник. — Эдмонтон, 1973.
19. Грушевський М. С. Історія України-Руси: В 11 т., 12 кн. / ред. кол.: П.С. Сохань (голова) та ін. — К. : Наук. думка, 1992, Т. 3 — 1993.
 20. Грушевский М. Иллюстрированная история Украины. — К.: МП Левада, 1995.
 21. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства / Лев Гумилев. — М.: АСТ, 2005.
 22. Гумилев Л.Н. От Руси до России: Очерки этнической истории. — М.: Рольф, 2001.
 23. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2000.
 24. Джонс Гвин. Викинги. Потомки Одина и Тора / Пер. с ан. З.Ю.-Метлицкой. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2005.
 25. Данилевский И. Ледовое побоище — смена образа. Адрес страницы: <http://www.polit.ru/research/2005/04/15/roboitshe.html>
 26. Довженок В. О. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне. — М., 1978.
 27. Драгоманов М. Автобіографія // Вибрані твори. Т.1. — Прага, 1937.
 28. Древняя русская литература. Хрестоматия. Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. 2101 «Рус.яз. и лит.» / Сост. Н.И.Прокофьев. — М.: Просвещение, 1980.
 29. Думин С.В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское). История Отечества: люди, идеи, реалии. — М., 1991.
 30. Екатерина II. Записки касательно российской истории. — Спб., 1901. — т. 8.
 31. Животок А. Українське питання в поглядах російської суспільної думки // Бібліотека «Нашої культури». — Варшава-Прага, 1936.
 32. Залізник Л. Походження українського народу. — К., 1996.
 33. Залізник Л. Нариси стародавньої історії України. — К., 1994.
 34. Исаевич Я.Д. Королевство Галиции и Володимира и Королевство Руси. — ДГ., 1986.
 35. Исаевич Я.Д. Михаил Брайчевский и его концепция истории Украины // Украинский историк. — 1994. — № 1/4.
 36. Исаевич Я.Д. Проблема происхождения украинского народа: историографический и политический аспект // Украина: Культурное наследие, национальное сознание, государственность. — 1995.
 37. Історія Русів/Пер. І.Драча; вступ. ст. В.Шевчука. — К.: Рад.письменник, 1991.

38. История крестовых походов / Пер. с ан. Е. Дорман. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1998.
39. Кавелин К. Д. Мысли и заметки в русской истории // Собрание сочинений. — Спб., 1897. — Т. 1.
40. Карпини Иоанн де Плано. История Монгалов, именуемых нами татарами. — СПб., 1911.
41. Кедров К. Все под одним Богом ходим // Известия. — 1997. — 12 июня.
42. Карамзин Н.М. История Государства Российского. — М.: Изд-во Эксмо, 2005.
43. Книш Ю. Миллениум христианизации Украины и проблемы исторической терминологии // Украинский историк. — 1988. — № 1/4.
44. Ключевский В.О. Русская история. — М.: Изд-во Эксмо, 2005.
45. Ключевский В. О. Терминология русской истории // Сочинения: В 8 т. — М., 1959. — Т. 6.
46. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. В 3-х т. — М.: ОЛМА-Пресс, 2003.
47. Костомаров Н. И. Галерея портретов. Биографические очерки. — К., 1993.
48. Котляр Н.Ф. Древняя Русь и Киев в летописных преданиях и легендах. — К., 1986.
49. Котляр М. Данило Галицкий. Біографічний нарис. — К., Вид. дім Альтернативи, 2002.
50. Крип'якевич І. П. Галицько-Волинське князівство. — К., 1984.
51. Кримский А. Ю. Твори. В 5 т. — К., 1973.
52. Кульчицкий В., Тищик Б., Бойко І. Галицько-Волинська держава (1199—1349)/Монографія. — Львів, 2005.
53. Кучкин В.А. О дате рождения Александра Невского. // Вопросы истории. — № 2. — 1986.
54. Кучкин В.А. Александр Невский — государственный деятель и полководец средневековой Руси // Отечественная история. — 1996. — № 5.
55. Кузьмин А. Г. Мародеры на дорогах истории. /Православный образовательный портал «Слово» <http://www.portal-slovo.ru/>
56. Кузьмин А. Г. «Красота наша погыбе...» /Православный образовательный портал «Слово» <http://www.portal-slovo.ru/>
57. Кузьмин А. Г. Две концепции начала Руси в «Повести временных лет» // История СССР. — 1969. — № 6.
58. Лависс Э. Очерки по истории Пруссии. — М., 1915.

59. Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей. Т. 1). [3-е изд.]. — М., 1997.
60. *Лисяк-Рудницький І.* Исторические эссе: В 2 т. — К.: Основы, 1994. — Т. 1.
61. *Лукінюк М. В.* Обережно: міфі! Спроба системного підходу до висвітлення фальшувань історії України. — К.: Вид-тво ім. Олени Теліги, 2003.
62. *Лыткин В. И.* Финно-угорские заимствования в русском языке // Русская речь. — 1972. — №3.
63. *Матузова В. И., Назарова Е. А.* Крестоносцы и Русь: Конец XII в. — 1270 г. Тексты. Перевод. Комментарий. — М., 2002
64. *Мавродин В.В.* Происхождение русского народа. — Л., 1978.
65. *Максимович М.* Собр. соч. — К.: Тип. Фрица, 1876. — Т. 1.
66. *Миллер А.* Империя и нация в воображении русского национализма. Взгляд историка. / Лекция www.polit.ru. / 31.03.05 г.
67. *Мишко Г.* История крестовых походов. — М.: Алетейа, 1999.
68. *Наконечний Є.* Украдене ім'я: Чому русини стали українцями. — Львів.: ЛА«Піраміда», 2004.
69. *Назаренко А. В.* Об имени «Русь» в немецких источниках X-XI вв. // Вопросы языкознания. — 1980. — № 5.
70. *Нікітенко Н.М.* Собор святої Софії в Києві, — К.: Техніка, 2000.
71. Новгородская первая летопись старшего извода (Синодальный список) // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (Полное собрание русских летописей. — Т. 3). [2-е изд.] — М., 2000.
72. Об адаптации или русификации богослужебного языка. Сборник материалов для размышления. — Изд. Параклит, ИПЦ, 2002.
73. *Обнорский С. П., Бархударов С, Г.* Хрестоматия по истории русского языка. — М.: Учпедгиз, 1952.
74. Очерки истории СССР: Период феодализма. IX-XV вв.: В двух частях. — М., 1953.
75. *Пашуто В.Т.* Александр Невский. — М., 1975.
76. *Перевезенцев С. В.* Собиране русской святости. Православный образовательный портал «Слово» <http://www.portal-slovo.ru/>
77. *Полек В.* Коронація і корона Данила Галицького. Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2003.
78. *Полонська-Василенко Н.* Історія України. — К.: Либідь, 1992. — Т.1.
79. Псковская третья летопись (Строевский список) // Псковские ле-

- тописи (Полное собрание русских летописей. Т. 5. Вып. 2.). — М., 2000.
80. Пчелов Е.В. Рюриковичи. История династии. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
 81. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. — М., 1993.
 82. Русина О.В. Україна під татарами і Литвою. — К. Вид. дім Альтернативи, 1998.
 83. Сичинский В. Чужеземцы об Украине: Выбор из описаний путешествий по Украине и других писаний чужеземцев об Украине за десять столетий. — К., 1992.
 84. Слово о полку Игореве. — М., Художественная литература, 1986.
 85. Советская историческая энциклопедия. В 16 т. — М., 1963. — Т. 3.
 86. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 18-ти кн. — М.: Мысль, 1988.
 87. Соловьев С.М. Чтения и рассказы по истории России. — М., 1989.
 88. Стависький В.І. Київ і київське літописання в XIII столітті / Ін-т історії України НАН України. — К.: Вид. дім Києво-Могилянська акад., 2005.
 89. Ткаченко О. Б. Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. — К.: Научная мысль, 1979.
 90. Толочко А. Химера «Киевской Руси» // Родина. — 1999. — № 8.
 91. Тюрин В. В. Древний Новгород в русской литературе XX в.: Реальность и мифы // Прошлое Новгорода и новгородской земли: Материалы науч. конф. 11—13 ноября 1998. Новгород, 1998.
 92. Феннел Дж. Кризис средневековой Руси: 1200—1304. — М., 1989.
 93. Черчилль У.С. Рождение Британии / Пер. с ан. Н.С. Самуйлова. — Смоленск: Русич, 2005.
 94. Шабуньд Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого Княжества Литовского. — К., 1987
 95. Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. // Журнал Министерства народного просвещения. — 1899, апрель, СПб.
 96. Шевалье П.ер. Історія війни козаків проти Польщі. / Пер. з фр. — К.: Томіріс, 1993
 97. Яковенко Н. Нарис історії середньовічної та ранньомодерної України. — 2-ге вид., перероблене та розшир. — К.: Критика, 2005.

РЕЧКАЛОВ Александр Павлович

**КТО ТЫ, РУСЬ:
ПЕРВЫЕ ВРЕМЕНА И ПЕРВЫХ
КНЯЗЕЙ ВСПОМИНАЯ ...**

Издательство «Книга», 2006

Редактор *О. И. Полонская*
Художественное оформление *С. И. Лукьяненко*
Компьютерная верстка *В. Б. Генералов*

Подп. в печать 07.02.07 г. Формат 60х90/16. Бумага офсет.
Печать офсет. Усл. печ. лист. 18,5. Усл. краско-отгиск. 18,5
Учетн.-изд. лист. 17,0. Тираж 1000 экз. Зак. 7—048.

ООО «Издательство «КНИГА»
04119, Киев, ул. Дегтяревская, 38—44, оф. 503. Тел.: 481-0219, 465-9049.
Свидетельство о внесении в Государственный реестр Украины
субъекта издательской деятельности ДК № 1183 от 29.12.2002
«Феникс», Киев, ул. Шутова, 136

Речкалов А. П.

Кто ты, Русь: первые времена и первых князей вспоминая... —
К.: Книга, 2007. — 304 с.

ISBN 978-966-8314-31-5

Древняя Русь, Украина, Россия... Тесное переплетение этих понятий в сознании многих поколений наших соотечественников по сей день создает благоприятную почву для существования идеологического мифа о единой стране и едином народе, якобы вышедшем из недр средневековой Киевской державы. Излагая в общедоступной, доброжелательной манере обширные исторические сведения, автор возвращает читателей к таким простым и, казалось бы, очевидным истинам как происхождение и местонахождение Руси, язык и этнический состав ее населения и правящей династии; на примере судеб короля Руси Даниила Галицкого и великого Владимира-Суздальского князя Александра Невского предлагает совместно поразмышлять о причинах и истоках различных исторических путей украинского и русского народов.

Книга адресована всем, кто неравнодушен к историческому прошлому Украины.

Речкалов Александр Павлович родился в 1954 г. в России. После завершения образования в 1979 г. переехал на постоянное жительство в Украину. Последние годы живет в г. Киеве.

«В ходе работы я невольно обратил внимание на один аспект полемики между украинскими и российскими историками – ведется она по правилам диалога глухого со слепым, каждая сторона говорит о своём.

Интересы профессионалов в этой ненормальной ситуации меня волнуют меньше всего – при желании они всегда найдут способ понять друг друга. Меня тревожит то обстоятельство, что для читателей, искренне желающих разобраться в сложнейших вопросах нашего исторического прошлого, но не владеющих, к сожалению, украинским языком, возникает серьезная проблема с доступом к сведениям, публикуемым украинскими авторами. В своей работе я попытался хотя бы частично устранить этот недостаток.

Для меня было важно, чтобы люди, которые искренне верят в будущее независимой Украины, могли опереться в своей вере на факты, подтверждающие, что наш выбор не был случайным».

- Межа руських земель у першій половині XIII ст.
- Межі князівств
- Похід князя Ігоря проти половців 1185 р.
- + Місце загибелі Романа Мстиславича в 1205 р.
- Галицько-Волинське князівство і залежні території за правління Данила Романовича (1238 - 1264 рр.)
- 👑 Місце коронації Данила Галицького в 1253 р.
- Монгольська навала
- - - - - Похід руських князів 1223 р.

- 1236 - 1238 рр.
- Міста, котрі чинили найзагарбникам
- ⚔ Міста, зруйновані монгольськими загарбниками
- ◆ Міста, що витримали монгольську навалу
- Воєнні походи:**
- шведів
- данців
- Походи Олександра Невського
- 👤 1223 Місця і роки найважливіших битв

РУСЬКІ КНЯЗІВСТВА в XII - XIII ст.

Масштаб 1 : 12 500 000

